К восьмидесятилетию
со дня рождения
Олега Николаевича Трубачева
(1930–2002)

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ
ТРУБАЧЕВ

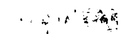
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА

ЭТИМОЛОГИЯ
2006–2008

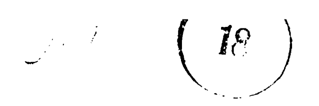
Ответственный редактор
доктор филологических наук
Ж.Ж. ВАРБОТ

МОСКВА
НАУКА
2010

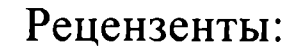

УДК 80/81
ББК 81
Э90

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 09-04-16228д*

Редакционная коллегия:
Ж.Ж. Варбот (ответственный редактор),
А.Ф. Журавлев, **Л.В. Куркина** (ответственный секретарь),
И.П. Петлева

Рецензенты:
октор филологических наук **Т.И. Вендина**
идат филологических наук **И.А. Корнилаева**

Этимология / отв. ред. Ж.Ж. Варбот ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М. : Наука, 1963 – .
2006–2008. – 2010. – 356 с. – ISBN 978-5-02-037366-2 (в пер.).

Очередной (30-й) том периодического научного сборника "Этимология", посвященный памяти инициатора этой серии академика О.Н. Трубачева, содержит 21 статью и 7 рецензий. Работы принадлежат отечественным и зарубежным специалистам в области этимологии и смежных дисциплин. Статьи представляют различные виды и аспекты этимологических исследований на материале славянских и других индоевропейских языков. Следует отметить статьи, подводящие итоги работы над этимологическими словарями отдельных славянских языков (белорусского и словенского). Ряд работ посвящен анализу методики исследований О.Н. Трубачева. Значительная часть статей ориентирована на конкретный этимологический анализ, с преимущественным вниманием к исследованию целых лексико-семантических групп. Традиционно большое внимание уделяется этимологии заимствований и топонимов. В рецензиях, составляющих критико-библиографический отдел, рассматриваются новые этимологические словари (или их очередные тома) русского, сербского и иранских языков, а также новые монографии и сборники по этимологической проблематике.

Для языковедов – специалистов по этимологии, лексикологии, а также этнографов, историков.

По сети "Академкнига"

ISBN 978-5-02-037366-2

СТАТЬИ

А.Ф. Журавлев

ИНТУИЦИЯ ЭТИМОЛОГА

В работах Олега Николаевича Трубачева часто встречается слово *поучительный*: "поучительная статья", "поучительное сравнение", "поучительная этимология"...

Многие его собственные работы, без сомнения, должны быть причислены к этой категории: их чтение оказывается весьма поучительным как в том, что касается сущности этимологических разысканий вообще, так и, в частности, относительно приемов, с помощью которых эти поиски осуществляются.

Но Трубачеву-этимологу было присуще качество, которому трудно, если вообще возможно, научиться.

Мы говорим о поразительной интуиции, которая позволяла его мысли с видимо меньшими, чем у других исследователей, усилиями преодолевать этимологические трудности, уметь сквозь толщу формальных преобразований, которые претерпело слово, позднейших затемняющих семантических наслоений и девиаций прямо устремляться к конечной цели поиска – к этимону, первичной мотивации того или иного словесного обозначения. Этот талант должен воспитывать в себе любой этимолог, но у О.Н. Трубачева он был выражен необыкновенно остро. Дар этот тем более заметен, что О.Н. Трубачев обладал несомненным эстетическим чувством, очевидным писательским мастерством, и многие его красивые в своей верности этимологические находки облечены в соответствующие отточенные текстуальные формы; сейчас сказали бы – эффектные. Даже если не все этимологические решения Трубачева оказались удачными и были приняты в дальнейшем движении науки (разумеется, это так), среди них нет этимологий "вымученных".

Научный аппарат современной этимологии весьма объемен и изощрен. Этимологические разыскания в области языков со ста-

рой традицией исследования, таких как индоевропейские, давно уже не могут удовлетвориться простыми корневыми сличениями и выявлением наглядных непосредственных словообразовательных связей, что характерно для начальных этапов сравнительно-исторического языкознания и что мы нередко наблюдаем в области этимологии языков экзотических, малоизученных, ставших объектом подобного изучения относительно недавно.

Спектр “измерений” слова, которые должны приниматься во внимание при установлении его этимологии, необходимо широк. Этимолог должен учитывать фонетику и морфонологию, словообразовательные отношения, полноту или ущербность морфологической парадигмы слова, место и связи слова в лексико-семантической парадигме, сочетаемостные свойства слова, фразеологию, сохраняющую отсветы старых, утраченных смыслов, возможность всякого рода аттракций, контаминаций и аналогического выравнивания, стилистическую отнесенность слова, его народную или книжную природу, его коннотативные характеристики, географию слова и проч. Он должен стремиться не только к нахождению корневых соответствий, но и к распознанию имеющих особую доказательную силу цельнолексемных корреспонденций в родственных языковых группах, к выявлению межъязыковых сочетаемостных и фразеологических перекличек. Хотя семантическая типология до сих пор не может считаться далеко продвинутой лингвистической дисциплиной, современная этимология должна опираться на изученные закономерности смысловых изменений и обосновывать свои заключения соображениями о вероятности данных адидеаций и семантическими параллелями (вновь как внутри-, так и межъязыковыми). Наконец, от этимолога нередко требуется культурная верификация предложенного историко-лингвистического решения, углубление в подробную – насколько это предписывает конкретный случай – “биографию” непосредственных, по возможности внятно очерченных элементов материальной и духовной культуры этноса, с языком которого имеет дело исследователь.

Когда читаешь статьи и книги О.Н. Трубачева, отчетливо понимаешь, что успешная этимологическая практика предполагает “многоканальность” мышления, и осознаешь, что он с чрезвычайной хозяйственностью распорядился своими исключительными природными данными и привил себе умение во время поисковой работы “включать” эти каналы одновременно. Это и обеспечивало высокое качество трубачевской научной продукции, большое число принадлежащих ему удачных этимологий.

Логика этимологического п о и с к а отлична от логики с т а т ь и на этимологическую тему.

Этимологическая находка – это результат п р о з р е н и я, интеллектуальной вспышки (конечно же, подготовленной некоторым предварительным знанием). Такая вспышка способна высветить не только корневую сопряженность данных двух лексических единиц или идею-мотив, лежащую в основе номинации, но и целую сеть связей и зависимостей в группе слов и значений, об историческом единстве которых до этого мгновения никто не подозревал. Статья же (научный жанр, понятно, определен условно) – это в е р б а л и з а ц и я результатов скрытой интуитивной работы, часто переворачивающая истинную логику или, если угодно, алогичность этимологического поиска – так сказать, с головы на ноги. Больше того, догадка о происхождении или первоначальной мотивации какого-либо слова часто посещает этимолога, когда он занят разысканиями и размышлениями, касающимися совсем другой лексической материи. К сожалению, обязательностью вербально выраженной научной аргументации в пишущейся статье эффект внезапности интуитивного прозрения почти всегда убивается.

Работа сознания этимолога, как, наверное, и любого ученого, далеко не всегда может быть предъявлена в полностью адекватном ей текстуальном оформлении. Словесный материал, подвергаемый этимологическому анализу и нуждающийся в одновременной оценке по самым разным измерениям, о которых сказано выше, часто бывает настолько сложен, что многое в деятельности интеллекта, что было актуализовано в момент этимологического озарения, остается под спудом, за рамками конечных текстуальных форм, в которые отливаются результаты исследования, и даже, в конце концов, вообще за пределами светлого поля сознания.

Чтение этимологической статьи неопытному читателю может внушить впечатление о том, что автор пришел к своему открытию путем методично обдуманного, с п л а н и р о в а н н о г о построения, последовательного сличения всех данных и отсеивания всевозможных помех и непригодных вариантов. Иногда это так, но как раз опытный читатель сочинений по этимологии и исторической лексикологии сразу видит преобладание анализа и отбора в самом поиске; работы этого рода и можно назвать “вымученными” (или “высиженными”). Однако запланировать этимологическое открытие нельзя: чаще этимология конкретного слова не проектируется, а “прозревается” во внезапном синтезе. И уже

только потом, оформляя находку текстуально, этимолог дописывает ("прописывает") необходимые, если он сочтет их необходимыми, логические звенья.

Но сочтет ли?

Особая роль интуиции в работе этимолога может обнаруживаться в дискурсных "аппаратных" недоработках (всегда ли это недостатки?) этимологической публикации, прежде всего – в явленной неполноте возможных аргументов. Неисчерпанность доказательств в тексте этимологического исследования может вызываться различными причинами. Например, тем, что данная этимология упоминается бегло в научной работе, жанр которой не предполагает очень развернутой аргументации (например, статья этимологического словаря, где косвенно толкающая к данному решению информация присутствует лишь в свернутом виде, скажем, в отсылках к другим словарным статьям или в форме наводящих библиографических указаний). Либо же тем, что этимолог в стремлении усилить эффект лаконичностью текста (поскольку многословие нередко бывает губительным), может быть, даже сознательно опускал те или иные допустимые доводы, рассчитывая на конгениальность читателя, на достаточную осведомленность коллег, имеющих дело с тем же языковым материалом. Для нас интереснее другие случаи: аргументация неполна либо потому, что исследователь не успел или не догадался навести полезные справки по имеющимся источникам, вовремя не вспомнил о них, либо потому, что он вообще не мог знать данных фактов, приведение которых удостоверило бы безошибочность его догадки. Однако тонкое языковое чутье может внушить исследователю уверенность в том, что в поиске этимона он находится на правильном пути, и позволить ему высказать этимологическую идею, не прибегая к исчерпывающему предъявлению возможных доводов в ее подтверждение.

Далее мы коснемся некоторых этимологий О.Н. Трубачева, пытаясь дополнить их возможными доказательными данными и параллелями, главным образом семантико-типологического и культурно-исторического плана, которыми он по той или иной причине не воспользовался, – в большинстве случаев, по-видимому, потому, что ими еще не располагал[1].

1. В качестве первого примера выберем этимологизацию О.Н. Трубачевым самого распространенного у восточных и западных славян народного названия нечистой силы – *чёрт*.

Свое этимологическое объяснение ареальное праслав. **čьrtъ* ‘нечистый дух’ находит в словообразовательном параллелизме лексем *черторой* ‘овраг’ (Даль[2] IV, 598; ср. праслав. **čьrtoryja*, отразившееся в восточнославянской и западнославянской топонимии) и др.-русского *кроторыя* ‘крот’ (СлРЯ XI–XVII вв. 8, 75), ср. далее диал. (томск.) *кроторо́йка* ‘общее название мелких грызунов, роющих норы в земле’ (СРНГ 15, 285): они удостоверяют этимологическое единство слов *черт* и *крот*[2] (текстуальное соединение слов со значениями ‘черт’ и ‘рыть’, ‘роет’ свидетельствуется и балтийскими языками, ср. лит. *Velniaĩ ráutų!*, эквивалентное нашему *Черт возьми!*: *vélnias* – ‘черт, бес’, *ráuti* – ‘рыть; вырывать, корчевать’, – что говорит о значительной древности этого представления). На генетическое родство слов **čьrtъ* ‘черт’ и **krъtъ* ‘крот’ указывает, кроме того, и литов. *kertùkas*, *kirtùkas* ‘землеройка’ (Fraenkel 223), которое весьма близко по структуре славянскому **čьrtьcь* (уменьшительное от **čьrtъ*, ср. укр. *черте́ць* ‘грызун Myoxus nitela’ (Гринченко IV, 459).

Название грызуна ‘Myoxus nitela’ имеет в западноукраинских диалектах пару с тем же корнем, но с иным суффиксом – *-ežь*: *че́ртіж* (Гринченко IV, 459; праславянскую реконструкцию см. в: ЭССЯ 4, 162). Нам кажется нужным сослаться в данном контексте на белорусский топоним *Чэ́рцеж,* село в Жлобинском районе[3], который, во-первых, утверждает исконность этого образования в белорусском (в отличие от напрасно приводимого в ЭССЯ белорус. *чарцёж* ‘чертёж’ – очевидного позднего русизма), а во-вторых, подкрепляет уловленную связь значений ‘черт’, ‘мышеобразный грызун – землеройка, крот и под.’ и ‘рыть, копать’ (по объяснению В.А. Жучкевича, топонимы с просматривающейся идеей “черчения” в их основе отражают примитивные формы земледелия, в частности, приемы раскорчевки заросших пространств; доономастическое значение собственного белорусского слова – вероятно, что-нибудь вроде ‘росчисть, роздерть’). Правомерность привлечения этого материала видна из того, что в статье **čьrtežь* в ЭССЯ в числе соответствий, главным образом, в значениях ‘отметка, грань’, ‘расчищенный для посева земельный участок’ и проч., даются словенские формы *čâtež* ‘дух, обитающий в горах’, *čátež* ‘мифическое существо – наполовину человек, наполовину козел’ – правдоподобные ответвления от значения ‘черт’, в культурно-историческом отношении тем более ценные, что демонологическая семантика в продолжениях праслав. **čьrt-* в южнославянских языках представлена чрезвычайно слабо.

Приведя балтийскую фразеологию, соединяющую слова со значениями ‘черт’ и ‘рыть’, О.Н. Трубачев не иллюстрировал эту связь подобными же славянскими сочетаниями. Скорее всего, ему их просто не удалось найти. Между тем, славянские примеры имеются (нам они известны по более поздним публикациям). В книге Е.Л. Березович “Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте” приводятся показательные для этой этимологии многочисленные контексты, в которых мотивируются севернорусские микротопонимы, образованные от слова *чёрт* или имеющие в своем составе прилагательное *чёртов*: “*черти* там *рыли*” (так объясняют топоним *Чёртов ручей*), “тут всё согры были, один согру прорыл на лодке проехать, а целое озеро промыло, глубокое – *черт прорыл*” (истолкование названия озера *Чёртик*, вариант *Черторой!*), “там всё *изрыто*, *черти рыли*” (о покосе *Чертовики*), “*Черт* прошел, дорогу *прорыл*”, “*черти... нарыли* всё” (о ручье *Чертовик*) и т.д.[4]

Любопытно, что сходную мотивировку получает и редкий микротопоним *Дьяволово* (название покоса): “место все *изрыто*, *в ямах*”[5]. Имея в виду книжную природу слова *дьявол*, можно предположить, что “землеобработочные” коннотации у микротопонима – след состоявшейся синонимизации мотивирующей его лексемы и слова *чёрт*, точнее, след неизбежного ассоциативного “заражения”.

Славянские и литовское названия крота и черта как мифологического персонажа хтонической природы могут быть возведены к и.-е. **kr̥to-* с реконструируемым значением ‘копатель’ — от и.-е. **(s)ker-* ‘долбить, резать’[6]. Таким образом, соединение существительного ‘крот’ (и ‘черт’!) и глагола ‘рыть, копать’ в предикативные конструкции (ср., например, синтагму *kde krtek reje* в чешском заговоре[7]) или их корней в сложное слово (*кроторыя*, *кротороина*, *кроторывина* и проч.), без сомнения, отражающее праславянские сочетания, в древности было в сущности плеонастическим.

Черт в славянской мифологии сравнительно поздно, под влиянием христианства, приобрел свойства дьявола, врага человеческого рода, а первоначально был, как определено О.Н. Трубачевым, “так себе земной дух, роющийся в земле вроде крота”[8]. Отсветом представлений о черте, не отягощенных поздними преобразованиями, можно объяснить сильный комический элемент в его фольклорном образе и довольно панибратское отношение к нему, например, пушкинского Балды или героя гоголевской “Ночи перед Рождеством”.

Можно лишь удивляться проницательности О.Н. Трубачева, который дал изложенное объяснение, еще не имея возможности подтвердить его хорошей смысловой параллелью – одним русским диалектным названием крота с прозрачной этимологией, отчасти повторившим (в "смягченном" локальном варианте) семантическую и фразеологическую судьбу слова **čьrtъ*. Мы имеем в виду слово *ры́тик* (СРНГ 35, 319), которое в тверских, ярославских, владимирских, симбирских говорах означает 'крот', а в брянском трубчевском говоре представляет собою пейоратив 'нехороший, злой человек' и употребляется в сравнительном обороте *злой как рытик*, ср. параллельное *злой как черт* (если, конечно, трубчев. *рытик* не является народноэтимологическим преобразованием слова *ерети́к*, некоторую вероятность чего, несмотря на акцентологические различия этих слов, все же нужно допустить[9]).

2. О.Н. Трубачев отверг этимологию слав. **nětъ(jь)* 'немой', которая настаивает на идеофонической природе слова и анлаутном *m-* (ср. лтш. *mēms* 'немой'), диссимилятивно преобразовавшемся в *n-*. Усматривая в корневом *ě* следы его дифтонгического происхождения, он предложил вернуться к скорректированной идее И.Ю. Микколы и найти в этом слове соединение негативирующего *ne-* с корнем глагола **jьmǫ*, **(j)ęti*; корневой дифтонг, таким образом, имеет здесь вторичный характер (см. ЭССЯ 25, 101–102; ранее – ЭССЯ 13, 86).

В качестве смысловой параллели, способной доказать такое решение, О.Н. Трубачев мобилизовал сев.-рус. *ку́им*, *куи́ма* 'глухонемой человек', 'косноязычный человек', 'заика', 'молчаливый человек', *куи́мый* 'немой', 'косноязычный', 'бестолковый' (в праславянской реконструкции **ku-jьmъ*) – с тем же глагольным корнем (далее – суффиксальные продолжения *куи́мный*, *куи́мка* 'глухонемая женщина', *куи́мко* 'глухонемой мужчина' – СРНГ 16, 29). Некоторые сомнения привлеченное слово может рождать из-за трудноопределимой семантики префикса **ku-* (как и его вариантов **ka-*, **ko-*). Слова, имеющие его в своем составе, обычно относятся к экспрессивной лексике, но нелегко указать пример, где он нес бы значение собственно отрицания. В лучшем случае формулируется некий семантический момент 'ущербности', ср. орл. *ку-но́гий* 'хромой' (которое вызвало появление в ЭССЯ статьи **kunogъ(jъ)*), если это не результат синкопы, ср. *куценогий*, укр. *кутерногий*.

При этих обстоятельствах для этимологии слова **nětъ(jь)*, которую реабилитировал О.Н. Трубачев, все же желательна под-

тверждающая параллель более прозрачного строения. Ее можно было обнаружить в рус. диал. (курган.) *нéималь* ‘человек, который всего боится, ни с кем не общается’ (СРНГ 21, 55), примечательном для данного случая тем, что образовано на базе того же глагола **jьmǫ*, **(j)ęti* (ср., с реализацией иных потенций актантной схемы исходного глагола, *нéйм*, *нейм(а)* и *нéималь*, *нéймаль* ‘домашнее животное, которое не дает хозяину себя поймать’ – СРНГ 21, 54–55). Мотивирующий смысл всех трех слов – *немой*, *куимый*, *неималь* – может быть трактован как ‘не обладающий, не владеющий (даром внятной речи)’ (ср. рус. диал. *владáть*, *володáть* ‘иметь силу, способность действовать (об органах, членах тела)’, *невладáние* ‘неспособность владеть членами тела’ и под.), либо, менее вероятно, ‘не воспринимающий’ (ср. сев.-рус. *имáть* ‘воспринимать слухом, слушать’: “А ты имай, что я говорю” – СРНГ 12, 189; в этом случае первоначальное значение *немой* – скорее ‘глухонемой’?).

3. Обратимся к следующему примеру – славянскому названию ‘омелы, Viscum’.

Из нескольких имеющихся этимологий этого слова, которые здесь, наверное, можно не перечислять, О.Н. Трубачев принял ту, согласно которой праслав. **emela* / **emelo* / **emelъ* ‘омела’ (оно продолжается, кроме прочего, в болг. *úмел*, словен. *imela*, чеш. диал. *jemela*, в.-луж. *jem(je)lina* и т. д.) образовано с помощью суффикса *-el-* от основы **em-* (глагол **jьmǫ*, **(j)ęti* ‘брать’ – рус. диал. *ять* ‘брать’, *имать* ‘ловить, хватать’, далее *по(н)-ять* / *понимать*, *при(н)-ять* / *при(н)-имать*, *вз-ять* / *вз-имать*).

Это название омела, возможно, получила потому, что из ее ягод или коры добывался клей, применявшийся в птичьей охоте (ср. др.-рус. *омела* ‘ловушка для птиц’). В качестве мотивационных параллелей могут быть привлечены иные славянские факты: с.-хорв. *лéпак* ‘клей; липкая бумага для мух; омела’, чеш. *lepík* ‘калина’ (из коры корней которой делали птичий клей), редкое славянское название одной из разновидностей рябины **berka* (словен. *bréka*, рус. диал. *берёка* и др.) – от глагола **berǫ*, **bьrati* ‘брать’, и латинское научное название рябины *Sorbus aucuparia*, буквально ‘рябина ловецкая (птицеловная)’ (*aucupare* ‘заниматься ловлей, птицеловством’)[10].

О.Н. Трубачев (ЭССЯ 6, 26) предложил, однако, другое первоначальное осмысление основы **em-*, имея в виду паразитарную сущность растения.

Есть дополнительные факты, которые говорят в подтверждение этимологического выбора, сделанного О.Н. Трубачевым, хотя бы и с некоторой переменой семантических акцентов. Продолжая возможные интерпретации корневой базы в духе трубачевских и принимая во внимание сексуальную символику омелы (в литературе об индоевропейских ритуалах срезание омелы с дуба трактовалось как символический обряд лишения мужской силы старого царя, совершаемый его преемником; широко известный рождественский обычай целоваться под омелой, – по-видимому, пережиток фаллических ритуалов[11]; по болгарским обычаям, если двое молодых людей окажутся под деревом с омелой, то им позволяется всякая вольность[12]; у айнов женщины ели омелу, чтобы забеременеть[13]), можно предположить, что ее название развивает именно эти моменты в значении глагола **jьmati*, ср. рус. *пояти* с его брачной семантикой и, например, словац. диал. *jímat'* 'спариваться (о домашней птице)' или вульгарное нынешнее рус. *иметь* (*он ее имел*) (ср. в том же значении *овладеть*, редкое и сейчас стилистически вычурное, если не коробящее, *взять*).

4. На основе церковнославянской формы **громы** θύματα, immolationes (Срезневский I, 597)[14] О.Н. Трубачев восстановил особое праслав. **gromъ* 'жертва', объяснив это имя как реликтовое страдательное нетематическое причастие настоящего времени (подобное **vedomъ*), производное от глагола с корнем **gr-* (и.-е. **g^{u}er-* 'пожирать, поглощать') и соотносительное со словом **žьrtva*, но с другой ступенью вокализма в корне[15].

Это притягательное решение позволяет сделать следующий шаг – истолковать одно (кажущееся поначалу абсолютно прозрачным, а на самом деле очень далекое от ясности) западнославянское слово, но тем самым увидеть в нем дополнительный аргумент в пользу упомянутой реконструкции.

Мы говорим о польск. *gromnica*, чеш. *hromnice*, *hromice*, из польского – укр. *грíмнúця*, *громнúця*, блр. *грамнiца*, *грóмнúца*, *грумнúцы* 'Сретенье, 2/15 февраля' и 'свеча, освящаемая в церкви 2 февраля; используется как апотропей от молний'[16]. Обычай освящения свечи в этот день – обряд римско-католической церкви, занесенный в Белоруссию униатами. Неясность названия праздника и праздничной свечи в том, что грозы в феврале – явление чрезвычайной редкости, а предусмотрительность по части будущих метеорологических напастей, запечатленная к тому же в слове, не выглядит убедительной, как и вся практическая филосо-

фия вроде паремий насчет необходимости готовить телегу зимой. Ритуальное и магическое применение громничных свечей, как календарное, так и окказиональное, очень многообразно и вовсе не ограничивается сферой метеорологии: эти свечи берут в поле во время первого выгона скота на весеннего Юрия / Егория – вместе с печеньем в виде креста, куриным яйцом, камнями, замком, безменом, ножом, топором и проч.; во время жатвы – вместе со свяченым на Пасху хлебом, просфорой; ими отгоняют ведьм от коров; их дают в руки умирающим; ими подпаливают волосы с четырех сторон, чтобы не болела голова и т.д. Зажигание громничных свечей во время грозы, чтобы уберечься от молнии, – частный случай предупредительной магии с их использованием, который более чем правдоподобно объяснить поствербальным генезом магического приема: его возникновение могло быть обусловлено уже существующим названием, перетолкованным в духе народной этимологии.

Выявленное О.Н. Трубачевым особое праслав. **gromъ* 'жертва', возможно, ставит все на свои места: *gromnica / громница, громничный* – просто 'жертвоприношение' (и, далее, название праздника), 'жертвенный' или, точнее, 'связанный с днем жертвоприношений'. По-видимому, затронутый здесь этнографический материал не был ему известен, иначе трудно понять, почему, предложив остроумную этимологическую находку, пусть не прорисованную до желаемых деталей (сам славянский глагол с корневой формой **gr-* не найден и, может быть, вообще не сохранился, будучи оттеснен более "конкурентоспособными" формами на **žьr-*), и упомянув в связи с ней – в статье "Заметки..." с уверенностью ("очевидное производное"), в ЭССЯ, десять лет спустя, с сомнениями ("возм., сюда же") – цслав. *громьница* 'гостиница?', он не обмолвился о напрашивающихся в данном случае западнославянских и украинско-белорусских названиях праздника и праздничной свечи.

5. Еще один пример этимологического соображения, которое выглядит доказанным, но может быть дополнительно верифицировано не упоминавшимися у О.Н. Трубачева фразеологическими данными. Речь идет о глаголе **kresati*.

Мысль об этимологической сопряженности слов *воскресать* (*воскресение*) и *кресать* 'добывать (огонь)' не нова. На ней настаивал, например, еще А.Н. Афанасьев в своем труде "Поэтические воззрения славян на природу". А вот позднейшие этимологи

(А.Г. Преображенский, М. Фасмер, П.Я. Черных и др.) в таком сближении сильно сомневались, вообще находя эти слова очень трудными (см.: Преображенский 1, 381–382; Фасмер II, 373; Черных I, 168–169).

О.Н. Трубачев возвратился к плодотворной мысли об их связи: "...семантика 'ударять, сечь, высекать' у глагола **kresati* не первична, а вторична, производна от устойчивого словосочетания **kresati ognь*, первоначально значившего 'создавать огонь' (что вполне отвечало древним воззрениям на живую природу огня; стирание древней семантики выразилось в переносе семантического акцента на технику добывания огня – 'добывать огонь ударом', чему лишь способствовало созвучие форм, а впоследствии – в ряде языков и диалектов – и значений глаголов **tesati*... и **česati*...). Древнее значение глагола **kresati* отразилось и в значениях раннего производного имени **krasa*, в котором этимологически исходной опять-таки оказывается не техническая семантика жара, огня и под., а семантика жизни, цвета жизни. На этом основании предлагается сближение **kresati* с лат. *creō*, *creāre* 'создавать, творить, вызывать к жизни', *crēscō* 'расти, увеличиваться'..." (ЭССЯ 12, 125). Тот же вектор семантического развития 'разжигать (огонь)' ← 'создавать, сотворять, производить' нужно отметить для литовского глагола *kùrti* и объяснять его с апелляцией к устойчивому сочетанию *ùgnį kùrti* дословно 'создавать огонь', аналогично нем. *Feuer anmachen*. Значение 'возрождение, возобновление, оживание солнца' передается словами русско-цслав. **крѣсъ** 'солнцеворот, солнцестояние', с.-хорв. *krȉjes* 'жаркие летние дни; ритуальный огонь, возжигаемый накануне Ивана Купалы', *крȅсови* (множ. число) 'летнее солнцестояние', словен. *krês* 'солнцеворот; купальский огонь'. В этом контексте внутренняя форма слова *воскресение* неоспоримо восстанавливается как 'воссоздание, возобновление, сотворение вновь'.

Впечатляюще сильное подтверждение идея О.Н. Трубачева обнаруживает в этнографических фактах, которые, вообще говоря, достаточно хорошо известны историкам народной культуры, но которых сам Олег Николаевич в качестве аргументов не использовал (возможно, не будучи знакомым с этой областью профессионально). О связи понятий 'огонь' и 'жизнь, жить, живой' (но, разумеется, опосредованной, как и показано О.Н. Трубачевым) наглядным образом говорят ритуальные термины (о которых толкуется в нескольких работах автора настоящих заметок) рус. *живой огонь*, зап.-укр. *живий огонь*, *жива ватра*[17], с.-хорв. *жива*

ватра, болг. *жив огън* и др.[18] (с южнославянскими наименованиями связано, возможно, отношениями калькирования, румын. *focul viu* – буквально ‘живой огонь’[19]), а также арханг. *разживлять огонь* ‘разжигать огонь’, ‘поддерживать слегка, расшевеливая или подкладывая топлива’ (Даль[2] IV, 30), далее – уже за пределами славянского фразеологикона, лат. *vivus ignis* ‘живой огонь, жар, горящие уголья’ (морфемно, этимологически совпадающее с русским выражением и с несомненностью говорящее об индоевропейской древности самого этого сочетания слов: и.-е. *g^{u}iu̯- ‘живой’ + *ugnis ‘огонь’).

Очень весомым доводом в пользу затронутых семантических связей нужно счесть параллелизм русских названий ритуального пламени: *живой огонь* и – *новый огонь* (то есть, если угодно, – ‘только что созданный’).

Интуиция О.Н. Трубачева и в этом случае сработала безупречно.

Не хочется оставлять эту тему, не упомянув о реминисценциях образа “живого огня” в современной поэзии. У Заболоцкого в стихотворении “Незрелость” есть выразительная строчка “*Огня* субстанция *жива*...”

6. Иной раз отсутствие в этимологических конструкциях О.Н. Трубачева тех или иных данных, которые могли бы оказаться яркой семантической параллелью как сильным аргументом в череде доказательств, воспринимается досадным упущением. Но именно такие находимые уже потом параллели и свидетельствуют о его обостренном этимологическом чутье.

В этой связи можно коснуться праславянского **drugъ(jь)*, отражающегося в поздних славянских языках прежде всего в существительном со значением ‘приятель’ и прилагательном со значением ‘второй’.

Восстановление индоевропейской праформы этого слова в общем не затруднительно: **dhrougho-* от глагольной основы **dhreugh-*, но в силу незначительного числа внеславянских соответствий (только в балтийских и германских языках), к тому же несомненно претерпевших серьезные семантические изменения, не так легко реконструировать значение исходного, как предположил О.Н. Трубачев, глагола на основе такого набора поздних смыслов в производных, как ‘второй’ – ‘чета, пара’ – ‘прошлый’ – ‘добрый знакомый, приятель; доброжелатель’ – ‘отряд, войско; идти походом’... Балтийские и славянские языки этого глагола не

сохранили, готское *driugan* представляет лишь "военное" значение 'собираться походом' (именно его некоторые лингвисты склонны – очевидно ошибочно – считать первичным[20]). Не прибегнув ни к каким внешним доводам и представив семантическую часть словарной статьи в ЭССЯ (5, 132), к сожалению, слишком stretto, а если говорить прямолинейно – явно скомкав ее, О.Н. Трубачев высказал предположение, что основой всего гнезда мог быть глагол со значением 'следовать' – единственным значением, которое в качестве исходного могло бы примирить все прочие.

Между тем такие внешние аргументы есть. Одно из значений славянского **drugъ(jь)* – 'второй'. В латинском это значение передается прилагательным *secundus* (ср.: Ernout – Meillet 1074; Walde[2] 701; Pokorny I, 896–897), которое является старой причастной формой от *sequor* 'следую (за кем / чем, кому / чему)'. Из смысла 'следующий' объяснимым образом возникло значение 'второй' (ср. *вторить* : *сопровождать*).

Кроме того, стоит обратить внимание на мощность положительных коннотативных потенций, заложенных в праславянском слове и сказавшихся в значениях производных – 'товарищ, близкий, добрый знакомый', 'супруг, домочадец; чета, семья', 'милый, любезный; возлюбленный', 'спутник, сторонник, приверженец', 'единение; соединяться на основе общих интересов и позиций', 'взаимная расположенность', 'помогать, пособлять', 'общительный', 'мирный' и даже (в ст.-польск. *drustwo*) 'подвиг, доблесть'...

Сильный положительный момент присутствует и в семантике лат. *secundus*: не только 'следующий, второй, другой', но и 'благоприятный, предвещающий счастье' (*omen secunde* у Горация), 'доброжелательный' (*verba secundi* у Овидия), 'одобрительный', 'счастливый, успешный, удачный', ср. фразеологию: *secundis dis* 'с помощью богов' (у Вергилия), *adi pede secundo* 'явись в добрый час' (у того же Вергилия), *res secundae* 'преуспеяние, счастье' (у Цицерона, Цезаря и др.). Носителю русского или любого иного славянского языка совмещение в семантическом спектре одного слова столь далеких значений на первый, не слишком внимательный, взгляд может показаться необычным и даже вычурным. Оно, однако, без особых затруднений объясняется производностью *secundus* от глагола *sequor* 'следовать', причастная семантика которого становится отправным моментом в развитии значения 'сопровождающий, попутный', откуда уже легко выводится дальнейшее значение 'благоприятный'.

Упомянутая латинская смысловая эволюция находит, кстати, аналогии и в русском языке, не только прямую (ср. замечательное "*Ветерок дружит нам*, попутный" – Даль[2] I, 496), но и, так сказать, зеркальную, с противоположным вектором: слова *встречный*, *встрешник* и проч. характеризуются негативной семантикой ('нечистая сила', 'враг, противник', 'болезнь' и т.д.), значение 'располагающийся напротив' или 'движущийся навстречу' у прилагательных *противный* и *супротивный* преобразуется в 'неприятный, отвратительный; дискомфортный' и 'враждебный' соответственно.

Что же касается специально значения 'друг, приятель, товарищ' у слав. **drugъ* (из 'сопровождающий, попутчик'), то и эта семантика представлена в гнезде лат. *sequor*; а именно – у слова *socius* (субстантивные значения – 'товарищ, спутник', 'сообщник, соучастник', 'союзник', 'компаньон', адъективные – 'общий, совместный', 'союзный, союзнический'). Сходство семантической организации слав. **drug-* и лат. *sequ-* заслуживает удивления.

Мы предполагаем, что О.Н. Трубачев, который неоднократно и плодотворно обращался к данным латинского языка в разыскании не только специальных славяно-италийских связей для доказательства среднедунайской прародины славян, но и смысловых аналогов для подтверждения того или иного этимологического решения, остро ощущал возможность и естественность такого семантического развития, но в данном случае почему-то к этим аналогиям не прибег. Будь эта параллель осознана О.Н. Трубачевым вовремя, он вряд ли отказался бы от ее приведения, испытывая, как нетрудно заметить, особое пристрастие к аргументации из области семантической типологии. Но тем нагляднее оказывается то качество фигуры Трубачева-ученого, которое мы называем этимологической интуицией.

Когда связь идей 'следовать, идти следом' и 'другой' уже установлена, случаи нахождения корней **slěd-* и **drug-* в позициях семантического уравнивания ("нейтрализации") воспринимаются чуть ли не как неизбежность. Таковы, например, отношения между общераспространенным русск. *послед* 'плацента, детское место' – и диалектным эвфемистическим *другó* 'детское место; послед' (СРНГ 8, 209, с цитатой из холмогорского словаря А. Грандилевского: "Деревенские повитухи всегда уводят роженицу в баню и там обтирают ее *другúм*, т.е. последом, для предохранения от родильных заболеваний"). Эти важные значение и пример в ЭССЯ, к сожалению, не востребованы. В пермских

говорах отмечена передача значения ‘послед’ субстантивированным порядковым числительным *второе* (Акчимский словарь 1, 157) – еще одна существенная семантическая параллель. Со славянским материалом перекликается и балтийский: лтш. *otrā puse* ‘послед, плацента’, непосредственно ‘вторая половина’.

Объяснение такому именованию плаценты находится в распространенных очень широко поверьях о том, что разные «части и органы тела, будучи физически отделены от человека, пребывают с ним в симпатической связи. К таковым, например, относят пуповину и плаценту (детское место). Связь эта считается столь тесной, что часто судьба человека на протяжении всей жизни связывается с их судьбой. Жизнь ребенка сложится благоприятно, если пуповина и плацента находятся в сохранности»; у некоторых народов существует вера, что “каждый человек рождается на свет с двойником, и этого двойника они отождествляют с последом”[21].

Весомым подтверждением правильности реконструированной мотивировки славянского прилагательного **drugъ(jь)* могут быть семантические параллели за пределами индоевропейской семьи. Например, в алтайских языках – передаваемость значений ‘следовать; следующий’, ‘второй’, ‘двойник’ и, кстати, ‘плацента’(!) словами единого происхождения. Г.И. Рамстедт, объясняя монг. *qojar* ‘два’ из ‘следующий, второй’ (ср. *qojina* ‘позади’), сравнивает его с тюрк. *eki* ‘два’, которое «представляет собой имя на *-i* от некоей глагольной основы **ek-* < **hek-* < **pek-* „следовать“...; с этой же основой должно было быть связано и монг. *ikis* “послед”»[22]. Эта точка зрения находит сочувственное понимание и у других алтаистов[23].

[Справедливости ради нужно отметить, что возможно не только направление смыслового развития от ‘следовать’ к ‘второй, другой’, но и противоположное – от ‘второй’ (порядковое значение, выводимое из количественного ‘два’) к ‘следование, сопровождение’ (кажется, именно так надо понимать семантическую филиацию у др.-инд. *dvitī́ya*: ‘второй’, ‘во-вторых’ – ‘товарищ, друг’, ‘спутник’, ‘соперник’, ‘неприятель, враг’, ‘сопровождаемый (кем-либо)’, ‘снабженный (чем-либо)’.]

7. Еще один пример, где фигурирует италийская (латинская) лексика.

В отзыве о монографии нижегородского археолога В.А. Сафронова[24], возражая автору, который пытался обнаружить в архео-

логической культуре Винча, относящейся к середине V – середине IV тысячелетия до нашей эры, не только общественные дома, но и храмовые постройки, О.Н. Трубачев отмечал, что термина со значением 'храм, постройка для отправления культа' в индоевропейском еще нет[25].

Приведем давнее обосновывающее мнение Отто Шрадера (1911): "Жрецов… т.е. людей, профессионально отправлявших функции общения с божеством, тогда [в "доисторическую" индоевропейскую эпоху. – *А.Ж.*] еще не было"[26]. Об оформленной группе жрецов говорится лишь применительно к отдельным архаичным социальным системам – древнехеттской, древнеиндийской, древнеиранской, отраженной в мифологии ранне-древнегреческой и другим, с выразительным разнообразием терминов для 'жрецов' (хетт. *šankunni-*; др.-инд. *brahmán-*, обычно сопоставляемое с лат. *flamen*; авест. *aθravan-*, *zaotar-*; греч. ἱερεῖς; лат. *pontifex*; кельт. *drúi…*), то есть, к тому времени, когда распад праиндоевропейского целого (относительного целого, подчеркнул бы Трубачев) уже окончательно состоялся (см.: Гамкрелидзе – Иванов ИЕ, 787–788). Формирование социальных групп свободных людей – жрецов, воинов, земледельцев – Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов предположительно относят к "довольно поздней стадии социального развития", "к периоду распада индоевропейской общности", в связи с чем допускают объяснение отсутствия (следует понимать: ненаходимости) общего родового термина для 'жрецов' его табуированием и заменой описательными наименованиями в исторически свидетельствуемых отдельных индоевропейских традициях (см. там же, 789). Более вероятным кажется отсутствие общего термина вообще.

"Не было, – продолжает О. Шрадер, – и сооруженных руками людей храмов"[27].

Для эпохи более чем шеститысячелетней давности (культура Винчи и др.) скорее нужно было говорить о ритуально размеченном пространстве как весьма далеком предвосхищении будущих храмов-построек. Довольно определенно звучит начало статьи "Templum" в Reallexikon'е Фридриха Любкера, имеющее в виду гораздо более поздние, предантичные и ранне-античные времена: "**Храм**, называется всякое отрезанное, т. е. отделенное и очерченное место (одного корня с τέμνω ['резать; приготовлять'], τέμενος ['священная, храмовая земля'])… отделенное от остальной непосвященной [богу] земли…"[28].

В подтверждение идеи об отсутствии в индоевропейской древности храмов-сооружений (зданий) О.Н. Трубачев приводит лингвистический аргумент – соображение о том, что лат. *templum* ‘храм’ этимологически близко к литов. *tinklas* ‘сеть’ (собственно ‘натянутое’)[29] (ранее О.Н. Трубачев, ссылаясь на М. Майрхофера (см.: Mayrhofer I, 476), литов. *tinklas* считал входящим в исключительную балтийско-индо-иранскую изоглоссу (др.-инд. *tántram* ‘ткацкий станок; основа ткани’)[30]. Приведенное италийско-балтийское (латинско-литовское) сближение Трубачев аттестовал как “предлагаемое нами” (то есть самим О.Н.), однако из соображений пунктуальности заметим, что он говорит об отождествлении словообразовательных конструкций в духе поиска доказательных цельнолексемных совпадений, тогда как соответствие по корню, естественно, было известно до этого: латинское слово, по Ю. Покорному, продолжает основу **temp-* ‘тянуть, растягивать, натягивать’, которая является “Erweiterung von **ten-* ds”, куда отнесена литовская лексема, а также ст.-прус. *sasin-tinclo* ‘ловушка на зайца, силки’ и лтш. *tineklis* ‘нечто свитое, намотанное’ (см.: Pokorny I, 1064–1066).

Мысль О.Н. Трубачева, высказанную чересчур бегло (что, впрочем, оправдывается жанром работы, в которой она прозвучала), следовало бы, кажется, усилить как ссылками на сохранение в более поздних традициях следов ритуальной разметки пространства, выбираемого для святилища, с особой ролью геометрических процедур в космизации природного хаоса, так и нахождением других лингвистических свидетельств. Первое, например, нетрудно увидеть в свойственных буддийской культуре приемах сакрализации пространства при учреждении святилищ: «...чувство причастности к космогонии сопровождает строительство мандалы в тантризме. Само слово означает “круг”, у народов Тибета оно значит Центр или “то, что окружает”. Мандала – это ряд окружностей, концентрических либо нет, умещенных в квадрате. Вся фигура в ы ч е р ч и в а е т с я на земле с помощью ц в е т н о й н и т и или цветного порошка, а внутри нее располагаются изображения различных тантристских божеств. Мандала – одновременно imago mundi и символический пантеон»[31]. Во-вторых же, в языковом, семантико-типологическом плане, ср. старое сопоставление лат. *struō* и т.д. (родственного слав. **strojiti*) и слав. **struna* ‘струна; натянутая нить, тетива’ (см.: Фасмер III, 784), связи которых напоминают семантические отношения между латинским (‘храм’) и литовским (‘сеть’) словами.

Дальнейшие ассоциации (с достаточной детальностью развиваемые, например, Мирчей Элиаде: Храм как модель Мира – Мир, Космо̜с как “Сеть” и т.д.[32]) здесь можно и не затрагивать.

8. Глаголы, служащие в ЭССЯ основой для реконструкции заголовочной формы статьи **badati* (*sę*) (ЭССЯ 1, 122–123), с корреспондирующих между собой формальной и семантической сторон разбиваются на две группы: ‘бодать’, ‘колоть’ главным образом с *-o-* в современном корне – и ‘испытывать, исследовать’ с корневым гласным *-a-* (в чешском, словацком, нижнелужицком, польском, древнерусском, украинском). О.Н. Трубачев отклоняет особую этимологию для второй группы, которая усматривает возникновение глагола из ложной декомпозиции **o-badati* < **ob-adati* (ср. ст.-чеш. *jadati* ‘испытывать, исследовать’ – к и.-е. **ōd-* / **od-* ‘запах’, ‘нюхать’ с отражениями в греческом, латинском, албанском, армянском, балтийских). Ряд, по Трубачеву, един, применительно к праславянскому состоянию предпочтительно здесь восстанавливать корневой вокализм *-a-*, обычный для дуративно-итеративных форм на *-ati*, а варианты с *-o-* объясняются поздним обобщением парадигмы с ориентацией на формы **bosti*, **bodǫ*.

Что же касается семантики, то значения ‘наблюдать, исследовать, испытывать, изучать; допытываться, доискиваться’, а также ‘стараться, силиться’ (болгарский, украинский) несложно объяснить как конечные в цепи значений ‘колоть’ → ‘бодать, тыкать(ся)’ → ‘толкаться, ковыряться’ (болгарский, также ‘медленно работать – обычно о шитье, вышивании’) → … [Любопытно семантическое ответвление в неучтенном ЭССЯ кашубском *bådac*: ‘bość’ (*Bik bådå*) → фигуральное ‘czytać’ (*Bådå jak ksǫʒ*) (Sychta I, 14. См. также: SEK I, 96–97)]. Внешних семантических параллелей, которые могли бы послужить подтверждением постулируемому этимологическому единству ряда, О.Н. Трубачев не дает, но его выкладки можно укрепить отсылкой к смысловым аналогиям, имеющимся, например, в германских языках: нем. *stechen* ‘колоть, тыкать’ – ‘испытывать, пробовать’ (*den Wein stechen* ‘дегустировать, брать вино на пробу’); англ. *stab* ‘удар острым орудием’ – ‘попытка’.

Продолжать заметки такого рода можно и далее, однако мы ограничимся этими скромными addenda. Чтение работ Олега Николаевича Трубачева вовсе не закончено. Наоборот: многое в них еще предстоит заново увидеть и осмыслить. Увидеть и осмыслить

впервые, несмотря, казалось бы, на то, что труды Трубачева давно стали научной классикой.

В 2004 г. выпущены в свет два объемных (суммарно почти полторы тысячи большеформатных страниц) тома "Трудов по этимологии", куда включены основные opera minora О.Н. Трубачева (общим числом 114; всего у него около шестисот оригинальных работ). Можно посетовать, что в это посмертное собрание вошло всего лишь несколько рецензий, а между тем в десятках сочинений этого жанра автором предложено немало глубоких наблюдений и серьезных идей. Переиздаются тексты его ранних монографий – о славянских терминах родства, о названиях домашних животных, о ремесленной терминологии, труды о гидронимах Верхнего Поднепровья (в соавторстве с В.Н. Топоровым) и Правобережной Украины. Все это дает возможность в более полной мере оценить творческую личность ученого, реализовавшуюся благодаря непрестанному труду и выдающемуся таланту, одной из составляющих которого была необыкновенная исследовательская интуиция[33].

Примечания

[1] Часть нижеследущих примеров использована в нашей книге «Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева „Поэтические воззрения славян на природу"» (М., 2005).

[2] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии. IV (словен. *škȓt*, с.-хорв. *pȑtiti*, слав. **strukъ* / **strǫkъ* // Этимология. 1975. М., 1977, 18.

[3] *Жучкевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974, 403.

[4] *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000, 240.

[5] Там же, 212.

[6] *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, 153–154; ЭССЯ 4, 165–166; 13, 58.

[7] *Вельмезова Е.В.* Чешские заговоры. Исследования и тексты. М., 2004, 151

[8] *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика, 153.

[9] Следует, однако, предусмотрительно оставить возможность, хотя бы и очень малую, для иных объяснений. Записанное в 1938 г., трубчевское слово *рытик*, по-видимому, самими информантами объяснено собирателю как "первоначально собственное имя разбойника, орудовавшего в окрестных лесах". Диалектная семантика глагола *рыть(ся)*, легшего, если довериться легенде, в основу прозвища, довольно широка (регистрируется, главным образом, в северно-русских диалектах, более двадцати значений) и позволяет делать разные предположения о мотивированности антропонима, которые так и останутся недоказуемыми; из регистраций, территориально близких брянской – трубчев-

ской, можно было бы привлечь, например, орл. (и костром.) *рыть* 'тревожить, беспокоить' ('бередить, затрагивать что-л. тревожащее, беспокоящее') или "осудительное" смол. *рыться*, *зарыться* 'зазнаться, зазнаваться' (*Ты роешься*, по записям В.Н. Добровольского; СРНГ 35, 321; 11, 14).

[10] См.: ЭССЯ 6, 26–27; 14, 214, 216; 1, 194; *Machek V.* Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, 222.

[11] См.: Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1980–1982. 2, 254.

[12] *Георгиева И.* Българска народна митология. София, 1983, 37.

[13] *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь. М., 1983, 616.

[14] В другом списке памятника – **трєбы**.

[15] *Трубачев О.Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология. 1970. М., 1972, 9; ЭССЯ 7, 139.

[16] *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. II, 12; *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897, § 1863; *Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. I. Всенародный месяцеслов. СПб., 1901, 74; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991, 57, 60, 88, 402; *Валенцова М.М.* Астрономия. Метеорология. Время: Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001, 363; *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002, 122; *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М., 2005, 70, 71. Этимологическое толкование (к **gromъ*, редкому ст.-польск. *gromny*) – в: Sławski 1, 349–350.

[17] См. в новейших записях: *Ястремська Т.* Акціональний і номінативний аспекти пастушого обряду на Гуцульщині // Діалектологічні студії. 2. Мова і культура. Львів, 2003, 69.

[18] *Журавлев А.Ф.* Из русской обрядовой лексики: "живой огонь" // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М., 1978; *Журавлев А.Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994, 125–139; *Шимански Т.* Из праславянската митологическа терминология в българския език: *жив огън* // Български език. 1983. № 5.

[19] *Салманович М.Я.* Румыны // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX–начало XX в. Весенние праздники. М., 1977, 309.

[20] В ее поддержку и возражая О.Н. Трубачеву пространно высказывался А.П. Непокупный (см.: Общая лексика германских и балто-славянских языков. Киев, 1989, 43–81).

[21] *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь..., 44, 45 (разрядка наша. – *А.Ж.*).

[22] *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, 65.

[23] *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, 253; *Старостин С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991, 33.

[24] *Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

[25] *Трубачев О.Н.* // *Сафронов В.А.* Указ. соч. (приложение), 396.

[26] *Шрадер О.* Индоевропейцы. СПб., 1913, 188.

[27] *Шрадер О.* Индоевропейцы, 189.

[28] *Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей. 3. М., 2001, 365 (разрядка наша. – *А.Ж.*). Этимологическая справка о связи лат. *templum* и греч. τέμνω (ср.: Walde[2] 769–770) устарела (см. статьи 1. **tem-* 'schneiden' и **temp-* 'dehnen, ziehen, spannen' в словаре Ю. Покорного).

[29] См. рецензию в упомянутой книге В.А. Сафронова, с. 396.

[30] *Трубачев О.Н.* Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и некоторых других древнейших диалектах // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963, 33.

[31] *Элиаде М.* Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999, 341 (разрядка наша. – *А.Ж.*).

[32] Подробно см. в гл. III "Бог-вязатель и символика узлов" собрания эссе М. Элиаде о магико-религиозной символике "Образы и символы" (*Элиаде М.* Избранные сочинения. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М., 2000, 186–208, особенно 201–202).

[33] Однако в связи с упомянутыми републикациями выскажем еще одно сожаление. Если изданные монографии были сопровождены лексическими указателями, которые сильно облегчают пользование этими трудами и имеют высокую эвристическую ценность, то посмертные тома статей такими индексами не снабжены. Сделать это, нам кажется, было необходимо (в качестве позитивного, достойного подражания и вполне современного по духу примера можно сослаться на два огромных посмертных тома статей Франце Безлая: *F. Bezlaj*. Zbrani jezikoslovni spisi I–II. Ljubljana, 2003, – с тщательным сопроводительным аппаратом, в котором только лексические указатели занимают 217 страниц большого формата). Наверное, стоило бы подумать над тем, чтобы отдельным изданием (брошюрой?) вышел Index verborum ко всем лингвистическим работам О.Н. Трубачева, а если получится, то и Index sensorum, хотя его подготовить, конечно, несравненно труднее.

Н.П. Антропов

НА ДОЛГОМ ПУТИ К *Я*
(к 30-летию начала публикации "Этимологического словаря белорусского языка")

Подзаголовочная юбилейная дата – достаточный повод для того, чтобы, оглянувшись назад, оценить сделанное, в том числе и предшественниками, отошедшими от словаря в разное время и в силу различных причин, – оценить, прежде всего, с целью анализа перспектив окончания проекта, начатого в лучшие для нашей науки времена, когда путь к последней букве алфавита представлялся менее сложным и поэтому более быстрым.

Необходимая и важнейшая часть лексикографического наследия отдельного языка, этимологический словарь далеко не всегда, увы, является окончательно завершенным, потому что в силу особой специфики жанра (не обычная вполне рутинная, собственно словарная разработка, а исследование происхождения и часто истории каждой лексемы с пространственно-временной репрезентацией составляющих ее морфем – и всякий раз в собственном кругу разноязычных коррелятов), представляет собой чрезвычайно трудоемкое и, в прямой связи с последним, многолетнее, но обычно растягивающееся на несколько десятилетий научное предприятие. Не будет преувеличением сказать, что очень часто работа над таким словарем – дело всей жизни этимолога, о чем в отношении славянской этимологии свидетельствуют, например, научные и жизненные судьбы многих ученых даже из первого ее ряда – Ф. Безлая, Э. Бернекера, В. Махека, М. Фасмера, Ц. Скока, Ф. Славского, О.Н. Трубачева и др. Более того, что бы каждый из них, кроме этого, ни сделал в лингвистике, какие бы монографии или статьи ни написал, имя каждого из них навсегда (а с течением времени, как правило, исключительно и только) связывается с этимологическим словарем[1], ср., например, давно вошедшее в современную русскую речь словосочетание "словарь Фасмера", адекватное, безусловно, "словарю Даля"[2].

В отношении "Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы" (далее ЭСБМ) это и так, и не так. Работа над ним началась в 1973 г.[3], через пять лет[4] вышел первый том, по поводу которого О.Н. Трубачев, читавший его в рукописи, писал незадолго до публикации: "Не такой большой по объему – 20 а. л., – том 1 (буквы

А и *Б*) в наших глазах представляет событие"[5]. За 15 следующих лет, в течение которых издание словаря из 10 томов[6] планировалось полностью окончить, т.е. до 1993 г. включительно, увидели свет 8 томов на буквы *А–П* (*Паяць*). После этого в связи с окончанием 20-летнего срока, отпущенного на ЭСБМ академическими планами работы, издание было остановлено.

В 2000 г. работа над словарем возобновилась – прежде всего, усилиями Г.А. Цыхуна, и к настоящему времени из печати вышли еще четыре тома (9 – 2004 г., 10 – 2005 г, 11 – 2006 г, 12[7] – 2008 г.), а 13-й, заканчивающий букву *С* и одновременно содержащий почти всю лексику на *Т*, сдан в издательство. Таким образом, "требование" длительного срока подготовки оказалось выдержанным, а вот "принадлежность" словаря одному или двум ученым, авторам и редакторам издания, вроде "словаря Мартынова–Цыхуна[8]" – нет. Последнее необходимо связать, видимо, с тем, что с самого начала разработки статей, составивших первые тома, имела место установка как раз на коллективный словарь, причем с очевидным авторским началом, которое, кроме всего прочего, должно было реализовываться не только в работе над отдельными буквами, что естественно и понятно, но даже над отдельными томами, если буква (или ее часть) входила в том целиком. Именно так все и было распределено, но, как это часто бывает, жизнь вносила свои коррективы, которые прежде всего касались изменений в составе первого авторского коллектива (тт. 1–8), а точнее – в его постепенном, но неуклонном сужении. Действительно, при общем количестве этимологов первого призыва в 9 человек, чьи статьи составили 1–4 тома (В.В. Мартынов, А.Е. Супрун, Г.А. Цыхун, Р.В. Кравчук, А.Е. Михневич, И.И. Лучиц-Федорец, Р.Н. Малько, В.Д. Лобко, Н.В. Ивашина), над следующими четырьмя томами работали уже четверо, а именно Мартынов, Лучиц-Федорец, Цыхун и Малько, причем Малько участвовала только в 8-м томе; Мартынову же принадлежит значительная часть 5-го и очень незначительная 8-го с начальным ударным *О* (всего 29 статей, из которых 6 – прямо, а 3 – опосредованно отсылочные). Основной массив работы по 5–8 томам выполнили, таким образом, Лучиц-Федорец (статьи во всех томах, причем буквы *Л* и *М* полностью) и Цыхун (значительные части 7-го и 8-го томов; буква *Н* полностью). Редактировал первые 8 томов В.В. Мартынов.

Небезынтересна, как представляется, сводка выходных данных по этим томам и состав их авторов: 1 т. (1978, *А–Б* (*А–Бячэйка*); 2771 словарная статья[9]: Мартынов, Супрун, Цыхун, Кравчук);

2 т. (1980, *В* (*Ва–Вяшчэль*); 2776 словарных статей: Михневич, Кравчук, Лучиц-Федорец, Малько, Цыхун, Лобко); 3 т. (1985, *Г–І* (*Га–Ішчэ*); 2592 словарные статьи: Кравчук, Мартынов, Супрун, Ивашина); 4 т. (1988, *К* (*К–Каята*); 1257 словарных статей: Лобко, Лучиц-Федорец, Мартынов, Кравчук); 5 т. (1989, *К–Л* (*Каяць–Ліпянка*; 3405 словарных статей: Мартынов, Лучиц-Федорец); 6 т. (1990, *Л–М* (*Ліра–Маячыць*); 2565 словарных статей: Лучиц-Федорец); 7 т. (1991, *М–Н* (*Мгла–Немарасць*); 2477 словарных статей: Лучиц-Федорец, Цыхун); 8 т. (1993, *Н–П* (*Немарач–Паяць*); 2329 словарных статей: Цыхун, Мартынов, Малько, Лучиц-Федорец).

Второй авторский коллектив начал работать со второй половины 2000 г., когда было распределено окончание материала на букву *П*; статьи на *П* начальное составили 9–10 тома (по первоначальному плану только девятый). К этимологам-"старожилам" Цыхуну, Лучицу-Федорцу и Малько присоединились М.Е. Абрагимович, В.Л. Авилова, Н.П. Антропов, Е.В. Волкова, И.В. Курьян (все перечисленные авторы участвовали в 9–12 томах), а также В.А. Кощенко и Н.С. Шакун, разработавшие первичные варианты статей на некоторые следующие буквы. Редактировал 9 и 10 тома Г.А. Цыхун; с 11-го тома он исполняет обязанности главного редактора, а автор этих строк – ответственного. Сводка выходных данных по этим томам и состав их авторов следующие: 9 т. (2004, *П* (*Пе–Праснак*); 2301 словарная статья: Лучиц-Федорец, Волкова, Курьян, Авилова, Малько, Цыхун); 10 т. (2005, *П* (*Прасніца–Пяяць*); 1819 словарных статей: Малько, Антропов, Цыхун); 11 т. (2006, *Р–С* (*Раб–Саян*); 2166 словарных статей: Авилова, Антропов, Цыхун, Курьян, Лучиц-Федорец, Абрагимович, Волкова, Малько); 12 т. (2008, *С* (*Свабода–Стэсам*); 1777 словарных статей: Малько, Цыхун.

Таким образом, в подготовке вышедших 12 томов ЭСБМ приняли участие 14 ученых, из них 12 языковедов академического Института языкознания (ныне Институт языка и литературы) и 2 (Супрун и Ивашина) из Белорусского университета (Минск): девять в 1–8 томах и восемь в 9–12 томах. Их участие в отдельных томах (в порядке убывания общего количества) следующее: в восьми томах: Лучиц-Федорец (2, 4–5, 6 полностью, 9, 11); Цыхун (1, 2, 7–12); в шести томах: Малько (2, 8–12); в пяти томах: Мартынов (1, 3–5, 8); в четырех томах: Кравчук (1–4); в трех томах: Антропов (10–12); в двух томах: Супрун (1, 3), Лобко (2, 4), Волкова (9, 11), Курьян (9, 11), Авилова (9, 11); в одном томе: Михневич (2), Ивашина (3), Абрагимович (11).

В обоих авторских коллективах выразительно выделяются три группы исследователей: "чистые" этимологи, этимологи "в том числе" и неэтимологи. К первой необходимо, безусловно, отнести Кравчука, Лобко, Лучица-Федорца и Малько, потому что этимология – главная сфера их научных занятий[10]. Для Антропова, Ивашиной, Мартынова, А.Е. Супруна (1928–1999), Цыхуна научный поиск в этимолого-лексикографическом направлении хотя и являлся (у Антропова и Цыхуна – является) существенным, однако все же не главным, а в определенной степени сопровождающим их лингвистические интересы. Наконец, этимологическая проблематика для давно отошедшего от словаря Михневича, а также Абрагимович, Авиловой, Волковой, Кощенко, Курьян и Шакун – это только практика работы над своими частями ЭСБМ; иные, как раз главные, направления их научной деятельности находятся в разной степени далеко от этимологии.

Как видно, в нынешнем составе авторов представлены все группы, но преобладает последняя, т.е. неэтимологи. Соответствующая ситуация в первом авторском коллективе была зеркально противоположной. Если же принять во внимание возраст наиболее опытных исследователей, которые начинали словарь, то становится понятным, что окончание работы над ЭСБМ будет, вероятно, делом специалистов, которые занимаются им исключительно в рамках выполнения плановых заданий – до пополнения коллектива новым поколением этимологов по призванию, что также потребует немалого времени.

В практическом плане результатом соединения "авторского" начала, реализованного в 1–8 томах, и различной этимологической направленности (и искушенности) отдельных участников явилась очевидная пестрота в индивидуальной разработке этимологической статьи[11], которая особенно явно прослеживается по 1–5 томам, где статьи всех девяти авторов узнаются без особых трудностей, но на полюсах находятся, например, части, принадлежащие Лобко (*К–Каляда*, 516 словарных статей; 212 стр. текста) и Кравчуку (*Кас–Каята*, 168 словарных статей; 38 стр. текста) в 4 томе (стр. 5–216 и 290–327). Фактически статьи первого из авторов даже в существенно сокращенном по сравнению с первыми вариантами виде представляют собой своеобразные, иной раз – в отношении омонимов – необыкновенно дифференцированные этимолого-семасиологические этюды (ср., например, 8 отдельных статей на *казак*, 12 на *калода*, 25 на *казёл* и даже 29 на *каза*[12]) при неадекватно тщательном иногда внимании к лексемам, важность

которых для ЭСБМ явно различна – вроде статей *калода*$_{12}$ 'колода карт' и *калодзеж*$_{1}$ 'колодец', почти одинаковых по объему. С другой стороны, не может не поражать чрезмерная краткость, присущая этимологиям второго автора, когда исключительно актуальный для традиционной культуры белорусов (и в целом восточных славян, конечно) *каравай* умещается всего в 10 строк, а *карміць* без приведения значений и источников с неполным (и, главное, недостаточным) перечислением родственных славянских форм только возводится к элементарной праславянской реконструкции и отсылается к *корм*. Только с 6-го тома, который, как отмечалось выше, был полностью подготовлен Лучицем-Федорцом, вырабатывается более-менее единая, гармонизированная структура словарной статьи.

Однако как бы не бóльшая пестрота наблюдалась в рабочих материалах к 9–11 томам, приведение которых к необходимому издательскому стандарту потребовало серьезных усилий, временами просто исключительных, что в особенности относится к 11-му, как представляется, менее удачному по отношению к четырем последним опубликованным (что и неудивительно в связи с необычно большим даже для ЭСБМ составом его авторского коллектива). В связи с этим принципиально изменилась роль научного редактирования, результатом чего явилась фактическая переориентация ЭСБМ со словаря "авторского" на "редакторский", когда редактирование – не только и не столько определенные текстуальные (по большей части стилистические) процедуры, а существенная *доработка* и даже полная *переработка* первичного материала[13]. Именно так Г.А. Цыхун работал над 9–12 томами. Понятно, что подобный подход к *содержательному* редактированию требует серьезных временных затрат, поэтому вполне логично, что с 11-го тома возникла необходимость также в ответственном редакторе издания, главные функции которого в основном технического плана, но с особым вниманием к точной подаче лексического материала, что иногда требует едва ли не сплошной его проверки по разноязычным первоисточникам.

С возобновлением работы над белорусским этимологическим словарем вновь актуализировались вопросы этимолого-лексикографической методологии, важнейшая из которых (как, впрочем, и для любого словаря этого типа) – репрезентация материала, т.е. отбор и объем материала, подлежащего этимологизации. Но в случае ЭСБМ это дополнительно осложнено отсутствием словных реестров на отдельные буквы, так как, к сожалению, в свое

время не были составлены ни общий реестр словника словаря, ни хотя бы реестры на отдельные буквы (сейчас эта работа в отношении оставшихся букв в основном закончена), поэтому одновременно с собственно редактированием Г.А. Цыхун был вынужден добавлять к каждому из последних томов довольно значительное количество статей: 27 – к 9-му, 32 – к 10-му, 64 – к 11-му, а к 12-му – на порядок больше, именно 467 при еще 118 совместных с основным автором тома Р.Н. Малько.

Уже с первых томов словарь был ориентирован на максимально полный охват белорусской лексики, зафиксированной в разнообразных источниках, поэтому основная доля этимологизируемых лексем приходится на словари и словарные подборки, в которых зафиксирована лексика диалектная. К примеру, в 413 словарных статьях на *Ж*[14] (автор А.Е. Супрун) в 3-м томе только в 157 (38%) отражены (часто без указания на источник) лексемы из академического 5-томного (последний том в двух книгах) "Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы" (далее – ТСБМ). Вероятно, выявленное процентное соотношение является объективным; во всяком случае, об этом свидетельствует часть *С – Саян* в 11-м томе: 136 отсылок к ТСБМ в 347 статьях, т.е. 39%. Впрочем, нередко собственное видение автора и его специальные этимологические интересы все-таки могли ограничивать словник по отдельным буквам, поэтому в ЭСБМ не проэтимологизировано немалое количество исконной белорусской лексики, которую, конечно, следовало бы учесть. Так, только в словнике на небогатую букву *I* (277 словарных статей[14]) отсутствуют *іва*, *івал*, *іга-іга*, *ігдзе*, *ігліна*, *ізнечай*, *ілгак*, *індзе*, *ірай*, *іржэўе*, *ірлаваць*, *ірзаць* и т. д.

С проблемами отсутствия предварительно составленных словников и практики редактирования (в особенности первых восьми томов) тесно связана система отсылок и статус отсылочных статей в словаре. Сплошная проверка наличия номинаций, к которым делались отсылки, показала, во-первых, существенный разнобой в их подаче (в частности, к именным или глагольным формам, к прямым инфинитивам или к их возвратным коррелятам и т. п.), а во-вторых, слишком частое отсутствие лексем в качестве заглавных слов, к которым ранее отсылался читатель. Среди них такие важные, как *амшар*, *барлог*, *брунька*, *вырвалак*, *галота*, *гыля*, *доба*, *звіх*, *кавяня*, *качурыцца*, *ксціны*, *ліцвін*, *лунець*, *лядвея*, *машэка*, *навіды*, *ожаг*, *падман*, *плюск*, *самавіты* и т.д. Всего несуществующих (а поэтому и не проэтимологизированных)

отсылочных номинаций на 12 томов обнаружилось ни много ни мало – целых 786[15], т. е. более чем на треть полноценного тома, если учесть среднее количество статей в томе. К сожалению, кроме них в словаре пропущены интересные белорусские слова, исследование которых было бы, по меньшей мере, не лишним, типа *мокі* 'вымя' или *налой* 'пар в бане'[16]. Безусловно, в одном из дополнительных томов этимологизация (или атрибуция) этой лексической фактуры должна быть предусмотрена.

Отдельно необходимо остановиться на актуальных вопросах представления материала в связи с проблемой дериватов, прежде всего префиксальных: в 9-11-м тт. на *пера-*, *пры-*, *раз-/рас-*. Безусловно, с этой проблемой сталкиваются не только авторы ЭСБМ, поэтому здесь возможно, как представляется, выявить две противоположные тенденции: а) очень полная подача[17] (ср., например, опыт болгарского этимологического словаря с постоянным от тома к тому "антипуританским" расширением состава префиксальных производных, но особенно в 5-м томе с лексемами на *при-*; судя по первым 2-м выпускам (*А–Бд*), та же тенденция прослеживается в "Этимологическом словаре сербского языка"); б) только (или почти только – с учетом десемантизации словообразовательных средств) гнездовая подача материала с общей корневой морфемой. В последнем случае речь, естественно, идет, прежде всего, об этимологических однотомниках: словенском М. Сноя (особенно 2-е издание 2003 г.), хорватском А. Глухака, недавних польских К. Длугош-Курчабовой и В. Борыся.

Ретроспективно анализируя опыт работы над последними томами ЭСБМ, можно, вероятно, констатировать, что критериями отбора такой лексики для ЭСБМ – при обязательных приметах семантической новизны или очевидной деривационной необычности – выступают, в общем, вполне известные: 1) *собственно белорусский*: а) наличие/зафиксированность соответствующей лексемы без префикса (идеально, если она уже нашла отражение в ЭСБМ), при отсутствии – возможность ее реконструкции; б) наличие иных префиксальных коррелятов; 2) *близкородственный*: наличие соответствующих восточнославянских префиксальных образований; 3) *родственный*: наличие соответствующих префиксальных образований в других славянских языках; 4) *ареальный*$_1$ (связанный с предыдущим): отмеченность этих соответствий в соседних или сравнительно близких восточнославянских диалектах; 5) *ареальный*$_2$: для заимствований или образований на базе заимствований из соседних языков; 6) *семантический*: наличие

соответствующих, прежде всего восточнославянских, префиксальных образований с иной, но близкой или непротиворечивой (получившей дальнейшее развитие) семантикой; 7) *исторический*: наличие соответствующих лексем (пусть и с иной семантикой) в старобелорусском, древне-(старо)русском, староукраинском и, естественно, старославянском.

На практике реализация выделенных критериев в 9–12 тт. ЭСБМ, выглядит, в основном, следующим образом:

а) обязательно приводятся дериваты от ранее неэтимологизированных слов (особенно если они не найдены в источниках) типа записанного на севере Минщины *раскалу́жыцца* 'расшевелиться' (ср. 11 т., 118: Пакуль ён *раскалужыцца* з хворай нагой, дык я буду ўжо аш на балоця), которое, естественно, продолжает незафиксированное **калу́жыцца* при наличии столинского *калю́жыцца* 'возиться, мазаться в грязи, в луже' (Тураўскі слоўнік 2, 179), отмеченного, таким образом, в принципиально ином, именно центральнополесском этноязыковом регионе[18], однако в соответствующих статьях 5-го тома *калу́жа* и *калю́га* глагольные лексемы не приведены;

б) подаются дериваты (однако все-таки выборочно – на усмотрение главного редактора), даже этимологически прозрачные, но с обязательным учетом семантических продолжений/сдвигов, а при этом – с особым вниманием к "культурной" семантике, ср., например, *перастыка́ць* 'ткать нитками разного цвета' (9 т., 84), *прыжа́ляць* 'несколько подгореть на горячей печи, лежанке (об одежде, ткани)', *пры́кры* с рядом архаических значений, *прымаўля́ць* 'приговаривать; уговаривать; попрекать; приговаривать при ворожбе; привораживать' (10 т., 82, 96–97, 106–107) или *разго́н*[2] 'приданое молодой в виде хозяйственного имущества; поголовье домашних животных' (12 т., 51);

в) при репрезентации родственных форм, прежде всего восточнославянских, в статье подаются только те, которые непосредственно соотносятся с анализируемым словом, причем с актуализацией лингвогеографического фактора, т.е. предпочтительно территориально близкие, но все же с учетом развития значений, если они согласуются с определенными семантическими моделями, что позволяет избежать чрезмерного "утяжеления" словарной статьи фактическим материалом.

Безусловно, важным в структуре этимологической статьи является анализ литературы вопроса, т.е. выдвинутых ранее исследовательских версий. В современной славянской этимологи-

ческой лексикографии здесь также наблюдаются различные, иногда противоположные тенденции. С одной стороны, предлагается максимальное описание, которое реализуется, например, в ЭССЯ, SP или (особенно) Пражском этимологическом словаре старославянского языка, что в отношении этих словарей представляется совершенно естественным, а также в сербском этимологическом словаре (здесь, вероятно, в соответствии с традицией, последовательно реализованной в сербскохорватском этимологическом словаре П. Скока), более того – с окончательной "внешней" этимологией. Иное направление связано с минимизацией обзора или даже его полным отсутствием, как, например, в польском однотомнике В. Борыся, где автор непосредственно в предисловии предлагает пользоваться предыдущей этимологической литературой, представленной в библиографическом списке.

Подход, который реализован в последних четырех томах ЭСБМ, предусматривает определенный синтез этих двух тенденций, но, к сожалению, не удается сделать его целиком системным, как, например, в Кашубском этимологическом словаре В. Борыся и Х. Поповской-Таборской или 1-м томе "Русского этимологического словаря" А.Е. Аникина. При этом совершенно обязательным является полный критический обзор версий, выдвинутых (и даже в популярных или не вполне научных изданиях) специально по заглавному слову или его дериватам. Значительно ограничена "внешняя" этимология, что отдельно относится к заимстовованиям.

Предварительные расчеты показывают, что долгий путь ЭСБМ к букве *Я* может быть завершен к 2011–2013 гг., причем полный корпус словаря составят, судя по всему, не менее 16 томов (вместе с отсылочными и отсутствующими статьями, о которых речь шла выше, исправлениями, и, возможно, небольшим количеством кратких дополнений). Параллельно предполагается готовить два справочных тома, в которые войдут указатели слов по всем языкам[19], списки отмеченных неточностей и опечаток, полные списки источников, литературы и сокращений.

Разумеется, изнутри погрешности и недостатки нашего словаря видятся даже более отчетливо[20], чем извне – глазами немногочисленных рецензентов, но все-таки очевидны и его достоинства, поэтому в заключение приведу краткую цифровую сводку по всему корпусу словаря, опубликованному к настоящему времени. Количество привлеченных источников, печатных и архивных, откуда черпается белорусская лексика, составляет более 310 единиц

(вряд ли такая база представлялась даже возможной в начале работы[21]), корпус литературы – более 900, в словаре находят отражение лексические материалы из почти 560 языков и диалектов, а в их числе номинации, которые репрезентируют около 170 белорусских говоров, что совершенно уникально даже в отношении специальных работ по белорусской диалектологии (исключая, разумеется, диалектологический и лексический атласы). Всего в 12 томах словаря содержится почти 28 тысяч словарных статей и, таким образом, уже сейчас, в неоконченном виде, он по заголовочному словнику является крупнейшим этимологическим словарем отдельного славянского языка. Представляется, что окончательный объем этого словника составит не менее 36–37 тысяч, т.е. количество беспрецедентное, безусловно, для этимологического словаря. Кроме того, для белорусской лексикографии он, в отсутствие большого словаря национального языка, а также сводного диалектного, фактически – до появления последних – выполняет в определенной степени также их функции.

Таким образом, отдельные «голоса о “белорусском этимологическом ландшафте”», о которых О.Н. Трубачев писал[22] в 1978 г., за три десятилетия преобразовались в академический хор со своим лицом, дирижерами и полифоническим репертуаром. ЭСБМ по-прежнему и на годы вперед остается единственным систематизированным и надежным источником по этимологии белорусской лексики[23].

Актуальной задачей следующего после завершения ЭСБМ этапа белорусской этимологической работы должно стать создание большого однотомника с распределением материала по корневому принципу, подготовленного с учетом современной этимолого-лексикографической парадигмы, а затем – осуществление второго многотомного издания, однако последнее уже станет проектом для новой генерации этимологов.

Примечания

[1] Полагаю, что сейчас только специалисты сразу вспомнят о греко-славянских этюдах М. Фасмера, о классических для словенской лингвистики работах Ф. Безлая (см. составленный М. Фурлан внушительный двухтомник его работ, вышедший в Любляне в 2003 г., объемом более полутора тысяч страниц), о фундаментальных монографиях В. Махека и О.Н. Трубачева (к этому перечню можно добавить почти такой же по объему, как “Zbrani jezikoslovni spisi” F. Bezlaja, двухтомник трудов О.Н. Трубачева “Труды по этимологии. Слово • История • Культура”, изданный издательством “Языки русской культуры” в 2004 г.) и т. п.

[2] Что и неудивительно, потому что даже “в наше время бурного роста информа-

ции, расширения знаний по истории и этимологии русских слов", но особенно "по прошествии более чем полувека с момента выхода в свет словарь продолжает отвечать высоким научным требованиям. И по сей день это самый полный и авторитетный этимологический словарь русского языка" (*Куркина Л.В.* Русская этимологическая лексикография // Теория и история славянской лексикографии: Научные материалы к XIV съезду славистов. М., 2008, 374).

[3] Необходимо уточнить, что идея словаря восходит, конечно, к еще более далеким временам: к планам Е.Ф. Карского, а далее к 20–30 гг. минувшего столетия, когда, по свидетельству бывшего директора Института языкознания М.Р. Судника, работой над этимологическим словарем занимался сотрудник Института белорусской культуры (предшественника Белорусской Академии Наук) М. Коген. На протяжении 1964–1967 гг. вырабатывалась концепция ЭСБМ (вначале на основе первичного варианта проспекта, предложенного переехавшим в Минск из Киева Р.В. Кравчуком), и уже непосредственно с работой над словарем была связана состоявшаяся в феврале 1968 г. первая из пяти (за семь лет!) специализированных конференций, вдохновителем и организатором которых был будущий его редактор В.В. Мартынов, см.: Беларуская лексікалогія і этымалогія. Мінск, 1968; см. далее сборники материалов для обсуждения (ответы на вопросы анкет): Лексічныя балтызмы ў беларускай мове. Мінск, 1969; Беларуска-ўкраінскія ізалексы. Мінск, 1971; Беларуска-рускія ізалексы. Мінск, 1973; Беларуска-польскія ізалексы. Мінск, 1975. На этих заметных в то время научных встречах, в сущности, своеобразных этимологических "мозговых штурмах", приняли участие (также в ответах на вопросы анкет) ученые из университетов и научных центров 30 городов 10 стран (семь в те годы – союзные республики СССР).

[4] В течение этих пяти лет были созданы рабочие картотеки словаря (общая словарная и литературная), позже, но также в течение недолгого времени, пополнявшиеся, увы, только время от времени.

[5] *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования восточнославянских языков: словари // *Трубачев. О.Н.* Труды по этимологии: Слово · История · Культура. Т. 1. М., 2004, 374. Так же высоко оценивала его В.А. Меркулова в специальной рецензии: «1978 год ознаменовался большим событием в славистике – выходом в свет первого тома "Этимологического словаря белорусского языка". Это событие тем более значительно, что это первый опыт этимологической интерпретации белорусской лексики» (см.: Этимология 1979. М., 1981, 174). Ср. также обстоятельный отзыв на этот том К. Мюллера. На этот отзыв, а также на отклики Ш. Ондруша и А.Е. Аникина, о которых ниже, обратил наше внимание Г.А. Цыхун) в: Deutscheliteraturzeitung (Berlin). 1980, Jg. 101, H. 5, 387–390.

[6] В начале предисловия к 5-у тому редактор В.В. Мартынов писал: "Завершена первая половина многотомного Этимологического словаря белорусского языка".

[7] По плану на 2001–2005 гг. (четыре тома, а именно 9–12, за 5 лет) этот том должен был стать последним.

[8] Г.А. Цыхун – редактор/главный редактор 9–12 томов.

[9] Моя сердечная благодарность И.И. Лапуцкой, с 9-го тома осуществляющей техническую (компьютерную) подготовку текстов статей для последующего редактирования, за произведенные ею подсчеты по всем томам и отдельным буквам.

[10] Для Р.В. Кравчука (1929–1992) – была; что же касается В.Д. Лобко, который уже давно не работает в институте, этот период его научной биографии остался просто единственным.

[11] На "неоднородность" в отношении репрезентации словообразовательной составляющей этимологического анализа внимание было обращено практически сразу, см. рецензию В.А. Меркуловой на 2-й том словаря в: Этимология 1981. М., 1983, 160.

[12] На не вполне оправданное "разрастание омонимии", имея в виду 18 статей на *бабка* в 1-м томе, в цитированной выше статье указывал О.Н. Трубачев (374–375); об этом же писали и другие исследователи – Ш. Ондруш в отзыве на первые два тома (см.: Slavica Slovaca, 1982, roč. 17, č. 3, 270–272) и К. Мюллер в упомянутой выше рецензии (см. Deutscheliteraturzeitung (Berlin). 1980, Jg. 101, H. 5, 389), обративший также внимание на немалое количество слов с пометами "неясно", "темное слово" и под.

[13] Здесь уместно вспомнить об опыте О.Н. Трубачева, который вел авторскую работу над текстом 1-13 тт. московского "Этимологического словаря славянских языков" (М., 1974–1987) – и это при том, что коллектив словаря с самого начала работы над ним составляли только этимологи. Иной подход реализуется в украинском с росписью статей по авторам, а также краковском "Праславянском словаре" и некоторых других (например, кашубском или словенском в 3 и 4 томах), где отдельные статьи подписываются инициалами авторов.

[14] С отсутствующими, естественно, префиксальными дериватами и минимальным количеством заимствований. Любопытно попутно сравнить количество статей на эту букву в других восточнославянских этимологических словарях: М. Фасмер – 233, словарь Московского университета – 150, Вл. Орел – 110, П.Я. Черных – 76, Я. Рудницкий – 208 (с не менее чем третью отсылочных), украинский академический – 292.

[15] Меньше только статьи на начальные *Е*, *Ё* (56) и, как уже отмечалось выше, *О* (29).

[16] Конечно, значительная часть из них находится внутри статей с заголовочным словом, представляющим тот или иной фонетический, словообразовательный и т. п., коррелят, – типа *маркóта* при заголовочном *маркатá*.

[17] На отсутствие этих лексем (а также некоторых других) обратил внимание А.Е. Аникин в рецензии на 7-й том, см.: Славяноведение, 1993, № 3, 109–113. К слову, в этом очень строгом (хотя, может быть, и не во всем справедливом) отзыве автор из-за "отсутствия места" сосредоточивается лишь на "весьма заметных и многочисленных недостатках книги, которые уменьшают ее значение как первого опыта сплошной этимологизации белорусской лексики", вошедшей в том; при этом, по его мнению, "количество серьезных недочетов" в части *Мг–Мя* "по-видимому, превышает некую критическую величину" (с. 109).

[18] Или даже исчерпывающая, как в ЭССЯ (см. выпуски 26–32 с начальным **ob-*), что, конечно, целиком оправдано целями репрезентации *всего* праславянского лексического фонда, который возможно реконструировать.

[19] Кстати, подобного характера диалектные изолексы (иногда явно сепаратные) внутри белорусского этноязыкового массива, представляющие немалый интерес и ожидающие своего исследователя, во множестве рассыпаны по отдельным томам словаря.

[20] Достойным образцом здесь может служить великолепный 5-й том ("Kazala") "Этимологического словаря словенского языка", вышедший в 2007 г.

[21] Очевидным упущением общего характера является совершенно недостаточное использование в ЭСБМ материалов богатейшей картотеки "Гістарычнага слоўніка беларускай мовы".

[22] Кстати, оценивая базу источников словаря (свыше 70, опубликованных по 1945 г. включительно), Ш. Ондруш в своей рецензии пишет, что она "skutočne bohata" (с. 370).

[23] Имея, прежде всего, в виду известную статью В.В. Мартынова с аналогичным названием в "Slavische Wortstudien" 1975 г. (материалы этимологического симпозиума 1972 г. в Лужице); см. подробнее: *Трубачев О.Н.* Указ. соч., 365.

[24] Вместе с тем, вряд ли его использование, даже и критическое, исключая, разумеется, работы специалистов-этимологов старших поколений, можно назвать удовлетворительным.

Ж.Ж. Варбот

НЕРЕГУЛЯРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ И СЛАВЯНСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Генетическая связь этимологии и сравнительно-исторического метода, не только сохраняющаяся уже третье столетие, но и постоянно воспроизводящаяся, базируется на признании действия в истории языков определенных регулярных изменений, формулируемых как законы. Первым требованием, которое предъявляется к этимологическому решению, О. Семереньи назвал соответствие последнего фонетическим законам[1]. Однако существование отклонений от реализации этих законов, как вследствие их взаимодействия, так и действия, параллельно с ними, аналогии на разных языковых уровнях, а также нерегулярных, спорадических изменений и преобразований признавалось основоположниками и классиками сравнительно-исторического метода и не являлось основанием для сомнений в принципах этого метода и возможностях его применения при открытии новых характеристик древнего языкового состояния[2].

Сами же эти отклонения, нерегулярные изменения, преобразования побуждали исследователей сосредоточить внимание на уточнении условий реализации соответствующих законов, определении круга спорадических, нерегулярных изменений[3], "снятии" действия аналогических преобразований в реконструкциях[4], учете взаимодействия различных типов нерегулярных изменений, преобразований в условиях существования конкретного слова как объекта этого взаимодействия – центра морфосемантического поля[5]. При этом ведущая роль в освещении всех этих проблем всегда принадлежала этимологии как открывателю, собирателю "темных", генетически спорных фактов и как первому толкователю их происхождения с неизбежной разработкой гипотез о сфере действия известных нерегулярных изменений и обнаружении не изученных ранее изменений. Представляется, что такое направление этимологических исследований необходимо для укрепления позиций сравнительно-исторического метода.

Целью настоящей работы является напоминание о некоторых таких изменениях/преобразованиях в славянских языках, особен-

но в русском, о возможности их взаимодействия и толкование некоторых славянских лексем с учетом допущения предположения о действии подобных факторов.

I

Морфологическое переразложение (рус. *тузить, талька*)

Одним из самых распространенных типов преобразований является морфологическое переразложение с сопутствующими явлениями. Таковыми могут быть, например, предшествующие и последующие регулярные и нерегулярные фонетические изменения, последующие семантические и народноэтимологические изменения.

Рус. диал. *мутýзить* ‘схватить, трясти, трепать кого’ (тул.), ‘мучить, изводить; перегружать работой’ (пенз., тюмен.), ‘болеть’ (краснояр.), *мутýзиться* ‘суетиться’ (новг., псков.) (СРНГ 19, 33–34) вполне обоснованно толкуется как связанное с *мотоýз* (Фасмер III, 18) (> *мутуз*). Для последнего первичным, соответственно праформе **moto(v)ǫzъ*, является обозначение приспособления для размотки пряжи – мотовила, особенности использования которого и объясняют семантику производного глагола. Один из аспектов этой семантики – ‘трясти, трепать’ – в сочетании с возможностью префиксального *му-* в русском языке и паронимия с *туз* определили развитие значения *мутýзить* ‘тасовать карты’ (терск., кубан., СРНГ 19, 33). Следующим этапом преобразования стало устранение *му-* с выделением глагола *тузи́ть* (ср. выше относительно ударения *мутýзиться*) ‘бить’. Разитие этого значения на базе представлений о мотании пряжи подтверждается фразеологизмом *мóты гонять* ‘ударять палкой о палку при игре в чижик’ (новг., СРНГ 18, 295).

Аналогичный процесс можно предполагать в истории рус. диал. *тáлька* ‘ручное мотовило в виде рогульки для наматывания пряжи’ (Перм. словарь 2, 433), то же и ‘шестик, с одного конца рассохой, с другого костылем; иногда станочек, в виде столярной пилы; моток ниток, известной меры, снятый с тальки’ (Даль[2] IV, 389). Фасмер предложил для этого слова два толкования, предполагающие связь с германским названием корабельного ворота (разными путями: прямое заимствование или производность от заимствования, см. Фасмер IV,16), которые представляются

маловероятными, учитывая различие сфер применения ворота (кораблевождение!) и мотовила (домашний, при этом женский труд!). Сопоставление *та́лька* с *мота́лка* ворон., *мота́лень* смол. ‘деталь приспособления для разматывания пряжи: крестообразно скрепленные две дощечки, на которых растягиваются моты пряжи’, *мота́лка* яросл., калуж., брян., урал. ‘приспособление для ручной намотки пряжи при домашнем ткачестве, мотовило’, киров. ‘приспособление для размотки пряжи’ (СРНГ 18, 295) определяет правомерность гипотезы об образовании *талька* в результате отделения *мо-* как потенциального префикса.

II

Нерегулярное фонетическое изменение и морфологическое переразложение как причина образования новой лексемы (праслав. **draziti*, укр. *дратувати*)

В истории славянских языков, начиная с праславянского периода, постоянно воспроизводилось как частое, но не ставшее фонетическим законом преобразование групп согласных *sr* и *zr* путем эпентезы зубных звуков, откуда *str* и *zdr*. Несколько примеров из русских говоров: перм. *струб* ‘деревянное сооружение из нескольких венцов, скрепленных в форме четырехугольника’, *стра́зу* нареч. ‘сразу, быстро’, *строк* ‘промежуток времени’, *стро́шный* ‘человек, который нанимается на работу’, *пу́здря* ‘мошонка у животного’ (Перм. словарь II, 410, 407, 409–410, 245).

Аналогичный процесс реконструируется в истории праслав. **męzdra* (< и.-е. **mēmsro-*), причем появление между *s* и *r* звука *d* (с одновременным озвончением *s* > *z*), вместо ожидаемого *t*, объясняется “вторичным влиянием глагола *драть*: при выделке кож эту пленку, мездру, дерут, отдирают” (Machek[2] 356; ЭССЯ 19, 23). Таким же сближением с **der-* ‘драть’ можно объяснить и изменение и.-е. **nos-srī* > **nosri* > праслав. **nozdri*. О.Н. Трубачев предполагал здесь процесс озвончения, аналогичный и.-е. **-sn-* > праслав. *-zn-*[6]. Поскольку, однако, морфонологическая роль ожидаемого *-t-* в **nosrī* > ***nostri* и *s* в *-sn-* различна (в последнем случае *s* – элемент суффикса), а семантическая аттракция к *der-* весьма навязчива (‘ноздри’ = ‘отверстия’!), более вероятным представляется и в случае **nozdri*, как и в * *męzdra*, наслоение на нерегулярное фонетическое изменение (вставное *t*)

народноэтимологического преобразования в направлении сближения с **der-/*dьr-*.

При том, что вставное *t/d* никогда не было обязательным, его частотность могла, кажется, иногда обусловить подстановку *d* вместо этимологического согласного в позиции между *z* и *r*. Таким образом объясняется рус. диал. перм. *раздрозди́ться* 'покрыться молодой зеленью; распуститься, распушиться (о растениях, почках)' (Перм. словарь II, 263), 'разрастись, давая ростки стать ветвистее' (том., СРНГ 33, 332), для которого наиболее вероятно образование от *гроздь*, то есть **разгроздиться*. Аналогично может быть истолковано и диал. *раздроми́ть* курск., орл. 'разбить что-либо вдребезги, на мелкие части', арханг. 'разорить, *разгромить*' (СРНГ 33, 332) < *разгромить*.

Некоторые случаи эпентезы *d* на границе префикса праслав. **orz-* и глагольных корней с начальным *r-* могут быть отнесены к праславянскому уровню (как диалектные явления): см. ст.-слав. **раздроушити** (Ст.-слав. словарь 570) и ст.-русск. *раздрушати* 'нарушать' (Кн. Степ., 116 ~1560 г., СлРЯ XI–XVII вв. 21, 195); ст.-слав. **раздрѣшити** (Ст.-слав. словарь 570), помор. *rozdřěšəc* 'привести в движение' (Lorentz. Pomor. II, 1, 124) и рус. диал. дон. *раздреши́ть* 'разрешить, позволить сделать что-л.' (СРНГ 33, 332); цслав. **раздрѧдити** 'устроить' (SJS 33, 572) и словин. *rozdřąʒəc* 'распределить, организовать; приказать' (Lorentz. Pomor. II, 1,178) < праслав. **orzrędit*i; рус. диал. новг. *раздры́ть* 'разрыть, раскопать' (СРНГ 33, 333) и словин. *rozdrȃvăc* 'разделять, разрывать' (Lorentz. Sl. Wb. II, 926), помор. *rozdärvac* (и *rozärvac*) 'разорвать, разодрать' (Lorentz. Pomor. II, 1, 172) (в последнем случае появление *d* возможно только на уровне **orzrъvati*).

Подобные структуры при актуальности префикса **orz-* могли стать полем действия морфологического переразложения – отнесения *d* к корню глагола и последующего выделения такого корня. Кажется, таким образом можно подойти к решению проблемы происхождения праслав. **draziti* / **dražiti* 'раздражать, беспокоить, растравлять (раны), дразнить': болг. диал. *дра́жем* 'дразнить, задевать', с.-хорв. *дра́жити* 'раздражать, возбуждать', словен. *drážiti* 'раздражать, дразнить', ст.-чеш. *drážiti* то же и 'возбуждать', чеш. диал. морав. *drážit* то же, русск. диал. пск., перм. *дра́жи́ть* 'дразнить' (ЭССЯ 5, 104–105), ц.-слав. **раздразенъ** 'разгневанный, возбужденный' (Miklosich LP), с производными **draznь* / *dražnь*: ст.-чеш. *drážn* 'раздражение', с.-хорв. *drážnja* 'раздражение, издевательство', болг. *дразня́* то

же (SP 4, 212–213). Этот глагол не имеет надежной этимологии: исследователи единодушны лишь в возведении его, в конечном счете, к и.-е. **drā-* (от корня **der-* 'драть'), при отсутствии точных неславянских соответствий, неясности диахронических отношений вариантов на *-ziti* и *-žiti* и структуры **draznь* / **dražnь* (см. ЭССЯ 5, 105; SP 4, 214). Весьма перспективным в отношении решения проблем **draziti* / **dražiti* представляется праслав. **orzdraziti* – производное от **raziti*, в котором между *z* префикса и *r* корня также факультативно представлено по славянским языкам *d*: ст.-слав. **раздразити** καταρρηγνύναι 'разбить, поразить' (Супр. 381, 11–12, Ст.-слав. словарь 569) при **разразити** rumpi (Men.-leop. 310, Mikl. LP), ст.-польск. *rozrazić*, *rozdrazić się* 'разбиться, разделиться' (Sł. stpol. VIII, 5; Warsz. V, 686), польск. *rozdrazić* 'разбить, поранить, раскидать' (Варш. V, 686) при диал. *rozrazić* 'разбить, поранить, повредить' (Там же), др.-русск.-ц.-слав. и ст.-рус.-ц.-слав. *раздразити* 'ударом разбить на части' (Мин. сент., О53, 1095 г. и др.), 'ударом обо что-л. причинить телесные повреждения; сильно ушибить, расшибить' (Сл. мт. Дан., 94, XVI в. и др.), *раздразитися* 'разбиться' (ВМЧ, сент. 1–13. XVI в.) (СлРЯ XI–XVII вв., 21, 181–190) при *разразити* (*роз-)* 'ударом разбить, раздробить что-л.' (Сказ. о Конст.[1], 129. XVI в. ~ XIV в. и др.), безл. 'о телесных повреждениях, случившихся при падении' (1572 г., Новг. лет., 120), 'ударив обо что-л., убить или нанести телесные повреждения' (Хрон. Г. Амарт., 265. XIII–XIV вв. ~ XI в. и др.) (СлРЯ XI–XVII вв. 21, 239). При этом регулярные продолжения праслав. **orzraziti*, не имеющие вставного *d*, в русских и белорусских говорах и в украинском языке обнаруживают семантику раздражения, растравления раны: ср. рус. *разрази́ть* арханг. 'поранить, разрезать (руку, палец и т.п.); растревожить растравить (рану)', свердл., забайк. 'вывести из себя, раздразнить кого-л.' (СРНГ 34, 60; Элиасов 349), карел. 'привести в раздраженное состояние, расстроить' (Словарь Карелии 5, 432), укр. *розрази́ти* 'раздражить, растравить' (Гринченко IV, 54; Словн. укр. мови VIII, 787), блр. диал. гродн. *разразíць* 'растревожить' (Сцяшковіч. Слоўн. 404), *разразíць* 'растравить' (Тураўскі слоўнік 4, 307), *розразы́ты* 'растравить (о ране)'[7] (примечательна фиксация в этом источнике также синонимичного варианта с другим вставным согласным – *г* : *розгразы́ты).* Сочетание фиксаций изменения **orzraziti* > **orzdraziti* и семантики раздражения у рефлексов **orzraziti* могут быть основанием для гипотезы о появлении праслав. **draziti* 'раздражать, растравлять

(раны), расстраивать' в результате переразложения и опрощения структуры **orzdraziti* (< **orzraziti*). Вариантная основа **-dražiti* объясняется в таком случае обобщением для основы инфинитива фонетического изменения *zj* > *ž* в основе настоящего времени **dražǫ*, соответствующей первично инфинитиву **draziti*. Существительное **draznь* является производным с суффиксом *-пь* от**draziti*, (ср. **kazati* – **kaznь*), соответственно глагол **drazniti* – проиводное от **draznь*.

Следует отметить, что предлагаемое толкование, в сущности, развивает прежние сомнения исследователей относительно природы ст.-слав. **раздразити** (см. выше): этот глагол в (SP 4, 214) включен в продолжения **draziti*, тогда как в (Sadnik-Aitzetmüller. Handwörterbuch 113, 293) он возводился к **orz-raziti*. Укр. *розразúти* 'раздражить, растравить' в (SP 4, 214) отнесено к **draziti*, хотя не дается никакого объяснения структурной особенности – отсутствию *d*. Таким образом, так или иначе авторы сталкивались с проблемой близости **draziti* / **dražiti* к гнезду **raziti*. И гипотеза о вторичности этой близости представляется менее вероятной, чем предложенное здесь объяснение происхождения **draziti* из **orzraziti* > **orzdraziti*.

Кажется, аналогичное толкование приемлемо для объяснения генезиса укр. *дратувáти* 'раздражать, дразнить, выводить из себя, возбуждать', ср. также русск. диал. орл. *раздрáтовать* 'привести в активное состояние, заставить двигаться, выполнять какие-либо действия' (Орловский словарь 12, 41), курск., дон. *дратовáть*, *дротовáть* 'сердить, выводить из себя кого-л.' (СРНГ 8, 201). Исходной представляется структура префиксального производного от *ратовати* – **розратовати* (ср. др.-русск.-ц.-слав. **разратити** 'поссорить, вызвать войну, мятеж' – Флавий Полон. Иерус. I, 30. XV в. ~ XI в.; *розратитися* 'разорвать мир, начать войну, мятеж' – Новг. харат. Лет. 229, 1337 г., Новг. I лет. 347. XV в., СлРЯ XI–XVII вв. 21, 240) > укр. *раздратувати* 'раздражить, привести в возбуждение, вызвать недовольство, злость', откуда вследствие переразложения *дратувати*. Предложенное в (ЕСУМ 2, 123) сравнение украинского и русского глагола с болг. *дретам* 'подстрекать' не решает вопроса при различии вокализма и существующем толковании болгарского глагола как производного от албанского *dredhti* 'хитрость' (БЕР I, 426).

III

Смешение образований разных этимологических гнезд (рус. *-стревать*)

Рус. *застря́ть* имеет в качестве видовой пары *застрева́ть*. Аналогичные отношения связывают в просторечии *встрять* и *встрева́ть*, ср. и диал. курск., тул., пенз., донск. *встрева́ть* 'вступаться за кого-н.. вмешиваться во что-либо' (СРНГ 5, 215). Глагол *застревать* известен в письменной фиксации с XVIII века: *застрѣвающии* 'задерживающийся при движении (в узком, тесном месте), зацепляющийся за что-л.' (СРЯ XVIII в. 8, 102, с контекстом об опадающих листьях). При исходной для *-стрять* праславянской форме основы **stręgti* (Brückner 522: польск. *-strząc*, *ustrząg(ł)*[8] структура несовершенного вида *-стревать* не оправданна фонетически: следовало бы ожидать ***-стрягать* или (при позднем образовании) ***-стрявать*. Можно подозревать в *-стревать* гиперграмматическую трансформацию на письме (с учетом якающего произношения) закономерного *-стрявать*. Однако более вероятным представляется взаимодействие фонетических и семантических факторов. Произношение ['е], равно возможное и в северно-, в средневеликорусских говорах, могло тем легче закрепиться на письме, что в русских говорах сохранилась омонимичная глагольная основа, принадлежащая к другому этимологическому гнезду, – **rět-*/**ręt-* 'находить, достигать, встречать'. В этом гнезде при глаголе совершенного вида *стренути* зафиксирована форма несовершенного вида перм. *стрева́ть* 'встречать' (Перм. словарь 2, 408), ср. также курск., тамб., ворон., орл., брян., пенз., рост. (и др.) *встрева́ть* 'встречать' (СРНГ 5, 215). Форма *-стревать* является здесь следствием образования итератива с суф. *-ва* от основы, пережившей последовательно закономерное упрощение группы согласных и эпентезу нерегулярного *-т-*:**sъrětnǫti* > **sъrěnǫti* > *стрѣнути* > *стрѣвать*. Сближение в произношении *стрявать* и *стревать* сопровождалось, возможно, некоторым семантическим сближением глаголов двух гнезд: ср. арханг. *встрять в голову* 'появиться в мыслях, укорениться в сознании' – *встрета́ться* 'сталкиваться, иметь дело' и *встрева́ть* 'намереваться, собираться делать что-н.' (Арханг. словарь 6–7, 61, 59, 58). Это двойное сближение и обусловило укрепление *стревать* как видовой пары к *стрять*.

IV

Реэтимологизация (народная этимология) в истории слов (слав. *kleveta*; рус. *вожжа*)

Слав. *kleveta*

Этимологию справедливо упрекают в отсутствии собственных законов – этимологических универсалий: действительно, этимологические исследования, анализируя слово во всех его составляющих, опираются на закономерности различных языковых уровней (фонетические, морфологические и т.д.). Собственно этимологической универсалией Малкиел считал возможным назвать лишь повторяющуюся степень генетической прозрачности: например, бóльшую у глаголов, чем у прилагательных (наблюдение Мейе)[9]. Подобной универсалией представляется и известная этимологам бóльшая близость к первичной форме слова того из его вариантов, который наименее прозрачен. Последнее объясняется тем, что при фонетических и прочих закономерных изменениях первичная форма слова затемняется и язык склонен восстанавливать "прозрачность" методами народноэтимологических преобразований.

Именно с этих позиций ниже предлагается рассмотреть проблему происхождения слав. *kleveta.*

В настоящее время наиболее авторитетны две версии решения этой проблемы. Одна, причем самая ранняя по разработке и наиболее устойчивая, – версия образования *kleveta* от слав. **klьvati* (см. в последнее время ESJS 5, 314), хотя А. Вайан и отмечал нетипичность структуры корня *klev-* как для глагола ***klьvati* (в отношении вокализма), так и для глаголов на *-etati* (в отношении завершающего корень *v*)[10]. Вторая гипотеза, предполагающая родство с лат. *calumnia* 'клевета' и общее происхождение обоих слов от и.-е. **k'elu-/*k'leu-* 'звучать, слышать', предложена В.Н. Топоровым[11]; в этой версии есть фонетическая трудность – нерегулярное слав. *k*.

Значительный шаг в разработке проблемы происхождения слав. *kleveta* сделал О.Н. Трубачев. Обобщив опыт анализа продолжений этого слова в южнославянских языках, проведенного Скоком и Плетершником, и рассмотрев круг соответствий в восточнославянских языках, О.Н. Трубачев пришел к выводу об обоснованности мнения Преображенского и Львова о церковно-

славянской природе всех этих соответствий и, как следствие, о моравском происхождении слова (ЭССЯ 10, 14–17).

Соответственно моравскому генезису предлагалось далее исходить уже из потенций чешского языка, так что Трубачевым были отвергнуты и версия родства с лат. *calumnia*, и – по семантическим соображениям – происхождение от **klьvati* и в качестве производящей основы для *kleveta* был избран глагол чеш. *kleviti se* 'гнуться, сгибаться, съеживаться'. Это сопоставление было обосновано семантикой некоторых соответствий, отклоняющихся от значения 'клевета': серб. диал. *клевет* 'колокольчик на шее скотины' (РСА IX, 565), чеш. диал. *klevety* 'веночки из тряпочек и стружки, яичные скорлупки, которыми на Мораве украшают чучело Смертолки' (Bartoš. Slov. 145). Мотивацию этих слов О.Н. Трубачев реконструировал как 'зацепляемое' и из идеи крючка, зацепки объяснил значение 'клевета' (ЭССЯ 10, 16). Однако в словообразовательных парах имя с суф. *-eta/-ota* – глагол на *-etati/-otati* исторически первичным, как правило, признается глагол, поскольку именно в экспрессивном глаголе обычно формируется межслоговая гармония[12]. Следовательно, в паре *kleveta* – *klevetati* приведенные выше диалектные имена вторичны; к тому же семантика серб. *клевет* 'колокольчик на шее скотины' хорошо толкуется из значения глагола 'клеветать' – как 'доносчик, сообщающий хозяину о местонахождении животного'. Поэтому гипотеза об образовании *kleveta* от чеш. *kleviti se* 'гнуться' представляется весьма уязвимой. Возвращаясь к версии о производности *kleveta* от **klьvati*, следует признать, что как раз в семантическом плане здесь все очень убедительно: ср. словац. диал. *okluvač* 'оговорить, оклеветать'[13], чеш. диал. *klvat* jazykem и *sekat*, *bodat* 'клеветать'[14], *drbat* 'задевать, драть, клеветать'[15], рус. диал. *насекáть* 'рубить, клеветать' (Словарь Карелии 3, 372). Но именно прозрачность семантических отношений **klьvati* – **klevetati* делает первичность их родства сомнительной, особенно при учете другого, "темного" варианта рассматриваемой лексемы.

Этот "темный" вариант отличается от *kleveta* шумным согласным в середине слова: чеш. диал. *klebetit'* 'клеветать', *klebety* 'клевета'[16], *klebeta* 'клевета'[17], словац. *klebetit'* 'клеветать' (SSJ I, 699; Kálal 240), *klebeta* 'клевета' (SSJ I, 699). Есть такой вариант и для других значений (см. выше о предметной семантике чеш. *klevety*): *klebeta* 'цепочка из разноцветной бумаги', *klebety* 'пустая яичная скорлупа'[18]. При истолковании происхождения этого варианта можно, кажется, опереться на серб. диал. *клебéтати се* 'ухмы-

ляться (показывая зубы), смеяться'[19]. С этим глаголом семантически, структурно и генетически увязывается чеш. *šklebiti se* 'зиять, раскрываться; скалить зубы, насмехаться', восходящий к и.-е. **skleb-* (вариант основы I **skelb-*) 'резать, драть' (Pokorny I, 923, 926)[20]. Вариант той же индоевропейской основы без *s*-mobile представлен в чеш. *klubati* 'рваться, выходить наружу, вылупляться из яиц' (PSJČ II, 154) и русск. просторечн. *наколба́ть* 'накрошить'[21].

Развитие всей группы может быть реконструировано следующим образом. Индоевропейская основа II **(s)kleb-* 'резать, колоть, раскалывать' дала праслав. **(s)klebiti* 'раскалываться, расщериваться, зиять', которое развило вторичное значение в сфере выражения эмоций человека – 'щериться, скалиться, ухмыляясь, выражая неприязнь или смеясь': см. чеш. *šklebiti se* 'раскрываться, зиять (о ране, пропасти)' и *šklebiti (se)* 'гримасничать, скалиться, смеясь или издеваясь' (PSJČ V, 1076), словац. *šklebit' sa* 'гримасничать, щериться, скалиться' ("...mrzko usta *šklebiti*", SSJ IV, 416) и особенно чеш. *šklebiti se s kým* 'ссориться, враждовать', *šklebiti se proti komu*: "Nechtěj zoufat, když se proti tobě *šklebí* závist' trkavá" (Kollar, цит. по Kott III, 884), букв. 'не вздумай отчаиваться, когда против тебя ощеривается бодливая зависть'. От варианта **klebiti* (без *s*-mobile) с этой синкретической семантикой был образован экспрессивный глагол с суф. *-et-* **klebetati/-titi*, сохранивший обе семантические доминанты производящей основы и развивший на базе значения 'скалиться, издеваясь' новое значение – 'клеветать'. Все эти значения представлены в славянских языках осколочно, но два – 'раскалываться' и 'скалиться, улыбаясь и смеясь' – должны были присутствовать изначально везде, где сохранился глагол. Семантика разрыва, раскола перешла от глагола к отглагольному имени – чеш. диал. *klebety* 'пустая яичная скорлупа', *klebeta* 'цепочка из разноцветной бумаги'; семантика 'скалиться, улыбаясь и смеясь' дала серб. диал. *клебетати се* 'ухмыляться (показывая зубы), смеяться' (см. выше). Значение же 'клеветать' появилось лишь на моравской почве, откуда чеш. и словац. *klebetiti* 'клеветать', отглагольные чеш. диал. *klebety, klebeta* и словац. *klebeta* 'клевета'.

Фонетическое и семантическое отдаление от *šklebiti* сделало чеш. *klebetiti, klebeta* немотивированными и определили тенденцию к народноэтимологическому преобразованию в сторону сближения со ст.-чеш. *klvati*, отсюда *klevetiti, kleveta*.

Представляется весьма существенным акцентирование в семантике ст.-чеш. *klevetati, kleveta* составляющей речи, ср. ст.-

чеш. *klevetati* 'болтать': Garrire *klevetati* aut ſtiebetati (Slovník Klementinský=Onomasticon, 1455 г., 50a), *klevetný* 'болтливый': Garulus *klewetny* aut blekotný (Там же), *klevetati* 'роптать': A mudr muzz y kazany nebude *kleuetati* 'et vir prudens et disciplinatur non murmurabit' (Bible Olomoucká, Sir 1417 г., 10, 28), *klevetánie*: radějí slyšel (sem) kratochvilné zpievanie, *klewetanye*, rozlične vzpravovánie (Ráj duše, M 100a ad A 93b)[22]. Речевая семантика, как и семантика клеветы, объяснима из предполагаемой в данной работе первичной семантики смеха, насмешки, но трудно согласуется с версией производности от **klьvati*.

Рус. *вожжа*

Народноэтимологическое преобразование слова в направлении сближения его с гетерогенным паронимом, предложенное выше для объяснения слав. *klevetati,* может, кажется, быть причиной преобразования на восточнославянской почве праслав. **vodja* 'вожжа' в рус. *вожжа.* О генетической первичности **vodja* свидетельствуют польск. *wodze* 'узда', словен. *vǫ̑jka* 'повод' и др.-рус. *вожѣ*. Гипотеза А.А. Зализняка о развитии *вожжа* из суффиксальной формы *вожькы* (ср. укр. *віжкú* 'вожжи', смол. *вóжки* то же) > (с прогрессивной ассимиляцией) *вожгы* > *вóжжи* предполагает ориентацию на новгородское *жг* < **zgj, zdj*, коррелирующееся с [*ж'дж'*], [*ж'ж'*] и [*ж'д'*] других говоров[23], что вряд ли реально при узко-диалектной (новгородской) прогрессивной ассимиляции и сомнительности активного соотнесения диалектно различных форм носителями языка. Автор гипотезы, впрочем, отмечает близость существительного к глаголу *вожжáться*, но "есть ли у него этимологическая связь со словом *вóжжи*, неясно"[24].

П.Я. Черных счел *вожжаться* 'водиться, связываться с кем-либо' родственным с *вожжа*, предположив в последнем появление неэтимологического *жж<зж* под влиянием других слов, в том числе *возить* (Черных I, 161).

Прежде всего, следует, кажется, рассмотреть глагол *вожжать(ся)*, точнее – глаголы *вожжать* и *вожжаться*. Первый, *вожжáть*, имеет значения олон., перм. 'пристегивать, привязывать вожжи к уздечке при запряжке лошади; запрягать (лошадь)', прибалт. (Литва) 'дергать, бить вожжами' (СРНГ 5, 12), соответственно *отвожжáть* курск., прибалт. (Литва, Латвия) 'отстегивать вожжи; освобождать от вожжей (лошадь)', курск. 'отстегать вожжами, веревкой и т. п.' (СРНГ 24, 144), *развозжáть* тамб.,

оренб., курган., прибалт. (Латвия, Литва), курск., костр., сиб. ‘освобождать от вожжей, распрягая (лошадь)’, забайк. ‘дать волю кому-л.; ослабив требовательность, распустить кого-л.’ (СРНГ 33, 294), *развозжи́ть* ‘дать волю кому-л…’ (Там же), с развитием этой семантики освобождения далее в возвратных глаголах (Там же). Совершенно очевидно, что это отыменные глаголы, производные от *вожжа*.

Что касается глагола *вожжаться* (без *-ся* он употребляется редко) с различными фонетическими вариантами *(жг, жк)*, то его семантика тождественна глаголу *возиться* ‘шумно, беспокойно, суетливо двигаться; заниматься кропотливым делом’: ср. толкование значения литер. *вожжа́ться* “то же, что *возиться*” (Ожегов–Шведова 89) и диал. *во́жгаться*, *вожга́ться* перм., арханг., псков., смол., свердл., сиб. ‘заниматься каким-либо делом, доставляющим много хлопот, труда; излишне медленно делать что-либо’, перм. ‘копошиться, барахтаться; вести себя беспокойно, ворочаться, егозить’, сиб. ‘возиться или забавляться с детьми; водиться, знаться с кем-либо, вожжаться’ (СРНГ 5, 10–11), *во́жкаться* вят., перм. ‘заниматься каким-либо делом, доставляющим много хлопот…’, вят. ‘барахтаться, бороться’ (Там же, 14). Особенно существен вариант свердл. *во́згаться* – то же, что *вожгаться* (Там же, 17), поскольку в этом случае связь с *возиться* обнаруживается не только в семантике, но и в форме корня *воз-*. Генетическая связь основы *вожж-* с гнездом *возить* свидетельствуется также соотношением яросл. *завожжённый* ‘грязный’ и *заво́зня*‘неряшливый человек’ (Яросл. словарь [*дикариться – иштык*], 61).

При высокой вероятности родства *возгаться* с *возиться* элемент *г* может быть истолкован как экспрессивная эпентеза, известная в славянской лексике (Sławski. Zarys 50), ср. из русских диалектов перм. *ура́згать* ‘разбить’ (Перм. словарь 2, 478) при *ура́зина* ‘удар’ (Там же), следовательно – от *разить*. Изменение *возг-* > *вожж-* возможно как следствие аналогических процессов в спряжении соотносительных пар *возиться/вожусь – возгаться/возгаюсь*.

Если *вожжаться* восходит к гнезду *везти/возить*, то *вожжа* (**vodja*) не связано с этим глаголом этимологически, первично. Но семантика гнезд глаголов *везти/возить* и *вести/водить* (откуда **vodja*) сближается в ряде употреблений. Существенно, что *везти* может обозначать не только перемещение с помощью лошади, но и собственно управление лошадью: ср. псков. *привезти́* ‘приводить’ (*Что лошадь привёз?* ‘привел лошадь?’ – СРНГ 31, 145), печор. *возко́м* ‘под уздцы’ (…лошадь *ведет воско́м* – Сл. Низ.

Печоры I, 82), новг. *повозáтый* 'тот, кто водит лошадь' (Новг. словарь 8, 9). Примечательно, наконец, употребление сочетания *возжáть горку* 'кататься на санях с горы во время масленицы (о новобрачных)' (Арханг. словарь 5,22): оно свидетельствует о наличии в *возжать/вожжать(ся)* семантики перемещения, исконной для *возить* и близкой к *водить* (при этом в данном случае – *возжать горку* – трудно видеть производное от *вожжи*). В условиях таких сближений семантики гнезд *возить* и *водить* и широкого употребления производного от *возить* весьма выразительного глагола *вожжаться*, достаточно вероятно влияние структуры последнего на структуру *вожа* 'вожжа' в направлении усиления и ее выразительности. Ср. аналогичное объяснение П. Я. Черныхом диал. *вóзженый* конь 'выезженный, упряжной конь' (Даль[2] I, 224: *вожжа*; СРНГ 5, 13) влиянием слова *езжены* (Черных I, 161), предполагающее взаимодействие производных от глаголов *возить* и *ездить*.

V

Дополнения к проблеме факультативной дифтонгизации этимологического *у* в русских говорах

Выше уже было отмечено, что крупнейшие теоретики и практики этимологии многократно обосновывали право и даже обязанность этимологов фиксировать и учитывать в процессе этимологизации, достаточно аргументированной в прочих аспектах, ранее неизвестные изменения звуков, предполагаемые вначале для узкого лексического круга (или даже отдельных лексем), но, возможно, отражающие еще не изученные фонетические закономерности. Таким случаем является возможность этимологического сближения ряда русских диалектных лексем, в структуре которых представлена вариантность этимологического *у* с сочетаниями гласных, которую условно назовем "дифтонгизацией" (речь не идет, разумеется, о ситуациях утраты интервокальных согласных, типа *оголовушить* > *оголоушить*).

Диалектологическая экспедиция под руководством Л.Л̆.Касаткина обнаружила в 1992 г. в говоре села Леки Рязанской области несколько случаев появления на месте этимологического *у* сочетания *оу*: например, *роушил'и*, *слоушыт*.

Знакомство с региональными словарями (в процессе сбора материалов для этимологического исследования русской и сла-

вянской лексики) привело к выявлению фиксации словарями довольно значительного количества лексем, в которых представлена вариантность *у* с сочетаниями гласных. Описание и анализ этих материалов представлено в моей работе "Факультативная дифтонгизация этимологического *у* в русских говорах" (ж. "Русский язык в научном освещении" № 1 (15), 2008, с. 98—105), где предложена гипотеза об экспрессивной природе этого явления. В настоящее время представляется возможным привести некоторые дополнительные материалы и новые этимологические решения, обоснованные допущением данного изменения.

Волог. *натоýрить* 'научить, склонить, настроить, наставить'[25] – ср. волог. *натурúть* то же[26].

Яросл. *заглоýмистый* 'изобретательный; трудный, мудреный' (Яросл. словарь [*дикариться – иштык*], 65) – ср. *заглýма* 'выдумщик' (Там же).

Перм. *носоýлина* 'залив реки'[27] – ср. *носýля* 'луг на полуострове, на мысу, который огибает река'[28].

Явлением дифтонгизации можно объяснить вокализм яросл. *ездоýлиться* 'ездить взад и вперед' (Яросл. словарь [*дикариться – иштык*], 34): однокоренные семантически близкие симб. *ездýн* 'любитель ездить', *ездýнья* 'любительница ездить', перм., свердл. *ездýшка* 'езда мелкой рысью' (СРНГ 8, 331) с вокалическим элементом суффиксов *у* свидетельствуют о возможности первичной формы рассматриваемого глагола **ездýлиться*.

Аналогичным образом толкуется происхождение яросл. *задеýлить* 'много взять' (Яросл. словарь [*дикариться – иштык*], 69): ср. вят., волог. *дýлить* 'пить, пить много' (СРНГ 8, 254) при семантике производящего глагола *дýть* яросл. 'кормить в избытке' (Яросл. сл. [*дикариться – иштык*] 27), ср. также *дýться* тул., орл., курск., брян. 'пухнуть, опухать. распухать', симб. 'литься, течь (о жидкости)' (СРНГ 8, 271). Налицо экспрессивность чрезмерного наполнения, которая объясняет и значение рассматриваемого глагола 'много взять'.

Примечания

[1] *Семереньи О.* Славянская этимология на индоевропейском фоне // ВЯ 1967. № 4. 4.

[2] Ср. о таких сомнениях в работе: *Степанов Ю. С. Баба-яга, Яма, Янус, Ясон* и другие. К вопросу о "нестрогом" сравнительно-историческом методе // ВЯ. 1995. № 5.

[3] *Malkiel Y.* Etymologie and Historical Grammar // Romance Philology. V. VIII. 1955, 187–189, 192; *Трубачев О.Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1970. М., 1972, 3–4.

[4] *Benveniste E.* Renouvellement lexical et dérivation en grec ancien // BSL 1964. T. 59, f. 1, 34, 39.
[5] *Guiraud P.* Les champes morpho-sémantiques / Critères externes et critères internes en étymologie // BSL. T. 52. 1952.
[6] *Трубачев О.Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике....1972, 15.
[7] Лексічны атлас беларускіх народных гаворак у пяці тамах / Пад рэд. М.В. Бірылы і Ю.Ф. Мацкевч. Т. 3. Мінск, 1995, 47.
[8] Подробно о русск. *стрять* < праслав. **stręgti* см. *Варбот Ж.Ж.* К типологии взаимодействия этимологических гнезд // Studia etymologica Brunensia 2. Praha, 2003, 60–61.
[9] *Malkiel Y.* Etymology and General Linguistics // Word. V. 18. 1962. N 1–2, 204–205.
[10] *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Paris, 1966, 343.
[11] *Топоров В.Н.* Этимологические заметки (славяно-италийские параллели) // Краткие сообщения института славяноведения АН СССР. Т. 25. 1958, 74–79.
[12] *Vaillant A.* Op. cit., 342.
[13] *Orlovský J.* Gemerský nárečový slovník. Martin, 1982, 213.
[14] *Zaorálek J.* Lidová rčení. Praha, 1947, 645.
[15] *Trávníček F.* Slovník jazyka českého. Praha, 1952, 287.
[16] *Kazmíř S.* Slovník valašského nářeči. Vsetín, 2001, 122.
[17] *Malina I.* Slovník nářeči mistřického. Praha, 1946, 43.
[18] *Kott J. Št.* Dodatky k Bartošovu Dialektickému Slovníku Moravskému (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, č. 8). Praha, 1910, 40.
[19] *Влајић-Поповић Ј.* Историјска семантики глагола ударања у српском језику. Преко етимологије до модела семасиолошког речника. Београд, 2002, 301, 374.
[20] Предлагаемое Махеком генетическое разделение чеш. *šklebiti se* в значениях 'щериться, раскрываться, зиять' и 'смеяться' (см. Machek² 612) совершенно не оправданно: ср. русск. *щериться* в обоих значениях (при родстве со **skora*). Неприемлемо также и толкование серб. *клебетати* как производного от праславянского звукоподражательного корня **lep-* с вариантными начальными консонантными формантами (?) *х/к* и под., которое предлагается Влајић-Поповић. Указ. соч., 338–339. Допущение подобной широкой вариантности морфологически нефункциональных элементов лишает этимологический анализ методических оснований.
[21] *Варбот Ж.Ж.* Славянские этимологии (**osetь*; происхождение гнезда слав. **ners-* и некоторые продолжения его в славянских языках; некоторые продолжения гнезда слав.**(s)kelb-/*(s)kolb)* // ОЛА. 1975. М., 1977, 136–139.
[22] Приведенными материалами из старочешских памятников я обязана картотеке Старочешского словаря, с которой я могла ознакомиться благодаря любезности коллектива Старочешского словаря Института чешского языка АН ЧР, за что и приношу этому коллективу глубокую благодарность.
[23] *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995, 69.
[24] Там же.
[25] Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006, 285.
[26] Там же, 286.
[27] *Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007, 236.
[28] Там же.

В.Л. Васильев

ДЕРИВАТЫ РЕДКИХ И АРХАИЧЕСКИХ ТИПОВ ОТ *БОР, БЕРЕЗА*[*]

Региональные топонимические ландшафты скрывают немало редких и архаических образований, которые находят единичные или узкодиалектные подтверждения в апеллятивах (нередко далеко за пределами функционирования соответствующих тополексем) или остаются вовсе без апеллятивных параллелей. В таких случаях роль топонимов по сравнению с апеллятивной лексикой существенно повышается, поскольку топонимы приобретают не второстепенное, иллюстративно-дополняющее, а первостепенное значение при этимологических реконструкциях. Топонимия рассматривается при этом как хранитель либо уже утраченного, либо не получившего распространения в общей лексике.

Многочисленные географические названия с корневым элементом *бор-* рапространены по всему славянскому миру[1]. Велико словообразовательное разнообразие таких тополексем, значителен процент названий, повторяющихся иногда в десятках мест (ойконимы *Бор*, *Борок*, часто с дифференцирующими определениями: *Лодейной Бор*, *Калитной Бор, Киверев Бор, Новой Борок* и др., гидронимы *Боровое*, *Боровское, Боровно, Боровенка* и др.[2]). Как правило, подобные названия трактуются без особых трудностей, поскольку проверяются народной географической терминологией от *бор-*, словообразовательно и семантически разветвленной, представленной в разных регионах Славии[3]. Продуктивные, повторяющиеся топонимические типы обычно поддержаны терминологией, обнаруживающейся в тех же самых или сопредельных регионах. Наибольший интерес, однако, вызывают те единичные тополексемы от основы *бор-*, которые содержат редкие, непродуктивные форманты. Ниже дан анализ ряда таких тополексем, зафиксированных главным образом на Русском Северо-Западе.

В окрестностях г. Валдай Новгородской обл. имеется оз. *Бóрое* (варианты *Боруе*, *Буро-Бурое*), 64 га, непроточное, с низкими песчано-галечными берегами[4]. Под названием *Борое* это озеро,

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-04-04120а).

числившееся ранее в Зимогорской волости Валдайского уезда, приведено в письменных и картографических источниках XIX–XX вв.[5] Сегодня окрестные жители обычно именуют его *Кобелевским* озером по ближайшей деревне Кобелево (сама же деревня исчезла в середине 1980-х гг.), в XVIII столетии это озеро, бывшее на территории Короцкого погоста Деревской пятины, называлось *Бурое*, в XVI в. – *Боруи*[6]. Таким образом, письменные формы *Борое, Бурое, Боруи* являются историческими вариантами одного лимнонима. Исходным из них нужно считать *Боруи* (о чем свидетельствует ранний период его фиксации, а главное – наличие межтерриториальных параллелей и эквивалентов, перечисленных ниже), промежуточным вариантом, появившимся благодаря метатезе гласных и окончательно еще не утратившимся, является *Бурое* (форма, не характерная для гидронимической номинации), конечный вариант эволюции лимнонима представлен формой *Борое*, контаминирующей обе предшествующие формы.

Межтерриториальные топонимические соответствия локализованы в южных районах Новгородской земли и все они известны только по средневековой письменности: оз. *Боруи* в Ситенском погосте Деревской пятины 1550/51 г. (ПКНЗ 5, 153); *Боруево*, две соседствующие деревни Крестецкого погоста Деревской пятины 1539 г. (ПКНЗ 4, 138–139); дер. *Бору* Влажинского погоста Деревской пятины около 1495 г. (НПК I, 748) (в более точной передаче – *Боруй*); дер. *Боруец* где-то на территории Бежецкой пятины 1501 г. (НПК VI, 27); дер. *Боруи Уголково* и дер. *В Боруях Щмелево* – два близлежащих пункта, принадлежавших одному владельцу Ивану Лугвеневу, в Лосицком погосте Шелонской пятины 1571 г. (НПК V, 510). Судя по структуре двух последних составных ойконимов, они отражают наименование во мн. ч. некой местности *Боруи* в среднем течении Плюссы в Чудско-Ильменском межозерье.

Практически нет сомнений в том, что тополексема *Боруй* – уникальный, сохранившийся только в новгородской топонимии раннеславянский адъектив (**borujь*), образованный благодаря присоединению йотового суффикса к основе с тематической гласной *-ŭ-* (**borŭ-* 'бор; сосновый лес'[7]) и имевший значение 'боровой, относящийся к бору'. Вариантность *Боруи/Бурое/Борое*, преимущественное присутствие данной тополексемы в средневековом (а не в современном) топонимическом ландшафте региона дают понять, что перед нами образование архаическое, непродуктивное, утратившее мотивационную связь с наличной

географической терминологией от *бор-* в окружающих говорах. Этот дериват (**boruj-* < **bŏrouj-*) находит прямые структурные аналогии, во-первых, с топоосновой *Бобруй-*, лит. *Bebruj-* (к балто-слав. **bobrŭ-, *bebrŭ-* 'бобр'), означающей 'бобровый' (ср. р. *Бобруйка* с г. *Бобруйск* в Белоруссии, овраги *Бобруйские* в верхнем Поочье (Смол. ГБО, 78), рр. *Bebrujis, Bebrùjai* в Литве[8]), во-вторых, с хорошо знакомой по старославянской и древнерусской письменности лексемой *волуи* (: **volй-* 'вол'), имевшей значения 'воловий', 'коровий пастух', с рус. *валуй* (< *волуй*) 'гриб Agaricus foetens'– от *волъ* (Фасмер I, 345), с др.-рус. *олуи* 'слабое пиво' (: *olй-* 'пиво') и с некоторыми другими лексемами. Достаточно наглядно денотативная связь с боровым ландшафтом прослеживается только на уровне топонимических микросистем, в которые включена в отдельных случаях новгородская тополексема *Боруй*. В частности, рядом с оз. *Борое* (< *Боруе/Боруи*) под Валдаем, примерно в паре километров, находится дер. *Бор* (Зимогорский с/с). Около 1495 г. эта деревня называлась *Тишенка* (НПК I, 322), позднее она запустела и во 2-й половине XVI в. на месте пустоши возникла вновь, но уже под новым названием *Бор*, которое появилось либо ввиду близлежащего оз. *Боруе/Боруи*, либо как указание на *боровую* растительность в окрестностях деревни и озера. Близкий случай микросистемных отношений демонстрирует расположенное к северу от Валдая оз. *Боруе/Боруй* в Ситенском погосте, отмеченное вблизи оз. *Боровно*; см. фрагмент из приправочной книги письма И.И. Калитина 1550/51 г.: "А угодия Николскому монастырю в озере в *Боровне* часть, в озере *Боруи* часть" (ПКНЗ 5, 153). Эти соседние родственные лимнонимы явно связаны единством номинации по окружающему *боровому* ландшафту, являясь кодериватами.

Очевидно, такой же, как в диал. **borujь*, способ расширения рассматриваемой *и*-основы, но при помощи иного суффикса (*-t-a*) прослеживается в др.-слав. **boruta/*borutъ*, известном на более широкой территории: ст.-польск. *boruta* 'злой дьявол, злой дух, обитающий, по крестьянским поверьям, в болотах и топях', с.-хорв. *Borut* как название населенных пунктов в Герцеговине, Истрии (ЭССЯ 2, 214)[9]. Материал, представленный в ЭССЯ, далеко не полон. Топонимический ландшафт Русского Северо-Запада (преимущественно средневековый) показывает, по-видимому, наибольшее среди всех регионов Славии количество географических названий на базе этой лексемы, которая, по всей вероятности, преимущественно функционировала в качестве др.-слав. прозвищ-

ного имени. Среди них название местности *Борутицы* неподалеку от впадения Волхова в оз. Ладогу, указанное писцовыми книгами 1496 и 1551 гг. (ПКНЗ 1, 97; ПКНЗ 2, 19) и жалованной несудимой грамотой Ладожскому Васильевскому монастырю 1624 г. (АИ III, 200); название *Борутино* в разных местах, связанное с парой деревень в Деревской пятине конца XV в. (погосты Михайловский и Жабенский) (НПК I, 163, 648) и с двумя деревнями в Бежецкой пятине 1564 г. (погосты Петровский Борисоглебский и Волок Держков) (НПК VI, 953, 989); помимо этих пунктов, отмечены: дер. *Борутино* на р. Пчевже в Тихвинском уезде Новгородской губ. начала XX в. (СНМНГ VII, 34–35), о которой более ранних сведений нет, и дер. *Борутино* в Бежецком уезде Тверской губ. (СНМРИ 43, № 1199). В средневековой Пусторжевской земле, входившей в древненовгородские владения, значилось, согласно писцовой книге Пусторжевского уезда 1582/83 г., село *Баруты* близ р. *Борутица* в *Боруцком* стане[10], позднее известное как погост *Барута* на р. *Барута* в Новоржевском уезде Псковской губ. 1885 г. (СНМРИ 34, № 4575). Как йотово-посессивное образование от этой же основы *Борут-* может быть квалифицировано новг. *Боручье*, которое служило, во-первых, названием местности в Рождественском Солецком погосте на Волхове в Водской пятине под 1500 г. (НПК III, 438, 493), во-вторых, выступает названием озера в Окуловском р-не Новгородской обл.[11] За пределами Русского Северо-Запада топонимические соответствия не часты: *Борутиха*, дер. в Кинешемском уезде Костромской губ., *Баруткины* и *Баруткинской*, близлежащие пункты неподалеку от Котельнича Вятской губ. (Rus. geogr. Namenbuch I, 2, 280; 3, 511, 515): эти, последние, ойконимы явно позднего происхождения получены по фамилии *Баруткины* (< уменьш. *Борутка*). В Чехии есть топоним *Borutov*[12], в Польше известны гидронимы: рр. *Borucza*, *Borucin* и озера *Borucińskie* (*Boruckie*) бассейна Вислы[13]. Перечисленная топонимия преимущественно базируется на антропонимии от **boruta/*borutъ*; ср. *Борута, Borutha, Boruta*, несколько раз прослеживаемые по ст.-укр. и ст.-блр. источникам XVI в.[14], полаб.-помор. *Borut(a)* XIII в.[15], др.-польск. *Borut, Boruta* (Sł. stpol. nazw osobowych I, 224), др.-словен. *Borut*[16].

Заслуживают краткого комментария еще несколько любопытных новгородских тополексем от *бор-* с редкими, непродуктивными формантами и с отдаленными межславянскими линиями апеллятивных связей. Новг. *Бория*, название низкого места в Вол. р-не (Новг. словарь 1, 74), имеет параллели в с.-хорв. диал. *борје*,

словен. *bórje* ‘сосны; сосновый лес’, чеш. диал. *boří* ‘сосновый лесок’[17]. Топоним являет собой собирательное образование мн. ч. (структурно подобное, например, названию дер. *Осия* под Новгородом: к *осья* ‘осинники’), а его денотативная соотнесенность с низким местом объяснима известной закономерностью скольжения семантики слова *бор* по линии ‘верх’ – ‘низ’. Название места *Боре́ль* в Люб. р-не (Новг. словарь 1, 74) равно апеллятиву *боре́ль* ‘хвойная тайга со смешанной порослью’ в русских говорах Забайкалья (Элиасов 67): очевидно, эти лексемы образованы с суффиксом *-ль* от диал. *бореть* ‘зарастать деревьями, кустарником (о залежи)’ (Порх. Пск., Осташк. Твер.) (СРНГ 3, 98). Новг. *Борняг*, именующее место, где растут только сосны (Ст.) (Новг. словарь 1, 75), наряду с волог. *борняк* ‘сосновый лес’, *борник* ‘бор, боровое место’ (СРНГ 3, 103), арханг. *борняг* ‘сухое возвышенное место в лесу’ (Кон.), *борник* ‘густой темный лес’ (Шенк.), ‘сухое возвышенное место в лесу’ (Карг.) (Арханг. словарь 2, 78), чеш. диал. *borník* ‘сосновый лес’[18], отражает тенденцию к ремотивации слова *бор* путем оформления его по продуктивной модели номинаций леса по породам деревьев, как *сосняг/к*, *березняг/к* и др. Название г. *Боровичи* в Новгородской обл., как свидетельствует документация XV–XVI столетий, прямо отражает личное обозначение *боровичи* мн.ч. (ед.ч. – *борович*, но чаще *боровитин*, ср. многочисленные ономастические проявления последнего: *Боровитин*, *Боровитиновы*, *Боровитиново* и др.), которое, в свою очередь, указывало на поселенцев в *бору*, *боровой* местности или на жителей пункта *Бор*, *Боровое* и т.п.[19] Помимо Русского Северо-Запада, этот специфический катойконим зафиксирован в юго-западном Подмосковье (известно, что жителей г. *Боровск* и в целом население Боровского уезда Калужской губ. в XVII–XX вв. именовали *боровичами* при *борови́ч/боровитин* ед.ч.[20]) и имел хождение на западно- и южнославянской территории; ср. польск. *borovicy*, жители села *Borowna* в южной Малопольше, *Boróučeč*, жители села в Словении (Sławski. Zarys II, 56–57).

Рассеянные по всей Славии топонимы с основой *берез-* не менее разнообразны по своему оформлению, чем с основой *бор-*[21]. К числу неоднозначно трактуемых архаических, непродуктивных и диалектно ограниченных дериватов от *берез-* принадлежит topoлексема *Березуй*, обнаруживающаяся в составном наименовании средневекового погоста Новгородской земли: “В Бежетцкой пятине в Михайловском погосте в *Березуи* Радоницах деревни…”, согласно писцовой книге поместных земель 1538/39 г. (ПКНЗ 3,

11–13) (по современному административно-территориальному делению, где-то на пограничье Бокситогорского р-на Ленинградской обл. и Хвойнинского р-на Новгородской обл.). Все другие соответствующие топонимы, которых насчитывается довольно много, локализованы на восточнославянской территории, но значительно южнее приведенной фиксации. Из летописного списка древнерусских городов конца XIV столетия известно о средневековом г. *Березуеск/Березуйск*, помещенном летописью в земле Литовской между городами Голъшаны и Друтяск[22]. Писцовая книга Пусторжевского уезда 1582/83 г. отмечает оз. *Березуй* в Кудеверском стане Пусторжевской земли.: "дер. Хонева у оз. *Березуя*"[23]. Сегодня – это оз. *Березовское* с дер. Хонево на южном берегу в 30 км к востоку от г. Опочка Псковской обл. См. еще пск. *Березуй* как название пустоши XVII в. (Псков. словарь 1, 179). Среди топонимических материалов XIX–XX столетий отмечены: *Березуй Большой* и *Березуй Старый*, близлежащие погосты-селения у р. Вазуза в Зубцовском уезде Тверской губ., дер. *Березуи* Ржевского уезда Тверской губ., дер. *Березуевка* на р. Мощенка в Карачевском уезде Орловской губ. + дер. на р. Студенец Чернского уезда Тульской губ., дер. *Березуево* на р. Лосмина Духовщинского уезда Смоленской губ., дер. *Березуи/Березухи* на р. Кострянка в окрестностях г. Белый Смоленской губ., дер. *Березуй* (*Введенское*) на р. *Березуя* под Болховом в Орловской губ., дер. *Березуйка* на р. Черная Натопь Чериковского уезда Могилевской губ. (Rus. geogr. Namenbuch I, 2, 371); сюда же гидронимы, один из которых блр. *Беразуйки*[24], остальные – в бассейне Оки: р. *Березуй* (с притоками *Мокрой Березуй, Сухой Березуй, Волфин Березуй*) в верхнем Поочье, р. *Березуй* (с притоками *Большая Березуй, Малая Березуй,* оврагом *Березуйской*) среди правых притоков Угры, рр. *Березуй/ Березуйка* и *Березуенка* в среднем левобережном Поочье ниже Угры, р. *Березуйка* под 1338 г. (под 1339 г. *Березуек*, под 1340 г. *Березайка*, сегодня – *Березинка*) в среднем правобережном Поочье, Тульская губ. (Смол. ГБО, 24, 46, 47, 88, 99, 150); наконец, нужно вспомнить о фамилии *Березуев*, указанной В.П. Нерознаком[25].

Со стороны семантико-этимологической тополексема *Березуй*, надо полагать, выступает первичным обозначением березового леса, подвергшимся топонимизации. Вместе с тем в аспекте деривации данная тополексема выглядит уникальной. Ее следует рассматривать среди единичных дериватов на *-уй*, ср. перечисленные выше *Боруй*, *Бобруйка* и др., *волуи*, *валуй*, *олуи*, к ним можно добавить олон. *желвуй* 'твердая опухоль от ушиба, шиш-

ка, желвак', 'нарыв, болячка' при *желвак, желва* 'болячка, чирей, нарыв; и др.' (СРНГ 9, 102–103). Все эти немногочисленные образования, однако, связаны по происхождению с праславянскими основами на **-ŭ* или на **-ū* (отдельную подсистему составляют антропонимические гипокористики типа *Радуи* от *Радославъ*, *Милуи* от *Милославъ*, где суффикс *-уи* окончательно абстрагировался от основ на **-ŭ*), тогда как *Березуй* мотивируется апеллятивом *береза* **ā*-склонения. Поэтому в этой тополексеме иногда усматривают след вероятной и.-е. **bhereg'-u-*, архаической основы на **-ŭ*, связанной с обозначением березы[26].

Имеющийся топонимический материал некоторым образом благоприятствует данной гипотезе, относящей образование *Березуй* к глубоко архаическим истокам. Во-первых, как выяснилось, эта топонимическая форма в плане деривации получает серьезное подкрепление в материале восточнославянской топонимии, причем в целом как раз на тех территориях (новгородской, тверской, могилевской, поочской), где были обнаружены топонимы *Боруй*, *Боруец*, *Бобруйские* и т.п., определенно производные от **-ŭ*-основ (см. выше). Во-вторых, стоит обратить внимание на то, что в южной, юго-восточной части новгородского пятинного деления (и только в этом довольно ограниченном ареале), наряду с отмеченной здесь тополексемой *Березуй*, зафиксированы такие средневековые топонимы Деревской пятины, как *Березук*, починок в Посонском погосте 1551 г. (ПКНЗ 5, 291) (= *Березуг*), *Березуха*, дер. в Налючском + дер. в Налесском погостах 1496 г. (НПК II, 603, 762), *Березуха Сотонина*, дер. в Курском присуде под 1539 г. (ПКНЗ 4, 302); сюда же известные по документации XIX–XX вв. названия деревень в Тверской обл.: *Березу́г* (Березугский с/о Селижаровского р-на; по межевому атласу середины XIX в. – *Березук*[27]), *Березу́га* (Каменский с/о Максатихинского р-на), *Березу́ги* (Ходуновский с/о Фировского р-на; на карте-трехверстке – *Березуга*). Форманты в перечисленных названиях тоже допустимо квалифицировать как наложение древней **-ŭ*-основы на суффиксы *-ха*, *-ga/-gъ*.

С тополексемой *Березуй* структурно, семантически и ареально соотносится тополексема *Березай*, закрепленная в ряде мест на новгородско-псковско-тверской территории. Наиболее известными, прослеживаемыми в том числе по исторической документации, являются смежные названия оз. *Березай* на Валдайской возвышенности, в 25 км южнее г. Валдай, и вытекающей из озера р. *Березайка*, 150 км длиной, которая течет между Валдаем и

Бологое и впадает слева в р. Мсту. В современной классификации водоемов озеро *Березай* именуется также *Березно-Березай*[28], в начале XX столетия при описании селений Ивантеевской волости Валдайского уезда отмечено как оз. *Березовик* (СНМНГ I, 45, 47). Документировано с 1496 г. как оз. *Березаевское* на территории Городенского погоста Деревской пятины (НПК I, 274) или *Березайка* под 1539 г.: "А озера де *Березайка* ⟨...⟩ в писцовых книгах Жихоря Рябчикова в Жабенском погосте ни за кем в помесье не сыскано" (ПКНЗ 4, 291). Вытекающая из озера р. *Березайка* названа по лимнониму, но это производное название закрепилось относительно поздно. В старой письменности при описании Березайского и Рютинского погостов Деревской пятины, начиная с конца XV и до середины XIX в., река упоминается как *Березай/Березая* ("на реце на *Березаи*"; "на мосту у *Березаи*" и т.п.) (НПК I, 160, 176, 212, 497; ПКНЗ 4, 115; ПКНЗ 5, 196, 200, 201, 208, 223, 224, 226, 229–232, 238; АИСМ, 94, 116, 117, 302, 333, 1052; ВСОРИ, 26; и др.), поэтому направление переноса имени *Березай* – с озера на реку-исток или, наоборот, с реки на озеро – однозначно не определяется. Вариант *Березая* – явный результат согласования *Березай* с номенклатурным термином *река* ж. р.; см., например, в (ПКНЗ 5, 231): "...перенесены *на реку на Березаю*". По озеру и реке были поименованы многие прилегающие к ним селения и один из средневековых погостов-округов[29].

Приведенные смежные гидронимы не одиноки. Есть еще маленькое, обозначенное лишь на крупномасштабной карте (1 : 100 000), оз. *Березай*, расположенное немного севернее г. Валдай, у истоков р. Шегринка в Валдайском р-не Новгородской обл. Две деревни, называемые *Березай*, отмечаются в границах Тверской обл.: одна из них в середине XIX в. числилась в Вышневолоцком уезде (СНМРИ 43, № 4235) (сегодня – дер. Спировского р-на, Еремеевский с/о), другая – в Торжокском уезде (СНМРИ 43, № 7749), сегодня – дер. в 15–20 км северо-восточнее Торжка, Большепетровский с/о. По всей вероятности, населенный пункт под Торжком фигурирует также в одном из актов 1655 г. Иверского монастыря на Валдае: "пустошь, что было село *Березай*" в Прутенской волости (АИСМ, 1019, 1020); кроме того, в двух актах Иверского монастыря 1662 г. указывается еще дер. *Березай* в Щученской волости Ржевского уезда (АИСМ, 388, 405, 1034), которая, по-видимому, отождествляется с современной дер. *Березуи* Трубинского с/о на р. Орча в Ржевском р-не Тверской обл. В списке водоемов Ленинградской обл. 1929 г. отмечен руч. *Березай*, при-

ток Чагоды[30]. В южном Приильменье, к юго-западу от районного центра Поддорье Новгородской обл., имеется небольшое оз. *Березайка*, 8 га, Нивский с/с[31]. Духовная грамота Ивана III под 1504 г. дает еще одно соответственное название на юге Псковской земли, перечисляя соседние "волости *Березаи*, Невле, Усваи, Ловцо, Весненолого". Свое название *Березаи* эта средневековая волость получила, очевидно, по одноименному озеру, которое сегодня называется *Березно* и локализуется в 10 км юго-западнее г. Пустошка Псковской обл.[32] Таким образом, ареальная дистрибуция изучаемой топонимии не выходит за пределы Русского Северо-Запада.

В отличие от *Березуй*, тополексема *Березай* находит очевидную апеллятивную поддержку в говорах на востоке Новгородской обл.: *березáй* 'гриб подберезовик': "У нас *березаем* подберезовик зовут. У *березаев* головка бывает, белая, серая. *Березаев* и красух много тут" (Оп. + Бор., Пест.), уменьш. *березайчик* то же (Оп.) (Новг. словарь 1, 51). В плане деривации топоним *Березай* и апеллятив *березай* имеют достаточно аналогий на славянской почве: они образованы от *береза* точно так же, как праслав. **korvajь*, рус. *каравай* – от **korva*, рус. *корова* (Фасмер II, 332), др.-польск. *nogaj* 'длинноногий человек' – от *noga*, *łabaj* 'большая собака' – от *łaba* 'лапа' (Sławski. Zarys I, 88), укр. *бородай* 'бородач' – от *борода*, *голодай* – от *голод* и другие nomina attributiva. Нужно подчеркнуть, что топонимический архаизм *Березай* в процессе своего функционирования подвергался переделке, состоявшей в замене редкой непродуктивной суффиксации на изосемантическое суффиксальное оформление, более привычное и продуктивное. Показателен в этой связи состав приведенных выше вариантов новгородского и южнопсковского лимнонимов: *Березай*/*Березно*/*Березовик*; не менее показательна и мена вариантов вторичного, отгидронимного, названия древнего села на р. *Березайка* в Бологовском р-не Тверской обл.: ранние варианты названия этого села – *Ряд Березаевский* 1496 г. (НПК I, 509), *Березайский Ряд* ("...Те три деревни перенесены на реку на *Березаю* против *Березайского ряду*", 1551 г. (ПКНЗ 5, 231)) замещены сегодня названием *Березовский Рядок*[33]. Топонимическая вариантность отчетливо иллюстрирует первичную атрибутивную семантику др.-новг. *березай*, которое могло подвергаться разного рода специализации на основе общего осевого признака. Наряду с проявившимся в части новгородских говоров специализированным значением 'березовый гриб', в этой лексеме легко предсказывается незафиксированное значение 'березовый лес', особенно если принять в расчет

семантико-деривационные аналоги, выступающие одновременно обозначением леса и грибов; ср. рус. диал. *березовик* 'березовый лес' и 'гриб опенок', *березник* 'березовый лес' и 'гриб подгреб', *березуга* 'березовый лес' и 'гриб' (СРНГ 2, 252, 254).

Вариантные тополексемы *Березай* и *Березуй* коррелируют в ареальном отношении: они территориально разведены и почти не пересекаются: первая зафиксирована на новгородско-тверской, единично – на псковской территории, распространение второй приходится на верхнее и среднее Поочье, верхнее Поднепровье и верховья р. Великой.

Существуют мнения о неславянских, субстратных истоках рассматриваемых тополексем, "прозрачно" объяснимых по связи с окружающим березовым лесом, березами. В.Н. Топоров, обращаясь к валдайским смежным гидронимам *Березай* оз. и *Березайка* р., не исключает их балтийское происхождение: < **Berz-aj-*, **Berž-aj-* или **Birz-aj-*, **Birž-aj-*[34], хотя цельнолексемных гидронимических параллелей не приводит. В ЭССЯ (1, 207) принята сходная субстратная трактовка рус. *Березуй*: < балт. **Beržōj-*. С учетом изложенных выше многочисленных соответствий на сопредельных восточнославянских территориях предположения о балтийском лексическом субстрате выглядят явно ненадежными. Сравнительная многочисленность, рассеянность по восточнославянской равнине этих вариантных названий (порой они даже объединяются в качестве вариантов одного названия, см. *Березайка/Березуйка* в Поочье), нахождение их в контексте равноструктурных раннеславянских топооснов *Боруй-*, *Бобруй-*[35], наличие прямой апеллятивной поддержки (для *Березай*) в восточных новгородских говорах, заметные ареальные размежевания *Березай* и *Березуй* и структурная связь последнего с некоторыми иными "березовыми", но безусловно славянскими названиями (в частности, с новгородско-тверскими *Березуг*, *Березуга*, *Березуха*), – все эти факты требуют считать *Березай* и *Березуй* славянским наследием, трактовать как восточнославянские архаизмы ограниченного распространения.

Примечания

[1] См.: *Šmilauer V.* Příručka slovanské toponomastiky. Praha, 1970, 42; *Подольская Н.В.* Типовые восточнославянские топоосновы: Словообразовательный анализ. М., 1983, 124–125.

[2] Примеры взяты из Указателя к первым шести томам Новгородских писцовых книг. Имена географические (Пг., 1915).

[3] Подробнее см.: *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969, 22–41; *Строгова В.П.* Об особенностях слова *бор* и однокоренных в северо-западных говорах // Системность русского языка. Новгород, 1973, 252–260; *Васильев В.Л.* Новгородская географическая терминология. Ареально-семасиологические очерки. Великий Новгород, 2001, 77–94.

[4] Приложение к распоряжению облисполкома от 22.08.89 г. "Об утверждении перечня рек, озер и водохранилищ Новгородской области для установления водоохранных зон до 2000 года"; *Истомина Э.Г., Яковлев З.М.* Голубое диво: Историко-географический справочник о реках, озерах и болотах Новгородской области. Л., 1989, 106.

[5] ВСОРИ, 36; СНМНГ V, 39; трехверстная карта Генштаба (конец XIX в.) и др.

[6] *Поведский Ю.Н.* Валдайское Приселье. Историко-краеведческие очерки. Тверь, 1997, 71.

[7] См.: ЭССЯ 2, 216; *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, 247–248.

[8] *Аникин А.Е.* Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского словаря. Новосибирск, 1998. Вып. 1 (**a- – *go-*), 52.

[9] См. еще: *Бернштейн С.Б.* Указ. соч., 248.

[10] *Янин В.Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998, 145, рис. 6.

[11] По: *Истомина Э.Г., Яковлев З.М.* Указ. соч., 119. Имеются основания отождествить это оз. *Боручье* в Окуловском р-не Новгородской обл. со средневековым оз. *Боруи*, указанным в Ситенском погосте Деревской пятины писцовой книгой XV в. (ПКНЗ 5, 153). Если это так, то перед нами не вполне объяснимый факт сближения хотя и различных, но родственных и структурно сходных названий, объединенных в качестве вариантов одного лимнонима. В дополнение к этому факту существенно отметить, что в непосредственной близости от оз. *Боручье* (*Боруи*) расположено озеро под названием *Боровно*.

[12] *Miklosich Fr.* Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen: drei Abhandlungen. Heidelberg, 1927, 36.

[13] Hydronimia Wisły. Cz. I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / Pod red. P. Zwolińskiego. Wrocław etc., 1965, 295.

[14] *Демчук М.О.* Слов'янськи автохтонні особові власні імена в побуті українців XIV–XVII ст. Київ, 1988, 66.

[15] *Schlimpert G.* Slawische Personennamen im mittelalterlichen Quellen zur deutschen Geschichte. Berlin, 1978, 21.

[16] *Kos Fr.* Ob osebnih imenih pri starih Slovencih // Letopis Matice slovenske za leto 1886. Ljubljana, 1886, 11.
Об иных современных микротопонимах в селе Березовский Рядок и в прилегающей округе ранее писала Строгова В.П. (Микротопонимия с. Березовский Рядок (Бологовский район Калининской области) // Микротопонимия. М., 1967, 124–132 + вкладыш в конце сборника – Топонимическая карта-схема села Березовский Рядок).

[17] *Толстой Н.И.* Указ. соч., 28, 39.

[18] Там же, 39.

[19] Подробнее см.: *Васильев В.Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005, 292–298; *Он же.* О названии города *Боровичи* в Новгородской области // Про-

блемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. Ч. III. Воронеж, 2005, 194–201.

[20] См.:Словарь названий жителей СССР/ Под ред. А. М. Бабкина и Е.Л. Левашова. М., 1975, 108; *Городецкая И.Л., Левашов Е.А.* Русские названия жителей: Словарь-справочник. М., 2003, 55.

[21] См.: *Šmilauer V.* Указ. соч., 38; *Подольская Н.В.* Указ. соч., 118–120.

[22] Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856, 240.

[23] *Янин В.Л.* Указ. соч., 147.

[24] *Журавлев А.Ф.* Дополнения к лексическим материалам "Этимологического словаря славянских языков". Ч. 1. М., 1990, 16.

[25] *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983, 19.

[26] Подробнее см.: *Аникин А.Е.* Указ. соч., 33–34.

[27] *Воробьев В.М.* Тверской топонимический словарь. М., 2005, 35.

[28] *Истомина Э.Г., Яковлев З.М.* Указ. соч., 106.

[29] По оз. *Березай* назван пос. *Березай* Ивантеевской волости Валдайского уезда Новгородской губ. (СНМНГ V, 42), сегодня – урочище Валдайского р-на Новгородской обл. близ речного истока из озера; с данным пунктом идентифицируется либо дер. *Березай* в Городенском погосте Деревской пятины конца XV в., либо дер. *На Березаевском озере* этого же погоста (НПК I, 271, 303). По реке *Березай/Березайка* названы дер. *Старый Березай* (Ильятинский с/о) и дер. *Новый Березай* (Гузятинский с/о) Бологовского р-на Тверской обл.; в начале XX столетия на их месте числились одноименные село, деревня и погост Ильятинской волости Валдайского уезда (СНМНГ V, 48–49), а в средневековье здесь находился центр *Березайского* погоста Деревской пятины, многократно упоминаемого с конца XV и в XVI столетии (ПНК I, 497–514; ПКНЗ 4, 201, 223–230, 232; ПКНЗ 5, 121, 384, 386). Ниже по течению *Березайки* вблизи пос. Бологое находится раб. пос. *Березайка*, возникший как станция при Николаевской железной дороге; в начале XX в. эта станция и несколько одноименных усадеб при ней относились к Дубровской волости Валдайского уезда (СНМНГ V, 26–27). В нижнем течении *Березайки* в Кемской волости Валдайского уезда в 1909 г. числились два хутора: *Березай* и *Березай 2-й* (СНМНГ V, 54–55). Кроме того, при описании Рютинского погоста Деревской пятины 1551 г. указана средневековая волость *Березай* где-то на берегах одноименной реки (ПКНЗ 5, 196). При впадении *Березайки* во Мсту стоит древнее село *Березовский Рядок* Бологовского р-на Тверской обл., бывшее ранее волостным центром Валдайского уезда (СНМНГ 5, 10–11). В составном наименовании этого села, хорошо известного по документации с конца XV в., отражен факт не только его местонахождения на *Березайке*, но и его бывшая торгово-ремесленная специализация (рядок). Здесь был и центр средневекового Никольского погоста с церковью Николы чюдотворца. Исторические материалы дают следующие варианты составного названия: *Ряд Березаевский* 1496 г. (НПК I, 509) и *Березов Ряд* 1496 г. (НПК I, 462), *Березовский Ряд* (ПКНЗ 5, 230) и *Березайский Ряд*, оба под 1551 г. (ПКНЗ 5, 231), *Березовский Рядок*, о котором многократно в документации Иверского монастыря XVII в. (АИСМ, 53, 77, 78, 94, 116, 118, 218, 413, 430, 491, 614, 647, 697, 888, 889, 1033), *Березовой рядок*, под 1849 г. (ВСОРИ, 42), позднее утвердилось современное название. Где-то поблизости от рядка, при впадении *Березайки* во Мсту, писцовая книга 1539 г. указывает еще дер. *Усть-Березая* Рютинского погоста Деревской пятины (ПКНЗ 4, 116).

[30] *Шанько Д.Ф.* Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929, 446.

[31] Приложение к распоряжению... "Об утверждении перечня рек, озер и водохранилищ Новгородской области...

[32] *Янин В.Л.* Указ. соч., 161.

[33] Об иных современных микротопонимах в селе Березовский Рядок и в прилегающей округе ранее писала Строгова В.П. Указ. соч.

[34] *Топоров В.Н.* О северо-западнорусском локусе балтийской гидронимии (из цикла "По окраинам древней Балтии") // Res Balticae. Pisa, 1995, 15; *Он же.* Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999, 281.

[35] Допущение о балтийском происхождении топоосновы *Бобруй-* в *Бобруйка* р. (см.: *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, 177) на фоне рассмотренных славянских фактов выглядит излишним.

Сокращения

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–5. СПб., 1841–1842. Указатель к Актам историческим. СПб., 1843.

АИСМ – Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные Архимандритом Леонидом // Русская историческая библиотека, изд. Археографическою комиссиею. Т. 5. СПб., 1878.

ВСОРИ – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. III. Ч. 3: Новгородская губерния. СПб., 1849.

НПК – Новгородские писцовые книги, изданные императорской Археографической комиссией. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.

ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К.В. Баранов. М., Т. 1–5. 1999–2004.

Смол. ГБО – *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.

СНМНГ – Списки населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В.А. Подобедова. Вып. I–VIII. Новгород, 1907–1912.

СНМРИ – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 43. Тверская губерния. СПб., 1862.

Т.В. Горячева

ДРУГ СИТНЫЙ НА ФОНЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПИЩИ

(к семантической интерпретации некоторых русских фразеологизмов)

Выражение *друг ситный* традиционно толкуется как отождествление человека (друга) с ситным хлебом. В этом словосочетании присутствует ирония, ср. ряз. *ситня́га* в значении 'любезный, милый человек' (Даль[3] IV, 166). Ситный хлеб пекся из ситной муки, пропущенной сквозь сито, которая была мягче, чем мука, просеянная через решето. Ср. пословицу: "Друг ситный, решетом (не) прогрохан"[1]. Т.А. Воронина в своей статье "Зерновые в повседневной, праздничной и обрядовой жизни русских" пишет о муке: "В XIX – начале XX в. … ржаную муку вырабатывали трех сортов: сеяную, обдирную и обойную, из смеси которых пекли различные сорта хлеба. В свою очередь, мука подразделялась на решетную и ситную, в зависимости от того, через что ее просеивали. Тесто для решетных хлебов всегда замешивали на воде или квасе, а для ситных – на простокваше или в крайнем случае, на обрате"[2]. В Словаре русских народных говоров слово *си́тный* приводится с такими тремя значениями: 'из пшеничной муки, белый о хлебе', 'полезный, питательный', 'с некачественной древесиной' (СРНГ 37, 355). *Друг ситный* входит в систему словосочетаний, обозначающих качества друга: литер. *закадычный друг, запа́зушный друг* 'самый близкий, задушевный' (СлРЯ XVIII в., 8, 45), *тёмный друг* (*тёмная подру́га*) 'близкий друг' (Сл. донск. казачества 526). Михельсон приводит также пословицу "Друг сердечный, таракан запечный" – 'свой, домашний (гость)'[3].

Ирония в выражении *друг ситный* касается свойств его – мягкости, обмана, ненадежности. Ср. итальянское *dolce come il pane* (букв. сладкий как хлеб), которое значит 'быть очень мягким человеком'[4]. Ср. также *"Мягок (мягкий, уступчив, уступчивый) как тесто"*. Чаще ирон. 'об очень мягком, уступчивом человеке' (СсрРЯ 430), а также англ. *meal* s. 'мука', *~y* a. 'мучной, мучнистый' и *~y – mouted* 'сладкоречивый, неискренний'. Интересно также противоположное нем. *echtem Schrot* ('крупа;

грубый помол' – *Т.Г.*) *und Korn sein* 'быть настоящим человеком' и *von altem Schrot und Korn* 'зерно(вой хлеб)', 'простой, но честный'.

Интересно также выражение *друг ситцевый*, фам. 'как обращение к собеседнику': "Е, друг си́тцэвый, я жду, жду, цья собака" (Псков. словарь 10, 10). Возможно, здесь шутливое преобразование слова *ситный* в *ситцевый* в результате народной этимологии, согласно которой заимствованное слово *ситец* предполагается родственным словом *ситный*, *сито*, но вероятно и независимое образование, ср. выражение в молодежном сленге "*Простой как ситцевые трусы*" – шутл. ирон. 'о наивном, доверчивом человеке, простаке' (СМС 541). Ср также диал. *сарапинчатый буржуй* 'о бедном, неимущем человеке', амур. (СРНГ 36, 135), т.е. в одежде из дешевой ткани – *серпинки*. Интересно в этой связи выражение *друг ты мой портянка* 'о ненадежном друге'[5]. Вообще же семантическая связь наименований шитья, ткани и обмана, хитрости вполне возможна, ср. польск. *podszywany przyjaciel* уст. 'притворный (лицемерный) друг', а также франц. *draper vt.* 'обивать (материей); драпировать'; разг. 'высмеивать'; также возможна связь названий обмана и друга, приятеля, ср. англ. *cully* 'жертва обмана' и 'друг, товарищ'.

В поддержку существования культурной языковой метафоры "хлеб – человек" приведем материал славянских и других и.-е. языков. В русском фольклоре зародыш отождествлялся с хлебом: в приговорах дружки на свадьбе говорится:

А вы, старые старики,
Слушайте, послушайте,
Молодых жен на улицу не пускайте
На улице ходит детина,
Набивает брюшко мякиной,
А потом смотришь, родится детинка[6].

Данные русского жаргона также подтверждают эту метафору – ср. *хлеб,* м., мол. шутл. 'Пухлый кудрявый молодой человек' (г. Москва) (БСЖ 649). В русских народных говорах деревенская девушка, выросшая "на ржаном хлебе", здоровая, крепкая, неприхотливая называется *аржану́шка* (Перм. словарь 1, 11), ср. *ржани́к* 'парень, выросший на ржаном хлебе' и арханг. *ржа́ни́к*, м. 'хлеб из ржаной муки'. "Прожиточные едят хлеб изо ржаной муки (ржаник или коврига), бедные из житной му́ки со ржаной (каравай); гостей угощают пшеничным хлебом (пшеничники, колобы)" (СРНГ 35, 96). Дети в русских говорах назывались

подовичками, – "Дети подовички, растут, как на опаре киснут" (*подо́вые пироги* – кислого теста, сильно всхожие, которые пекутся на поду. Подовый пирог более с рыбой. – Даль[2] III, 218). Некоторые названия хлеба, пирогов обладают переносными значениями, имеющими негативную характеристику человека, например *ни с чем пирог* 'о пустом, глупом, никчемном человеке' (перм.) (СРНГ 27, 40), ср. сербохорв. *па̀сјача* ж. 'хлеб из отрубей (для собаки)' и бран. 'дурья голова' (Толстой[2] 368), чеш. *buchta* ж. 'сладкий пирожок' и прост. 'увалень; рохля', франц. *torte* f. 'круглый пирог', разг. 'дурак, дура'. Некоторые названия других изделий из теста имеют переносные значения, относящиеся к характеристике человека. Ср., например, сленговое *крендель, -я,* м. шутл. 'друг, приятель' (СМС 253), жаргонное 'друг, приятель', арм 'молодой офицер' (БСЖ 291), арготич. *бу́лка, -и, бу́лочка, -и,* ж. 'сексуальная, соблазнительная девушка, женщина' (Елистратов. Арго 49), жарг. мол. одобр. 'приятная девушка', угол. ирон. 'наивный, доверчивый человек' (БСЖ 80), диал. (сибир.) *кала́чик, -а,* м. 'изделие из теста, выпеченное в виде кольца на масле', шутл. ирон. 'о загадочном, непонятном человеке'. "Есть такие женщины, калачиком называют, такие причудливые, задачные" (Сл. Сибири 2, 22), *бу́блик*, жарг. презр. 'проститутка' (БСЖ 79), ср. *коку́ра* 'лепешка (обычно сдобная)' (костр., влад., яросл., нижегор., пенз.) и 'о полной, пышущей здоровьем женщине' (ряз., сарат.) (СРНГ 14, 104–105), арготич. *бато́н* 'девушка', свежий ~ 'симпатичная девушка', 'странный, нелюдимый, не имеющий друзей человек (чаще о подростке)' (Елистратов. Арго 29), ср. также нов. сленг. ирон. (s. v. *батон*) "Простой как батон за тринадцать копеек" 'о чем-л. крайне простом, несложном, примитивном', 'о крайне простоватом, предельно наивном и доверчивом человеке' (ССрРЯ 28). В русском жаргоне *пряник* шутл. 'любой человек', гом. 'юноша – потенциальный партнер гомосексуалиста' (БСЖ 488); в Словаре сравнений русского языка Мокиенко приводит жарг. мол. выражение "Доволен как пряник" 'об очень довольном, счастливом до глупости человеке' и истолковывает его так: "Вероятно, образовано сжатием более развернутого сочетания *доволен, словно ему пряник дали* (*подарили*)" (СсрРЯ 349). Однако, возможно, что это объясняется иначе – человек от удовольствия выглядит как красивый (расписной) пряник, ср. там же выражение "Красивый как (расписной) пряник" (Там же), а также орлов. *как пря́ник сдо́бный (ломаться)* 'очень сильно (манерничать, жеманиться)' (Орловский словарь 11, 127).

Можно упомянуть здесь также влад. *коври́жка, -и,* ж. ‘девушка, барышня’ (СРНГ 14, 33), арханг. *непроме́с* ‘хлеб из плохо промешанного теста’, ‘ненаходчивый, недогадливый человек, мямля’ (СРНГ 21, 131), англ. *tart* II s. ‘пирог с фруктами, торт’, сленг. ‘проститутка’.

Чтобы приворотить девку, в русских деревнях делали наговор на пряник: “Истопи баню жарко и войди в нее; когда взопреешь, возьми чистую тряпицу, сотри пот и выжми тряпицу на пряник. Когда станешь пот стирать, тогда глаголи трижды сей заговор”[7]. В русском обереге от сглаза предъявляется хлеб и говорится: “Как хлеб не боится ни уроков, ни призоров, так и я не боюсь”. – “Свойство хлеба не бояться сглаза входит в набор его сакральных характеристик и принимается без объяснений”[8].

Не только хлеб и печеные изделия из муки, но и другие названия пищи имеют переносное значение ‘человек’, с конкретизацией его негативных и положительных качеств, например: *крупа́* ирон. ‘о солдате’ (нижегор., костром., влад., моск., калуж., тюмен., тобол.), ‘о солдате в отставке или инвалиде’ (обоян., курск. – СРНГ 15, 315); *простáя кáша*, м. и ж. ‘простодушный человек’ (Сл. Сред. Урала. (Доп.) 469), ср. чеш. *kuba* ж. ‘каша из перловой крупы и сушеных грибов’, презр. ‘дурак’; ср., однако нем. *Grütae* f. ~, ~ n ‘крупа, каша’, фиг. ‘смекалка’; *житная саламáта* ‘о несобранном, расхлябанном человеке’ (СРНГ 36, 58) сербохорв. *булу̀маħ, булумáħа* м. уст. ‘кушанье из муки, масла и сахара’; ‘болтушка из муки и творога’, обл. ‘невежда, неуч, балда’ (Толстой[2] 43); псков. *квасо́к, -скá, -ску́;* перен. ‘о человеке вспыльчивом’; *с кваско́м* ‘о человеке со сложным характером’ (Псков. словарь 14, 81), s. v. *квас – неудача с квáсом* ‘о неумелом человеке’ (Там же, 77); ср. прилаг. *квашёный* ‘об излишне полном и неповоротливом человеке’ (Акчим. словарь 2, 39); ср. *мужик простой, как кисель густой*[9]; *пресное молоко* – ‘об очень молодом человеке’ (Перм. словарь 1, 521), *быть пре́сным молоко́м* ‘быть молодым, юным’ (Соликам. словарь 62); в московском арго слово *простокваша, -и,* ж. значит ‘женщина, девушка, жена, подруга, любовница’ (Елистратов. Арго 380); в украинском языке *дурне́ сáло* – ‘тупица, дурак’ (Гринченко IV, 97); русское диал. *недоваренный рассол* имеет значение ‘глупый, бестолковый человек’[10], ср. арханг. *рассо́л* ‘глупый, ненаходчивый человек’ (СРНГ 34, 216). В.И. Даль приводит пословицу, где друг называется *толоконничком*: “Все дружки, толоконнички: толоконце съев, да розно все”[11] (ср. “друг ситный”). В чешском языке слово *úkrop* м. имеет значение ‘жидкий

суп с чесноком', а уменьшительное *úkropeček* м. значит 'тихоня скромник', *sedět jako úkropeček* 'быть тихоней'; интересно также шведское *gulasch* 'гуля́ш (кул.)' и разг. 'спекулянт'; в иркутских говорах *сахара́нка* м. и ж. значит: м. 'поклонник, любимый', ж. 'возлюбленная, любимая' (СРНГ 36, 154), ср. арготич. *рафина́д, -а, рафина́дик, -а,* м. шутл.-ласк. 'обращение (обычно девушки к молодому человеку)' (Елистратов. Арго 401).

Названия овощей также имеют переносное значение 'человек', например: арготич. *о́вощ, -а,* м., обычно ирон. 'любой человек, а также 'беспомощный больной, подключенный к какому-л. аппарату, от которого зависит его жизнь' (Елистратов. Арго 295); перм. s. v. *капуста*: *Непересаженная капуста* 'о долго не выходящей замуж девушке' (Пермск. словарь 1, 376), ср. мол. жарг. *капу́ста, -ы,* ж. пренебр., презр. 'девушка', одобр. 'симпатичная девушка', *капу́стник, -а,* м. угол. 'ничтожество (о человеке)' (БСЖ 243); Мокиенко приводит s. v. *капуста* сравнение "Как капуста". Народн., ирон. 'о заурядном, глуповатом, простоватом человеке' (СсрРЯ 161); в молодежном сленге (г. Томск) слово *тыква, -ы,* ж. употребляется в ироническом, пренебрежительном значении 'неопытная девушка' (СМС 548); в молодежном арго слово *пе́рец, -рца,* м. значит 'близкий друг, приятель' (БСЖ 430); в шведском языке – *bőna, -an, -or* – 'боб' и вульг. 'девушка, девица'. Названия фруктов также могут иметь переносное значение 'человек', обычно с негативным оттенком, например – "Ну и фрукт!" – о плохом человеке; ср. швед. *súrkart, -en* 'терпкий, неспелый плод' и 'неприветливый человек', англ. жарг. *a bad apple* 'негодяй; скверный человек' (ССАИ 16); интересно в связи с этим польск. ирон. *amator kwaśnyh jabłek* 'человек с причудами (со странными наклонностями), чудак, причудник', 'любитель острых ощущений' (ПРФС А–М, 170); ср. болг. *ря́пя да яде́* някой, нещо разг. '(и) в подметки не годится кому-л., чему-л.' (БРФР 512). И, наконец, название тухлого яйца *rőtägg, -et* в шведском имеет также значение 'неудачник, выродок'.

Интересно, что семантика обмана связана также с семантикой выпечки хлеба; ср. перм. *мяконькие печь* 'обманывать': "Ой, не верь ему, он мяконькие печёт, останешься потом ни с чем" (Перм. словарь 2, 98). Ср. также русск. *"Врёт что блины печет [только шипит]",* народн. ирон. 'о беззастенчивом, бессовестном лгуне, рассказывающем что-л. неправдоподобное с невероятной легкостью' (СсрРЯ 35); ср. пословицу (о пище мягкой вообще и обмане) "Мягко съел, да черство в живот пошло"[12]. В чешском языке

opit rohlíkem (дословно ‘одурачить, околпачить рогаликом (булочкой)’) значит: эмоц. ‘обвести вокруг пальца, легко обмануть’. Ср. также *печь колобы* ‘насмехаться, издеваться над кем, чем-либо’ (арханг., КАССР – СРНГ 27, 11–12).

При всей очевидной достоверности приведенной выше трактовки выражения *друг ситный* в нее могут быть внесены коррективы. В Новгородском областном словаре приведены слово *ситный* и выражение *си́тный (си́тного) тебе,* “указывающие на измену в любви” в следующих контекстах: “Дорога моя товарка, тебе ситного несут на беленькой тарелочке, ну как не стыдно девочке”; “Говорят, девочке ситный, все крычали с вечера. Моя милая подружка, делать было нечего”; «Говорят: “Девочке ситный”. Слава богу, что не хлеб. Мне от этого от ситного беды нисколько нет». “И если я парня, с которым гуляла, не возьму, то на него все – ситный, ситный и зашикают” (Новг. словарь 10, 62). В “Материалах для идеографического словаря новгородских фразеологизмов” представлено также выражение *сделать* (*устро́ить*) *си́тный кому* ‘изменить, нарушить верность’[13]. В связи с этим можно предположить, что выражение *друг ситный* впервые возникло в сфере эротической лексики и фразеологии и первоначально могло значить – ‘тот, кто обманут в любви’ или ‘тот, кто изменил в любви’. В том же словаре записано выражение *сыгра́ть си́тный* в значении ‘изменить в любви’ (Там же 11, 16). Существует в русских диалектах семантическая модель ‘название пищи’ → ‘измена в любви’, которая подтверждается многими примерами: *получи́ть блин* ‘узнать об измене любимого (ой)’, ‘получить отказ в сватовстве’ (Новг. словарь 8, 99), *репни поесть* ‘узнать об измене в любви’ (s. v. *репня́* ‘суп из брюквы, похлебка’ (Там же 9, 136–137); *сделать репню* ‘Если же игровой кавалер не нравился (девушке, в коллективной игровой “женитьбе”. – *Т.Г.*), то она могла отказаться от поцелуя или приглашения ходить под песню – “дать лобана” (“сделать репню”)’[14], выражение *квас кому-л.* значит ‘нарушение верности в любви’: “Витьке-то квас, квас от Райки” (Новг. словарь 4, 35). Ср. англ. *leaven* ‘закваска, дрожжи’; фиг. ‘воздействие, влияние (обыкн. – дурное)’, v. ‘ставить на дрожжах, заквашивать; изменять’. Интересно также псков. (s. v. *моргоса́*? *морго́с*?) “Преподнести *моргоса́* кому” в значении ‘перестать оказывать внимание девушке’ (СППП 53); *морго́сье* (*моргски*, *моргосы*) объясняются как ‘празднование замужних женщин, включающее приготовление р и т у а л ь н о й п и щ и в складчину, совместную трапезу и развлечение’; в народных говорах слово “моргосить”

означало “кокетничать, умильничать”, а также “приплясывать”[15]. Возможно, что здесь речь также идет о пище (ритуальной?).

Здесь следует также отметить, что фразеологизмы с названиями пищи имеют в ряде случаев переносное значение ‘отказать при сватовстве’, например: *кали́тку съесть* ‘получить отказ родителей невесты (при сватовстве)’ (новг.) (СРНГ 13, 360), *накласть опа́ры* ‘отказать жениху’ (онеж.), *обдать опа́рой* ‘отказать сватам’, *за опарой поехали* – говорят сватам, когда знают, что их ждет неудача (СРНГ 23, 236)[16]; в этой связи интересно выражение *парова́я неве́ста* ‘девушка, которую долго никто не сватает’: “Ето уж и так невеста паровая, хватит уж ей ждать” (Сл. Сред. Урала III, 115). Ср. также выражение “На снегу́ яи́чницу съесть” ‘не быть впущенным в дом при сватовстве (о сватах)’ (Словарь Карелии 6, 185).

Названия овощей, грибов, фруктов также имеют символику ‘измены в любви’, ‘отказа при сватовстве’, например: *навари́ть грибов* ‘изменить в любви’ (новг.) (СРНГ 19, 151). О.В. Белова отмечает, что “...с грибами связан мотив супружеской измены (белорусская весенняя песня о молодице, которая пошла по г. и, возвращаясь, разгулялась и спала в тереме с молодцами) и внебрачных детей (укр. байструки – несъедобные г.)”[17]. Ср. также *ры́жик* – ‘о нарушителе верности в любви, дружбе’ (арханг.), *ры́жик* ‘тот, кому изменили в любви, дружбе’ (пск.), мн. ‘нарушение верности в любви’ (пск.), *делать рыжики* ‘нарушать верность в любви, изменять’ (пск., арханг.) (СРНГ 35, 304–305), *насыпать рыжиков* ‘изменить, нарушить верность в любви’: “Милый рыжиков насыпал в голубу тарелочку, какие рыжики невкусные, поверьте, девушки” (Новг. словарь 9, 163); *жечь рыжики* ‘беседовать’, ‘изменять, нарушать верность в любви’ (Новг. словарь 2, 130), в псковских говорах *жечь рыжики* значит ‘делать известной измену одного из возлюбленных, сжигая гребенку в присутствии всех’: “Вот зажгу́т гребёнку на гуля́нке, ана́ я́рка гари́т, и у де́фки или у ма́льца шшо́ки гаря́т ат стыда́, што им жгут ры́жики” (Псков. словарь 10, 218); ср. также *гриб съесть* ‘потерпеть неудачу в чем-нибудь’ (самар.) (СРНГ 7, 139), а также польск. *posłać (wygnać itp.) kogoś na grzybki, kazać komuś pójść na grzybki* ‘уволить, освободить от должности, отправить в отставку кого-л.’ (ПРФС А–М, 465). Название огородной овощной культуры – редьки также фигурирует во фразеологии с семантикой измены в любви, отказа при сватовстве: *дать редчину* ‘отказать кому-л. при сватовстве’, ‘нарушить верность в любви; изменить’ (Новг. словарь 9, 122–123); при этом интересно выражение в чешском языке *strouhat*

komu mrkvičku ‘насмехаться над кем’; *ostrouhat komu mrkvičku* ‘обмануть, провести кого’ (s. v. *mrkvička* ж. ‘морковка’). Ср. также итал. *caròta f.* ‘морковь’, обл. ‘свекла’, перен. просторечное ‘враньё’; *piantare/vendere ~ e* (букв. ‘сажать/продавать морковь’) ‘рассказывать сказки, сочинять, врать; заливать’, просторечное, франц. *carotte* ‘морковь, обман’; *~ er* vt разг. ‘провести, обмануть’.

Следует также отметить, что слово, имеющее значение ‘нарушение верности в любви’, ‘отказ при сватовстве’, обозначает иногда парня, девушку, нарушавших верность в любви, а также песню о нарушении верности в любви: ср. карел. *ло́ба́н* м. ‘о нарушении верности в любви, об измене’: «Еще в круг собирались, вот если девушка кавалера оставит, то кричат: *“Лоба́н”*; *лоба́н* – ето когда оставляют»; м. и ж. ‘парень или девушка, нарушившие верность’: “Как парень изменит, девки *лоба́ном* зовут”; м. ‘песня о нарушении верности в любви, об измене’: «Парень с девкой ходил, а потом не стал, тогда девки сядут в угол и поют *лоба́на:* “Таня Маню подуцила, Маня *ло́бан* полуцила”»; *получить ло́бан(а)* – ‘оказаться оставленным (-ой) возлюбленной (-ым)’ (Словарь Карелии 3, 135), ср. забайк. *арбу́з* перен. ирон. ‘мужчина, получивший отказ при сватовстве’: “Пашол он сва́тацца, палучи́л атка́с, лю́ди пра ниво́ и гаваря́т: вот арбу́с идёт”. (Сл. старообрядцев Забайкалья 25). Ср. также *дать сту́пу* ‘изменить в любви кому-л.’ и название частушки с непристойным смыслом – *озорна́ сту́па*: “Бабушка рассказывала, что пели парни одному мужику озорну ступу, так он-то со стыда сгорел” (Новг. словарь 10, 174); s. v. *сту́па*).

Интересно, что в частушках часто девушка или парень имели название какого-либо кушанья: в “наборных хороводах” пели частушку:

Девка – просток(в)аша,
Парень – кисло молоко,
Кто в круг не пойдет,
Руки, ноги сволоцёт,
Рот искосит,
Глаза вытарашшит…[18]

Ср. аргот. *простоква́ша* ‘женщина, девушка, жена, подруга, любовница’ (Елистратов. Арго 380); также в одной из частушек называние милого “картовной шаньгой”:

Милый мой, картовна шаньга,
Шаньга не помазана.
Ты скажи, картовна шаньга,
Чем я не уважена[19].

Во время пляски, под пение частушки часто между пляшущими выяснялись отношения. «О тех, кто не принимал участия в играх и плясках, говорили: “с гороховиком ушел”, “яблошника наелся” (т. е. пирога с картошкой, невкусного), “ушла домой с сайдой”, “всю сайду с собой унесла”; “Лапти повесил” или “Ой, тебе сёдни борода!” говорили девушке, которую ухаживающий за ней парень не позвал к столбушке, а если позвал ее последней: “Сёдни тебе простокиша!” – то есть сливки другие съели»[20]. Ср. словин. *sḿotanǫ sṕic* ‘крепко расцеловать’ (s. v. *sḿotana, -ë,* f ‘сметана’) (Sychta V, 113), а также, быть может, *сли́вки* ‘о свадебном обряде – приезд жениха и его родственников к невесте на блины’ (ростов., яросл.) (СРНГ 38, 277). О девушке, утратившей невинность до замужества, говорили *кри́ночка снятая* (также – ‘молоко, с которого сняты пенки или сливки’) (яросл.) (СРНГ 15, 199).

Следует отметить, что с варкой пива, супа сравниваются игры и танцы молодежи: *варить пиво* ‘летняя игра молодежи на лугах’ (арханг. – СРНГ 4, 54), *суп вари́ть* ‘танцевать один из видов кадрили с игровыми элементами’ (СППП 73). Ср. итал. *còtto* ‘вареный, печеный’, ‘влюбленный по уши’, а также франц. *fricoter* ‘готовить, стряпать’, ‘обделывать делишки, ловчить’, ~ *avec* ... ‘быть в интимной связи’, нем. *backen* ‘печь, выпекать (хлеб)’, *sich einen* (*mann*) ~ *lassen* фам. ирон. ‘требовать себе жениха на заказ (по особому заказу’ (букв. ‘велеть испечь себе жениха’). Обозначение совместной еды, (не только варки пищи) могло иметь переносное значение ‘влюбленность’. Ср. франц. *croquer* ‘есть’ и прост. *en* ~ ‘быть влюбленным, втюриться’, англ. *spoon* ‘ложка’, сленг. ‘влюбленный, влюбленность’; ‘черпать ложкой’ (*up*, *out*); сленг. ‘ухаживать’. Н.В. Зорин отмечает: “К древним обычаям следует отнести также многочисленные соединяющие жениха и невесту (синдасмические) обряды. Это совместная еда жениха и невесты из одной чашки, питье из одного стакана, совместное съедание одного яйца, одного куска хлеба и т.д.”[21]. Ср. чеш. *nejídat z jedné mísy* ‘не иметь дружеских отношений’ (букв. ‘не есть из одного блюда’).

Растительно-злаковая семантика также присутствует во фразеологических оборотах со значениями ‘изменять супругу или супруге’, ‘иметь любовные связи (вне брака)’: русск. *ў грэчку скача* ‘употребляется для обозначения дурного поведения замужней женщины’ (Расторгуев 83), ср. укр. *скака́ти в гречку* ‘иметь любовные связи (вне брака)’, *скака́ння в гре́чку* ‘любовная связь (вне брака)’ (Гринченко IV, 130); в Словаре русской брани *скака́ть в*

гречку, прост. ирон. 'изменять супругу или супруге' считается украинизмом[22]. Ср. также укр. *у горох ускакну́ти* 'нарушить супружескую верность' (Гринченко IV, 356), русск. диал. *скакать в крапи́ву* 'о нравственном падении девушки' (СРНГ, 168). В народной частушке супостатка сравнивается с черной гречихой:

Супостаточка моя –
Черная гречиха.
Полно, дура, заноситься,
Тоже не купчиха.

(д. Ермаковская)[23]

Ср. также укр. *трав'я́нка* в значении 'проститутка' (Гринченко IV, 278). Интересно в этой связи и чеш. *lézt* [*chodit*] *komu do zelí* 'соваться в чужой огород', 'отбивать девушку у кого; ухаживать за чьей невестой' (s. v. *zelí* с. 'капуста'). Любопытно также русск. диал. *гнила́я соло́ма* 'о неверном муже' (Словарь Карелии 6, 214), ср. франц. *f. paille* 'солома', *feu de ~* 'сильное, но непродолжительное чувство' (букв. 'соломенный огонь') (БФРФС 656), англ. *straw* n. 'солома; соломка, соломинка', a. 'соломенный', 'ненадежный, сомнительный', франц. *gagner le chapeau de paille* арго 'быть сутенером' (букв. 'зарабатывать соломенной шляпой' и *perdere son chapeau de paille* прост. 'потерять невинность (о мужчине)' (букв. 'лишиться своей соломенной шляпы') (БФРФС 279). Незаконнорожденные дети имеют названия, например: русск. *подкрапи́вник* (Перм. словарь II, 122); укр. *хлі́бна дочка́* 'незаконнорожденная дочь' (Гринченко IV, 401); блр. *грачышнік* 'внебрачный ребенок (мальчик)', *грачышніца* 'внебрачный ребенок (девочка)'[24], польск. *syn naturalny* (или *córka naturalna, dziecko naturalne*) 'побочный (внебрачный) сын (ребенок), побочная (внебрачная) дочь' (ПРФС N–Ż, 16). Ср. хорв. s.v. *divlji* 'дикий' – *divlji brak* разг. 'гражданский (незарегистрированный) брак', а также *borde* 'дикий (о растениях); непривитой (о побегах)', 'внебрачный', т. 'внебрачный ребенок', фин. *lehtolapsi, – sen* разг. 'незаконнорожденный, внебрачный ребенок' (букв. 'ребенок рощи'). И противоположное – русск. *не в по́ле подобран* 'законнорожденный' (Лютикова 91). Интересно также блр. диал. *самосе́йка* 'внебрачный ребенок' (ЛАБНГ 3, 71). Ср. в этой связи англ. *to sow one's wild oats* (фиг.) 'вести буйную жизнь юности' (букв. 'сеять один дикий овес') s.v. *oat*(*s*) 'овес', и, возможно, польск. *siać* (*skrobać*, *sprzedawać*) *pietruszkę* шутл. 'подпирать стены (не иметь успеха на балу (вечеринке))', 'оставаться (сидеть) в девках' (ПРФС N–Ż, 177), *siać rutkę* уст. 'оставаться в старых девах, сидеть (засидеться) в

девках' (Там же, 353), ср. словин. *cëbulą skubac* 'не иметь успеха в играх, развлечениях' (Sychta V, 63), а также англ. *wallflower* n. бот. 'желтофиоль', шут. далее, 'оставшаяся без кавалера (на балу)', франц. *fleur bleue* 'любовная интрижка' (БФРФС 168).

В русских говорах Карелии записано выражение: *Быть найденным на сору* 'о незаконнорожденном', которое приведено s.v. *сор* 'сорная трава, сорняки', 'колос без зерна', 'мелкие семена' (Словарь Карелии 6, 224). Ср. также поговорку *Курочка да рябушечка гребет сорок Да на свой дворок* 'о зяте, которого принимают в дом невесты' (СРНГ 40, 20). Интересно, что *сор* в русских говорах – 'свадебный обряд на второй день свадьбы, когда невеста подметает пол, который гости усыпают соломой, мусором, вместе с деньгами и подарками для молодеженов' (Там же, 10).

Главным обрядовым хлебом русской свадьбы был каравай, его в некоторых местах называли *ситным* («В Рязанской губ. при изготовлении "ситного" (свадебного) каравая муку в дежу (квашню) совком ссыпали все свахи»), *ситником* ("Еще рано в день свадьбы пекут большой ржаной *ситник*. На другой день свадьбы дружка берет свадебный *ситник* и разделяет его пополам над наклоненными головами молодых супругов. Обе половины разрезанного *ситника* трижды складывает и опять раскладывает". – тул., СРНГ 13, 65), *полуситником* ("На второй день соберутся поезжане, возьмут *полуситник* каравай, полушалком закроют и носят". – s. v. *каравай носить* – новосиб.; Сл. Сибири 2, 34), *челпаном* ("В свадебном обряде (Перм. губ.) жених и невеста одаривали друг друга челпанами, это одаривание имело тайный смысл. Жених дает понять невесте, что у него будет достаточно хлеба для прокормления жены и семейства. А невеста своим подарком показывает, целомудренна ли она. Целомудренная невеста посылает самый черствый хлеб, а нарушившая девство – м я г к и й"[26]). Целомудрие невесты подтверждалось также с помощью пирогов: "...на Житомирщине красной л(ентой) обвязывали п и р о г с н е т о л ч е н ы м м а к о м (если невеста была "честной". – *Т.Г.*)"[27]. Интересно, что на второй день свадьбы в Андреапольском районе Калининской области устраивали м я г к и й с т о л[28]. Ср. также приведенное выше *мяконькие печь* 'обманывать'. В некоторых местностях России существовал обычай "деления каравая". Если он совершался после брачной ночи, то при его "делении" середину отдавали новобрачным только в том случае, если невеста была целомудренной[29]. Точно так же обрядовый пирог *курник*, который жених и невеста брали с собой на ночь, разламывался

и раздавался гостям только в случае целомудренности невесты[30]. Еще одна свадебная выпечка – *колюба́ка* ‘пирог с рыбой’ – имел обрядовое значение: “На другой день после венца в доме молодого приготовляется и отсылается к родителям молодой *колюбака*, начиненная рыбой, если молодая оказалась целомудренной, или же с пустотой в середине, если не сохранила девственности” (арханг., СРНГ 14, 217). Интересно также употребление с целью опозорить невесту теста под названием *саламат:* “Наскоро заведённое тесто, которое замешивают утром второго дня свадьбы для позора невесты… голову невесте и родителям мажут” (Словарь Алтая 4, 48). Характерно и то, что в украинских говорах нецеломудренная невеста носила название *безкоровайна* молода[31]. *Костицей из-под мялки* в пермских говорах называют девушку, лишенную девственности (Перм. словарь 1, 425). Интересно также, что в приведенной выше частушке подают ситный – знак измены – на “тарелочке”, а в сибирском свадебном обряде, если ч е с т н а я невеста, ее рубашку кладут на стол тоже на тарелке (Сл. Сибири 3, 296).

Н.А. Сумцов отмечал, что свадебный хлеб – символ жениха и невесты: “В Минской губернии к девоснубам* (девичник. – *Примеч. авт.*) приготовляют калачи – небольшие, в 2–3 фунта булки хлеба. Одну из сырых еще булок называют именем жениха. Если во время печения калач Ивана или Степана потрескается, счастье жениха будет непрочно”[32]. Здесь также проявляется культурная метафора ‘хлеб’ – ‘человек’. Ср. *кона́ш* ‘вид хлеба или пирога’ и (возможно, переносное) ‘жених, суженый, работник’, *кона́шечка* ‘милая возлюбленная’ (СРНГ 14, 244–245), *ку́рник* ‘пирог с любой начинкой’ и ‘жених’, а также ‘собрание гостей у невесты после сватовства’ (Мордов. словарь К–Л, 106), укр. *перепі́єць, пі́йця,* м. ‘небольшой свадебный хлебец особой формы’ и ‘брат новобрачной, который после отъезда последней в дом жениха также отправляется туда с целью узнать о результатах первой брачной ночи’ (Гринченко III, 131). Интересно, что девушка, у которой в приданом нет особо ценных вещей, в украинских (бойковских) говорах называется *продукт худові́й* (Онишкевич II, 151). В тамбовских говорах выражение *краю́шку ломать* значит ‘свататься’: “Мы пришли *краю́шку ломать* – зачин сватовства, в котором свахи объясняли свой приход”[33], а *срéзать горбу́шку* – ‘просватать невесту’[34]. В болгарском свадебном обряде также «… находит отражение культурная метафора “хлеб” – “человек”, которая проявляется в первую очередь в народных представлениях

о замешивании хлеба как о зачатии и рождении ребенка, а также в некоторых случаях ассоциируется с невестой»[35]. Ср. русск. *замесить* сов. экспр. 'завести, родить детей' (Словарь Карелии 2, 156). В связи с этим интересно также выражение *в черной квашне замешать кого* 'очернить, оклеветать кого-л.': "Свекровь меня в чóрной квашнé замесила" (СППП 44). Квашня также ассоциируется с женским лоном, ср. поговорку "Невежа был, квашню раскрыл"[36], а также *дёжка* диал. 'женский половой орган'[37]. Выражение *квашня́ скúсла у кого* грубо-прост., диал., шутл. значит 'пришло время заводить детей кому-л.', ср. перм. *опара скисла*[38]. В Словаре яицких казаков Малеча приводит слово *наквáска* в значениях 'закваска (кислое тесто или молоко)', а также перен 'дети' (Сл. яицк. каз. З–Н, 496), ср. *чертом наквашен* – 'о вредном человеке' (Сл. Сред. Урала. Доп. 565). Закваску, например, латыши связывали со злом, руганью, а также с плодородием[39]. Бедная невеста, которую отдают за богатого жениха, в новосибирских говорах носит название *заправа* (Новосиб. словарь 181). О невесте, которая не в мать, а в отца, в русском языке существует пословица: "Квашня плоха, да притвор-то гож, если невеста не в мать, а в отца и дельная" (Даль[2] I, 366). В новгородских говорах существует выражение *ступай на старые дрожжи* в значении 'вернуться к первой жене после развода с нею' (Новг. словарь 10, 150). В энциклопедии "Мужики и бабы" отмечается факт, могущий быть в связи с этим выражением – передачи "большины" по свойству, при этом "...при разделе семьи и переезде в новый дом прежняя хозяйка давала каждой новой хозяйке г у щ и или т е с т а , д л я з а к в а с к и х л е б а"[40]. Ср. близкое семантически др.-русск. *жить в одном хлебе* 'проживать совместно (с мужем/женой), составлять семью' (Лет III, 981 г., л. 6 об. – Псков. словарь 11, 259). Ср. также словин. *Vrôcëc na stårë sḿecë* 'вернуться домой' (s. v. *stårė sḿecë* 'родная сторона' – Sychta V, 107), а также укр. *старощіння* 'сватовство' (Гринченко IV, 199). Интересно также то, что "...в Ветлужском у. Костромской губ. при переходе в новый дом с т а в и л и о п а р у в с т а р о м доме, а пекли хлеб – в новом"[41].

С гущей (для закваски), возможно, связаны выражения *густáя свáха* 'главная сваха', 'богатая сваха', *гýстый сват* 'главный сват', 'родители одного из супругов по отношению к родителям другого супруга' (Смоленск. словарь 3, 98–99), ср. *дрожжанúк* 'член одной из разновидностей секты молокан': "Молокане делятся на г у щ е н н и к о в и дрожжеников (едят хлеб на дрожжах)" (сарат. – СРНГ 8, 197).

Рассмотрим еще одну возможность объяснения выражения *друг ситный* – это человек, мягкий, как мука, пропущенная сквозь сито. Об этом, может быть, говорит русская пословица “Друг ситный, решетом не прогрохан” (см. выше). Ср. русск. диал. *потрясти на решетé,* устойч. ‘осудить’ (Прибайк. словарь О–Р, 100), а также сербохорв. *прорешѐтати* ‘просеять (через решето)’, перен. ‘как следует разобраться, обсудить детально’ (Толстой[2] 479), франц. *passer au crible de la critique* ‘подвергнуть строжайшей критике’ (s. v. *crible* ‘решето’). Интересно также сербохорв. *ȍвеја̄н* ‘провеянный’ и перен. ‘настоящий, законченный’, *ȍвеја̄н лопов* ‘настоящий жулик’ (Толстой[2] 321). Укр. выражение *“Зостáвся на цідилці”* значит ‘попался во лжи’ (s. v. *цідилок, -лка* ‘цедилка; ситечко; кисея или полотно для процеживания молока’ – Гринченко IV, 431).

В болгарском языке сито – это не только домашняя утварь ‘сито’, но в разговорной речи также – ‘препятствие’ (Бернштейн[2] 609). В укр. языке выражение *“Перейшов уже скрізь сито и решето”* значит ‘всего испытал’ (Гринченко IV, 14). Ср. болг. *мúнал през сúто и решéто* – ‘прошел (сквозь) огонь и воду (и медные трубы)’ (БРФР 525), т. е. “тертый калач”? Интересно, что есть ряд выражений со значением ‘пройти огонь и воду (и медные трубы)’, связанных с семантикой пищи; ср. саам. *туллтэ еннэ лименѣ* ‘пройти огонь, воду и медные трубы’ (букв. ‘сварен во многих супах’)[42], польск. *ktoś z niėjednogo (mė z jednego) pieca chleb jadł (jadał)* ‘кто видал виды, тертый калач, стрелянный воробей, прошел ⟨сквозь⟩ огонь и воду (огонь, воду) (и медные трубы), повидал многое’ (ПРФС N–Ż, 163), ср. пск. *со всех пéчек хлеба покушать* ‘многое испытать в жизни, приобрести жизненный опыт’ (СППП 60).

Вообще же сито, решето – “предметы домашней утвари, воплощающие идею богатства, плодородия и изобилия”[43]. Сумцов отмечает, что “сито в сербских свадебных обрядах иногда соответствует квашне и свадебному хлебу”[44] (ситному? – *Т.Г.*). Узенёва пишет о том, что “одним из предметных символов девственности/недевственности невесты в свадебной обрядности болгар было сито. Почти везде брачную рубаху молодой выносили в сите или решете, которое символизировало дефлорированную вульву (ср. дырявую посуду)”[45]. В белорусских говорах *новым сітцем* называли невесту, которая бывает в милости и в немилости: “Новае сітца на кручку навісіцца і на падлавіччу наваляецца” (s. v. *сітца* ‘сито’ – Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 4, 431).

Решето в русском свадебном обряде, в частности, символизировало "девичью красу". Существовал свадебный обычай *переём*: "Невесту перед венцом везут по улице на *переем* жениха (навстречу). Впереди несут три решета, украшенных шелковыми платками всех цветов – символ девичьей красы, эти решета близкие невесте парни одевают на головы. Когда жениха переймут, он кладет деньги на решета, и шествие возвращается в дом невесты" (новорж. пск. – СРНГ 26, 100). Ончуков отмечал, что был также свадебный обычай *решетить над девственницей* – 'т.е. крутить решетом над невестой перед венцом'[46]. В Астраханской губернии новорожденного "принимали в решето"[47].

Таким образом, за фразеологизмом *друг ситный* стоит длительная история русской пищевой культуры.

Примечания

[1] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т. 3. М., 1993, 221.

[2] *Воронина Т.А.* Зерновые в повседневной, праздничной и обрядовой жизни русских // Хлеб в народной культуре. Этнографические очерки / Отв. ред. С.А. Арутюнова, Т.А. Воронина. М., 2004, 106.

[3] *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. Т. 1. М., 1994, 265.

[4] *Черданцева Т.З.* Эталон и стереотипные ситуации во фразеологизмах различных типов (на материале итальянского языка) // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2004, 89.

[5] *Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И.* Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. М., 2004, 167.

[6] Мужики и бабы // Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Научный редактор И.И. Шангина. СПб., 2005, 223–224.

[7] Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, собр. М. Забылиным. М., 1992, 305.

[8] *Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002, 264.

[9] *Даль.* Пословицы... Т. 2. 268.

[10] Диалектные различия русского языка. Словообразование / Ответ.ред. Ю.С. Азарх. Вып. 1. Кемерово, 1991, 76.

[11] *Даль.* Пословицы… Т. 3, 270.

[12] Там же, 20.

[13] *Сергеева Л.Н.* Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород, 2004, 240.

[14] Мужики и бабы…, 661.

[15] Там же, 369.

[16] См. подборку и анализ фразеологизмов с семантикой измены в любви, отказа при сватовстве: *Березович Е.Л.* К специфике "культурной этимологии… (на материале русской лексики, означающей отказ при сватовстве)" // Studia

etymologica Brunensia 2. Edit. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha, 2003, 308–309, 312.

[17] *Белова О.В.* Грибы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. В пяти томах. Т. 1 (А–Г). М., 1995, 550.

[18] *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни северного крестьянина XIX–XX вв. М., 2004, 146–147.

[19] Там же, 532.

[20] Там же, 176.

[21] *Зорин Н.В.* Русский свадебный ритуал. М., 2004, 168.

[22] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы). СПб., 2004, 111.

[23] *Морозов, Слепцова.* Круг игры…, 531.

[24] *Юрчанка Г.Ф.* Народнае вытворнае слова. А–Л. З гаворак Мсціслаўшчыны. Мінск, 1981, 124.

[25] Там же, 644.

[26] Русский народ, его обычаи, обряды, предания…, 144.

[27] Мужики и бабы…, 320.

[28] *Шаповалова Г.Г., Лаврентьева Л.С.* Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985, 291.

[29] Мужики и бабы…, 263.

[30] Там же, 317–318.

[31] *Тищенко О.В.* Ономасіологічна та семасіологічна характеристика слов'янської обрядової термінології (на матеріалі номінацій сімеїної обрядовості) // Восточноукраїнський лингвистический сборник. Вип. 6. Донецьк, 2000, 235.

[32] *Сумцов Н.Ф.* Символика славянских обрядов. М., 1976, 114.

[33] *Евтихиева Л.Ю.* Тамбовский курагод // Сборник сценариев и материалов для фольклорных коллективов. Вып. 1. Тамбов, 2003, 79.

[34] Там же, 76.

[35] *Узенёва Е.С.* Символика целого в болгарском свадебном обряде // Признаковое пространство культуры. Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2002, 231.

[36] *Даль.* Пословицы… Т. 3, 244.

[37] *Мокиенко, Никитина.* Словарь русской брани…, 116.

[38] Там же, 67.

[39] *Рыжакова С.И.* Некоторые особенности хлебопечения и представления о хлебе у латышей // Хлеб в народной культуре. М., 2004, 350.

[40] Мужики и бабы…, 70.

[41] *Воронина.* Зерновые в повседневной, праздничной и обрядовой жизни русских…, 130.

[42] Саамский язык // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003, 55.

[43] Славянская мифология. А–Я / Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2002, 433.

[44] *Сумцов.* Символика славянских обрядов, 116.

[45] *Узенёва.* Символика целого в болгарском свадебном обряде, 234.

[46] Неизданные сказки из собрания Н.Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки) / Подготовка текстов: В.И. Жекулина. Вступительная статья и комментарии В.И. Еремина. СПб., 2000, 352.

[47] *Даль.* Пословицы… Т. 2, 130.

Принятые сокращения

БРФР – Българско-руский фразеологичен речник / Сост. А. Кошелев и М. Леонидова. София; М., 1974.

БФРФС – Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В.Г. Гака. М., 2005.

ПРФС – *Гюлумянц К.* Польско-русский фразеологический словарь. Т. I–II. Минск, 2004.

СМС – Никитина Т.Г. Словарь молодежного сленга. 1980–2000 гг. Изд. третье, исправленное и дополненное. СПб., 2003.

ССАИ – Словарь современных английских идиом / Сост. Соломоник. СПб., 2003.

СсрРЯ – Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003.

И.Г. Добродомов

СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА В ИСТОРИКО-ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Поскольку историей слов занимаются две историко-лингвистические дисциплины – историческая лексикология и этимология, – возникает проблема их четкого разграничения по методике исследования и по используемому для этого материалу. Историческая лексикология опирается на материал одного языка по его отражению в текстах и словарях этого же языка, а этимология использует материал других – родственных и неродственных – языков, которые исторически имели связи с исследуемым языком и могут давать важные сведения для характеристики слов этого языка[1].

В этом отношении возникает возможность оспаривать преимущества и относительную результативность этимологической и историко-лексикологической методики исследования лексики, что остается вечной проблемой истории словарного состава, поскольку и в том, и в другом случаях привлеченный к анализу материал обычно фрагментарен и зачастую сам по себе недостаточен для надежных выводов, поэтому чаще всего приходится комбинировать этимологический и историко-лексикологический материал и обрабатывать и тот, и другой с использованием соответствующих методик.

Здесь было бы полезным вспомнить научный спор о возможностях этимологических и историко-лексикологических разысканий между В.В. Виноградовым и О.Н. Трубачевым. Последний высоко ценил десятки заметок первого о таких словах, “как *письмоносец, поединок, предвзятый, представитель, начитанный, переживание, закал, набожный, перелистывать, сосредоточенный*, и другие им подобные, как правило, производные образования литературной и просторечной лексики, в большинстве своем позднего происхождения, последних двух веков”, и обратил особое внимание на следующие слова В.В. Виноградова: “История слова должна воспроизводить все содержание, всю цепь его смысловых превращений, все его “метаморфозы”. Она стремится раскрыть конкретные условия употребления слова в разные периоды его речевой жизни. Она определяет исторические закономерности

изменения значений, связывающие судьбу отдельного слова с общим ходом развития всей семантической системы языка или тех или иных его стилей. История слова всегда жизненнее, динамичнее и реальнее его этимологии. Вопрос о происхождении слова только тогда получает твердую культурно-историческую базу, когда опирается на исследования всех этапов смысловой эволюции этого слова, всех обстоятельств его бытования в разных социальных говорах, наречиях и родственных языках"[2].

О.Н. Трубачев по этому поводу резонно замечает: "Конечно, этимология слов типа *поединок, предвзятый, представитель, начитанный* и т.п. сводится либо к указанию на кальку, либо вообще она не требуется ввиду очевидности словообразовательных связей. Но так ли уж богата всегда их история? Много ли превращений и метаморфоз можно указать для слова *письмоносец* или *перелистывать*? Размышляя над высказыванием акад. В.В. Виноградова, а также над некоторыми современными аспектами проблемы, мы должны иметь в виду, что противоположение более древнего лексического фонда и многих тысяч новых слов литературно-книжного языка в действительности может обрести несколько иной смысл, чем тот, который в нее вкладывал покойный ученый"[3].

Высказанные в этом диалоге положения о своеобразии методик исторической лексикологии и этимологии приходится постоянно вспоминать, когда исследователь имеет дело с материалом, который восходит даже к относительно недавнему прошлому и тем не менее не вполне привычен исследователю.

Слова, вышедшие из активного употребления, но встречающиеся в старой литературе, часто плохо понимаются нынешними читателями, а лексикографы их не всегда правильно описывают, как это случилось с существительным *махальный* в недавно вышедшем словаре школьного жаргона О.А. Анищенко, которая в одной старой статье о воспитании в Петербургском кадетском корпусе в начале XIX в. обнаружила слово *махальный* и включила его в свой словарь, придав ему значение "кадет, обязанностью которого было стоять у дверей и предупреждать о появлении начальства", что на первый взгляд как бы хорошо подтверждается контекстом: "Урок свой он начинал тем, что ставил махального, т.е. из кадет в дверях, ведущих из класса в коридор, для наблюдения за прохождением инспектора и других начальников"[4].

Не лишено известного интереса, что сам В.И. Даль в своей "Автобиографической записке" 1872 г. употребил слово *махаль-*

ный в воспоминаниях о своем пребывании в петербургском Морском кадетском корпусе (1815–1819): “Дети прятались для того на чердаке и в других малодоступных местах, расписывая под охраной выставленных махальных бумажные листы вензелями начальников своих и наклеивали на лучинные пирамиды” (Русский архив, 1872, кн. 3, № 11, 2248). В этих строках нет никакого намека на принадлежность слова *махальный* к специфически кадетской лексике.

Кажется, такое же значение обнаруживается и у субстантивированного прилагательного *махальный* в главе 8 “Ме́лочей архиерейской жизни” (1878–1880) Н.С. Лескова при описании событий середины XIX в., происходивших с учениками иконописной школы-мастерской Киево-Печерской Лавры при киевском митрополите (1837–1857) Филарете Амфитеатрове: “А потому мы в один прекрасный день разметили посты, поставили махальных и затем один по одному всею гурьбою спустились потихоньку в угольное окно ⟨..⟩”. “⟨..⟩ все три наши махальные не выдержали искушения и, покинув свои посты, вместе с нами сбежали в сад ⟨..⟩”[5].

В чередовании *сторож/махальный* оба слова употребляются Н.С. Лесковым также в очерке о сельском духовенстве “Архиерейские объезды” (1879), но и это употребление не дает нам никакого права считать существительное *махальный* ни кадетским, ни семинарским, ни клерикальным.

Считать слово *махальный* специфическим для русских учебных заведений нельзя, поскольку старый академический “Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук” 1847 г. дает это слово как своеобразный солдатский военный жаргонизм: “**Маха́льной**, а г о, въ видѣ с. *м.* У солдатъ: особенный вѣстовой, дающій маханіемъ руки условный знакъ часовому” (т. II, 292), с синонимами *махало* и *махальщик*.

Уже В.И. Даль в своем словаре для второй половины XIX в. не видит у этого слова принадлежности к солдатской лексике и дает его как общенародное достояние, не различая собственно адъективное и субстантивное его употребление орфографически, хотя и трактует их отдельно: “***Маха́льный, маха́тельный***, къ маханію относящійся, служащій. ***Маха́льный*** м. сторожъ или вѣстовой, выставляемый отъ караула, чтобы издали дать знать часовому о приближеніи на́чальника, для котораго должно вызвать караулъ. ***Маха́ла*** м. маха́льный” (Даль$_2$ II, 309).

Надо учесть, что *махáльной / махáльный*, как и его синонимы *махальщик, махала*, не были еще в середине XIX в. официальными терминами, о чем забыли составители академического "Словаря современного русского литературного языка" вопреки напоминающим об этом кавычкам в зачем-то сокращенной и правленной цитате из сочинения 1858 г. бытописателя уральского казачества И. Железнова: *"Махальный", стоявший на холме вроде часового, подал товарищам знак, чтобы береглись.* Железн. Уральцы (ССРЛЯ 6, 718–719). Просторечность и жаргонность слова в кавычках все-таки осталась, вопреки искажающему сокращению цитаты, более правильно и полно приведенной в третьем выпуске двенадцатого тома неоконченного академического "Словаря русского языка" (М.-Л., 1936, 473): *Один из разбойников, так называемый "махальный", стоявший на холме в роде часового, подал товарищам знак, чтоб они береглись.* Железнов. Уральцы, I, 148. Но и здесь сокращение привело к тому, что исчезло указание на употребление этого слова применительно к казахским разбойникам: "Лишь только адайцы успѣли убить несчастнаго охотника, какъ одинъ изъ разбойниковъ, так называемый "махальный", стоявшiй на холмѣ, въ родѣ часового, подалъ товарищамъ знакъ, чтобы они береглись, и адайцы снова разсѣялись и попрятались въ барханахъ"[6].

Слово *махальный* позже было широко известно русскому языку XIX в. в целом и тогда употреблялось без пояснений: "Не было в то время [1854–1856 гг.] ни железных дорог, ни телеграфов, а были только махальные" (С.-Щедрин. Благонамеренные речи XVI, 1874 г.)[7].

Место, откуда махальные подавали свои знаки, именовалось *махалкой*, но у О.А. Анищенко оно получило контекстное толкование:

«**Махалка**, -и, *ж. Юнк. Гимн. Шутл.* Лестница. *После этого корнеты поставили на лестницу, именуемую на корнетском языке* ***"махалкой"****, сугубца, приказав ему вовремя предупредить их о появлении офицера* (Г. Домраче(е?)в, Корнеты и сугубцы. Картины военно-училищной жизни; N-ское кавалерийское училище, 1911 г.) ... *А гимназист, когда стоял на махалке, чтобы предупредить, что идет учитель, в знак опасности кричал: "Шесть!" – и быстро вбегал в класс* (Толстой Н.И. Воспоминания о русском языке // Лики языка. М., 1998, 360)»[8].

В столкновении противоречивых показаний текстов и словарей предпочтение нужно отдавать словарям, которые основаны на

синхронных текстах, поскольку в словарях заключается исследовательский опыт современников по осмыслению языковой практики своего времени ("Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук" 1847 г.), в отличие от ретроспективных словарей (Анищенко О.А. Словарь русского школьного жаргона XIX века), точность последних, впрочем, зависит от количества привлеченного материала, недостаточное количество которого сказывается на точности толкований и социальной привязки слова.

Превращению первоначального солдатского слова в общерусское удивляться особенно не приходится, поскольку солдаты играли видную роль в распространении среди русского народа своих специфических слов и выражений, что давно отмечалось исследователями русской фразеологии уже в XIX в.: "В числе проводников в народ различных пословичных и поговорочных изречений довольно видное место занимают духовные лица до семинаристов включительно (с которыми равную честь и славу делят также охотливые передатчики – солдаты)"[9].

Не лишено интереса, что солдатское слово *махальный* чем-то понравилось писателю второй половины XX в. А.И. Солженицину, который, рекомендуя его к использованию в литературе, включил его в свой своеобразный словарь языкового расширения: "**маха́льный** – 1. прил.; 2. сущ. вестовой"[10]; хотя сейчас это слово уже безвозвратно утрачено, поэтому даже лексикографы сейчас ошибаются в его квалификации и причисляют его к совсем другой среде употребления. На самом же деле значение устаревшего теперь существительного *махальный* отличается от значения современного существительного *вестовой* "рядовой, назначаемый для выполнения поручений"[11]: их значения только перекрещиваются, да и "Словарь церковнославянского и русского языка" 1847 года указывал, что *махальный* – "о с о б е н н ы й *вѣстовой*, дающій маханіемъ руки условный знакъ часовому".

Если военное солдатское происхождение уже устаревшего теперь существительного *махальный* не вызывает сомнения в свете показаний "Словаря церковнославянского и русского языка" 1847 г., то ситуация с укоризненным собирательным названием гарнизонных солдат *гарниза* дело обстоит более сложно и требует этимологического подхода, способного дать указание и на социальную среду, породившую слово, которое впоследствии распространилось в другие социальные слои и только этимологически обнаруживает свои социальные истоки.

В комедии Н.В. Гоголя "Ревизор" в реплике городничего обращает на себя внимание неизвестное до этого слово *гарниза*, читающееся там, начиная с первой черновой редакции: "Да не выпускайте солдат на улицу без всего: а то эта дрянная гарниза имеет обыкновение, так только сверх рубашки наденет мундир (да метет улицы), а там внизу ничего нет"[12].

В воспоминаниях о Н.В. Гоголе близкой к нему А.О. Смирновой-Россет по записи А.Н. Пыпина в 1873 г. фигурирует слово *гарниза*: "Император Николай Павлович велел переменить неприличные фамилии. Между прочими полковник Зас выдал свою дочь за рижского гарнизонного офицера Ранцева. Он говорил, что его фамилия древнее, и потому Ранцев должен изменить фамилию на Зас-Ранцев. Этот Ранцев был выходец из земли Мекленбургской, истый оботрит. Он поставил ему на вид, что он пришел в Россию с Петром III, и его фамилия знатнее. Однако он согласился на это прилагательное. Вся гарниза смеялась. Но государь n'etaindait pas de retrogression просто велел Ранцеву зваться Ранцев-Зас. Свекор поморщился, но должен был покориться мудрой воле своего имп⟨ератора⟩"[13].

Из "Ревизора" Н.В. Гоголя название *гарниза* попало и в сценарий "Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю)" М.С. Каростина и М.А. Булгакова (1935); "Проезд Ивана Александровича Хлестакова по улицам уездного города был настоящим триумфальным шествием. Выскакивала гарниза и брала на караул"[14].

Употребленное Н.В. Гоголем слово *гарниза* при жизни великого писателя лексикографы не заметили, но в "Словаре церковнославянского и русского языка" 1847 г. встречается его эквивалент: "**ГАРНИЗО́НЩИНА**, ы, с. *ж. соб⟨ират⟩. ун⟨ичиж⟩.* Въ просторѣчіи: служащіе в гарнизонѣ".

Старший современник Н.В. Гоголя писатель и лексикограф В.И. Даль уже в 60-е годы приравнял оба слова, поместив их в конце гнезда *гарнизо́н – гарнизо́нный*, к чему уже в начале XX в. И.А. Бодуэн де Куртенэ добавил [в скобках] еще одно фразеологическое выражение, по другим источникам мне неизвестное: "**Гарниза́** или **гарнизо́нщина** ж. собр. укоризн. служащіе въ гарнизонѣ. *Гарниза пузатая!* [Гарнизонный пупъ!]"[15].

В качестве единственного числа к этим собирательным существительным употреблялось также иносказательное ироническое выражение *гарнизонная крыса*[16].

Слово *гарниза* являлось центральным в группе уничижительных прозвищ служащих гарнизонной службы в XIX в., собран-

ных В.И. Далем в его “Пословицах русского народа” (М., 1957, 711, 713): “Солдат – кислая муниция (*дразнят гарнизонных*)”; “Гарниза пузатая. Инвалид без пороху палит”; “Магазейная крыса (*инвалидный солдат*)”; “Куцый капитан общипанной команды (*дразнят гарнизонных*)”.

Но жизнь слова *гарниза* в русском языке была не очень долгой: уже к 1880-м годам его приходилось пояснять в тексте, причем значение было также несколько иное сравнительно со значением у Н.В. Гоголя и в словарях:

“– Я говорил, что он спрячется или удерет куда-нибудь! – подхватил поручик, очень опечаленный тем, что лишился возможности явиться в роли секунданта и тем показать обществу, что он не гарниза пузатая, как обыкновенно тогда называли инвалидных начальников, но такой же, как и прочие офицеры армии”[17].

Но в качестве инвективного слова по отношению к служилому гарнизонному люду оно продолжало употребляться и в конце XIX в., утратив до некоторой степени первоначальную собирательность, которая для инвективного слова не столь уж важна. В повести М. Горького “Горемыка Павел” (1894) слово *гарниза* употреблено в ряду уничижительных прозвищ-обращений к будочнику Арефию Гиблому: “– И фараон ты бессловесный! 〈..〉 Глупый ты пень. Уморит! али ребят-то не бабы нянчат, а вот такие шайтаны, как ты? Кто вас, чертогонов, на ноги-то ставит? У … гарниза тупоголовая!.. говорит еще чего-то!”[18]

Первый неоконченный академический словарь конца XIX в. под редакцией академика Я.К. Грота при опоре на В.И. Даля сделал слабую попытку разделить синонимы и противопоставить их стилистически без видимых оснований, причем впервые был привлечен пример употребления слова у Н.В. Гоголя в неточной сокращенной цитате:

“**Гарнизá**, ы́, *ж. собир. Ирон.* То же что г а р н и з ó н щ и н а. *Гарниза пузатая. Эта дрянная гарниза наденетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ*. Ревиз.”

“**Гарнизóнщина**, ы, ж. *собир. презр. Простор.*: Служащіе въ гарнизонѣ”[19].

В уже советском “Толковом словаре русского языка” под ред. Д.Н. Ушакова (т. I. М., 1935, стб. 543) остается лишь один из двух синонимов и тот объявлен устаревшим, но с обновленным (едва ли обоснованно!) ударением и дефиницией, однако с той же самой сокращенной цитатой, но с заменой стилистической пометы *ирон*ическое на *бран*ное: “**ГАРНИ́ЗА**, ы, *мн.* нет, *ж., собир.*

(устар. бран.). Гарнизонные солдаты. *Эта дрянная г.*⟨гарниза⟩ *наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет*. Ггль.”.

Привлечение в семнадцатитомном большом академическом “Словаре современного русского литературного языка” нового материала в виде сокращенной цитаты из рассказа А.П. Чехова “Муж” (1886) заставило заменить явно ошибочную помету *бран.* на *пренебрежительно* и соединить толкование В.И. Даля с толкованием Ушаковского словаря: “**Гарни́за**, ы, ж. В знач. собир. Устар. Пренебрежительно. Гарнизонные солдаты, служащие гарнизона. *Воинский начальник, его делопроизводитель и местная гарниза надевают лучшие мундиры*. Чех. Муж. [Городничий приставу:] *Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет*. Гог. Ревизор. д. I, явл. 5” (ССРЛЯ 3. 41).

Во втором, переработанном и дополненном, но уже не оконченном издании того же большого академического “Словаря современного русского литературного языка” (III. М., 1992, 42) сделана робкая попытка реабилитировать конечное ударение путем помещения правильной акцентологической формы *гарниза́*, только на второе место после сомнительной *гарни́за*, причислить слово к проблематичной просторечной лексике, исказить толкование исключением указания на собирательность и внесением в него слова *солдат*, а также отослать при второй цитате к несуществующему источнику – приписанному А.П. Чехову произведению “Мужик”:

“**гарни́за**, ы и **гарниза́**, ы́, ж. *Устар. прост*. Команда гарнизона; солдаты (с оттенком пренебрежительности). [Городничий:] *Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет*. Гог. Ревизор. *Воинский начальник, его делопроизводитель и местная гарниза надевают лучшие мундиры*. Чех. Мужик.

– Даль: г а р н и з а́; Ушаков, 1934: г а р н и́ з а”[20].

К концу XX в. уже устарелое слово *гарниза*, полуизвестное советским писателям из книг, перестает отличаться от слова *гарнизон*:

«Поздней осенью на фрегате “Перун” Курносов с близнецами своими отплыл из Глубокой Пристани. Днепровский лиман вихрило мыльной пеной. Петя с Павлушей, еще дети, любопытствовали:

– А что там справа чернеет, тятенька?

– Это крепость Очаков, где гарниза турецкая.

– А слева эвон желтеет?

Это, детушки, коса Кинбурнская, земля уже нашенская. У начала косы Суворов крепостцу основал. Тоже с гарнизой...»[21]

“Естественно, внешне, по обмундированию я выглядел не ротным командиром, прошедшим Польшу, Германию и Маньчжурию, не благополучным трофейно-состоятельным офицером-победителем, а скорее всего захудалым Ванькой-взводным из тыловой, провинциальной или даже таежной гарнизы” (Богомолов В. В кригере // Новый мир. 1993. № 8, 104).

Но у некоторых авторов середины XX в. все еще сохранялось правильное понимание семантического содержания слова *гарниза*, хотя слово анахронистично переносилось в начало XVIII в., как это имело место, например, у И.Л. Солоневича (1891–1953) в статье “Великая фальшивка Февраля”, где речь шла о Полтаве времени Полтавской битвы и о наличии в Полтаве четырех тысяч “гарнизонной команды” и четырех тысяч “вооруженных обывателей” под командованием генерал-майора Ивана Степановича Келина: “Этот генерал-майор Келин, во главе восьми тысяч плохо вооруженного сброда (можно себе представить Полтавскую “гарнизу” и вооруженных обывателей!), разделал тридцатитысячную армию Карла так, что от нее осталась, по Ключевскому, “голодная и оборванная толпа” ⟨..⟩”[22].

Чисто компилятивный “Обратный словарь русского языка” (М., 1974, 22) и построенный на тех же основаниях академический двухтомный “Сводный словарь современной русской лексики” (т. I. М., 1991, 210) кодифицировали только наличие загадочного редкого существительного *гарни́за* с ошибочным ударением, которое авторитетными источниками не подтверждается.

По хронологическим причинам не может быть принято предположение о графическом сокращении сочетания *гарнизонные солдаты* в *гарниза*, не имеющее к тому же аналогий, высказанное в академическом труде по истории словообразования русского языка в советский период, где слово *гарниза́* почему-то отнесено к словам широкого распространения: “Крайне редко старые усечения не на морфемном шве касались нарицательных слов. Из слов широкого распространения можно указать *гарниза*, представлявшего собой усечение прилагательного *гарнизонный* с включением значения определяемого существительного (гарнизонные солдаты) ⟨..⟩”[23].

В этом предполагаемом “старом усечении” остается необъяснимым приобретение им собирательного значения и несвойственное “усечениям не на морфемном шве” присоединение окончания *-а*.

Авторам академического труда оставалось неизвестным более тонкое и убедительное объяснение, предложенное венгерским славистом Л. Гальди и учитывающее также социальную среду, в которой зародилось загадочное слово *гарниза*. Л. Гальди на десяток лет раньше выступил с интересной этимологией, которая позволяет считать слово *гарнизá* семинарским по происхождению: "Слово *гарнизá*[24], употребленное городничим, выдвигает проблемы скорее морфологического порядка. Насколько мне известно, не существует какого-либо общепринятого объяснения для образования формы *гарниза* от нормальной формы *гарнизон* ("Die Neubildung *гарниза* ist eigentümlich", – пишет Фасмер с присущим ему лаконизмом, ср. I. 260). Со своей стороны, я склонен думать о любопытной форме "множественного числа", образованной в результате своеобразной "реэллинизации": единственное число *гарнизон* (фр., нем. garnison), будучи воспринято, например, в жаргоне семинаристов или, во всяком случае, людей, знающих греческий язык, как "греческое" существительное на -όν (среднего рода. – *И.Д.*), могло дать форму множественного числа на *-а*, то есть существительное с собирательным значением *гарниза*, которое стало восприниматься затем как существительное в единственном числе (ср. лат. folium > собирательное множественное folia, откуда фр. feuille, итал. foglia, румын. foaie и т.д.). Можно предположить также влияние существительных типа *беднота, мелкота, пахота* (но не следует забывать, что в данном случае собирательным "суффиксом" является *-а*, а не *-та*!)"[25].

Л. Гальди правильно исходил в своих этимологических разысканиях из формы с конечным ударением *гарнизá,* которая отмечается старшими лексикографами – В.И. Далем (1801–1872), Я.К. Гротом (1812–1893), И.А. Бодуэном де Куртенэ (1845–1929), А.Г. Преображенским (1850?–1918) и вслед за ними М.Р. Фасмером (1886–1962). При выходе этого слова из живого употребления и превращении в сугубо книжное слово, которое виделось на бумаге, но не звучало в обиходе, возникло и произношение *гарнúза*, осуждаемое в начале XX в. блюстителями чистоты языка[26]. Д.Н. Ушаков (1873–1942) вместе с более молодыми коллегами Б.В. Томашевским (1890–1956), Б.А. Лариным (1893–1964), В.В. Виноградовым (1895–1969), Г.О. Винокуром (1896–1947) и С.И. Ожеговым (1900–1964) без достаточных на то оснований в "Толковом словаре русского языка" кодифицировали ошибочное ударение архаичного слова, чуждого их употреблению (Ушаков I, 543).

На возникновение ошибочного ударения повлияло наличие в русском языке некоторого числа также редких слов с ударным исходом на *-и́за*, который в отдельных словах может восприниматься как суффикс: *вокали́з(а)* "упражнение или этюд для голоса, не имеющий текста и исполняемый на одних гласных звуках" (ср. *вокальный, вокал*), *антрепри́за* "частное зрелищное предприятие" (ср. *антрепренёр*), *experti* *экспerти́за* (ср. *экспе́рт*)[27].

Будучи словом чрезвычайно редким даже в прошлом, семинарское слово *гарниза́* не попало в большинство наших орфографических, орфоэпических и грамматических словарей ни в правильной форме *гарниза́*, ни в ошибочной *гарни́за*[28].

Л. Гальди оставил вне рассмотрения фигурирующую у М. Фасмера без точной документации русскую форму *гармиза́*[29], реальность которой подтверждается также украинскими диалектными *гармиза́, гармаза́*. Укр. *гармиза́* укладывается в систему русско-украинских звуковых соответствий, в отличие от искусственной полонизованной формы *гарнізо́н*[30].

Сейчас в русских говорах середины XX в. отмечается форма с утратой собирательности и украинизированной фонетикой (*мы*):

"**Гармыза́**, ы, *м*. Старый отставной солдат. *Да тебе ли, старая гармыза, за девку свататься – ты поглядись в зеркале: Был красавцем кавалеристом, а стал старой гармызой.* Петров. **Сарат**. 1960–1963"[31].

Столь сложное происхождение редкого слова *гарниза́* оказалось непреодолимым препятствием для А.Н. Тихонова, который не смог разумно включить это слово в скромное гнездо *гарнизон, гарнизонный* своего "Словообразовательного словаря русского языка" (т. I–II. М., 1985)[32], зато туда в аналогичное гнездо попало как якобы производное от *солдат* слово *солда/фон*, в котором конечная часть, отделенная косой чертой, трактуется то ли как второй компонент сложения типа *ниже/стоящий*, то ли как часть сложного слова, созданного без соединительного гласного, типа *кино/зал*, то ли как неопределяемая часть слова, которая употребляется в составе только данного слова типа *газ/гольдер*, то ли как вторая часть сложносокращенных слов типа *агит/пункт* (т. I, с. 5).

Слово *солдафон* представляет собой весьма внушительную трудность для лексикологов и лексикографов, что хорошо видно из новейшего переиздания "Словаря русского языка" С.И. Ожегова, вышедшего в 2007 г. под названием "Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов" и редакцией Н.Ю. Шведовой, где в конце словарной статьи: "**СОЛДАФО́Н**,

-а, м (разг. неодобр). Грубый, некультурный человек из военных начальников // *Солдафóнский*, -ая, -ое. *Солдафонские замашки.* · Экспрессивное образование от слова *солдат.*" – вместо этимологической зоны (справки) дается смутная стилистическая характеристика, поскольку этимологическими сведениями и социолингвистической характеристикой слова составители не располагали.

В.В. Виноградов пытался в 1968 г. неубедительно выделить в загадочном слове *солдафон* весьма проблематичный суффикс *-фон*, не озаботившись судьбой согласного *-т* в конце основы слова *солдат*, с чем трудно согласиться особенно при смутности формулировки: "Во второй части словосложения ⟨?⟩ солда-*фон* правильнее видеть лично-именной суффикс жаргонной окраски (ср. *фонный*, задать *фону* и т.п.). Ср. *бурбон, фанфарон* и т.п." [33]

Еще более смутны суждения А.Н. Тихонова о структуре слова *солдафон* и его конечной части в его большой статье "Морфема как значимая часть слова" (Филологические науки. 1971. № 6, 49–50), где конечной части его отказывается в статусе морфемы, как и другим частям слова, выделяемым как морфемы по соотношению с родственными словами лишь в отдельных (или нескольких) словах: "Не относятся к морфемам единичные части слов, которые входят в состав одного-единственного слова и вычленяются лишь на фоне однокоренных слов, например: поп-*адья* (ср. *поп*), дет-*вора* (ср. *дети*), почт-*амт*, почт-*альон* (ср. *почта*), клей-*стер* (ср. *клей)*, франц-*уз* (ср. *Франция*), цит-*ата* (ср. *цитировать*), *ва*-банк, стекл-*ярус* (ср. *стекло*), жен-*их*, черт-*еж* (ср. *чертить*), рис-*унок* (ср. *рисовать*), мошк-*ара* (ср. *мошка*), пав-*лин* (ср. *пава*), патрон-*таш* (ср. *патрон*), жест-*икул*-яция (ср. *жест*), ляп-*сус* (ср. *ляпнуть*), юмор-*еска* (ср. *юмор*). Сюда же примыкают образования типа *пианино* (ср. *пианист*), *юбилей* (ср. *юбиляр*), *солдафон* (ср. *солдат*), *маскарад* (ср. *маска*), *молодайка* (ср. *молодой*), *скупердяй* (ср. *скупой*) и мн.др."[34]

При этом остается без ответа законно возникающий вопрос: "Сколько же нужно случаев выделения редкой морфемы, чтобы, по А.Н. Тихонову, отнести эту редкую морфему к классу морфем?" Лишены ясности и последующие рассуждения: "Если слово попадья (ср. поп) можно поместить рядом со словами ударница, поэтесса, курсантка, как это делает Н.Д. Арутюнова, то вряд ли можно подобрать подходящий ряд для образований типа почтамт, солдафон, клейстер, маскарад, юмореска, павлин и т.п.".

Характерно, что в этих списках слово *солдафон* у А.Н. Тихонова на части никак не делится[35].

На самом же деле слово *солдат* было распространено арготическим амплификационным и личным суффиксом *-он*, который выделяется, например, в разных старых русских условных языках в словах: ***шилóн*** "бедняк" (при *шúльник* "бедный человек"), ***сбатлóн*** "нищий, сборщик" (*сбатлыга* "посох, палка нищего", *сбáтлывать* "собирать (о нищем)"), *салмóн* "городовой" (ср. *салéй* "солдат", *салéйка* "солдатка"), *саврóн, сафрóн* "священник" и т.п.[36]

Надо думать, что сюда же относится и глагольный "маскировочный" суффикс *-он-* (и переплетающийся с ним *-кон-*), употребляющийся в условных языках русских ремесленников и торговцев: *всад**онить**, сват**онить**, испуг**ониться**, дод**онить*** (додать), *крикс**онить**, задерм**онить*** (задергать), *дожид**ониваться*** (дожидаться); *пис**конить**, получ**конить**, прочи**тонить**, пляс**конить*** и т.п., хотя есть здесь некоторые неясности.

Из жаргонов этот суффикс даже проник в экспериментально-академическую "Русскую грамматику" (т. I, М., 1980, 165) жаргонными словами *выпивон, объедон, закидон, раздолбон, вышибон, опрокидон(т)*, где им приписывается шутливый просторечный характер, но сфера употребления суффикса шире[37].

Что касается появления звука *ф* вместо *т* в форме *солдафон*, то это обстоятельство обязано семинарскому осмыслению европейского итальянизма *солдат* как грецизма эразмова чтения и искусственному подведению его под рейхлиново чтение, как это отражено соответственно в настоящих грецизмах *театр – феатр, библиотека – вивлиофика, теория – феория* и т.п.[38]

Принятое в русских духовных учебных заведениях (семинариях) чтение греческой буквы θ как *ф* (рейхлиново чтение) опиралось на греческую фонетику византийского периода, когда эта буква называлась уже не *тэта*, а *фита*. В гимназиях эта же буква называлась *тэта*, где отражалось ее древнегреческое звучание (эразмово чтение), принятое в латинском языке и в нынешнее время в странах Западной Европы. Чередование согласных *ф – т* при варьировании слов противопоставляет обычно архаическую форму с *ф* более новой форме с *т* и носит стилистический характер.

В этом отношении интересна пара из существительного *пафос* и прилагательного *патетический*, в которой существительное оформлено по рейхлинову, а прилагательное – по эразмову чтению.

Соотношение между звучанием *т* эразмова чтения греческих слов русского языка и звучанием *ф* – рейхлинова Н.М. Шанский даже подал как одно из исторических чередований в русских

словах, не оговорив особо своеобразия этого чередования *т – ф*, но в качестве примера взят именно случай *солдат – солдафон*: *гнуть – сгибать, дно – донья, мять – мнешь, писать – пишу, нога – ноженька, скепсис – скептический, анализ – аналитический, кот – кошка, солдат – солдафон, обрубок – обрубка, хаос – хаотический, беловатый – синеватый*[39].

В связи со сказанным нельзя согласиться со второй частью суждения В.В. Виноградова об истоках укоризненного для военных слова *солдафон*: “Трудно сомневаться в жаргонном происхождении этого слова. Оно сложилось в жаргоне самих военных” (с. 650)[40].

Но следует отметить, что все-таки в слове *солдафон* конечная часть *-фон* стала выделяться как особая часть. Именно с ее помощью А.И. Герцен образовал своеобразное слово *аристофон*, как бы связанное с *аристократ*. Откликаясь на “Заметку о вольнонаемном труде” А.А. Фета (Русский вестник, 1862, кн. V) и обыгрывая созвучие фамилии *Фет* с французским *fête* “праздник”, А.И. Герцен в письме И.С. Тургеневу от 12.XII (30. XI) 1862 г. создает каламбурные слова *аристофет* и *аристофон*:

«Il sont passés ces jours de Фет.

Этот с чего ругает народ – аристо…фет, аристо…фон – “мы де в нашей деревне…”»[41].

Как видно из последнего примера, элемент *-фон* в слове *солдафон*, послуживший А.И. Герцену для образования слова *аристофон*, можно рассматривать как своеобразный суффикс, получившийся в результате переразложения конечной части слова *солдафон* (из *солдаф-он*) → *солда-фон* и называвшийся у В.В. Виноградова суффиксом. Образовавшееся с помощью этого своеобразного суффикса слово *аристофон* нарушило уникальность слова *солда-фон*. Результат получится тот же самый, если в русском слове *аристофон* видеть результат контаминации начала слова *аристократ* с концом слова *солдафон*: *солда-фон* и *аристофон* имеют абсолютно одинаковое строение с синхронной точки зрения и конечная часть *-фон* не может быть отнесена к так называемым унификсам.

Любопытно заметить, что конечный согласный слова *солдат* обнаруживает некоторую неустойчивость: почему-то, перейдя в чувашский язык, оно приобрело в нем форму *салдак* (орфографически *салтак*).

В свой “Словарь русского школьного жаргона XIX века” (М., 2007, 236) О.А. Анищенко поместила загадочное слово:

“**САЛДОПЁР**, -а, *м. Семин. Насм.* Солдат (Петровых 1898)”, источник которого сбивчиво раскрывается в списке словарей: “***Петровых, 1898***: Петровых И. Словарь семинариста. “Ходячие слова семинарского общежития”. Словарь хранится в рукописном отделении Словарного сектора Института языковедения РАН (в Санкт-Петербурге)” (363–364). Вероятно, этот словарь в “Списке сокращений, допущенныхъ во II томе Словаря русского языка” назван: “**Петровыхъ**. – слова и замечанiя, сообщенныя редакцiи И.С. Петровыхъ”[42].

Совершенно неожиданно это же слово с иной орфографией обнаруживается в “Словаре московского (?) арго” В.С. Елистратова (М., 1994, 439): “**СОЛДАПЁР**, -а, *м.* Солдат. ⟨От общеупотр. “солдат” + “переть”; возм. из арм.⟩” – вместе с производными: *солдапёрить(ся)* “служить в армии рядовым, солдатом”, *солдапёрка* “солдатская форма; солдатское обмундирование”, *солдапёрный, солдапёровый* “солдатский”. Без всяких оговорок этот материал был помещен и в “Словарь русского (!) арго” (М., 2000, 437) того же В.С. Елистратова. В том же составе слово *солдапёр* и производные от него попали в “Словарь русского военного жаргона” (Екатеринбург, 2000, 266) В.П. Коровушкина, а в “Большом словаре русского жаргона” В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (СПб., 2000, 553) они же получили противоречивую стилистическую привязку: *солдапёр* (*Мол. Шутл.-ирон.*), *солдапёрить* (*Мол., арм. Шутл.*), *солдапёрка* (*Арм. Шутл.*).

Из всех этих неуловимо-сомнительных слов В.В. Химик включил в свой “Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи” (СПб., 2004, 573) только одно, снабдив его невнятной “этимологией”: “**СОЛДАПЁР**, -а, *м. Уничиж. разг.-сниж.* Солдат. От **переть** (5 зн). *К празднику нагнали на улицы солдаперов, они все и вычистили”.*

Появление слова *солдапёр* может быть объяснимо влиянием противопоставленного ему *вольнопёр* (из *вольноопределяющийся*) по контрасту и принадлежности к одной семантической группе слов. Ср., однако, не очень ясные названия чиновников *чинопёр* (и *чиновал, чинодрал*) и *щелкопёр* с аналогичной конечной (ауслаутной) частью неясного происхождения.

Движение слов из языка социальных сфер, где они зародились в соответствии с их языковыми вкусами и возможностями, в другие идиомы осложняет их историческое развитие, которое оказывается невозможно осветить без помощи этимологии и большого числа использованных источников. Проникшее из солдатского

языка в язык учащихся и далее во всеобщее употребление существительное *махальный / махальной* только при ограниченном материале может быть принято за школьническое. Инвективные обозначения военных *гарниза* и *солдафон* родились совсем не в военной среде, а в семинарской как отражение межсословных конфликтов и трений.

Примечания

[1] *Добродомов И.Г.* Этимология и историческая лексикология (к изучению булгарских заимствований в славянских языках) // Этимология 1979. М., 1981, 75–84.

[2] *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977, 282–283.

[3] *Трубачев О.Н.* Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984, 34–35.

[4] *Анищенко О.А.* Словарь русского школьного жаргона XIX века. М., 2007, 161. С глухой ссылкой на: *Халютин Л.И.* Воспитание в кадетском корпусе. За полвека назад // Современник. 1858. № 10, 630–654 (Санкт-Петербургский кадетский корпус, 1890-е ⟨!⟩ гг.). Столь же ошибочна (что более очевидно) у О.А. Анищенко в числе тех же кадетских шутливых жаргонизмов и характеристика употребления слова *сторож* в кавычках у А.И. Куприна, которое считается синонимом к *махальный*: "**сторож** ⟨..⟩ *Кадет. Шутл.* Кадет, который должен предупредить о появлении учителя или воспитателя. *Буланин догадался, что это* ***"сторож"***. *Действительно, через десять минут "сторож" вернулся и ... протяжно свистнул* (*А. Куприн.* На переломе (Кадеты), Московский кадетский корпус; 1880-е гг.)". Там же, 267, 339.

[5] *Лесков Н.С.* Собр. соч. в 12-ти томах. Т. 6. М., 1983, 240, 241. Ср. также 332 (Архиерейские объезды).

[6] Полное собрание сочинений Иосафа Игнатьевича Железнова, т. I: Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910, 148.

[7] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. в 10-ти томах. М., 1988, 506; на с. 572 комментарий: «Сведения с театра военных действий шли в столицу посредством "ручного телеграфа", употреблявшегося на флоте: расставленные в пределах прямой видимости махальные передавали депеши условными жестами при помощи флажков».

[8] *Анищенко О.А.* Указ. соч., 160–161. Последняя цитата относится к 30–40-м гг. XX века: в ней говорится о русско-сербской гимназии в Югославии.

[9] *Максимов С.В.* Крылатые слова. М., 1955, 109.

[10] *Солженицын А.И.* Русский словарь языкового расширения. М., 1990, 100.

[11] Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998, 122.

[12] *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. Т. IV: Ревизор. [М.,] 1951, 153.

[13] *Смирнова-Россет О.А.* Дневник; Воспоминания. М., 1989, 72.

[14] *Булгаков М.А.* Собрание сочинений. Т. 7. М., 1999, 174.

[15] *Даль*$_3$ I, 843.

[16] *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. I. [СПб., 1902], 180.

[17] *Писемский А.Ф.* Масоны. Ч. 4–5. СПб., 1881, 347.

[18] *Горький М.* Горемыка Павел. Повесть (1894 г.) / Собрание сочинений в 30-и томах. Т. I. М., 1940, 214.

[19] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. Вып. 2: Втас-Да. СПб., 1892, 777–778.

[20] В новом начале этого же академического словаря, пока выходящего теперь под просторечным амплифицированным названием старого (**БАС**) как “Большой академический словарь русского языка”, статья *гарнйза* и *гарнизá* (т. 4. М.-СПб., 2006, 48) в точности воспроизводит старую только с обновленной ошибкой: рассказ А.П. Чехова “Муж” здесь фигурирует уже как “Мужики”, в качестве яркой приметы формального подхода к переработке словаря сотрудниками петербургского академического Института лингвистических исследований РАН и невнимания к источниковедению.

[21] *Пикуль В.* Фаворит. Т. II, Л., 1985, 299.

[22] *Солоневич И.Л.* Россия и революция. М., 2007, 327.

[23] Русский язык и советское общество. Социально-лингвистическое исследование. Под редакцией М.В. Панова ⟨вып. II:⟩ Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, 273 (§ 187).

[24] Мы предпочитаем обозначать ударение согласно Далю; Фасмер (I, 259) приписывает этот же вариант с ударением на последнем слоге также Чехову. Вариант *гарнйза* кажется более новым; “Словарь современного русского литературного языка” ограничивается здесь ссылкой на Словарь Ушакова (примеч. Л. Гальди).

[25] *Гальди Л.* Слова романского происхождения в русском языке. М., 1958, 32. Этимологический словарь М.Р. Фасмера здесь цитируется по немецкому изданию: Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I–III. Heidelberg, 1953–1968.

[26] *Долопчев В.* Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Изд. 2. Варшава, 1909, 43.

[27] Экспериментально-академическая “Русская грамматика” (т. I. М., 1980, 199) выделяет едва ли правильно суффикс *-иза* только в одном единичном слове *экспертиза*.

[28] Исключение составляет академический “Русский орфографический словарь” (М., 2000, 175), где зафиксирована лишь достоверная форма *гарнизá* с конечным ударением; причины включения в нормативный словарь вышедшего из употребления слова неясны. Остается не вполне ясным скатологический каламбур в одном из современных детективных романов: “Молодец дочечка Маечка! Все растрепала, говниза паршивая” (*Вайнеры А. и Г.* Евангелие от палача. М.: Сигма, 1997, 136), – то ли это контаминационное преобразование не очень понятного для авторов слова *гарнйзá* (с неясным ударением), то ли суффиксальное образование с суффиксом *-йза*, который служит для амплификации неприличного слова с бранным значением. Во всяком случае, авторы исходили из весьма туманной для них бранной окраски слова *гарниза* с весьма ослабленной семантикой.

[29] Она, вероятно, восходит ко второму выпуску (М., 1910, 119) “Этимологического словаря русского языка” (т. I) А.Г. Преображенского: «*гарнизá*, обл. *гармизá* “гарнизонный солдат, инвалид”».

[30] Етимологічний словник української мови. Т. 1: А-Г. Київ, 1982, 475.

[31] СРНГ 6, 45. Зачисление в существительные мужского рода (помета *м.*) едва ли может быть оправдано: прилагательное *старая* при нем свидетельствует об обратном.

[32] Нет у него слова *гарниза* и в списке одиночных слов.

[33] *Виноградов В.В.* Об экспрессивных изменениях значений и форм слов // Советское славяноведение. 1968. № 4, 9–11; цитируется по: *Виноградов В.В.* История слов. М., 1994, 650. Разрядка моя. – *И.Д.*

[34] Здесь интересно ошибочное сближение латинского слова *ляпсус* с глаголом *ляпнуть* в духе народной этимологии. Но эта ошибка исправлена в гнездо-"словообразовательном словаре", где латинизм *ляпсус* помещен в списке одиночных слов.

[35] Весь список слов с единичными аффиксами, которым А.Н. Тихонов отказывает в праве считаться морфемами, весьма противоречив по составу и требует внимательного анализа каждого слова. В качестве примера обращу внимание на незакономерное разделение двух слов с одинаковыми суффиксами, переданными по-разному в написании. А.Н. Тихонов не заметил, что в слове мошк-*ара́* и детв-*ора́* содержится один и тот же суффикс -*ар*(а) с разным написанием, но в дет-*в-ора* ему предшествует суффикс -*в*(а) – ср. дет-*ва* (при лист-*ва*). Это не удивительно, поскольку такие слова затрудняли даже В.В. Виноградова, который при анализе этих слов испытывал затруднение: "..слово *детвора*, находящее себе соответствия в южновеликорусских говорах, не разлагается на *детва* (ср. *листва*) и суффикс -*ора* (ср. *мошкара*); с другой стороны, членение на *дет* и *вора* лишено смысла. Ср. в языке Левитова *мужварьё*, в котором слито три собирательных суффикса -*в-(а), ар-* (ср. *мошкара*) и -*ьё*". (*Виноградов В.В.* Вопросы современного русского словообразования // Русский язык в школе. 1951. № 2, 1–10. Цит. по: *Виноградов В.В.* Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975, 164). Экспериментально-академическая "Русская грамматика" 1980 г. рассматривает эти суффиксы в одном § 407 и, видимо, считает эти "морфы" представителями одной морфемы, то есть единого суффикса: "Собирательное значение имеют ⟨..⟩ слова с суф. морфами -*в(а)* ⟨..⟩, -*ар(а)* ⟨..⟩ и -*вор(а)* (⟨..⟩; последний – соединение двух предшествующих морфов): *лист – листва, брат – братва* (прост.), *татары – татарва* (стар.), *пацан – пацанва* (нов. прост.); *мошка – мошкара, дети – детвора*" (Русская грамматика. Т. I. М., 1980, 207 (§ 407). В книге: *Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке. М., 2001, 195 – слово *солда-фон* перечислено в списке существительных с "несопоставимыми постфиксальными морфемами", но оставлено вне рассмотрения, а соответствующие морфемы названы ущербными. Е.А. Земская зачем-то назвала словообразовательные морфемы, выделяемые в отдельных словах и не представленные параллельно в других, унификсами, но оставила вне рассмотрения и "терминологического" выделения морфемы, представленные в двух, трех и т.д. словах, не обозначив четко границы между унификсами и остальными морфемами. *Земская Е.А.* Унификсы (Об одном виде морфем русского языка) // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. № 341. М., 1969, 100–106.

[36] *Бондалетов В.Д.* Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство. Рязань, 1980, 22–23. Ср. форму *курто́н* среди жаргонных названий куртки: *курте́ль, куртёха, куртя́га, куртя́ха, курто́н, курто́нчик* в "Словаре московского арго" (М., 1994, 220) В.С. Елистратова.

[37] См. об этом: *Добродомов И.Г.* По следам разысканий В.В. Виноградова о слове *солдафон* // Opuscula polonica et russica, V. Warszawa, 1997, 105–114; *Добродомов И.Г.* К проблемам русской исторической лексикологии нового времени в трудах В.В. Виноградова // Русистика сегодня. 1996. № 3, 133–136. Об арготическом характере суффикса -*он* см.: *Timroth W. von.* Russian and Soviet

Sociolinguistics and Taboo varieties of Russian language (Argot, Jargon, Slang and "Mat"). Munich, 1986, 83, 117 (Slavistische Beitrage, Bd. 205).

[38] Колебания между *ф* и *т* в оформлении новых европейских заимствований в русском языке XVIII в. подробно рассмотрены в книге: *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972, 197–202.

[39] *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, 124.

[40] Слова *солдафон* нет в очень показательном "Словаре русского военного жаргона" (Екатеринбург, 2000) В.П. Коровушкина.

[41] *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30-ти тт. Т. XXVII, кн. 1. М., 1963, 771.

[42] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. Т. II. СПб., 1907, XXV.

Л.П. Дронова

СЛАДКО-СОЛЕНЫЙ ВОПРОС

Многие народы древности обходились при приготовлении пищи без соли: одни из них (напр., полинезийцы) обмакивали мясо в морскую воду (в “солонки” из ореховой скорлупы с морской водой), другие пользовались приправами из острых трав или их золы[1]. Там, где были источники каменной соли или самосадочной соли из соляных озер, она стала обязательным элементом питания, средством для обработки и долгого хранения съестных припасов. В силу этого велико было как сакральное, мистическое значение соли (по сообщениям Овидия, Плиния, кусочки чистой соли использовались при жертвоприношениях; широко известна соль в значении амулета, а также служила и служит символом гостеприимства), так и товарное ее значение (ср., в древнем Риме очень рано, со времени легендарной войны с этрусским царем Порсенной, торговля солью была монополизирована государством: *salīnae* ‘соляные копи; солеварни, градирни (где выпаривалась притекавшая по каналу морская вода)’, *annōna salāria* ‘годовой доход от продажи соли, соляные поступления’, *salārium* ‘соляной паек (выдававшийся военнослужащим и гражданским чиновникам)’, продолжившееся во франц. *salaire* ‘заработная плата’). Такая значимость соли в жизни разных народов с глубокой древности придает особую историко-культурную “диагностичность” именованиям этого предмета.

Общее для большей части индоевропейских языков название соли представлено образованиями от **sal-*, **sal-d-*, **sal-n-* (греч. ἅλς ‘соль’, лат. *sāl*, *sălis*, арм. *ał*, др.-ирл. *salann*, валл. *halen* (**sa-lein-*), слав. **solĭ*, **solnъ*, лтш. *sāls*, прус. *sal-*, тох. A *sāle*, гот. *salt*, др.-англ. *sealt*, др.-в.-нем. *salz*), в том числе сохранившимися в топонимике (Ἅλυς – река в Малой Азии, иллиро-кельт. *Sala-pia*, фрак. *Salsovia*, *Saldae* в Паннонии, нем. *Saale*, *Солигалич* и др.). Германские языки реализовали и аблаутный вариант в производных корня **sal-*: норв. *sylt*, др.-сакс. *sulta*, др.-в.-нем. *sùlza* ‘соленая вода, рассол’, нем. *Sülze* то же, ‘мясные и рыбные изделия с солено-кислыми приправами; студнеобразная пища’. Употребляющееся в немецком языке *Sole* в значении ‘вода соленого источника, рассол’ – следствие развития ср.-н.-нем. *sōle* (16 в., и ранее, 14 в., *zalen*), при н.-в.-нем. *sul*, *sol* ‘соленая вода, соленый

бульон' (возможно, результат западнославянского влияния) (Frisk I, 78; Walde–Hofmann I; Pfeifer II, 1162, 1396; Lehmann. Goth. 294; Черных II, 187–188).

В стороне остаются индоиранские и хетто-лувийские наименования соли (ср. наблюдение В.И. Абаева, что осет. *цæхх* 'соль' не сближается с индоевропейскими названиями соли, имеет связи в кавказских и угро-финских языках [Абаев I, 310]).

Корреляция названия соли и морской воды, моря интересна как аргумент в вопросе о расселении индоевропейцев в древности: сходство названий наблюдается в языке тех, кто рано расселился у моря, ср. крит.-мик. a_2*-ro* = **halos* 'море', греч. гом. ἅλς ж.р. 'море, морская вода', м.р. 'соль', ἅλιος 'морской', 'соляной сделанный из соли', ἅλμη 'морская вода, соленость', лат. *sāl*, *sălis* м.р. 'море, морская вода', м. и ср.р. 'соль', *salum* 'открытое море', валл. *heli* 'море', норв. *sylt* 'затопленный морской берег', др.-инд. *sal-ilá-* 'вода' (? 'море' <*'соленый') (Гамкрелидзе–Иванов. ИЕ II, 674).

Относительно происхождения обозначения соли (**sal-*) существует мнение, что соль была названа по цвету – серая, грязно-серая, schmutziggrau (цвету, характерному прежде всего для самосадочной, озерной соли), ср. в этом случае как родственные др.-в.-нем., др.-англ. *salo* 'темного цвета, тусклый, мутный', англ. *sallow* 'блеклый', нем. *Salweide* 'ива', др.-сев. *sǫlr* 'грязный, бледный, schmutzig, bleich', лат. *salix* 'ива', *salīva* 'слюна; слизь', рус. *соловый* (Walde–Hofmann II, 466; Pfeifer II, 1162). Аргументом pro этой гипотезы можно считать свидетельства римских историков о том, что галлы, германцы, испанцы лили воду соляных источников на горящие дрова и давали ей испариться; соль, конечно, делалась черною[2].

Есть предположения и относительно локализации источника обозначения соли (**sal-*) – от нижнего течения Дуная до Днепра (Walde–Hofmann II, 466; Pfeifer II, 1162) (территория, близкая к вероятному местонахождению индоевропейцев на последнем этапе общности[3]).

Так или иначе, но древние германцы, балты, славяне занимали периферийное положение по отношению к центрам средиземноморской культуры, предполагаемому исходному ареалу рефлексов корня **sal-*, и языки именно этих этносов выразили разные грани осмысления соленого вкуса (как оказалось, совместно со сладким).

Прежде всего обращает на себя внимание литовский язык, обозначение соли в котором – *druskà* – не имеет ничего общего с

продолжениями *sal-, в частности, с лтш. *sāls*. Внутренняя форма этого слова ((нечто) крупитчатое, крошкообразное) однозначно определяется в кругу значений родственной лексики (ср. лтш. *druska* 'кроха, крошка', болг. *дръска* 'что-то очень маленькое', гот. *drau(h)snos* 'крохи', лат. *frustrum* 'кусочек; обломок' и др. (Fraenkel II, 107; ЭССЯ 5, 140).

Литовскую семантическую инновацию следует признать достаточно ранней и региональной, учитывая алб. *kripë*, *krypë* 'соль' (родственно рус. *крупа* [ЭССЯ, 13, 44]) и принимая во внимание сложившееся в последние десятилетия авторитетное мнение о территориальной близости в историческом прошлом албанского языка балто-славянскому ареалу, выявление сходства в исторических процессах разного языкового уровня. Правда, нечто на первый взгляд похожее по мотивирующему признаку отмечено и в славянских языках: цслав. кроүхъ, болг. *крухъ* 'кусок соли', диал. 'кусок соли, сахару', чеш. *kruch* 'кусок, обломок (минеральной породы)', есть диалектное выражение *slaný jak kruch*. В сербохорватском и словенском этим словом называют хлеб (ломоть хлеба), в других (в.-луж., польск.) – это только 'кусок, обломок, глыба', рус. диал. *крух* означает и 'ломоть (хлеба)', и 'ком, глыба, осколок' (ЭССЯ 13, 41). Видимо, номинация относилась к каменной соли, определена форма, а не консистенция.

Степень "отличности" в данном вопросе литовского от родственных языков снижается тем, что в нем все же есть производное от **sal-*, но с дентальным расширением корня, формально подобное герм. **salt* 'соль', лат. *sallere* (<**saldere*; наряду с *salīre*) 'солить', *salsus* (<**saldtos*) 'соленый' (Walde–Hofmann II, 466). По значению же лит. *saldùs* 'сладкий', лтш. *salds* аналогично славянским продолжениям корня **sold-* (ср. рус. *сладкий, солод* и их соответствия в других славянских языках): если прототипическим для определения 'соленый' была морская вода, вода соленых источников, озер, то для сладкого вкуса – растительный сахар некоторых растений (напр., солодка, или лакрица) и солод (пророщенные, высушенные и крупно смолотые зерна хлебных злаков, применяемые при изготовлении пива, спирта, кваса и т.п.).

В славянских языках обозначение соленого и сладкого формально разграничено (**sol-* и **sol-d-*), чего нет в восточнобалтийских языках, где в литовском наряду с *saldùs* 'сладкий' имеется обозначение солода от **sal-* (без *-d-*) – *salýklas*, *salýklinis* 'солодовый' и *sálti* 'делаться сладким, солодеть', в латышском название солода *iesals* также без корневого расширения *-d-* (*iesalasni*

'солодовый') при продолжении **sald-* в *iesalds* 'сладковатый'. Впрочем, семантической специализации корней *сол-//слад-// солод-* в русском языке также свойственны "отклонения": рус. диал. *соло́денький* 'сладкий (о пище)', *соло́дчивый* 'солоноватый (о воде)', *со́лодь* 'яма с соленой водой', *солущий* 'сладкий, сладковатый', *солущи́ть* 'иметь соленый привкус' и др. Как показало исследование К.В. Пьянковой, все образования от фонетических вариантов праслав. **sol-//*sold-* могут получать значение 'иметь определенный вкус, делать вкусным' (ср. арханг. *подсоли́ть* 'прибавить для вкуса, сдобрить', *соло́ный* 'приятный, вкусный', *засолоди́ть* 'приправить, положить что-н. (в кушанье)', выражение *без соли не сладко, а без хлеба не сытно* у Даля и т.п.). Кислый, соленый, сладкий компоненты пищи насыщают ее вкусом, их отсутствие делает пищу пресной, пустой[4].

Очевидно, что восприятие соли как основной, улучшающей вкус приправы к пище стало базой для представления о вкусном. Учитывая, что соль является обязательной составляющей пищи, а сладкое по вкусу – это своего рода излишество, сладкие блюда в традиционном русском рационе – преимущественно блюда из солодовой муки (ср. *солод, солодкий*, *солодеть* 'приобретать сладковатый, кисло-сладкий вкус (о муке, хлебе, зерне и т.д.)'), нельзя не согласиться с реконструкцией семантической деривации в гнезде **sal*(*d*)- в виде 'соленый'→ 'приправленный, вкусный'→ 'сладкий'(Фасмер III, 713; Pfeifer II, 1162). Подобный путь семантического изменения прошло и франц. *sauce* 'соус; приправа' (ст.-франц. *salse*, *saulse*), продолжившее нар.-лат. *salsa*, субстантив от *salsus* 'соленый; посоленный; острый'[5].

На еще одно сформировавшееся направление семантического развития в гнезде производных слав. **sold-* обратила внимание Л.В. Куркина: изменение от значения 'сладкий, приятный на вкус, быть по вкусу, нравиться' к значениям 'желать, хотеть' и 'жадный до еды' (в.-луж. *słodźeć* 'быть вкусным; нравиться' и 'солодеть', словен. *sladéti* 'быть по вкусу, иметь желание', *sladíti* 'делать сладким' и 'страстно желать' и др.). Л.В. Куркина предложила включить в число однокорневых образований словен. *sla* 'желание, потребность, стремление' и серб.-цслав. **осльнѫти** 'хотеть есть, быть голодным' (ранее относимые к производным **suel-* 'жечь' или сближаемые с балт. *sulà* 'березовый сок, сок из коры'), тем самым расширив формальную базу производящей основы (**sold-*/**sъld-*)[6].

Косвенным аргументом в пользу семантической реконструкции 'соленый' → 'приправленный, вкусный' → 'сладкий' для балто-славянского ареала можно, видимо, считать и наличие лит. *sū́dyti* 'солить', *sū́dytas* 'соленый', претерпевших семантическую эволюцию противоположного направления, генетически связанных с основным обозначением сладкого в индоевропейских языках (др.-инд. *svādú*-'вкусный, лакомый, сладкий', *svádate* 'быть или делать вкусным, нравиться', лат. *suāvis* 'приятный, милый; вкусный; сладкий' (**swadwis*), *sibi svāviter facere* 'вкусно есть, пировать', греч. ἡδύς 'сладкий, приятный (о предметах и людях)', англ. *sweet*, нем. *süß*, тох. A *swār* из **suād-r* 'сладкий' < и.-е. **suād-*). Однокорневые образования с той же огласовкой корня, что и лит. *sū́dyti*, – гот. *sutis* (*ū*-долгое? *u*-краткое?) 'кроткий, тихий, безмятежный', др.-инд. *sūdayáti* 'приводить в порядок, устраивать', *sū́da*- 'пирог, печенье' – также семантически восходят, хотя и опосредованно, к значениям 'вкусный, приятный, нравиться' (Fraenkel III, 759; Walde–Hofmann II, 611–612; Pfeifer II, 1399). И только в лит. *sū́dyti* исходное значение 'делать вкусным, нравящимся' конкретизировалось как 'солить'.

Таким образом, самым запутанным сладко-соленый вопрос оказался в литовском и латышском языках: производные от **sal-* и **sald-* (*sálti*, *salýklas*, *saldùs*, *iesals*, *iesalds*) связаны с понятием "сладкий", "солод" (переход от значения 'соленый' к 'сладкий'), продолжение и.-е. **suād-* лит. *sū́dyti* – результат семантического изменения 'делать вкусным, сладким' в 'солить', к этому следует добавить инновацию в обозначении соли (*druskà*), типологически общую с албанской.

И это еще не все об особенностях фактов литовского языка в рассматриваемом вопросе. В литовском языке обозначение соли и соленого – разнокорневые слова, с разными исходными понятиями связанные, разновременные: *druskà* 'соль' (*'крошка, крупинка') и *sūrùs* 'соленый', *sūrùmas* 'соленость', *suróžemis* 'солонец', *sū́ris*, прус. *suris* 'сыр', родственные лтш. *sũrs* 'соленый, горький', слав. **syrъ*, **syrъjь*, **surovъ*, др.-сев. *sūrr* 'кислый; резкий, едкий', др.-англ., др.-в.-нем *sūr* 'кислый', др.-сев. *saurr* грязь', *sýra* 'кислое молоко' (Fraenkel III, 944).

"Пересечение" значений 'соленый, кислый' и 'сырой, мокрый' типично, закономерно следует из специфики денотативной сферы, ср. производные **kvas-* //**kys-*: *квасить (капусту)* 'делать кислым и соленым', рус. диал. *киснуть*, укр. *киснути* 'долго мокнуть', болг. *квася* 'мочить, смачивать; заквашивать (молоко)', польск. диал. *kwasić* 'о сырой, дождливой погоде' (это

семантическое взаимодействие подробно рассмотрено в работе К.В. Пьянковой[7]).

Особая консистенция кислого продукта – вязкая, жидкая, подобная киселю – обусловила отрыв семантики слова *кисель* в русском языке от исходного признака 'кислый', подобным образом мотивирована семантика прост. *раскиселиться* 'развариться, стать мягким', *дорога раскисла (раскиселилась) от дождей*, *кислуха* 'топкое место на болоте', вышеприведенные др.-сев. *sūrr* 'кислый; резкий, едкий' и (аблаут) *saurr* 'грязь'. Эта линия семантического развития от 'соленый / кислый' к 'киселеобразное; грязь' получила развитие в славянском ареале в производных от и.-е. **sal-* 'соль, соло́ный': рус. диал. *со́лоть* 'топь, слякоть', *солоти́на* 'вязкое жидкое, стоячее болото', укр. *соло́тва* 'соленая вода', *соло́твина* 'солончак, соленое болото', болг. *сла́тина*, с.-хорв. *сла̏тина* 'минеральный источник, рассол', чеш., слвц. *slatina* 'болото'(Фасмер III, 714).

Рассмотренный сладко-соленый вопрос показал сохранившиеся языковые свидетельства непростого историко-культурного, когнитивного аспекта формирования представления о некоторых (из разряда основных) перцептивных категориях в балто-славянском ареале. Полученная картина представляет интерес как в свете специфики балто-славянских отношений, так и с точки зрения особенностей формирования лексики с абстрактными значениями, связанными родо-видовыми отношениями ("вкус" – "соленый/кислый", "сладкий").

Примечания

[1] Энциклопедический словарь. Издатели Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Т. LX. СПб., 1900, 838.

[2] *Любкер Ф.* Реальный словарь классической древности / Пер. с нем. Под ред. и доп. В.И. Модестова. СПб.; М., 1886, IV, 887 (со ссылкой на Тацита Плиния).

[3] *Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник Древней истории. 1982, № 3, 3–30; *Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

[4] *Пьянкова К.В.* Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008, 54 и след.

[5] *Dubois J., Mitterand H., Dauzat A.* Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris, 1996, 690.

[6] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии // ОЛА. Материалы и исследования. 1981. М., 1984, 289–291.

[7] *Пьянкова К.В.* Указ. соч.

А.В. Ефимова

К ЭТИМОЛОГИИ РУС. *КОСТЁР* ‘ГОРЯЩАЯ КУЧА ДРОВ’[1]

В имеющейся этимологической литературе рус. *костёр* ‘горящая куча дров’ традиционно связывается с **kostra* ‘отходы от трепания льна, конопли’, при этом иногда отмечается, что др.-рус. *костьръ* ‘крепость’ – совершенно иное по происхождению слово, заимствованное из лат. *castrum* ‘крепость’ через среднегреческое *κάστρον* (см. Преображенский I, 367; Фасмер II, 347; Шанский 8, 352–353).

О.Н. Трубачев также считает славянское **kostrъ* этимологически тождественным славянскому же **kostra*: “Значение ‘костёр, горящая куча дров, веток’ восходит к значению ‘куча вообще, поленница’ (ср. аналогию нем. *Scheiterhaufen* ‘костёр’, собственно, ‘куча поленьев’: *Scheit* – ‘полено’, *Haufen* – ‘куча’), как, впрочем, это явствует и из синхронно представленных значений слова *костёр* в русском – ‘куча дров, поленьев’ и *костер* в украинском – ‘стог, скирда’. Следовательно, у русского слова *костёр* в общенародном значении не может быть собственной этимологии, так как оно этимологически тождественно русскому же слову *костра* ‘жесткая кора, треста’ и значение ‘костёр, куча дров, горящая куча’ восходит к значению последнего слова – ‘треста, очески’ как к более архаичному. Первоначально *костром* называлось сложенное кучей некоторое количество этой тресты, кострики, оставшейся после ломания стеблей льна или конопли. Далее это же название было распространено, по-видимому, более широко на кучи всякого другого материала, идущего на сжигание, на топку, тем более что именно такое употребление более всего подходило для самих отходов от обработки волокна. Прочие этимологии слова *костёр*, в частности как заимствования из разнообразных источников – из исл. *köstr*, лат. *castrum* попросту невозможны, что ясно уже из предыдущих замечаний о связи *костёр* и *костра*”[2]. В ЭССЯ др.-рус. *костьръ* (*костеръ*) также возводится к **kostra* (ЭССЯ 11, 163–164).

Однако среди значений рус. *костёр* есть и такие, которые не могут быть возведены только лишь к слав. **kostra* ‘отходы от трепания льна’. Так, например, в русских народных говорах слово *костёр* употребляется в значении ‘ящик-форма для складывания

свода печи' (СРНГ 15, 72), а также 'деревянный сруб под печью' (Даль[3] II, 448). Ящик-форма служила для поддержания кирпичей в своде печи, чтобы они не вываливались, пока сохнет глина; деревянный сруб служил фундаментом для поддержания печи. Эти значения слова *костёр* невозможно вывести из слав. **kostra* 'куча кострики', но при ближайшем рассмотрении они оказываются тесно связанными с др.-рус. *костьръ* 'крепость, укрепление'.

Др.-рус. *костьръ* 'башня, крепость; укрепленный военный лагерь' является заимствованием, о чем с очевидностью свидетельствуют такие его формы, как *кастръ* (Срезневский 1, 1198)[3], мн. *кастра* (наряду с мн. *костры*; ср. лат. *castra*): *Поставиша 3 костры камены у новыя стѣны, на приступѣ* (Срезневский 1, 1298); *Кастра крѣпкы зѣло* (Срезневский 1, 1197); *Да отрокы твоя съхранятся неврежени иже облацы кастра ихъ* (на поле: *полкы ихъ*) *осѣняше и от воды иж⟨е⟩ преже бѣ земля суха явися* (СлРЯ XI–XVII вв. 7, 87); поясняющие пометы на полях также свидетельствуют об иноязычном происхождении слова *костьръ*. Интересно, что в офенских языках XIX в. употреблялось слово *костёр* 'город', заимствованное (вторично?) из греческого языка[4].

Согласно имеющимся археологическим данным, крепостные сооружения в древности возводились в том числе и следующим образом: на выстроенное из бревен сооружение в виде сруба насыпалось большое количество земли, то есть возникал достаточно высокий вал, защищенный (изнутри) от размывания и осыпания. Такая крепость представляла собой укрепление земляной насыпи изнутри прочным бревенчатым срубом. Этим фактом вполне можно объяснить развитие значений 'ящик-форма для складывания свода печи' и 'деревянный сруб под печью' у слова *костёр* (*костьръ*): в сущности, семантика поддержки, укрепления "изнутри" была свойственна слову *костьръ* изначально[5].

Существует также горняцкий термин *костёр* 'крепление из стоек, уложенных горизонтально одна на другую в виде треугольных или квадратных колонн, поддерживающих кровлю горной выработки' (ССРЛЯ 5, 1516). Внешне такой костёр напоминает сруб или башенку, что также позволяет возводить данный термин к др.-рус. *костьръ* 'крепость'.

В памятниках XVI–XVIII вв. при упоминании слова *костеръ* 'куча дров' речь идет, как правило, не просто о куче топлива, а об определенной укладке (бревен, жердей, дров). Так, например, в деловых документах по заготовке дров для солеварен в Соли Камской (ныне город Соликамск Пермской области) содержатся

такие указания: *Из воды дрова волочить на берег Ивану своими денгами класти плотно без хитрости концы напромитусь без сучья и без гнилых отмер дровам на берегу по обе стороны костра; В костре дрова класти концы впромитусь и отмер дровам в сажень усольскую в таможенную; А подле Усолку-реку те дрова класти в костры плотно без хитрости гнилых дров и сучья не класть, а мерить дрова в сажень трехаршинную с шестью вершками аршинными в длину и вверх по обе стороны костров*[6]. Как показывает Е.Н. Полякова, "бревна и поленья для хранения в укладке в виде поленницы складывались в определенном порядке: в каждом определенном ряду перпендикулярно к бревнам или поленьям предшествующего ряда"[7], то есть в результате как раз и возникало сооружение (поленница), напоминавшее башню. Следует также заметить, что в костры, как правило, укладывались нераспиленные бревна, существовало даже выражение *костровые дрова* – 'двухметровые поленья, которые складываются в штабеля (костры) для соляного варения': *Куплено дровъ 2 сажени березовыхъ костровыхъ да 2 воза сосновыхъ* (СлРЯ XI–XVII вв. 7, 371). Необходимость измерения количества топлива обусловила появление у слова *костёр* значения 'мера дров' (СРНГ 15, 71–72).

С постепенной утратой первичной мотивации со стороны *костьръ* 'крепость' слово *костёр* в говорах продолжало употребляться в значениях 'укладка дров, расположенных горизонтально', 'укладка дров, расположенных вертикально', 'укладка дров для сушки "шалашом" или кучей в виде конуса' (СРНГ 15, 71). В СРНГ фиксируется выражение *крыша костром* 'четырехскатная крыша', это значение, очевидно, связано со значением 'укладка бревен шалашом, конусом' (СРНГ 15, 72).

Вообще, словом *костёр* чаще обозначаются очень большие кучи. В русских народных говорах в XIX–XX вв. отмечаются такие значения слова *костёр*, как 'большая укладка льна', 'большая укладка снопов в поле', 'большая укладка сена', 'укладка перпендикулярными рядами (sic!) соленой и вяленой трески в амбарах на становищах Мурманского берега', 'куча съестного', 'ледяной затор, торосы' (СРНГ 15, 71–72). Заметим, однако, что значение 'куча' появляется у слова *костер* (*костеръ*) довольно рано. В Тверской летописи (под 1216 г.): *Не токмо на боищи костры мертвыхъ, но и по многымъ мѣстомъ лежаше трупiе, овiи мертвы, а друзiи еще дышуще* (Срезневский 1, 1298); в "Повести о Сухане": *Куды Сухан не оборотится, тут татар кост-*

ры лежат (СлРЯ XI–XVII вв. 7, 368). Слово *костер* в значении 'горящая куча дров' встречается в XVII веке (1675 г.) в "Книге бесед" Аввакума: *На Москвѣ старца Авраамия, духовнаго сына моего, Исаию Салтыкова в кострѣ сожги* (СлРЯ XI–XVII вв. 7, 368). Значение 'укладка бревен в виде поленницы' для слова *костер* остается основным и в XIX в. У Даля первое значение слова *костер* – 'поленница, сложенные в клетку дрова, встарь для сожигания трупов или преступников' (Даль[3] II, 448). Конечно, в документах XVI–XVIII вв. упоминаются и кучи другого топлива: *Перед тѣм анбаром насыпано в костре угол⟨ь⟩я, а по скаске иноземца прикащика Якова Петрова в томъ де костре 250 коробов угол⟨ь⟩я* (Собрание Гамеля, 1690 г.: СлРЯ XI–XVII вв. 7, 368); и даже кучи руды: *Подле того угол⟨ь⟩я в дву кострах руды длиною на 24 поперек на 12 саженях, в вышину на две сажени, а по скаске ево ж Якова Фандергунста и в тех де кострах руды 12000 возов* (там же).

Таким образом, материалы говоров и профессиональной лексики дают основание утверждать, что развитие значения слова *костёр* происходило следующим образом: 'крепостное сооружение' > 'укрепление, представляющее собой насыпь, сделанную над деревянным каркасом' > 'укрепление, поддерживающее свод печи' > 'укрепление, поддерживающее кровлю горной выработки'. Поскольку подобные укрепления чаще всего представляли собой укладку бревен или жердей в виде сруба, произошло развитие значений: 'укрепление в виде сруба' > 'укладка бревен, жердей в виде сруба (для просушки)' > 'укладка бревен (дров), приготовленных для сжигания' > 'куча дров, приготовленная для сжигания' > 'горящая или приготовленная для горения куча дров, щепок'.

Польск. *kostra*, *kostro* 'поленница' (Фасмер II, 347) свидетельствуют, очевидно, о том, что др.-рус. *костьръ* было заимствовано через посредство польского языка (ср. такие слова, как др.-рус. *костель, кастель, костелъ* – от лат. *castellum* 'башня', также, по всей видимости, через польский язык).

Болг. *ко́стер*, словен. *kóster* 'костёр' – из русского языка (БЕР II, 665).

Что касается укр. диал. *косте́р* 'поставленные в конусовидные кучки пучки конопли или снопы камыша' (ЭССЯ 11, 164), то здесь очевидна контаминация значений с рус. диал. *костёр* 'тростник', 'высокая болотная трава' (СРНГ 15, 72), *костерь* 'сорная трава' (СРНГ 15, 73) и др., восходящими к слав. **kostra* 'отходы от трепания льна, конопли'.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 06-04-82406 а/У.

[2] *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 83–84.

[3] См. также: *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь. М., 1900, 246.

[4] *Бондалетов В.Д.* Грецизмы и их производные в русских арго // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография. III чтения памяти академика О.Н. Трубачева из цикла "Славяне: язык, история" (21–25 октября 2005 г., Москва). Тезисы докладов и выступлений. М., 2005, 20–24.

[5] О.Н. Трубачев реконструирует лат. *castrum* как 'выкопанное (и насыпанное)', 'вал со рвом' (< и.-е. **kes-/*kos-* 'рыть, копать, скрести, продергивать, прочесывать'); А.С. Мельничук связывает лат. *castrum* с лат. *castro* 'рубить', также, впрочем, восходящим к и.-е. **kes-/*kos-/*kas-* (*Мельничук А.С.* Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. 1966. М., 1968, 233).

[6] *Полякова Е.Н.* Слово *костер* в соликамских памятниках письменности // Историческая лексикология и лингвистическое источниковедение: Межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 1991, 12–18.

[7] Там же.

А.А. Калашников

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ 26 ВЫПУСКА "ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ"

В этом этюде, посвященном разбору конкретного случая из практики составления "Этимологического словаря славянских языков" под редакцией О.Н. Трубачева, мы сможем проиллюстрировать и некоторые общие закономерности. Мы в очередной раз увидим, как внимательно и бережно относился Олег Николаевич к каждому слову, каждому оттенку значения. Мы получим также очередное подтверждение глубокой продуманности и очевидной перспективности выбранных им принципов построения словаря.

Обратимся к интересующему нас материалу. Он находится в статьях **obděvati* (*sę*) и **obděvanьje* (ЭССЯ 26, 155). Продолжения праславянского глагола **obděvati* (*sę*) представлены во всех славянских языках, кроме полабского. Значения их довольно однородны: 'induere, vestire, одевать, надевать, укрывать, укутывать, покрывать, прикрывать, закрывать, опоясывать, обувать, украшать, наряжать...'. На этом фоне выделяются следующие примеры: болг. диал. *обдéвам* 'делать какую-л. тяжелую работу' (СбНУ XLIV, 531), *одевам* 'страдать'[1] и макед. *одева* 'страдать, мучиться' (Конески II, 35). Сходную картину находим в статье **obděvanьje*. Продолжения этого праславянского отглагольного имени представлены в большинстве славянских языков. Значения этих продолжений довольно однородны: 'одевание, укутывание, укрывание...', имеются и значения 'одежда, нарядная женская одежда, накидка, покрывало, одеяло...', не требующие специального комментария. На этом фоне выделяются следующие примеры: болг. диал. *одевáн'е* 'страдание'[2] и макед. *одевање* 'страдание' (Конески II, 35).

Читая эти статьи в рукописи, О.Н. Трубачев написал на полях: "Чем мотивирована необычность болг. диал. – макед. значения: 'страдание'?" Ср. глаг. значения того же ареала: 'тяжело работать' → 'страдать' (см. сл.)"[3]. В свое время нам не пришлось дополнить эти статьи комментариями, и они были опубликованы в 1999 г. в прежнем виде (см. ЭССЯ 26, 155). Теперь мы постараемся прояснить ситуацию.

В сущности, следует ответить на два вопроса. Во-первых, не являются ли болг. диал. и макед. факты генетически чужеродными среди окружающего их материала? Во-вторых, каков генезис значений этих форм? На наш взгляд, нет оснований для обособления рассматриваемых форм по генетическому признаку. Семантика продолжений праслав. **děvati* (см. ЭССЯ 5, 18–19) и **děti*, **dějati* (см. ЭССЯ 4, 229–230) и исходного и.-е. корня **dhē-* с его основными значениями 'ставить, класть' ~ 'делать' (см. Pokorny I, 235–236) позволяет объяснить не только значение 'одевать' (← 'класть', т.е. 'покрывать одеждой': 'об-кладывать'), но и значения 'делать какую-л. тяжелую работу; страдать'. Эти последние значения продолжают свойственную еще и.-е. **dhē-* семантику 'делать'. Ср. беспрефиксное болг. диал. *де́вам* 'ставить (что-нибудь куда-нибудь); делать' (ЭССЯ 5, 18). Префикс *ob-* в болг. диал. и макед. формах, вероятно, не имеет значения 'вокруг', а служит, скорее, показателем интенсивности, насыщенности действия: *де́вам* 'делать': *обде́вам* 'делать в большом, непомерном количестве, делать тяжелую работу'. Участие в этом словопроизводстве какой-л. промежуточной формы совершенного вида с префиксом *ob-* в перфективирующей функции представляется маловероятным с учетом семантики рассматриваемых форм, описывающих по преимуществу длительный процесс и состояние.

Рассмотренный случай позволяет нам вновь убедиться в детальной продуманности и несомненной перспективности выбранного О.Н. Трубачевым пословного принципа построения этимологического словаря (в противоположность устаревшему гнездовому). При реконструкции праславянских форм, являющихся заглавными в статьях словаря, не приводятся их реконструированные значения. При этом комментарии к отдельным продолжениям этих форм, демонстрирующим необычную, "отклоняющуюся" семантику, в ряде случаев могут быть очень интересными. Замечено, что авторы гнездовых этимологических словарей "обычно склонны выбирать в качестве заглавных слова, которые проще всего проэтимологизировать, чтобы некоторым образом в их тени спрятать самые трудные и, объяснив все вместе, не объяснить ничего" (Bańkowski 1, IX). Несомненно, что и в опубликованных, и в ожидаемых выпусках "Этимологического словаря славянских языков" найдется немало случаев, способных обратить на себя внимание этимологов именно благодаря пословному построению этого словаря.

Примечания

[1] *Шапкарев И.К., Близнев Л.* Речник на самоковския градски говор // БД III, 252.

[2] Там же.

[3] Рукопись авторского текста 26 выпуска “Этимологического словаря славянских языков” А.А. Калашникова. М., 1995, 8.

А.А. Кретов

ГОРДЫЙ: СЛАВЯНСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Для русского слова *гордый* и родственных ему славянских слов[1] общепризнанной этимологии нет: "лат. *gurdus* … глупый, бестолковый … под сомнением" (Преображенский, 146), что не помешало авторам популярного словаря воспроизвести ее почти век спустя, сопроводив словом "вероятно"[2]. Видимо, их на это поощрило сверхосторожное высказывание М. Фасмера: "Стоило бы, возм., сохранить сравнение с лат. *gurdus* 'тупой, глупый'... вопреки Вальде-Гофм. (1, 370)" (Фасмер 1, 440). Ср. у О.Н. Трубачева: "Сближают с лат. *gurdus* 'тупой (о железе)', 'глупый', которое само является не совсем ясным исп. провинциализмом" (ЭССЯ 7, 207). И хотя, по свидетельству словаря Эрну-Мейе, испанское происхождение слова не подтверждено, в его принадлежности вульгарной латыни сомнений нет, что, с одной стороны, делает сомнительным правомерность его возведения к и.-е. праязыку, а с другой – заставляет присмотреться к его галльскому соответствию *gwrdd* (Ernout-Meillet[4], 285).

Этимологические сопоставления Остгофа отверг Бернекер (Преображенский, 146). "В этимологическом отношении не вполне ясное слово", – заключает П.Я.Черных (Черных 1, 204).

"Фонетически неприемлемо сравнение с гнездом **grustь, *grustiti* (см.), а также с лат. *grossus* 'толстый', лат. *grandis* 'большой' и греч. *βρέτος* 'высокомерие'. Маловероятно, в т.ч. семантически, сближение **gъrdъ* и **gъrbъ* (см.; название физич. дефекта!), предложенное Брюкнером" (ЭССЯ 7, 207). Так, отвергнув всё предложенное ранее, О.Н. Трубачев, фактически, ничего не предложил взамен: "Дальнее родство и сосуществование значений 'гордый, надменный' и 'страшный, безобразный', а также проблематичность и.-е. соответствий слав. слова … могут служить указанием на экспрессивно-инновационную природу слова **gъrdъ"* (ЭССЯ 7, 207).

Цель данного исследования – предложить новую, более благополучную в фонетическом и семантическом отношении, этимологию этого слова.

Начнем с формального обоснования новой этимологии.

Все славянские языки согласно указывают на праславянскую форму **gъrdъ*, которая в свою очередь указывает на и.-е. основу

$g^{(h)}urd^{(h)}$-o- < *$g^{(h)}$r̥$d^{(h)}$-o-*. Как известно, и.-е. слоговой сонант *r̥ у славян реализовывался как **ur* и **ir*. Диезным рефлексом этого корня у славян является слово **žьrdь* < *$g^{(h)}ird^{(h)}$-o-* < *$g^{(h}$r̥'$d^{(h)}$-o-*. Ср. русское *жердь* 'тонкий длинный ствол срубленного дерева, очищенный от ветвей; *перен. разг.* Об очень высоком и худом человеке' (БАС[3], 4, 319–320).

Известен и вариант корня с вокализмом **o*: **gordъ* < *$g^{(h)}ord^{(h)}$-o*. Ср. русск. *город* 'древнее поселение, огороженное, укрепленное стеной для защиты от неприятеля как центр ремесла и торговли; центральная часть такого поселения; ограда, стена, окружающая такое поселение'.

Сатемным вариантом этого корня, указывающим на и.-е. форму *$\hat{g}^{(h)}ord^{(h)}$-o*, является прасл. **zordъ,* ср. русск. диал. *зорóд* 'стог сена с жердью или несколькими жердями посередине'. Если для кентумного варианта корня вокализм **e* не известен, то для сатемного варианта он представлен в славянских языках в основе праслав. **zerdmę* (ЭССЯ 7, 37), ср. древнерусское слово *зеремя* 'Место, где живет стадо бобров': *Съ бобровыми гоны и зъ зеремяны.* А.южн. и зап. Рос. I, 12 1437 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 5, 383; Срезневский I, 977). Точнее, *зеремя* – это 'хатка и плотина (т.е. место обитания) бобров'.

Таким образом, со стороны формы праслав. **gъrdъ* этимологизируется как фонетически закономерный вариант праслав. корня **gъrd-/*gьrd-/*gord-/*zord-/*zerd-* и тем самым получает широкую и надежную и.-е. перспективу.

Формальное различие гуттуральных в корне **gord-/*zord-* не связано с какими-то содержательными различиями: в обоих случаях реконструируется значение 'ограда, изгородь' (ср. *Зарод* 3. Огороженное место для хранения сена. **Перм**., 1848. **Север., Вост**.; 5. Загороженное место для пастбища. **Сиб**., 1916. **Север., Вост.,** Даль. (СРНГ 10, 386). Иными словами, перед нами не разные фонемы и не разные морфемы, а два варианта одной морфемы, а следовательно – и одной фонемы. Фактически, так и интерпретируется эта основа у Ю. Покорного: "***ĝherdh**- und **gherdh**-, 'umfassen, umzäunen, umgürten', wegen lat. hortus (s. 4. *ĝher-) Erweiterung von **4. *ĝher**-* 'fassen'; ***ghordho**-***s** 'Gehege'" (Pokorny, 444), т.е. 'охватывать, огораживать, опоясывать/окружать' и 'ограда'. В свою очередь, семантика ***4. *ĝher-*** трактуется Ю. Покорным как 'greifen, fassen, umfassen, einfassen'; erweitert ***ĝher-dh-*** (s. unten); ***ĝhor-to-s*** 'eingezäunter Ort' (Pokorny, 442), т.е. 'хватать, схватывать, охватывать, обрамлять' и с расширением – 'огороженное место'.

Для последующей реконструкции важно, что значение ‘городище, город, крепость’ реконструируется не только для полного вокализма корня (***ghordhos***), но и для нулевого: “*ghr̥dhos, om, i̯om, i̯ə* ‘enclosure, stronghold’. Skt. gr̥háḥ, ám ‘house’ beside o-grade gráhaḥ, id. ...; Tokh. (B) kerciye ‘palace’; Hitt. Gurtas ‘fortress’; MHG (prob.) gurt ‘girdle’ beside OHG gurtila, etc.”[3].

Объяснив форму слова, перейдём к объяснению его семантики. Для и.-е. основы *ĝherdh-/gherdh-* Ю. Покорный реконструирует значение ‘охватывать, ограждать, ограда’, выводимое им из значения ‘брать, хватать, схватывать’. Сходным образом реконструируют семантику основы Т.В.Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов: “Основа **g*$^{[h]}$*erd*$^{[h]}$*-* восходит к корню **g*$^{[h]}$*er*||**ĝ*$^{[h]}$*er-* в значении ‘огораживать’, который, оформляясь суффиксом **-t[h]-*, дает сходные значения... ⟨...⟩ Обычной формой укрепленных поселений у древних индоевропейцев были поселения на возвышенностях, скалах. Слова, обозначавшие такие ‘укрепленные поселения’, связаны обычно по происхождению с основами в значении ‘высокий’, ‘гора’, ‘скала’”. Это утверждение подкрепляется анализом и.-е. **p*$^{[h]}$*el-* ‘крепость’, ‘укрепленный город’, этимологически связываемого с и.-е. основой **p*$^{[h]}$*el-* ‘скала, круча, обрыв’, **b*$^{[h]}$*(e)rĝ*$^{[h]}$*-* ‘высокий, гора > город, башня, крепость’ **d*$^{[h]}$*eun-* ‘высота, гора > город, крепость’ (Гамкрелидзе–Иванов. ИЕ II, 744–745).

Если и.-е. *ghor-dh-* восходит к корню со значением ‘брать, хватать, охватывать’, что вроде бы подтверждается примерами типа *брать > забрать > забор*, то значение ‘высокий, высота’ следует рассматривать как вторичное, развившееся из древней практики ставить города на возвышенностях. В таком случае *город* и *высота*, *в городе* и *наверху* (ср. греч. *akro-polis* ‘вышеград, верхняя и укрепленная часть города; кремль, крепость; ос. крепость в Афинах, акрополь’ при *akron* ‘вершина, край’[4]) синонимизировались, обозначая одно и то же.

Такому объяснению не противоречит вариант корня с нулевым вокализмом **gьrd-/gъrd-* < и.-е. **gr̥d-*, для которого наряду с и.-е. **ghr̥dh-is* ‘stick, post, pole, goad, spike (жердь, шест, кол, столб, свая)’ (> *жердь*) восстанавливается также и **ghr̥dh-os* со значением ‘enclosure, stronghold (ограждение, частокол, огороженное место, твердыня)’ (> *гордъ*)[5].

Слова и.-е. корня **ĝherdh-/gherd-* также удерживают важнейший семантический признак высоты. Например, “1. *Зарод* 4.

Приспособление для сушки снопов, сделанное из жердей, в виде высокой лестницы. Тихв. Новг., 1854. Вост. Снопы подвозят к зародам, которые состоят из двух столбов, с частыми перекладинами, вешают их (снопы) на перекладины, сушат. Обонеж., Карел Майнов. Ленингр., Обол., Заонеж., Север." (СРНГ 10, 386). *Зород* – "Стог сена удлиненной формы, сложенный на настиле вокруг трех-четырех вертикальных жердей" Арх., Мжельская. Олон." (СРНГ 11, 342–343).

Еще более красноречиво слово *зарóжина* "Вертикальная жердь, ставящаяся между походнями и снопами, для того, чтобы походни – горизонтальные жерди, по которым ходят, укладывая верх зарода, не вдавливались в стог. Новоторж. Пск., 1852. Пск." (СРНГ 10, 387).

Городить огород, загородка, ограда хорошо сохранили древнее значение ограды, строившейся из *жердей*: "тонких длинных стволов срубленного дерева, очищенных от ветвей".

Наличие производных с суффиксом единичности *-ин(а), -инин(а)* (*жердина* 'то же, что жердь'; *жердинина* 'одна жердь' (СРНГ 9, 131)) позволяет реконструировать для слова *жердь* значение собирательности парное единичности.

Кроме того, само слово *жердь* в формах множественного числа и собирательной сохранило значение 'ограда': *Жердины* 'Изгородь вокруг дома'. *Жардины* ф каждам дваре. с. Репное, Н.-Усм. р-на (Воронеж. словарь 2, 271); *Жёрдочки* 'Изгородь из жердей или брёвен'. Нада *жёрдачки* зделать вакрух двара. с. Шестаково Павл. р-на (Воронеж. словарь, 2, 277). *Жерди* 'Забор вокруг огорода из поперечных жердей, укрепленных одна под другой'. А это *жерди*. Сузун. Новосиб., 1964. *Жердьё* '4. Изгородь, огораживающая копны'. "Копны и зароды огораживаются жердьём или кустыма, т.е. кольями, переплетенными вицами". Сольвыч. Волог., Иваницкий, 1897 (СРНГ 9, 133) (Разрядка здесь и далее моя. – *А.К.*). Интересно, что последняя дефиниция чуть ли не слово в слово совпадает с описанием древнейших поселений славян: "Приднепровские мысовые поселения [т.е. поселения, которые располагались на краю высокого плато, на речных и овражных мысах и обычно были укреплены], в середине – второй половине I в. до н. э. были укреплены земляными валами, рвами и эскарпами... Таких укрепленных поселений – городищ [Зарубинецкой культуры. – *А.К.*] известно более 30. Обычно укрепления окружали вершину холма, где находилась площадка, занятая поселением, а по ее краю, у склонов холма, сооружался

земляной вал высотой 2–3 м с крутой наружной стороной, переходящей в ров такой же глубины. На валу ставили частокол, основой которого были бревна толщиной 10–20 см., вбитые на расстоянии около 0,5 м друг от друга и поддерживавшие плетень, обмазанный толстым слоем глины"[6].

Какие же свойства характеризуют *жердь*? Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) содержит 34 диагностирующих примера "*X-ый, как жердь*", распределённых следующим образом: *длинный* – 16,47%; *худой* – 12,35%; *тощий* – 2,6%; *высокий*, *вытянутый*, *прямой*, *тонкий* – 1,3%. Если объединить частоты синонимов *худой, тощий, тонкий*, то на долю признака 'тонкий' придется 44% случаев, а на долю 'длинный-высокий' (что для жерди фактически одно и то же[7] – примеры см. ниже: если она располагается горизонтально, она *длинная*, а если вертикально – она *высокая*) – 56%.

Таким образом, *жердь*, во-первых, высокая и, во-вторых, тонкая. Ср. примеры реализации этих признаков в речи.

Сейчас у Фёдора Михеевича мелькнула догадка, и он сказал своему высокому, худому, как *жердь,* завучу: [Александр Солженицын. Для пользы дела (1963)]; ... я занял кресло перед столом, имея по правую руку Дюрока, а по левую – высокую, как *жердь*, даму лет сорока с лицом рыжего худого мужчины ... [Александр Грин. Золотая цепь (1926)].

Показания Национального корпуса русского языка подтверждаются данными "Словаря устойчивых сравнений русского языка": "**Как (словно, точно) жердь** 1.1. Длинный; высокий и тонкий, тощий, худой, сухопарый. С ним рядом шел незнакомый татарин, *длинный*, **как жердь**, *тощий* (В.Г. Короленко. Ат-Даван). Однажды вместе с нашими ранеными ко мне в вагон внесли *длинного*, **как жердь**, австрийца в серых обмотках (К.Г. Паустовский. Беспокойная юность)"[8].

Обратим внимание и на то, что эти признаки жерди могут переноситься на человека: ср. *жердь* 'о ком-, чем-л. похожем на длинный тонкий ствол срубленного дерева, очищенный от веток' (БТС, 303) и синонимический ряд *верзила, верста, каланча, дылда, жердь, орясина* (Слов. син., 53), а также производные слова *жердь – жердина* 'о длинном тощем человеке', *жердяй* 'неодобр. об очень высоком и худом мужчине' (БТС, 303). Ср. также диал. *жердак* (от диал. *жерд* 'жердь'), *жердан, жердила, жердило, жердина* – 'о высоком и худощавом человеке' (СРНГ 9, 130–131).

Значение высоты просматривается также в слове *город* и его производных: 1. *Город* 7. Нагромождение льдин, образующееся при взломе льда на море. “Морской лед, который при взломе громоздится горой”. Урал казаки, Даль. Урал., Маштаков, 1931. (СРНГ 7, 55); 2. *Город* 6. О высокой, здоровой женщине. Моск. Моск., Влад., 1910. (СРНГ 7, 57); “яросл. *девка-город* высокая, красивая, здоровая девушка; *как город* о высоком, полном человеке”[9]. Весьма красноречивы значения слова *городище*: “1. Гора, холм, возвышенность. Юрлин. Коми-Пермяцк., 1930; Гора овальной формы; Курган; Возвышенность, похожая на искусствено сделанную; возвышенный одинокий кряж, как будто искусственно насыпанный; Высокая местность, не затопляемая водой; коренной берег внутри поймы” (СРНГ 7, 59). Ср. также *городок*: 5. Снежная гора. *Городок* построят из снегу. Верхне-Тавд., Красноуфим. Свердл., 1964. (СРНГ 7, 62).

Косвенным указанием на наличие признака ‘высокий’ в основе *горд-* является образованное от нее прилагательное *гордкий* “высокий, громкий (о голосе)” (СРНГ 7, 27).

Поскольку первичными мы предполагаем признаки физические, а не моральные, присмотримся к сочетаемости прилагательного *гордый* с неодушевленными существительными. Анализ контекстов показывает, что у слова *гордый* есть не фиксируемое словарями значение ‘высокий’.

Так, в примере “В песчаных степях аравийской земли Три **гордые** пальмы высоко росли” (Лермонтов. Три пальмы) словари толкуют гордые пальмы как реализацию значения “Исполненный торжественной красоты” (БАС3:296) Аналогично толкуется словосочетание *гордые памятники* (ibid.). Пальмы *гордые* не только и не столько потому, что считают себя исполненными красоты, а прежде всего потому, что они растут *высоко*, т.е. что они *высокие*. А *гордые* памятники – прежде всего *высокие* памятники, что ничуть не мешает им к тому же быть “исполненными торжественной красоты”.

Рассмотрим еще примеры. “И кедров **гордые вершины**” (Пушкин. Руслан и Людмила). “Теперь я вижу пред собою Кавказа **гордые главы**” (Пушкин. Руслан и Людмила). *Гордые* в обоих случаях – ‘высокие’. “Читал я где-то, Что царь однажды воинам своим Велел снести земли по горсти в кучу, И **гордый холм** возвысился – и царь Мог с вышины с весельем озирать И дол, покрытый белыми шатрами, И море, где бежали корабли” (Пушкин. Скупой рыцарь). В данном случае *гордый* – ‘высокий’,

на что указывает и глагол *возвысился,* и последующий контекст, содержащий существительное *вышина.*

Приведем примеры из Национального корпуса русского языка, свидетельствующие, что “гордость” притягивает “высоту”.

“Где меньше страха нам, Там может смерть постичь скорее; Ее и громы не быстрее Слетают к *гордым* в ы ш и н а м” [Державин Г.Р. На смерть князя Мещерского (“Глагол времен! металла звон!..”) (1779)].

“Светозарному молилась все чаще в эти дни Ортруда, то на в ы с о к о й башне *гордого* **замка**, то на широком морском берегу” [Федор Сологуб. Королева Ортруда (1909)]; Как *гордый* **кедр**, главу он дерзостно в з н о с и л [Александр Архангельский. Александр I (2000)].

Интересное явление представляют собой употребления неодушевленных существительных в конструкции “Гордый, как X”: “Да и имя у старшины осталось далеко не славянское, а *гордое,* <u>как горная вершина</u>, – Аванес!” [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999)]; “И черная, *гордая,* <u>как знамя</u>, фигура отца Александра шагах в ста впереди, отделенная от Юла дрожащим маревом, была совсем из другого мира” [Андрей Лазарчук. Священный месяц Ринь (1988)]. Появление знамени в этом контексте поясняют показания верхнелужицкого языка: в.-луж. *žerdź* ж ‘шест, жердь; древко (флага)’ (Трофимович 458).

Традиционная интерпретация таких контекстов, исходящая из первичности значения ‘гордый’, предполагает весьма сложное объяснение: ‘гордый (о человеке)’ > ‘гордый (об очеловеченном предмете)’ > ‘гордый (о человеке, его имени или фигуре, уподобляемых предварительно очеловеченному предмету)’.

Мы же предлагаем видеть в этих употреблениях просто реализацию древнего значения ‘высокий’, изначально характеризовавшего именно неодушевлённые предметы.

Историко-ареальный анализ семантики слова *гордый* начнем со значений, фиксируемых в древнейших славянских текстах – старославянских.

Ст.-слав. **гръдъ** имеет значения ‘возгордившийся, надменный’, а также ‘величественный, поражающий, изумляющий’, которые можно по контексту истолковать и как ‘высокий’: **гръдъ на облацѣх и аггелы и силами славимъ** Супр. 326, 30; **къ жрьтве приходиши грьдѣ и с(вѧ)тѣ** Супр 421, 29 (Ст.-слав. словарь, 178). Дополнительный штрих к семантике слова **гръдъ** добавляет наречие **гръдѣ** ‘грозно, потрясающе’: **прѣди идыи грьдѣ**

на ратьникы вьзираєтъ кръстъ Супр 105, 13 (Ст.-слав. словарь, 179). Как указывает наречие **грѣдѣ** ‘грозно, потрясающе’, к семантике прилагательного **грѣдъ** можно добавить и значение ‘грозный’, т.е. ‘ужасающий, пугающий, страшный’.

Совмещение словом **грѣдъ** значений ‘гордый’ и ‘страшный’ представлено в древнерусских текстах: **гордый** 1. Гордый, надменный, высокомерный; 2. Дерзкий; 3. Грозный, страшный, жестокий (СлРЯ XI–XVII вв. 4, 83). **гърдыи** 1. Непокорный, дерзкий, 2. Высокомерный, надменный; кичливый, 3. Жестокий, губительный, 4. Суровый, безжалостный, 5. Славный, выдающийся (СДР 2, 409).

Значения ‘3. Жестокий, губительный’ и ‘4. Суровый, безжалостный’ дают ответ на вопрос, как из значения ‘гордый’ могло возникнуть значение ‘страшный’: жестокость, губительность, суровость и безжалостность – вполне достаточный набор свойств, способных вызвать страх.

Словарь Срезневского выделяет следующие значения: superbus; высокий, важный; важный, дивный; austerus; φοβερός, terribilis, страшный: **Слово о гърдемъ** (т.е. высшем и страшном. – *А.К.*) **соудѣ**. Златостр. XII в. 172 (Срезневский 1, 614). Устойчиво встречаются *сочетания* **горд и страшен, гордый и лютый**: **Бяше чюдо грѣдо и оужасти плъно** (Срезневский 1, 614).

Очевидно, ‘гордость’ первоначально интерпретировалась в рамках оппозиций “высокий-низкий” (во всех – в том числе и социальных – смыслах), “вертикаль-горизонталь”, “стоящий-лежащий”, “властитель-подвластный”. *Гордый человек* – прежде всего – высоко себя ставящий и ни перед кем не унижающийся человек. Ср. значение русского слова *гордый*: “сохраняющий свое достоинство; сознающий свою силу, значение, превосходство” (БАС[1] 3, 273). Еще интереснее определение этого значения у В.И. Даля: “Надменный, высокомерный, кичливый; надутый, высоносый, спесивый, зазнающийся; кто ставит себя самого выше прочих” (Даль[3], 1, 933). Это значение подкрепляется дефиницией другого значения слова *гордый*: “4. Разг. Считающий себя выше, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим; высокомерный, надменный” (БАС[3] 4, 296).

Значение ‘гордый’ притягивает к себе синонимичную семантику непреклонности и антонимичную – унижения: (Катерина Ивановна) дама горячая, **гордая и непреклонная**. Дост. Прест. и наказ. (Мизгирь) Сломился я под гнетом жгучей страсти И слезы лью. Смотри, **колени клонит** Перед девчонкой **гордый** человек.

А. Остр. Снегурочка. (БАС[1] 3, 273); Найти новую работу было не так-то легко, он **был гордый, не умел унижаться**. Лидин. Перв. Пароход (БАС[3] 4, 296). [Поэт] К ногам народного кумира **Не клонит** *гордой* головы; (А.С. Пушкин. Поэт); (Надворный советник Бламанже) успел снискать себе всеобщее уважение в городе тем, что **не задирал носа** и *не гордился* (БАС[3] 4, 295).

Выражение *задирать нос* в последнем примере, очевидно, синонимизируется с проявлением гордости, хотя толковые и синонимические словари прямо этого не фиксируют. ***Драть (задирать, поднимать, подымать) нос; нос кверху держать, носить и т.п.)*** Важничать, зазнаваться (БАС[1] 7, 1407); ***Задирать, задрать голову (нос).*** Чваниться, зазнаваться: (Макаров) никогда *не задирал головы* перед своими подчиненными, но и *умел не опускать ее* перед стоящими выше. Попов. Сталь и шлак (БАС[1]4, 414). Последний пример характеризует Макарова как некичливого и гордого человека. Косвенно об этом свидетельствует синонимический ряд, включающий в себя производящие как участвующего в дефиниции фразеологизма глагола *чваниться*, так и глагола *гордиться*: "Высокомерный (исполненный высокомерия, проявляющий высокомерие), надменный, усилит., *гордый* разг. (высокомерный вследствие в ы с о к о г о   м н е н и я   о   с е б е), надутый, разг., спесивый (относящийся к окружающим свысока, подчеркивающий свое превосходство), чванный, чванливый, кичливый, заносчивый (высокомерный и чрезмерно самоуверенный). – Ср. 2. В а ж н ы й. (Слов. син., 95). Весьма показательна зона *аналогов* – слов, "значения которых существенно пересекаются с общим значением данного ряда синонимов" (Апресян 1999, XIV) в словарной статье Ю.Д. Апресяна *гордиться–кичиться: чваниться, важничать, пыжиться, задаваться, заноситься, воображать, задирать ⟨поднимать⟩ нос, зазнаваться*... (Апресян 1999, 63).

Если *гордый* человек объективно высок (во всех смыслах), то зазнающийся – преувеличивает свои достоинства, стремясь казаться выше, чем он есть на самом деле. Показательно, что по той же модели образован и глагол *кичиться* – "задирать *кику* 'хохол'", "т.е. собственно "поднимать чуб"; ср. *нахохлиться* (от *хохол*) и *задирать нос*" (Фасмер, 2, 241).

Если гордость способна вызывать восхищение, то самовозвеличивание, заносчивость вызывают лишь осуждение. Ср. *гордить* "Быть высокомерным, заносчивым. *Гордят*, с а м и   с е б я   в ы с о к о с я т. Табор. Свердл., 1964" (СРНГ 7, 27).

Стремление человека держаться прямо и как можно выше выступает как знак гордости и маркирует ее:

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взор ее очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале; **и всех выше**
И нос и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.

(Пушкин. Евгений Онегин).

Из контекста видно, что генерал гордился своей женой, производившей такое впечатление на общество.

В целом, можно, по-видимому, говорить о трех типах ситуаций: (1) констатации и осознании социальной “высоты” человека – *гордости* (адекватная оценка и самооценка); (2) преувеличении своей реальной высоты – *надменности, кичливости, заносчивости* (завышенная самооценка) и (3) преуменьшении своей реальной высоты – *унижении, преклонении, раболепии* (заниженная самооценка, самоуничижение).

Главное в данном случае – существование целой системы переноса визуально воспринимаемых физических признаков в сферу социальных отношений и нравственных характеристик: выситься (выделяться высотой) – возвышать (пре-воз-носить) себя – унижать себя: *гордиться – кичиться, заноситься, чваниться – унижаться, пресмыкаться.*

Не только “гордость” притягивает “высоту”, но и “высота” регулярно и устойчиво порождает “гордость” и сопутствующие ей значения.

Развитие значения ‘гордый’ из значения ‘высокий’ в диалектах описано С.М. Беляковой[10].

В литературном языке также имеются подтверждения переносу “высокий → гордый”. Ср. рус. диал. арханг. “Шибко высока была – ни с кем не поздоровацце” (Арханг. словарь 8, 220) и рус. лит. “Софья Николаевна высоко себя держала перед бойкими и заносчивыми людьми, а со смиренными и скромными всегда была снисходительна и ласкова”. С. Акс. Сем. хроника (БАС^3, 3, 570). При этом слово *высоко* имеет как значение “1. На значительной высоте, на большом расстоянии от земли” (БАС^3, 3, 569), так и “4. Устар. Важно, гордо, надменно” (БАС^3, 3, 570).

Южнославянские языки в семантическом отношении противопоставлены северославянским (восточным и западным): в них

рефлексы прасл. **gъrdъ* представлены значениями ‘страшный’ и ‘безобразный, уродливый, некрасивый’ при отсутствии значения ‘гордый’.

Причина этого может состоять в том, что значение ‘гордый’ в южнославянских языках православных народов занято церковнославянизмом *гордъ*, отражающим фонетическую норму русского извода церковнославянского языка: болг. *горд* ‘гордый’, макед. *горд* ‘гордый’, сербск. *горд* ‘гордый; горделивый’. В языке неправославных югославов в значении ‘гордый’ закрепилось прилагательное, производное от существительного *ponos* ‘гордость’: словен. *ponosen* гордый; хорватск. *ponosan*[11]. Языком, в котором встречаются *горд* и *поносан,* является сербский.

Таким образом, в южнославянских языках, на наш взгляд, произошло разделение семантических “сфер влияния” слова *гордый* между словами: высокое абстрактное значение (оно же – более древнее) закрепилось за церковнославянизмом *горд* или прилагательным, производным от существительного *ponos* ‘гордость’, а вторичные и низкие значения сохранились в исконных фонетически закономерных рефлексах: болг. *грѣдый* ‘гордый, безобразный’(Геров), болг. диал. *гърдъ, грълъ* ‘страшный, безобразный, плохой’, макед. *грд* ‘уродливый, безобразный’(Иллич-Свитыч), макед. диал. *gërd* (Hendriks), сербо-хорв. диал. *gêrd* ‘безобразный’(Tentor), сербо-хорв. *gȑd* ‘страшный, безобразный’, сербо-хорв. церк. *gȑd* ‘гордый’ (RJA), сербо-хорв. диал. *γartȍ* ‘очень сильно’(Sus.), словен. *gȓd* ‘гадкий, безобразный, противный’ (ЭССЯ 7, 206–207).

Как видим, на периферии южнославянской лексики (в церковно-славянской составляющей литературных языков) древнейшее по времени фиксации значение ‘гордый’ даже уцелело, и полные словари болгарского (Геров) и сербохорватского (RJA) языков его фиксируют.

Доказать родство уцелевших в южнославянских языках значений ‘безобразие, уродство’ со значением ‘гордость’ представляется возможным. Связующим звеном между северно- и южнославянскими языками может выступать значение ‘страшный, ужасный’. В старославянском, церковно-славянском и древнерусском языках сосуществуют значения ‘гордый’ и ‘страшный, ужасный’, а в современных южнославянских – ‘страшный, ужасный’ и ‘безобразный, уродливый’.

Связь значений ‘гордый’ и ‘страшный, ужасный’ объективно представлена в древних текстах и, будучи фактом, в сущности,

не нуждается в дополнительных доказательствах. Однако и для них можно предположить семантическую связь: ‘высокомерный’ > ‘жестокий’ > ‘опасный, страшный, ужасный’. Впрочем, чем выше в социальном отношении человек, тем больший страх и ужас он вызывает, приближаясь в этом отношении к Всевышнему.

Теперь объясним связь значений ‘страшный, ужасный’ и ‘безобразный, уродливый’.

Ключ к этой связи мы находим в дефиниции прилагательного *страшный*: “Пугающий своим безобразным видом, громадными размерами и т.п.; уродливый, отвратительный”: *Он видит, как из-за стены поднимается чья-то черная,* ***страшная*** *голова.* Гарин. Детство Тёмы, 4. (БАС[1], 14, 1017). Механизм развития значения представляется нам таким: ‘страшный’ > ‘пугающий (безобразием, уродством, громадными размерами, худобой и т.д.)’ > ‘безобразный, уродливый, громадный, худющий и т.д.’. Ср. также *ужасный* ‘1. Вызывающий ужас, очень страшный’ и ‘2. Разг. Очень плохой, скверный’. *Ужасная* погода, *ужасный* человек. *Ужасная* дорога (МАС[2] IV, 473). Случаев же развития семантики в противоположном направлении: ‘плохой (безобразный, уродливый, громадный, худющий и т.д.)’ → ‘страшный, ужасный’ нам не известно.

Одним из аргументов в пользу этого объяснения является серб. *гр̏дан* ‘огромный’, выводимое из значения ‘страшный, пугающий своими громадными размерами’.

Отдельного разговора заслуживает попытка И.П. Петлевой[12] обосновать этимологическое решение, предложенное в словаре Ю. Покорного, в соответствии с которым слово *гордъ* оказывается однокоренным словам *груда, грусть*.

Неудачность такого решения давно понятна этимологам: “За отсутствием лучшего объяснения ограничиваемся этими данными, хотя и в семантическом и, пожалуй, фонетическом (*-еи-* за плавным) отношении они не вполне удовлетворительны” (Черных 1, 204); “Фонетически неприемлемо сравнение с гнездом **grustь, *grustiti*” (О.Н. Трубачев: ЭССЯ 7, 207).

Действительно, корень **groud-* предполагает варианты **greud-* и **grud-*, что в праславянском должно было бы дать **gr’ud-* (русск. **грюд*) и **grъd-* (русск. **грод*), но никак не **gъrdъ* (русск. *горд*).

Для оценки работы И.П. Петлевой важно также учитывать, что предметом ее этимологизирования были “славянские лексе-

мы семантической сферы 'скорбеть, горевать, тосковать; скорбь, печаль, тоска'"[13], поэтому в поле зрения исследовательницы попало преимущественно то, что имело отношение к теме ее исследования, и, естественно, под определенным углом зрения, а этимология слав. **gъrdъ* явилась как бы побочным продуктом.

Разумеется, при этом поставленная О.Н. Трубачевым "проблема обоснования возможности сочетания таких значений, как 'гордый, величественный, надменный' (ст.-слав., рус., чеш. и др.) и 'безобразный, страшный, уродливый' (болг., макед., с.-хорв.), т.е., собственно, проблема определения исходного признака (или совокупности признаков), который бы "объяснял" оба значения ('гордый' и 'безобразный') с их семантическим окружением" оказалась в центре внимания исследовательницы.

Для решения ее была выдвинута гипотеза "об отражении в данном гнезде понятий древнего погребального обряда" [14].

При этом для доказательства своей гипотезы исследовательница сделала еще одно – в общем случае вполне корректное – допущение, в соответствии с которым "в ряде случаев именно производные образования могут сохранять более древнюю семантику, чем непроизводное слово"[15].

Так, на основании отадъективного с.-хорв. глагола *грдити* 'обезображивать, уродовать', 'повреждать, раздирать, терзать' сделан вывод, что "исходным для **gъrd-* могло быть именно значение 'драть, царапать', на основе которого развились вторичные, переносные... 'обезображивать, делать гадким', 'ругать', 'срамить', 'презирать'".

Косвенные аргументы: из значений 'резать, драть' развиваются значения 'сильно, очень', 'ругать, бранить', 'терпкий, горький, едкий', реально зафиксированные в южнославянских диалектных рефлексах слав. **gъrdъ*.

При этом значение 'грустный, тоскливый, бедный, жалкий горемычный' у серб. диал. *гр̑д* исследовательница не пытается вывести из значения 'резать, драть' (связь с которым отнюдь не очевидна), довольствуясь констатацией характерности этих значений "для семантической сферы, относящейся к погребальному ритуалу"[16].

В итоге, по мнению И.П. Петлевой, значение 'гордый, величественный, благородный..." (→ 'высокомерный, спесивый...') "очевидно, связано с 'прославлять, возвеличивать' и может быть отражением ритуального восхваления покойного". Семантическое противоречие разрешается следующим образом: "...семанти-

ка гнезда **gъrd-* представляется нам восходящей к обозначению совокупного действия, связанного с погребальным ритуалом – ‘царапать лицо, причитая по покойнику и восхваляя его’[17].

Такой прием безотказен и универсален: пожалуй, нет таких значений, которые нельзя было бы объединить в рамках “совокупного действия, связанного с ритуалом”.

Правда, при этом исконная связь гнезда **gъrd-* с ритуалом похорон так и остается недоказанной гипотезой, т.к. аргументов против ее фонетической несостоятельности не приведено, а факты, призванные подкрепить семантическую сторону гипотезы, могут быть объяснены по-другому.

Так, главный аргумент И.П. Петлевой – с.-хорв. глагол *грдити* ‘обезображивать, делать гадким’, может быть интерпретирован как производный от с.-хорв. *грд* ‘безобразный, гадкий, уродливый’, а значение, которое исследовательница предлагает считать исконным, оказывается связанным с его вторичной конкретизацией: ‘обезображивать, делать гадким (свое лицо, тело), царапая, раздирая его ногтями”’. Таким образом, в ‘драть, царапать’ можно видеть лишь указание на один из конкретных способов “обезобразить” себя, а не древнейшее исходное значение.

Если бы значения ‘драть, царапать’ или ‘горе, беда; грустный, жалкий’ были исконными, естественно было бы ожидать их фиксации в древнейших письменных памятниках и хотя бы их следов в других славянских языках.

Однако этого нет: рефлекс **gъrditi* в древнейших южнославянских (!), а именно – в старославянских текстах имеет значение ‘делать гордым, заносчивым’, т.е. указывает на значение ‘гордый’ в производящем прилагательном **гръдъ**. Ареал распространения **gъrditi* ‘обезображивать’ позволяет в лучшем случае говорить о славянском регионализме на территории позднейшего заселения.

Более того: увлекшись семантикой **похоронного** обряда у южных славян, исследовательница упускает широкую представленность слова **gъrdъ(jь)* в **свадебном** обряде славян восточных: *гордой обед; гордой стол, ужин; гордые гости; горды* ‘отец, мать и крестный отец невесты, везущие ее приданое в дом жениха’. Верхнетур. Перм., 1964 (СРНГ 7, 29). Даже если принять во внимание, что свадебный обряд синонимизируется с похоронами невесты[18], все равно эти значения естественнее выводятся из величания (возвышения) гостей и молодых во время свадьбы, чем из значения ‘царапать лицо, причитая по покойнику и восхваляя его’. Так, например, слово *гордокняжая* “Фольк. В свадебном

обряде – при обращении к сватье. Уж ты сватья, ты, сватьюшка, да *гордокняжая* сватьюшка! Шенк. Арх., 1900” (СРНГ 7, 29) легко интерпретируется как **высококняжая* (ср. обращения *Ваше высокоблагородие, высокопревосходительство* и т.п. в дореволюционной России), но вряд ли выводимо из значения ‘царапать лицо, восхваляя покойника’.

Соответственно, южнославянский материал легко и естественно объясняется из значения ‘высокий’ как возвышение (восхваление) покойника самоуничижением, в том числе и обезображиванием себя. Для соблюдения похоронной этики было важно, чтобы живые родственники покойного были не краше, чем в гроб кладут.

Косвенные аргументы И.П. Петлевой также допускают иную интерпретацию: значение ‘сильно, очень’ выводится не только из значения ‘резать, драть’, но также из значений ‘высокий’[19] и ‘страшный, ужасный’[20]; значение ‘ругать, бранить’ с большой вероятностью может продолжать значение ‘передавать (негативную) информацию’, а значение ‘терпкий, горький, едкий’ может быть результатом переноса в сферу вкуса позднего вторичного значения ‘царапать, драть’.

Как видим, ни основной, ни косвенные аргументы И.П. Петлевой не могут быть приняты как единственно возможные.

Семантика словен. *grdíti* ‘делать безобразным, обезображивать, искажать’ и ‘хулить, поносить, клеветать’ позволяет предложить еще один вариант семантического развития ‘держать себя надменно, высокомерно’ → ‘словесно проявлять высокомерие, хуля, понося кого-л.’ → ‘хулить, поносить кого-либо, т.е. делать (поначалу – на словах) гадким, мерзким, противным’.

В таком случае значение “гадкий, мерзкий, противный, безобразный” у прилагательного *gr̥d* могло развиться под влиянием глагола *grditi* ‘делать гадким, мерзким, противным’ в результате так называемой “обратной деривации”, тем более, что позитивное значение ‘гордый’ у южнославянских народов было уже “занято” ц.-слав. *горд* или словен. *ponosen*, с.-хов. *ponosan*. Ср. словен. диал. *grdíti se* ‘браниться, ругаться’ (Štrekelj 13) и русск. *гордиться* ‘сердиться, злиться’ (Семен. Нижегор., 1851): “Не *гордись* на меня, чадо милое, Скажи, чьей орды, Скажи, чьей земли, Чьего отца да чьево матери, Чьего урождения великого?” Пудож. Олон., Гильфердинг. (СРНГ 7, 27).

Следует внимательнее присмотреться к глаголам **gъrditi (sę)* и **ponositi (sę)*. Сопоставление словенского и древнерусского

материала дает зеркально симметричную картину: если в древнерусском **gъrditi (sę)* означает 'гордиться', а **ponositi (sę)* – 'поносить', то в словенском, наоборот, **gъrditi (sę)* означает 'поносить', а **ponositi (sę)* – 'гордиться'.

Как могла возникнуть такая лексико-семантическая рокировка?

Вначале попробуем восстановить последовательность семантических процессов.

Поносить что-куда ('нести, относить, приносить': *Поносили* кожу кожевнику. Пудож. Олон., Гильфердинг. Печор, Арх., Ленингр. (СРНГ, 29, 270) → *поносить* (информацию кому-л.) = *доносить* → *поносить* (порочащую кого-л. информацию кому-л.) = *клеветать* → порочить, хулить, бранить, поносить кого-л., и тем самым унижая другого = *поносить* и возвышая себя = *гордиться*.

Глаголы производные от *нести-носить* часто обозначают передачу информации: ср. *поносить* 'доносить': Матушке там приходят жаловаться... все ей п о н о с я т (СРНГ 29, 271); *переносить* '7. *Разг.* Распространять, передавать какие-либо сведения, чьи-либо слова'; <> Устар. *Перенести-переносить* кому. (БАС[1], 9, 776), а также *донести-доносить* 'неся, кого-, что-л. доставлять до определенного места' → 'сообщать, извещать; делать донос, возводить обвинение на кого-л.' (БАС[3], 5, 273).

Особенно хорошо детали семантического процесса видны на примере глагола *переносить* 'взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать, доставлять кого-, что-либо из одного места в другое'. Первым актом семантической деривации является появление в позиции объекта слова со значением 'информация' – *вéсти*: Параша ... Шьет, моет, в е с т и п е р е н о с и т... (Пушкин. Граф Нулин). Вторым актом семантической деривации является компрессия словосочетания *переносить вести* в универб *переносить* с тем же значением: При нем остерегись: п е р е н о с и т ь горазд (Грибоедов. Горе от ума).

Сообщение негативной информации о человеке означает его унижение и возвышение над ним унижающего.

Значения гордости (возвышения себя) и унижения, уничижения другого, находясь в конверсивных отношениях (В ниже А = = А выше В), взаимно предполагают друг друга.

Амбивалентная ситуация конверсии порождает энантиосемию: если *гордиться* значит 'выситься, выделяться высотой', то унижая другого, человек тем самым возвышает себя, а возвышая себя – тем самым унижает других. Аналогично *понос-поношение*

для поносимого – 'позор', а для поносящего – проявление его 'гордости'.

Соответственно, низкое и униженное принимает негативную семантику 'безобразного, противного, плохого', а высокое и возвышаемое – позитивную семантику 'величественного, великолепного, величавого' и 'красивого'.

Ср. энантиосемию, порождаемую сходной конверсивной ситуацией: "победа А над В" – это *победа* для А и *беда* для В: *Победа* 'Беда, несчастье' Заонеж. Олон., 1864. Странник говорил, что на весь уезд *победа* будет: либо голод, либо мор. Яросл. Онеж. КАССР, Пск., Казан., Амур. Шадр. Перм., Архив АН Нарым., Петерб. (СРНГ 27, 189).

Следует учесть вывод, сделанный Н.И. Толстым при типологическом анализе славянской лексики: "невозможность энантиосемии в пределах одного диалекта, одной системы"[21].Поэтому бессмысленно и некорректно реконструировать лексико-семантическую систему, содержащую оба взаимоисключающих значения, что, однако, предполагает реконструирование самой точки семантической бифуркации.

Таким образом, семантическая история славянских рефлексов прасл. **gъrdъ* в нашей версии такова: 'огороженное высокое место > город=возвышенность, высота > высокий > высокий (благородный) > гордый, жестокий > страшный, пугающий (безобразием, уродством, громадными размерами, худобой и т.д.)' > 'безобразный, уродливый, громадный, худющий и т.д.'.

Противоречие между 'величественным' и 'безобразным' мы склонны выводить из двойственности конверсивной ситуации: 'унижая другого, возвышать себя' (*ponositi se*) / 'унижая себя, возвышать другого' (*grditi se*). В первом случае вырабатываются позитивные признаки высокого, во втором – отрицательные признаки низкого.

При этом надо иметь в виду различие в семантике и функции возвратных глаголов. В первом случае семантика невозвратного и возвратного глагов фактически тождественна: ср. *поносить* кого 'ругать, бранить кого-л. (и тем самым возвышать себя, гордиться)', *поноситься* на кого 'ругаться, браниться на кого-л. (и тем самым возвышать себя, гордиться)'. А во втором случае возратный глагол имеет собственно возвратное значение: "действие производится субъектом, который является одновременно и объектом действия"[22]. Ср. **gъrditi* макед., с.-хорв., словен. 'делать кого-л. отвратительным, уродливым, безобразным (и тем

самым возвышать себя, гордиться)'; **gъrditi sę* макед., с.-хорв., словен. 'делать себя отвратительным, уродливым, безобразным; уродовать себя (и тем самым возвышать покойника)'.

Гордить 'возвышать' – *гордиться* 'возвышать себя, унижая другого'. Из этой внутренне противоречивой ситуации в лексико-семантическую систему по III закону Н.И. Толстого можно взять только один компонент. Севернославянские языки берут 'возвышать себя', а южнославянские – 'унижать другого'. В таком случае по закону аналогического выравнивания в словообразовательном гнезде (частные результаты действия которого не очень удачно именуют "обратной деривацией" или "редеривацией") *gr̥diti* будет обозначать 'унижать', а *grd* – 'низкий → мерзкий, безобразный, отвратительный'. А из этого значения прилагательного могли уже образоваться современные значения глаголов *gr̥diti* 'обезображивать' и *gr̥diti se* 'обезображивать себя (в частности, царапая, раздирая лицо и грудь)'.

Ср. аналогичную ситуацию с **ponositi* – **ponositi sę*. *Поносить* кого, *поноситься* на кого 'унижать другого, возвышая себя'. Северно-славянские языки берут 'унижать другого', отсюда *понос* 'позор, хула, бесчестье'. Южнославянские берут 'возвышать себя', откуда *ponositi se* 'гордиться', *ponos* 'гордость' и *ponosen/ponosan* 'гордый'. При таком взгляде словенский и сербохорватский лексический материал оказывается не древнейшим, а позднейшим.

Таким образом, взамен фонетически несостоятельной и семантически небесспорной этимологии И.П. Петлевой мы предлагаем фонетически безукоризненную этимологию, о семантико-словообразовательной обоснованности которой предоставляем судить читателю.

Примечания

[1] Русск. ц.-слав. *гърдыи, грърдыи*; русск. др.-русск. *гордыи* 'гордый, высокий, важный, страшный', русск. *гордый* 'сохраняющий свое достоинство; сознающий свою силу, значение, превосходство; высокомерный, спесивый; величественный, величавый', русск. диал. *гордóй* 'смелый', укр. *гóрдий* 'гордый, спесивый, надменный, величественный', блр. *гóрды* 'гордый, надменный', ст.-слав. *гръдъ* 'гордый, заносчивый, величественный, страшный', болг. диал. *гърдъ гръдъ* 'страшный, безобразный, плохой', болг. *гръ́дый* 'гордый; безобразный' (Геров), макед. *грд* 'уродливый, безобразный' (И-С), макед. диал. *gërd* (Hendriks), сербо-хорв. церк. *gȓd* 'страшный, безобразный', сербо-хорв. *gȓd* ' гордый' (RJA), сербо-хорв. диал. *gêrd* 'безобразный'(Tentor), *γartȍ* 'очень сильно'(Sus), словен. *gȓd* 'гадкий, безобразный, противный', словац. *hrdý* 'гордый, высокомерный; великолепный', чешск. *hrdý* 'гордый, высокомерный,

величественный', чеш. диал. (Bartoš) *hrdý* 'великолепный, прекрасный, хороший', польск. стар., диал. *gardy* 'гордый, высокомерный, надменный; привередливый в еде (обычно о скотине)', в.-луж. *hordy* 'гордый, великолепный', н.-луж. *gjardy* ' гордый, роскошный, благородный' (ЭССЯ 7, 206–207).

[2] *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1961, 109.

[3] *Mann, Stuart E.* An Indo-European comparative dictionary. Hamburg, 1984–1987, 345.

[4] *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. Изд. 5. СПб., 1991 (1899), 46–47.

[5] *Mann, Stuart E.* Op. cit., 245.

[6] *Максимов Е.В.* Зарубинецкая культура. Поселения //Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993, 24–25.

[7] "*Разг.* Высокий ростом (о человеке). *Длинный, костлявый, немного сутулый, он* [Челкаш] *медленно шагал по камням.* М. Горький. Челкаш. (БАС[3] 5, 138.)

[8] *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М., 2001, 176.

[9] *Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И.* Человек в русской диалектной фразеологии. М., 2004, 29.

[10] "В говорах отмечаются прилагательные *высокомодный* "эгоистический, себялюбивый" (кург.), *высокоумый* "высокомерный, гордый" (урал., *высокий* "высокомерный, надменный" (арх.); глаголы *высоколомиться* "гордиться, зазнаваться" (кург.), *высокомерить* "держаться высокомерно" (перм.), *высокосить, высокоумничать* "умничать, смотреть на других свысока" (урал.) и др. Весьма красноречива и лексема *вздыморылый* с тем же значением, зафиксированная нами в тюменских говорах. 〈...〉 Например: *Она всегда высоколомилася, когды говорили о ее сыне.* (кург.) *Идет, высокосит: я – не я.* (урал.) *Мало ли другой раз подсмеивается человек, высокомерит, людей не считает за людей.* (перм.) *Шибко высока была – ни с кем не поздоровацце.* (арх.)" – *Белякова С.М.* Признаки "глубокий" и "высокий" в народной культуре // Славяноведение 2003, № 6, 100–102.

[11] *Багдасаров А.Р.* Хорватско-русский словарь. М., 2003, 219. Показательно отсутствие в этом словаре прилагательного *горд* – особенно на фоне присутствия обоих слов (*горд* и *поносан*) в аналогичном словаре сербского языка: *Гудков В.П., Иванович С.* Сербско-русский и русско-сербский словарь. 5-е изд., стереотип. М., 2006, 38; 136.

[12] *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. XVII // Этимология, 1988–1990. М., 1993, 5–57).

[13] Там же, 52.

[14] Там же, 55.

[15] Там же.

[16] Там же, 56.

[17] Там же, 57.

[18] Ср. работы: *Соколова В.К.* Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности: Образ "свадьбы-смерти" в славянском фольклоре // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977, 188–195; *Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990, 64–98; *Еремина В.И.* Свадебный обряд в его

исторической взаимосвязи с погребальным // “Ритуал и фольклор”. Л., 1991. (Гл. 2 “Брак”, ч. 1).

[19] Ср. *Высокий* 6. Большой, значительный по количеству, силе, степени и т.п. ◇ *В высокой степени.* Чрезвычайно, очень. (БАС^3 3, 569). *Высоко…* б) со знач. очень, в высшей степени (*высокоактивный* 〈…〉 и т.п.) (БАС^3 3, 570).

[20] Значение с.-хорв. диал. *gr̥d* (Sus.) *yartȍ* ‘очень сильно’, как мы полагаем, указывает на значение ‘страшно, ужасно’, регулярно развивающееся в ‘очень’: Ср. *ужасно* “2. Очень, в высшей степени, чрезвычайно. *У. смешно, интересно, страшно. У. богатый, добрый. У. длинная дорога. У. много людей. У. хотеть пить. У важный.*” (БТС, 1376–1377). В прилагательном *ужасный* также находим соответствие значению ‘очень’: “Разг. Чрезвычайный по степени проявления, превышающий обычную меру, норму” *У-ая. суматоха. У. трус.* (БТС, 1377). Сходное значение имеется и у прилагательного *страшный*: “5. Разг. Выделяющийся среди других своими положительными или отрицательными качествами; исключительный. *С. холод, удар в голову. С-ая скука, боль, суматоха, бедность, ревность. Она С-ая плакса*” (БТС, 1376–1278).

[21] *Толстой Н.И.* Из опытов типологии славянского словарного состава. II // Н.И.Толстой. Избранные труды, т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997, 99.

[22] Краткая русская грамматика / *Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н.* и др.; Под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. М., 1989, 273.

Принятые сокращения

Апресян 1999 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. 2-е изд. Авторы Ю.Д. Апресян и др. / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1999.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.

Слов. син. 1975 – Словарь синонимов: Справочное пособие / Ред. А.П. Евгеньева. М., 1975.

Л.В. Куркина

КОММЕНТАРИИ К IV ТОМУ "ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛОВЕНСКОГО ЯЗЫКА" Ф. БЕЗЛАЯ[1]

В 2005 г. вышел из печати последний четвертый том "Этимологического словаря словенского языка" (1976–2005). Начало работе над словарем было положено акад. Ф. Безлаем. Им разработана общая концепция словаря и подготовлены первые два тома. С уходом из жизни Ф. Безлая работу над словарем продолжили его ученики – М. Сной и М. Фурлан. В третьем томе им принадлежит более двух третей общего объема словаря, в четвертом томе всего лишь несколько статей подготовлено Ф. Безлаем, к некоторым из них в квадратных скобках даны дополнения (см. *turati*, *virostováti*, *vékati* и др.). На титульном листе авторами словарных статей названы Ф. Безлай, М. Фурлан и М. Сной, а редакторами тома – М. Фурлан (далее – М.Ф.) и М. Сной (далее – М.С.). Опубликованный в 2007 г. пятый том представляет собой составленный ко всем четырем томам словоуказатель объемом в 770 страниц. Словоуказатель, подготовленный М. Сноем и С. Клеменчич, содержит 194 105 лексических единиц из славянских и неславянских языков, из них 70 191 принадлежит словенскому языку. Дополнительный пятый том во многом помогает и облегчает пользование словарем[2]. Словарь идет под именем Ф. Безлая, и в этом – проявление глубокого уважения к учителю и основоположнику словенской этимологии.

Мы уже имели возможность высказать свои соображения по поводу первых трех томов словаря[3]. Общая оценка последнего IV тома нами дана в рецензии, напечатанной на страницах ж-ла "Вопросы языкознания" (№ 6, 2006). Естественно, что в рамках небольшой рецензии не было возможности в полной мере охарактеризовать методику этимологического анализа, выявить слабые и сильные стороны разрабатываемых этимологических решений. Между тем последний том, охватывающий значительный отрезок словаря (*Š–Ž*), заслуживает более детального анализа по многим причинам.

Словенская лексика, особенно на последние буквы алфавита, наименее изученная в этимологическом плане, не вошла в те немногие этимологические словари, которые доведены до конца.

Словарь впервые вводит в практику научных исследований большой пласт новой лексики, почерпнутой из источников разного времени и в первую очередь из исторических и новых диалектных словарей. Каждое слово, вынесенное в заглавие, предстает во всей полноте своих отражений в диалектах, исторических источниках, в топонимике и т.п. Самостоятельные позиции в словаре имеют некоторые топонимические названия (ср. _Trîglav_, _Tácen_), имена (ср. _Tîvra_, мифологический персонаж, _Vagnar_), старые слова, зафиксированные в источниках XVI–XVIII в. (ср. _tepšiti_ ‘ходить без дела, шляться’ из словаря Гутсманна, *_teplic_: _tepliz_ ‘теплый источник’ из словаря Мегисера, *_velika_ ‘корабль; судно’ 1607 г. у Аласия и т.п.). В составе словника находим лексемы, утраченные языком, но восстанавливаемые по данным ономастики (ср. нем. бавар. _Talken_ (< *_tolkъno_) → *_tlakno_ ‘еда из муки’; _Vopolje_ → *_opolje_ и т.п.). Сложные слова становятся источником реконструкции утраченных лексических единиц, уже не засвидетельствованных в простом, несвязанном виде (ср. *_trp_ ~ _trpoglav_). В работе выявлен большой пласт лексики, заимствованной из романских (_tególine_ ‘вид стручковой фасоли’ < итал., _tóca_ ‘молодой пес’ < итал. _tozzo_ и т.д.), германских языков (_škink_ ‘бедро; окорок’ < др.-в.-нем. _skinco_, _šklaf_ ‘раб, невольник’ < ср.-в.-нем. _sklafe_, _šlíhtati_ ‘приводить в порядок’ < нем. _schlichten_ и т.д.) и т.п. Материалы словаря наглядно показывают, что немало слов пришло в словенский язык из территориально близкого сербохорватского языка (ср. словен. _tálas_ ‘вал’, _tlápiti_ ‘болтать, пустословить’, _škêle_ ‘деревянная часть седла’, _vêžba_ ‘упражнение’ и т.д.).

За время, прошедшее с момента выхода в свет первого тома (1976), за более чем четыре десятилетия словарь проделал определенную эволюцию, совершенствовалась методика этимологического анализа, словарь обогащался новыми идеями, новым материалом. И в IV томе наиболее полно проявились особенности подхода к этимологии словенской школы этимологов, у истоков которой стояли Ф. Рамовш, Ф. Безлай.

Как и в предыдущих выпусках, в соответствии с идеей Ф. Безлая об особой архаичности словенской лексики в центре внимания исследователей индоевропейское прошлое словенского языка. Словарь ориентирован на выявление таких архаизмов, которые не имеют славянских соответствий, но уходят своими корнями в индоевропейский язык, что проявляется не только в поисках индоевропейских истоков для словенских слов, занимающих изолированное положение в славянском словаре, но и в

характеристике словообразовательной структуры слова в системе отношений индоевропейского праязыка. Минуя праславянский уровень и уровень собственно словенского языка, авторы по отдельности рассматривают морфонологические варианты слова прежде всего на индоевропейском фоне, и лишь в самом конце словарной статьи путем отсылок обозначены родственные связи слов в словенском и шире – славянском словаре. В результате остаются до конца нераскрытыми внутриславянские отношения на морфонологическом и словообразовательном уровнях.

В меньшей степени внимание авторов привлекают вопросы развития семантики. Авторы исходят из принципа семантического тождества слова на всем протяжении его развития. При выборе заглавного слова, подборе славянских и индоевропейских соответствий, реконструкции этимологических связей авторы опираются на различия в семантике совпадающих по форме слов. Во многих случаях различия в семантике становятся тем критерием, по которому этимологически разграничиваются тождественные по форме лексемы, традиционно относимые к одному гнезду. В соответствии с принятым семантическим принципом слова с разными значениями имеют самостоятельные позиции в словаре и во многих случаях толкуются как генетические омонимы (ср. *tok I* ‘cursus, fluctus, flumen’, *tok II* ‘отек, опухоль’, *tok III* ‘колчан; карман’, *tok IV* ‘некая морская рыба’; *vaditi I* ‘exercere’, *vaditi II* ‘манить’, *vaditi III* ‘жарить’, *vaditi IV* ‘объявлять, оглашать’; *véslo I* ‘remus’, *véslo II* ‘eine grobe, verleumderische Zunge’, *veslo III* ‘клешня рака или гусиная лапа’ и т.д.). Омонимы имеют разную природу (фонетические преобразования, совпадения фонетического облика исконных и заимствованных слов и т.п.), и это обстоятельство необходимо иметь в виду при реконструкции исходной основы и выявлении характера отношений между основами[4].

Важным компонентом структуры взаимосвязанных основ являются морфонологические отношения. В ряде статей расширительно толкуются некоторые типы морфонологических отношений, по сути вводится новый тип морфонологических отношений: модель чередований *eu* : *ou* : *й* дополняется ступенью *e*, *o* при отсутствии необходимых для этого условий, что существенно ослабляет доказательную силу предлагаемых решений (ср. словен. *tičîn* ‘медлить в работе’ < **tyčinъ*, *točji* ‘пестрый’ и т.п.).

В последних двух томах при реконструкции индоевропейской формы в арсенал исходных единиц включены ларингальные. Однако едва ли оправдана реконструкция исходной формы с

ларингальным для слов, соотносимых с балто-славянской эпохой и даже эпохой самостоятельного развития праславянского языка. Примером может служить толкуемое как прямое продолжение и.-е. *H_2u̯éH$_1$-ter-* → *H_2u̯éH$_1$-tro-*, nomen agentis, слав. **vě̃trъ* с точными соответствиями в балтийских языках (ср. лит. *vė̃tra* ‘буря, ураган’, лтш. *vę̃tra* ‘буря, непогода’, прус. *wetro* ‘ветер’).

Нельзя не отметить, что во многих случаях этимологические решения, к которым приходят авторы (М.С. и М.Ф.) в отношении одних и тех же слов, не только не совпадают, но нередко отражают разное видение этимологических связей и соответственно состава восстанавливаемого этимологического гнезда. Особенно это заметно в последнем четвертом томе. К сожалению, в словаре не соотнесены предложенные авторами разные трактовки одних и тех же слов, хотя жанр словаря требует проведения более или менее единого подхода, согласования между собой разных толкований хотя бы путем отсылок. В качестве примера можно привести словен. *tȓhel* ‘putridus’, которое в одной статье дается с отсылкой к *trúhel*, *tróha, tréti* (М.С.), а в статье с заглавным словом *trúpiti* ‘разбивать, дробить, толочь’ (М.Ф.) толкуется как отражение и.-е. основы **treu̯s-* < **treu̯-* ‘толочь, разбивать, уничтожать’ и сближается со словен. *tȓš* ‘пень’ и т.п. Частично лексика, родственная словен. гл. *ščúcati se* ‘рыгать’, включается в гнездо гл. *ščúkati* ‘резать’. Однако истоки глаголов толкуются по-разному. Если *ščúkati* в конечном итоге возводится к и.-е. **skeu-(t)-* (Pokorny I, 954), что представляется вполне вероятным, то для *ščúcati se* вместе с чеш. *štkát* ‘рыдать, всхлипывать’, польск. *czkać* ‘рыгать’ и т.п. < **ščьkati* (sic!) допускается развитие из первонач. глагольной формы **skъkãti*, *ščúčešь* ‘всхлипывать; рыгать’ (с предполагаемым изначальным членением **sk-ъ-ka-/*sk-u-ka*), родственной v. dicendi **sokãti* (словен. *sokotáti*, лит. *sakýti* ‘говорить, сказать’).

В словаре сочетается гнездовой подход с полексемной подачей материала. Не всегда авторам удается найти подход, обеспечивающий экономное и оптимально полное освещение материала. Так, в разных статьях рассматриваются *šir*, с которым соотнесены *širina*, *širota*, *širiti*, и *širok* вместе с диал. *širôčka* в значении ‘секира с широким топорищем’. В ряде случаев при раздельной подаче родственных слов авторам не удалось избежать повторов (ср. *šȋška I* ‘galla’, *šȋška II* ‘отверстие’, *šȋška III* ‘плохая груша’ < **s'ĭchъ*). В статье с заглавным словом *véniti* ‘вянуть’ (< **vędnǫti*) по существу повторяется то, что было сказано о словен. *vaditi* ‘жарить’.

Значительная часть словенской лексики впервые включается в этимологический анализ. При отсутствии непрерывной письменной традиции, по причине глубоких фонетических преобразований, которые претерпели многочисленные словенские диалекты, крайне ограничены возможности внутренней реконструкции. Восстановлению исходной формы слова предшествует большая предварительная работа, детальное изучение исторических материалов, диалектных вариантов слова. Несомненно, в трудных случаях исследователям помогает большой опыт работы со словенской лексикой, знание диалектных процессов, сложным образом протекавших на словенской территории, и не последняя роль принадлежит языковой интуиции. Порой восстановление сильно затемненной исходной фонетической формы слова равносильно определению внутренней формы слова (ср. *ûren III* 'приспособление, на которое вешают котел над огнем' ~ диал. *vòr* : *vréti*; *tórežen* 'орудие для помешивания молока' как производное от **tvorežь* 'творог', далее к **tvorъ*, **tvoriti*; *zátanc* 'затылок' < **za-tylьnьcь*; *zamâlka* 'опухшая шейная железа' ~ **-dymati* и т.п.). Для многих слов, претерпевших глубокие фонетические изменения, восстановление внутренней формы осуществляется через снятие поздних фонетических наслоений, что предполагает знание фонетических процессов, протекавших в многочисленных словенских диалектах. Так, с учетом характерного для прекмурского диалекта перехода *i* > *u* становится очевидной принадлежность словен. прекмур. *vùjati* 'мотать пряжу в моток' < *uvijati* к гнезду слав. **viti*. Именно с опорой на территориальные изменения в фонетике для широко представленного в диалектах *škedénc* 'ключ, родник, источник' восстанавливается изначальная форма **studenьcь*. Ср. *zdénec*.

Каждая из словарных статей образует самостоятельный сюжет, в котором одинаково важны все аспекты анализа. При выборе этимологического решения необходим учет многих факторов (словообразования, семантики и т.д.). С расширением лексической базы исследования открываются новые аспекты, с учетом которых появляется возможность внести уточнения, дополнения в предлагаемые решения. В IV том вошла лексика, трудно поддающаяся этимологизации. Каждая из этимологий, предложенных в словаре, – это шаг в продвижении к истокам слова. Ценно и то решение, которое по каким-то причинам представляется не совсем убедительным, уже потому, что сужается поле последующих поисков.

Предметом нашего рассмотрения станут некоторые словарные статьи IV тома. Наши комментарии не что иное, как попытка с несколько другой стороны, с учетом других фактов подойти к оценке предлагаемых в словаре этимологических решений.

Šabêdra 'человек с кривыми ногами' связан с гл. *šabedráti* 'ходить на кривых ногах' (М.Ф.), который характеризуется как экспрессивное образование, членимое на *šab-ed-rȁ-ti*. Для него предполагается производность от гл. **šabati*, сохранившегося в форме *ušábniti*, *ušebníti* 'искривить', с ближайшими соответствиями в хорв. **šȅbat* 'плестись (идти с заплетающимися ногами)' (Дубровник), *šebètati* 'пошатываться, качаться' и т.п., далее родственного лтш. *šķuobît* 'склонить, нагнуть', рус. диал. (олон.) *ша́брать* 'шарить, искать в темноте'. При таком подходе не получает убедительного объяснения исход образования на *-drati*. При этом едва ли может быть аргументом ссылка на отношение гл. **ma-cha-ti* > *mahedrati*, поскольку в гл. *mahedrati* допустимо видеть сложение двух глагольных основ – **maxati* и **dьrati*. Заметим, что для экспрессивно окрашенных образований характерны наращения в виде архаичных префиксов. Можно думать, что словен. *šabedráti* может быть отнесено к отыменным образованиям от *bedro* с префиксом *ša-*. Примечательно, что в словаре в статьях на *ščežéti* 'бежать согнувшись', *zbedren* 'хромой' обосновывается возможность семантического перехода 'femur' > 'хромать' для словен. *bedríti se* 'хромать, прихрамывать', хорв. *bèdriti se* 'ad latus ire', к ним следует присоединить и рус. диал. *бедри́ть* и *бе́дрить* 'наваливаться одним бедром на оглоблю (о лошади)' (СРНГ 2, 177), *сбе́дри́ть* 'отступить, спятить' (Даль[3] I, 144; IV, 39).

šága 'заноза' объясняется как производное на *-aga* (по типу *vorljága* 'лужа', *poščága* 'вид рыжей жабы') с первоначальной формой **sušȃga* или **sъšȃga*, далее к **sušiti*, **sъchnǫti,* или **pьšȃga* к **pьchati*. Остается неясной семантическая мотивация. Отсутствие в словаре продолжения форм **sušȃga*, **sъšȃga* или **pьšȃga* снижает вероятность предлагаемого истолкования.

Šámer 'выродок, урод', также 'остановившееся в своем развитии дерево' признается семантически близким в.-луж. *šamały* 'подлый', *šamałc* 'подлец', которые в словаре Шустер-Шевца сближаются с в.-луж. *šamać* 'тереть, массировать', ст.-чеш. *šámati*

(sě) ‘нащупывать в темноте дорогу’ и т.п. (Schuster-Šewc 1404). В словаре с опорой на модель семантических отношений ‘мести’ > ‘мусор’ отдается предпочтение сближению этих образований с рус. диал. *шам* ‘мусор, сор’, *ша́мать* ‘идти медленно, скользя ногами’, польск. *szamotać* ‘разметать (о ветре)’ и т.п., которые через восстанавливаемое для праславянского языка **šęti*, **šemèšь* < **svęti*, **svemèšь*, сохранившегося в словен. *šemetati* ‘идти раскачиваясь’, возводится к и.-е. основе **su̯em-* ‘двигаться; драться, бороться’. С таким толкованием трудно согласиться. В составе рассматриваемой лексической группы образования разного происхождения. Вероятно, правы те, кто истолковывает рус. *шамать* ‘есть’, ст.-чеш. *šámati* как звукоподражательные образования (Фасмер IV, 402)[5]. Что же касается словен. *šámer*, то большая вероятность того, что его место в ряду производных гл. **merti* с экспрессивным преф. *še-*: ср. чеш. *šemřit sa* ‘мелькать, колебаться’, словац. *šemorit' sa* ‘колебаться; обозначиться в сумерках’ (Machek[2] 605), польск. *szemrać* ‘журчать, роптать; выражать неудовольствие’, в.-луж. *šemriś* ‘беспокойно сновать, возиться, шуметь’ и т.д.[6], ср. с другим преф. слав. **ča-merti* / **če-merti* в болг. *чемре́я* ‘вянуть, терять силы и свежесть’, блр. *чамрэ́ць* ‘слабеть’[7].

Šámprkati ‘хромать’ определяется как экспрессивное образование от гл. *šapati* ‘неровно ходить’ с вставным носовым элементом **šampati*. Остается необъясненным исход на *-prkati*. Вполне возможно, что это образование представляет собой производное с экспрессивным элементом *šam-* от гл. **pъrkati*, варианта к **pъrcati* (ср. **ob-pъrcati*: с.-хорв. *obpŕcati* ‘жадно есть’, *oprcati* ‘bespringen, coco’ – ЭССЯ 29, 45). Однокоренными являются глаголы, основы которых расширены разными элементами, – *pъr-l-*, *pъr-sk-* ‘брызгать’ > ‘пачкать, марать’ с производной семантикой ‘оплодотворять’, ‘bespringen, bespritzen’[8], ‘производить шум’ (ср. болг. *пъ̀ркати* – БЕР 6, 90) и т.п.

Ščánci м.р. мн. ‘нестриженые тонкие волосы’ выводится из **ščatьnьcь* < **ščatь*, вариант к **ščetь*. Представляется более вероятным развитие из формы причастия на *-n* гл. **sъčati* (> **šъčati* по ассимиляции) с обобщением основы наст. вр. гл. **sъkati* : **sъč-*. Волосы получили название по сходству с грубыми нитками, веревкой, ср. рус. диал. *ска́нец* ‘толстая, грубая пеньковая пряжа’, *ска́нка* ‘тонкая самодельная веревка’, *сканц* ‘крученые нити’

(СРНГ 37, 385–387). Ср. с переходом *sъk* > *sk* > *šč* рус. волог. *ощáть* 'теребить (лен)' (СРНГ 25, 100).

Предполагается, что гл. *ščekáti* 'лаять (о собаке)', *ščekotáti* 'лаять', 'ссориться, браниться' и т.п. (~ серб. *šteknuti* 'залаять', блр. *щекáць* 'лаять, ругать, бранить', *щекотáць* 'кричать как сорока', польск. *szczekać* 'лаять' и т.п.) < **šče-ka-ti*, **šče-k-o-tati* одного корня с н.-луж. *šćo-waś* 'скулить, стонать'. Для них допускается связь с экспрессивным глаголом говорения **sokati*, **sokotati* (~ лит. *sakýti* 'говорить') < и.-е. **sek^u̯-* 'говорить'. Однако остается нераскрытым характер морфонологических и словообразовательных отношений и особенно соотношение начальных *šč* – *s*. Больше оснований имеет версия, согласно которой праслав. **ščekati*, как и рус. диал. *скоготáть* 'выть, скулить; пронзительно кричать, визжать' (СРНГ 38, 50), блр. *скагатáць* 'пищать' (Фасмер IV, 500; Machek² 624; Boryś 596, 598), звукоподражательного происхождения.

Ščékavec 'мелкая галька' (вост.-штир.) характеризуется как производное от прилаг. **ščékavъ* 'о том, что шумит, гремит', которое, по мнению М.Ф., образовано от существительного, сохранившегося в польск. *szczęk* 'звон, бренчание', *szczękać* 'бренчать', назализированном варианте к **ščekъ* 'лай'. Допуская развитие 'шум, звон' > 'мелкий песок', М.Ф. приводит в качестве семантической параллели словен. *svîž*, хорв. кайк. *sviž* 'мелкий песок' ~ словен. *svízati* 'свистеть', хорв. *svizdati* с тем же значением, словен. *hrȅšč* 'мелкий песок' ~ *hréstati* 'хрустеть' и т.п. Однако это только одна из возможных моделей развития значения 'мелкий песок'[9], а поэтому предлагаемое автором объяснение словен. *ščékavec* не единственно возможное. Структура слов и семантика не препятствуют сближению словен. *ščékavec* с гл. *uščekníti* 'отщипнуть, оторвать', *poščekováti* 'порезать, посечь', *ščekáti* 'доить' и др. < **ščekati* / **ščьknǫti* (s.v. *škȅc*, с. 54), а также рус. диал. *щечúть* 'теребить, тормошить, дергать, брать, щипать' (Даль² IV, 656), др.-рус. *ущькнути* 'ущипнуть, откусить' и т.д. (Фасмер IV, 499)[10]. Семантически ср. рус. диал. *дробóк* 'кусок, ломоть; крошка' (СРНГ 8, 189) ~ *дробить*; рус. диал. *лом* 'кусок, ломоть хлеба', 'остатки, обломки, крошки' и т.п. (СРНГ 17, 115) ~ *ломать* и т.п.

Едва ли оправдано этимологическое разделение *ščetína* 'щетина' и диал. *ščetína* 'ругательство в адрес назойливого или над-

менного человека’ (Доления), поскольку вполне очевидна семантическая производность последнего. Переосмысление слова с исходным значением ‘короткий, жесткий волос’ приводит к развитию разных значений: ср. рус. диал. *щеть* ‘щетка для чесания льна’ (Новг. словарь 12, 117), *щётка* ‘раст. Carthamus tinctorius’, далее *щети́нить на себе шерсть*, *щети́ниться* ‘поднять дыбом’, ‘о человеке – вспылить, строптиво противиться’, *щети́ть* ‘задирать, бранить кого (?)’ (Даль[2] IV, 656).

При истолковании словен. *ščežéti* ‘kriechend rennen’ отклоняется идея Ф. Безлая о развитии формы глагола из **jьz-čezati / *čeznǫti*. Словен. *ščežéti* трактуется как глагол на *-ěti*, производный от восстанавливаемой именной основы **ščęgъ*, сближаемой с герм. **skincō(n)* ‘изогнутая кость, бедро’ (ср. др.-в.-нем. *skinco* м.р., *scinca* ж.р. < и.-е. **skengōn / *skengaH₂*), греч. σκάζω‘хромать’ (< **skn̥g-ie*) и др.-норв. *skakkr* ‘косой, наклонный’ (< герм. **skunka-*). В качестве семантической параллели приводится словен. *bedríti se* ‘хромать, прихрамывать’ (см. *šabêdra*). Существенно ослабляет доказательную силу предлагаемого в словаре объяснения отсутствие продолжений в славянских языках реконструируемой формы **ščęgъ*. Можно думать, что в действии, обозначаемом гл. *ščežéti*, существенным, выделяемым был не признак хромоты, а та особенность передвижения, которая связана с полусогнутым положением, которое, несомненно, замедляет ход, делает движение неровным, слабым и даже вялым. И тогда в семантике словен. *ščežéti* получает конкретизацию процесс, обозначаемый формами того же глагола с преф. **jьz-* – **jьz-čeznǫti*: ср. польск. *szczeznąć* ‘сгибать, пропасть, исчезнуть; пропасть’, диал. ‘погибнуть, пропасть, умереть, подохнуть’, словин. *ščeznǫc* ‘погибнуть, пропасть’ и т.д. (SEK I, 226–227; SP 2, 188–189).

Škâbica ‘застежка’, *zaškábiti* ‘застегнуть’ толкуются как результат фонетического преобразования исходной формы **sъkatьba*, далее к **sъkati*. Более вероятна соотнесенность с отмеченным в словаре Цафа словом *škóba* ‘задвижка, засов’ (см. Bezlaj III, 243) < слав. **skoba* с наложением удлинения на корневой вокализм. Застежкой могла служить палочка разной формы – прямая или изогнутая, ср. рус. диал. *ска́ба*, *ска́бка* ‘щепка, лучина’ (Даль[2] IV, 189), словен. *zaškábiti* значит ‘вставить палочку, соединить палочкой или каким-то другим предметом’.

В статье на *tači* соотнесены образования разного происхождения. Для отмеченного в словаре Гутсманна глагола в форме 3 л. *tači* ‘приносить пользу’ восстанавливается основная форма **tačiti / *tačati* < **takěti* с тем же значением. Однако представляется более вероятной связь словенского образования с гл. *takniti*, *tekniti* с рефлексом редуцированного гласного в корне. Далее в круг семантически близких образований включаются рус. *стачить*, чеш. *stačit* ‘удовлетворять’, словац. *stačit’*, *stač* ‘достаточно’, н.-луж. *stacyś* ‘подходить, быть достаточным’, но эти образования следует исключить из числа родственных, поскольку для них исходной является форма **statъčiti*, о чем свидетельствует польск. *statczyć* в том же значении. На индоевропейском уровне вся группа соотносимых в статье слов сближается с лит. *tèkti* ‘удовлетворять’, с другой ступенью чередования – словен. *stéči* ‘получить, наследовать’, макед. *стек* ‘выигрыш’ и т.п. Включенные в это же гнездо цслав. **сътокъ** ‘facultates’, с.-хорв. *stȍka* ‘скот; имущество’, таким образом, получают новое истолкование. Для полноты картины полезно было бы высказать отношение к приведенным в БЕР другим этимологическим версиям слав. **stokъ* (см. обзор в БЕР 6, 787).

Понять внутреннюю связь гл. *tájati* ‘liquefacere, eliquare, resolvere’ и *tajíti* ‘negare’ помогает идея О.Н. Трубачева об общих лексико-семантических истоках этих образований с реконструкцией семантической эволюции **tajati* (состояние) → **tajiti* (каузатив) как ‘распускаться, растапливаться, доходить до жидкого состояния, размельчаться’ → ‘делать мелким, маленьким, прятать, скрывать’[11].

Для понимания внутренней формы словен. *tâjka* ‘подол женской юбки’ существенна семантика приводимых в словаре хорватских диалектизмов – *tâjka* ‘загнутая часть у края брюк, в которую вставляется лента или тесьма для завязывания’, ‘шов, которым стягиваются штанины или рукава’. Эти слова обозначают скрытую, потайную часть одежды. Скок предполагал развитие из **tъčьka* ~ **tъknǫti*, но этому мешает долгота корневого вокализма в хорв. *tâjka* ‘подол женской юбки’. В словаре получает развитие идея (RJA XVIII) о заимствовании из ит. *tacca* ‘зарубка; отметка; надрез’, которое в первоначальной форме **taika* могло быть заимствовано из герм. **taikna* ‘знак, отметка’, ср. нем. *Zeichen*. Попутно заметим, что в данном случае сближение слов с отличиями

в семантике противоречит принятому в словаре принципу подбора соответствий с учетом семантики лексем. Надо иметь в виду, что словом *tâjka* обозначается потайная, скрытая часть одежды, поэтому представляется вполне вероятной в плане семантики и словообразования связь с гл. **tajiti* 'таить, скрывать'.

Tâl 'талый' вместе с родственными ему образованиями (ср. рус. *талый*) определяется как прич. на *-l* от глагола, который восстанавливается в форме **tati*, *tanetъ* 'растапливать' на основании укр. *ростáти*, *-тáне*, сближаемого с арм. *t'anam* 'замочить', и рассматривается в отрыве от гл. **tajati*. Следует заметить, что в укр. *ростáти*, *-тáне* форма на *-ну-* вторична, появление ее, вероятно, вызвано сближением с глаголами типа *стать*, *стану*.

Словен. *tamúzati* 'слегка ударить' (< *tam-uz-ati*) объясняется как производное с экспрессивным суф. *-uz* от гл. **tam-lja-ti* < **tamati* (в.-луж. *tamaś* 'уничтожать, вредить', н.-луж. *tamać* 'проклинать'), связываемого чередованием корневого вокализма с гл. **tomiti*. Для гл. **tomiti* допускается традиционное сближение с др.-инд. *tamáyati* 'удушает, лишает воздуха' (ср. Фасмер IV, 75-76), но при этом отмечается, что это сближение носит необязательный характер. Автор (М.С.) полагает, что в слав. **tomiti* предпочтительнее видеть образование от промежуточной основы, производной от слав. **tęti*, *tьnǫ* 'резать, рубить' < и.-е. *$*temH_1$*- 'резать'. Из этой версии следует, что слав. **tomiti* представляет собой собственно славянское новообразование. С некоторыми дополнениями и изменениями такое же объяснение принимается и для гл. *tomljáti* (М.Ф.). Исходный для него гл. **tomiti*, как и др.-инд. *tamáyati*, определяется как каузатив от и.-е. основы **tem(H)*- 'удушает, лишает воздуха', которая может быть родственна и.-е. $*temH_1$- 'резать', поскольку, как полагает М.Ф., значение 'резать' развилось из 'притеснять, давить' (с. 196). Таким образом сближаются этимологические гнезда, разделяемые в словаре Покорного (Pokorny I, 1062–1063). Однако остаются неясными условия, при которых основа, производная от гл. **tęti*, *tьnǫ*, в одних случаях имеет в исходе *-m*, а в других *-n*, не раскрыт механизм связи значений 'давить, притеснять' и 'резать'. Славянский материал как будто бы не подтверждает эти выводы. Анализ семантики гл. **tomiti* подводит к другому понимаю истоков глагола.

Глаголом **tomiti* обозначается особое состояние подавленности, угнетенности, вызванное внешними или внутренними

причинами (голод, тоска, неизвестность, любовь и т.п.), ср. рус. безл. *томить* 'заставлять мучиться любопытством, неизвестностью, ожиданием', болг. диал. (Разлог) *то́ме* 'вызывать желание, хотение, манить, привлекать'[12]. Это состояние проявляется в тихой, незаметной, порой скрытой форме, признаки, сопутствующие проявлению этого состояния, становятся определяющими для переосмысления глагола. Так, актуализация признака 'слабость, усталость, неопределенность и т.п.' наблюдается в рус. *притомиться*, диал. *томи́ть* безл. 'кружить, шатать (о головокружении)'[13]. Признак незаметного проявления действия, состояния доминирует в семантике с.-хорв. вост.-герц. *томити* в значении 'тайно забрать, присваивать', *затомити* 'присвоить, скрыть, спрятать, отобрать'[14] и т.п. Можно думать, что усилением присутствующего в семантике глагола другого признака – длительного, медленного воздействия – вызвана семантическая деривация глагола, его переосмысление, переход к значению 'обрабатывать теплом, парить в закрытом сосуде' (ср. рус. *томить овощи* и т.п., *томленое дерево*, *кость* 'мореное, крашеное в кислоте, в щелочи'). Собственно той же производной семантикой мотивировано употребление глагола для обозначения незасеянной земли, оставленной для восстановления плодородия почвы, ср. рус. диал. *пото́мина* 'залежная земля' (СРНГ 30, 292). Значение словен. *tomljáti* 'гнать, преследовать' вторично, оно производно от значения 'находиться в подавленном состоянии' > 'давить, притеснять, ограничивать (доступ свежего воздуха)' > 'понуждать к действию' > 'слегка ударять' и т.п. Содержание, которое стоит за понятием **tomiti*, исключает какие-то резкие движения, поэтому большие сомнения вызывает предположение автора об исходном значении 'резать'.

На наш взгляд, верный подход к истолкованию слав. **tomiti* намечен в одной из работ В. Борыся[15]. Славянский глагол толкуется как каузатив от глагола с корневым вокализмом *e*, который, по мнению В. Борыся, сохранился в словен. *stéti se*, *stámem se*, *stmèm se* 'застыть, затвердеть, сгуститься (о жидкости)', *raztéti se*, *raztámem se* 'расплываться, растекаться, раствориться', с.-хорв. диал. *utémati*, *ùtēmām* 'убить'. Словенские формы указывают на старый гл. **tęti*, **tьmǫ* с исходом основы на *-m* в отличие от **tęti*, **tьnǫ*. В гнезде и.-е. **tem-* 'притеснять, сдерживать доступ воздуха' (Pokorny I, 1063) исходную основу со ступенью *e* представляют южнославянские лексемы. При таком подходе слав. **tomiti* и др.-инд. *tamáyati*, каузатив от *tā́myati*, параллельные образования.

Попутно заметим, что к рассматриваемому гнезду М.Ф. относит и чешский гл. *temovat* 'заткнуть', для которого предполагается производность от праслав. **темъ*, оставленного Махеком без объяснения во втором издании словаря (Machek² 639), а в первом издании это слово выводится из венгерского *töm* (Machek¹ 525).

Не получило обоснования сближение словен. *tárati* 'мучить' и *tórati* 'тяжело нести, тащить', 'болеть' (~ словен. *tréti*) с экспрессивно окрашенными рус. *тáрабить*, *тарабáнить* 'тянуть, тащить' (~ польск. *tarabanić się*, чеш. диал. *tarabit* 'тяжело носить', укр. *тарабáнить* 'нести, тащить что-н. большое'), истоки которых остаются неясными (Фасмер IV, 20; Machek² 636). Основываясь на русском и украинском материале, А.А. Шахматов предполагал развитие *ар* > *ара* перед следующим гласным *а* и на этом основании включал в круг родственных образований рус. диал. *тарáбить* 'таскать, носить', *притарáбить* 'притащить', далее *тóрбать* 'рубить (говядину)', *растóрбать* 'переворачивать', *тóрба* 'неповоротливый, толстый человек', далее словен. *tŕbati* 'бежать рысью', *tŕba* 'болван, остолоп', *trbàn* 'обрубленный кусок дерева'[16].

В словаре разные истолкования получают четыре глагола с основой **tep-*: *tépsti* 'ferire', 'rixari', *-tépsti I* 'мазать', *tépsti II* 'есть', *tepsti se* 'бродяжничать, скитаться'.

При интерпретации гл. *tépsti* 'ferire', 'rixari' М.С. исходит из первоначального значения 'мазать' и предполагает семантический переход 'мазать', 'прилепиться' > 'бить', и далее на этом основании допускается сближение с и.-е. **tep-* 'быть теплым' (мазь легче распределяется по поверхности в теплом состоянии) > 'мазать'. Этот переход аргументируется ссылками на семантику лит. *tèpti* 'мазать, смазывать, пачкать' и 'ударять', а также чеш. *mazati* 'мазать; ударить', диал. *mazač'* 'мазать; бить', н.-луж. *mazaś* 'мазать; ударить' (ЭССЯ 18, 23). Действительно, в некоторых диалектах у гл. **mazati* наряду с основным значением 'мазать' появляется значение 'ударять, бить'. И появление этого значения обусловлено тем, что нанесение мази достигается ударными движениями. Поэтому семантика гл. **mazati* не может служить аргументом в пользу реконструкции для словенского глагола на глубинном уровне значения 'быть теплым', тем более, что приведенные в этой же статье многочисленные производные сохраняют связь с древним значением слав. гл. **tepti* 'бить, ударять':

ср. словен. *tepišče* 'Prügelstätte', *tepéžen*, прилаг. 'Prügel-' и т.п., а также рус. диал. *потепáло* 'палка, ветка, хлыст, которым можно защититься от собак, гусей и т.д.' (СРНГ 30, 274). Этот ряд производных могут дополнить образования с общим значением 'обивки': ср. словен. *otȅp* 'обмолоченный сноп', *otêpki* 'сбитые плоды', чеш. *otep* 'обмолоченный сноп; связка, охапка' и т.д. (Bezlaj II, 261; ЭССЯ 30, 166–167). Вполне понятен семантический переход '(о)бить, (о)колотить' > 'обтрепаться, потерять вид' > 'обивки' и 'ударами нанести грязь, мазь и т.п.', ср. польск. диал. *obciepać* 'заляпать грязью' (ЭССЯ 30, 165). Для гл. **tepti* с исходным значением 'бить, толочь' не исключается связь на основе чередования гласных в корне с гл. **topati* (Фасмер IV, 78). Как одно из семантических ответвлений слав. **tep-ti* (*sę*) 'ire', **tep-ti* 'ferire' рассматривается М.Ф. словен. *tepsti se* 'бродяжничать, скитаться', семантически ср. рус. диал. *колотúться* 'шататься без дела, без цели, бить баклуши' (СРНГ 14, 181), *бúться* 'жить, существовать, перебиваясь, преодолевая нужду, лишения' (СРНГ 2, 302) и т.п.

Гл. *tépsti II* 'есть' (ср. *natépsti* 'наесться', *otépati* 'жадно есть' и т.п.) соотносится с с.-хорв. диал. *nat'pkam* 'наесться', н.-луж. *póśepaś* '(о птице) клювом доставать пищу'. Наличие индоевропейских соответствий с тем же значением (лит. *tepė́ti* 'есть, жрать', лтш. *tepêt* 'много есть', а также тох А В *tāp-* 'есть') подводит автора к выводу о том, что значение 'есть, жрать', характерное для и.-е. **tep-* 'бить', было свойственно индоевропейскому языку. Однако до конца остаются невыясненными истоки балтийских соответствий (Fraenkel 1081) и тох. *tāp-*, что делает выводы автора неубедительными.

По разным основаниям едва ли следует отрывать словенские глаголы от слав. **tepti* 'бить, ударять, толочь'. Вполне вероятной остается возможность для гл. **tepti* семантического перехода 'есть, наедаться' < 'бить, толочь' на славянской почве. И семантической параллелью, подтверждающей вероятность такого перехода, может быть рус. диал. *обить / обивать* в значении 'выклевывать зерна из колосьев (о птицах)' (СРНГ 22, 57), н.-луж. *póśepaś* '(о птице) клювом доставать пищу', рус. диал. *натолкáться* 'наесться вдоволь, до пресыщения' (СРНГ 20, 223) и т.п.

В гнезде слав. **topnǫti* общие истоки предполагаются для подаваемых как омонимы словен. *toníti I* 'тонуть' и *toníti II*: *žito toni* 'пропадает, гибнет'. Болг. *тъ̀на* 'тонуть', включенное в гнездо словен. *toníti I* 'тонуть', определяется как продолжение гл.

**тър-nǫ-ti* с корневым гласным в ступени редукции, что представляется не совсем убедительным. Нельзя обойти вниманием версию, согласно которой болгарский глагол вместе со слав. **ton'a* (ср. рус. диал., укр. *то́ня* 'рыболовная сеть', 'место, где бросают рыболовную сеть' и др.) восходит к и.-е. **ten-* 'тянуть'[17]. Предполагается, что в форме болг. гл. *тъ̀на*, не поддающейся объяснению на основе фонетики и на основе слав. **topnǫti*, находит отражение основа наст. вр. гл. **tьn-ǫ*, **tьn-eši* и т.д., поскольку корневое *ъ* из *ь* согласуется с отражением старого *ь* в большей части болгарских говоров, ср. *тъ̀нък* < **tьn-ъkъ* того же происхождения[18].

Словен. *tuh* 'хрупкий, мелкий' (~ хорв. чак. *tȕhan* 'очень мелкий', *tȕsan* 'дурак' < *'мелкий, маленький', черногор. *tȕšica* 'маленький, невзрачный человек' и т.д.) < праслав. **tuxъ* сближается с **tukati* (рус. *ту́кать* 'бить, ударять', чеш. *t'ukat* 'стучать' и т.п.) / **tъk-nǫti* 'ударить, коснуться' (~ греч. τύκος" 'каменотесный молот', 'секира') и выводится из и.-е. **teu-s-* 'толочь, бить', рассматриваемого как вариант к **teu-k-*. И.-е. основа с расширителем в форме и.-е. **tus-sk'-ió-* 'мелкий, пустой, слабый' предполагается для праслав. **tъšćь* 'пустой'. В этом весьма сложном построении много искусственно притянутых слов. Начнем с того, что русск. *тукать*, чеш. *t'ukat* сложились на основе звукоподражания (Фасмер IV, 118), и поэтому едва ли есть основания для включения этих слов в гнездо слав. **tъk-nǫti*. Далее чак. *tȕhan* с вариантом *tȕsan*, а также рус. диал. *туха* 'снежная метель' отнесены в словаре Скока к тюркизмам (Skok III, 520). Не опровергнуто предположение Фасмера о заимствовании русского диалектизма *туха* из финно-угорских языков, ср. вепс. *tuhu* 'метель, 'мелкий песок', фин. *tuhu* 'мелкий продолжительный дождь' (Фасмер IV, 128).

Интересное объяснение предложено для словен. *tújati* 'укачивать ребенка' и семантически близкого в.-луж. *tuješ* 'качать'. М.Ф. отклоняет идею Шустер-Шевца о связи с звукоподражанием *tuj*, *tuj* (Schuster-Šewc 1556). Приводятся убедительные доводы в пользу включения этих образований в гнездо слов *távati* 'бродить' (~ лит. *taujóti* 'бродить'), который определяется как каузатив с долгим вокализмом в корне от неподтвержденного гл. **tu-ti* (ср. словен. *tújati* 'качать ребенка') и возводится к балт.-слав. **tau̯ia* 'перемещаться, двигаться туда-сюда' (< и.-е. имя **teu̯H-io* / **teu̯H-iā*). К этому же гнезду отнесено и лтш. *tùls* 'медлительный в работе' (< и.-е. **tuH-lo*). Заметим, что эти отношения сложились

в балто-славянскую эпоху, когда ларингальных уже не было. Дополнительных пояснений требуют хорв. чак. *tūjȁt* 'катать', *tūjȁt se* 'кататься' (Hraste-Šimunović I, 1263), поскольку *j* корне могут соответствовать *l* и *j*. Материалы статей, посвященных гл. *tavati* (М.С.) и *tújati* (М.Ф.), никак не соотнесены между собой.

Словен. *tavník* 'корзина, в которой хранят пойманную рыбу' с родственным ему с.-хорв. диал. *tàvnik* 'сплетенная из прутьев корзина для рыбы', 'корзина для орехов' предлагается объяснять как производное от прилаг. **тьмьнъ* 'темный'. И основанием для такого понимания истоков ю.-слав. слов служит с.-хорв. *tàvnik* в значении 'темное пространство, где зимуют пчелы', 'подземная яма, тоннель'. Действительно, для с.-хорв. *tàvnik* 'подземная яма, тоннель' весьма вероятна связь с прилаг. **тьмьнъ*. Однако несколько иную природу имеют словен. и с.-хорв. *tavnik* 'корзина', исходной для них была форма *talьnikъ*, ср. рус. *тальни́к*, название кустарника ивы, вербы (Даль[2] IV, 389). Корзины плелись из прутьев вербы, ивы, ср. описание, которое получает корзина в СРНГ: *корзи́на* 'плетеный кузов повозки или саней', 'рыболовный снаряд – сплетенная из прутьев ловушка', *ершовые корзи́нки* 'большие плетеные из лучин корзины для хранения сушеных ершей' (СРНГ 14: 330, 331). Для производящей основы *тал* 'ива Salix arenaria' допускается заимствование из тюркских языков: ср. чагат., казах., кирг. *tal* 'ива, ивняк' (Фасмер IV, 13). Если наше объяснение верно, то ю.-слав. примеры расширяют географию слав. **talьnikъ*.

Едва ли есть необходимость в реконструкции для словен. *tičîn* 'о человеке, медлительном в работе' < **tyčinъ* особого слав. гл. **tykati : *tъkati* 'скитаться, бродить' (> чеш. *tkát' se* 'vagari'), связываемого чередованием гласных с гл. **tekt'i* 'ire, currere'. Такое объяснение находится в противоречии с тем типом чередований, который характеризует слав. **tekt'i* с вокализмом *e* в корне. В плане семантики вполне очевиден переход от значения 'тыкать' к широко распространенному значению 'беспорядочно тыкать' > 'беспорядочно, суетливо двигаться', 'наталкиваться на что-н.' и т.п., ср. рус. новг. *ты́каться* 'дремать, клевать носом, наклоняться при этом из стороны в сторону' (Яросл. словарь *С-тятя* 123).

Для словен. *tekníti*, *táknem* 'tangere', связанного чередованием корневого вокализма со слав. **tykati*, **tъkati*, **tъkt'i* (ср. с.-хорв. *tȁći*), отвергается возможность развития на базе и.-е. **teuk-* 'уда-

рять, толочь', как это принято в литературе. Истоки этих образований определяются в гнезде и.-е. **tek-* 'досягать' с развитием значения в перфектных формах 'иметь' > 'приносить пользу', что противоречит правилам морфонологических отношений, как и в других подобных случаях (ср. *točji*, *tičîn* и др.).

Предполагается, что словен. *točji* 'пестрый' (ср. *točja gos* 'fulica'), соотносимое с с.-хорв. *tȍkavica* 'Typhoides', болг. *мока́чка* 'птица с белыми точками на сером оперенье', производно от лексемы **točь* 'точка, крапинка', связанной чередованием гласных со слав. **tъčь* 'точка', рус. *точный*, далее к **tъkati*. С таким построением трудно согласиться. Если говорить о производящей лексеме, утраченной языком, то ее следует реконструировать в форме **tokъ*, а не **točь*. Кроме того, ступень *о* не входит в тот ряд чередований, который характеризует гл. **tъkati*, а именно *ou : й*.

Отсутствуют условия для объяснения с помощью ларингальных слав. **torъ* 'о том, что трет, дробит, пробивает и т.п.' (s.v. словен. *tȍr* 'трение') ~ греч. τορός (sic!) 'пробивающий или просверливающий насквозь' < и.-е. *$*torH_1$-ó-s* : *$*ter(H_1)$-e/o-* > слав. **terti* 'тереть'). Слав. **torъ* вместе с производными в словен. *torec* 'хлебный жучок', чак. *tȅrec*, *tȁrac* 'моль' и т.п.) сложилось на основе регулярных отношений в праславянскую эпоху, когда ларингальные уже не существовали.

Словен. *tráča* 'тряпка для вытирания' справедливо определяется как результат редукции корневого гласного в исходной форме **tirača* или **těrača*. Вызывает сомнение возможность реконструкции долгого корневого вокализма в форме **těrača*. Однако едва ли можно видеть в синонимичных лексемах *otiráča*, *oteráča*, *oteráč*, соотносимых с чак. *otirâča*, рус. *утирка*, производные с преф. *ǫ-* от слав. **ǫ-terti* (ср. ЭССЯ 30, 168–170, 168). Вполне закономерна реконструируемая в ЭССЯ (30, 181) для этих образований исходная форма с преф. **ob-*.

Словен. *trâčje* 'бобовая или фасолевая очищенная солома', 'мелкие ивовые прутья' сближается с с.-хорв. *trȁkalica* 'детская игрушка, сделанная из кукурузного початка', которое, как нам представляется, ошибочно связывается Скоком с звукоподражанием *trȁk* 'звук пушечного выстрела' (Skok III, 489) и т.п. Одна-

ко, если автор (М.Ф.) согласен с версией Скока, необходимо объяснить, в каком отношении находится звукоподражание и словен. *trâčje* с исходной основой **ter-* и далее польск. диал. *trać* 'тереть лен', лит. *patrakas* 'отбросы' и т.п. Представляется, что истоки словен. *trâčje* и с.-хорв. *tràkalica* и т.п. в гнезде слав. **torkъ*, ср. рус. диал. *торокá*, *торáка*, *торóк* 'ремешок; бахрома; лента, тесьма и т.п.' (Даль[2] IV, 420; Сл. Сред. Урала VI, 97, ср. ЭССЯ 30, 194).

Большие сомнения вызывает сближение словен. *tràb* 'ein Arm des Wagenwiesel' с рус. диал. *тарабáрка* 'перекладина в стенке арбы', 'подставка под котлом из трех палок' (Фасмер IV, 20: со ссылкой на словарь Миртова), истоки которого остаются неясными. Не исключено, что это слово, засвидетельствованное в среде донских казаков, является экспрессивным вариантом названия легкой крестьянской коляски – *таратáйка*, для которого допускается восточное происхождение (Фасмер IV, 23).

Прилаг. **trp*, **trpa* ж.р., вычленяемое в составе сложения *trpoglàv* 'тупоголовый', признается семантически близким польск. диал. *tarpaty* 'шероховатый, неровный' (Sł. gw. p. V, 389) и возводится к праслав. **trъpъ*, которое, как и лит. *trupùs* 'хрупкий, ломкий', определяется как производное от и.-е. атематического гл. **tréu̯p-ti* с исходной основой **treu̯p-* 'ломать, толочь, дробить'. Как полагает автор (М.Ф.), по образцу греч. прилаг. ἄκρος 'острый' → ἄκρις 'горная вершина' образовано сущ. **trupi-s* 'то, что надломлено' > прус. *trupis* 'колода, пень'. Словен. прилаг. **trp* соотносится с заимствованным из хорватского гл. *tŕpati* 'набивать, напихивать, напр. желудок' (Plet. II, 690: hs.). Вслед за Скоком (Skok III, 508) автор связывает чередованием корневого вокализма хорв. *tŕpati* со словен. гл. *trúpiti*. В формальном плане для ю.-слав. глагола возможна реконструкция **tъrp-* и **trъp-* с разным набором чередующихся основ – **torp-* : **tъrp-* и **trъp-* : **trupiti* 'дробить, крошить'. Однако если мы принимаем родство гл. *trpati* с польск. *tarpać*, то вопрос решается однозначно, поскольку отпадают условия для реконструкции исходной основы **trъp-*. А если это так, то вызывает сомнение возможность морфонологических отношений словен. **trp* <**trъp-* и приведенных в этой же статье в качестве родственных польск. диал. *tarpaty* 'шероховатый, шершавый', а также *tarpać* 'тормошить, теребить, рвать, дергать', *terpać* 'тормошить, теребить, дергать, трепать, встряхивать' (Warsz. VII, 29, 52) с исходной основой **tъrp-*.

Польские лексемы получают объяснение в рамках гнезда и.-е. *ter-p- / *torp- / *tъrp-* 'тереть; вращать' (Pokorny Ш, 1070–1071, 1073–1074). Тот же корень с другими расширителями в рус. *теребить* (< **ter-b*), *торгать* и т.п.[19]. К возможным продолжениям этой основы относят рус. диал. *торпище*, *торплё* 'мешковина, изготовляемая из самой грубой пряжи', производные от гл. **tъrpati* 'теребить, дергать, рвать', ср. *драть ~ дерюга*[20]. При знакомстве со славянским материалом оказывается, что круг продолжений этой основы в славянских диалектах значительно шире. В первую очередь мы имеем в виду уже приведенный выше гл. *tŕpati*, довольно широко представленный на территории сербохорватского языка. Скок со ссылкой на словарь Белостенца приводит выражение *trpati vu ladje* 'contrudare in naves' и отмечает распространение гл. *tȑpati (se)* и итератива на *va – -trpávati* с преф. *na-*, *po-*, *s-*, *za-* в Среме, Славонии, Боснии, Лике, Далмации (Skok III, 508). Особый интерес представляет семантика глагола: ср. хорв. *tȑpati* 'бросать одно на другое', *tȑpati se* 'набиваться, тесниться' (ср. *svijet se trpa u sobi*), сюда же *tȑpanac* : *tȑpanac u sobi* 'человек, который не может повернуться в комнате' (Iveković-Broz II, 595), *тр̏пати* 'набивать, напихивать, запихивать', 'сваливать, наваливать', *тр̏пати се* 'соваться, вмешиваться, ввязываться', 'набиваться, втискиваться' (Толстой[2] 956), диал. *тр̏пне* 'ставить или бросить некий груз на что-л.', 'что-л. навязать, связать обязательствами', *тр̏пне се* 'надавить всей тяжестью на что-л., кого-л.', 'свалиться на кого-л., стать обузой', 'начать преследовать кого-л.' и *отр̏па*, ср. *отрпајте га, па га на́ затрпајте*[21], *тр̏па* 'сваливать в кучу'[22], с преф. *за-* гл. *затр̀пати* 'завалить; зарыть; засыпать', 'засунуть, запрятать', *затр̀пати се* 'зарыться, закопаться; навалить на себя что-л.', перен. 'перегрузиться' (Толстой[2] 227), диал. *затр̀пати* 'покрыть поверхность, закопать и т.п.' (ср. *Свако зрно, да ваљано проклија. Треба да је 1–2 палца под земљом затрпано* (РСА VI, 490), *zatrpa*: *sjeme se zatrpa*[23]. В некоторых диалектных контекстах с.-хорв. гл. *затрпам* толкуется как синоним к гл. *затру́пам* 'закрыть, закопать' (ср. *Снег затрупа́ја они́ја су́ви др̏ва*), который, помимо этого, отмечен еще в значении 'закопать, похоронить'[24], ср. еще с расширением глагольной основы *trptati* 'calcare, тереть, уничтожать, топтать ногами' (Mažuranić II, 1469). Сам по себе факт синонимии еще не может означать, что семантически близкие глаголы с основами *труп-* и *трп-* генетически тождественны, поскольку сходные значения могут сформироваться разными путями, независимо друг

от друга. Если исходным для *труп-* можно признать значение ‘дробить, крошить’ > ‘кусок, часть чего-л.’ > ‘засыпать, закрывать чем-то мелким’ и т.д., то в основе семантики продолжений слав. **tъrp-* лежит образ резкого движения, движения броском в сторону, движение с последующим переосмыслением и формированием семантических изменений в направлении ‘делать резкие движения’ > ‘дергать, тормошить и т.п.’ > ‘толкать, пихать’ > ‘надвигать друг на друга, запихивать, запрятывать, надвигать’, ‘закрывать, заваливать’ > ‘наталкиваться, набивать(ся)’ и т.п.

С включением глагола в экспрессивно окрашенные контексты происходит размывание границ изначальной семантики, образования с основой **tъrp-* приобретают значения, в которых исходные мотивационные признаки стерты, перекрыты инновационными процессами.

Не исключено, что тот же корень содержат ст.-чеш. *trpočiti* ‘принуждать, заставлять; тянуть, тащить; дергать, рвать’, в словаре Махека определяемое как неясное образование (Machek[2] 653–654), чеш. стар. *trpočiti* ‘нести, двигать, толкать’, производные от основы, расширенной суф. *-okъ* (Kott IV, 206, 202). Большая вероятность того, что к этому же гнезду принадлежат рус. диал. *тóрпаться* ‘ходить, тяжело ступая’ (*В сапогах тяжело тóрпаться, а в тапках легко*), *тóрпиться* ‘собираться, скапливаться в одном месте; толпиться’ (*А вечером и говорю солдатам*: “*Не знаю, чего эти приезжие около тóрпятся*”), *торпонýть* ‘удариться обо что-н. при толчке’ (*И она там, в траве, так торпонýла, ударилась в берег, и как там брызнула вода*) (Словарь Карелии 6, 496), *втóрпаться* ‘упасть в грязь’ (новг., СРНГ 5, 232).

Именно русские диалектизмы помогают восстановить еще одно промежуточное звено в семантической эволюции глагола – ‘резкое действие’ > ‘то, что отброшено’. Возможно, полная ступень корневого вокализма в рус. волог. *оторапок* ‘небольшой участок земли’, ‘вспаханный участок земли’[25], первонач. ‘то, что отбито, отрезано’ > ‘обрывок’ > ‘кусок земли’, а также, возможно, топ. *Торопец*, *Торопиха*, первонач. *‘кусок земли’ (Vasmer IX, 144). Вполне возможно отражение той же основы с выпадением исходного элемента основы *-п* в рус. диал. *подтóрнуть* ‘засунув что-л. за пояс, подоткнуть юбку, платье за пояс’ (Новг. словарь 8, 59), *втóрнуть* ‘воткнуть, всунуть’ (Новг. словарь 1, 144), *затóрнуть* (*затóркнуть*) ‘заткнуть, запихнуть’, ‘закрыть, запереть’ (Новг. словарь 3, 79), хотя не исключено здесь упрощение группы *кн*. К возможным отражениям той же основы мы

относим рус. череп. *торпуши* 'вязаные рукавицы', определяемое Фасмером как неясное (Фасмер IV, 87), а также новг. *торпы́га* 'безалаберный человек' (Даль[3] IV, 809).

Что касается словен. *trpoglàv* = *topoglav* (Pleteršnik II, 690), то вполне возможна связь прилаг. **trp* с гл. *trpati* (ср. рус. *набитый дурак*). Однако с учетом возможности фонетической редукции допустимо видеть в словен. *trpoglàv* результат развития из **trapoglav* с первой частью *trap*, тождественной *trȁp* 'дурак, глупец', соотносимого с *trapáti* 'быть бестолковым, дураком' (Pleteršnik[2] II, 674). Словен. *tràp* 'дурак, глупец' (~ укр. *торопа* 'непроворный, неповоротливый человек'), возводится к **torpъ* < и.-е. **tor-po-s* < **(s)ter-* / **(s)tor-* 'застывать', сюда же лат. *torpeo*, рус. *терпнуть*[26].

Представляется вполне оправданным принятое в словаре традиционное объяснение (ср. Фасмер IV: 109; Machek[2] 654–655) словен. *trȗp* 'труп' (<**troupos*) как первонач. имени с корневым вокализмом *-o-*, сложившегося на базе и.-е. гл. **treup-ti* (~ лит. *trupė́ti* 'крошиться, дробиться'), с развитием значения 'разбивать' > 'часть', 'труп', 'то, что отрезано' > 'пень'. При этом остается весьма усложненным и не совсем убедительным объяснение словен. *trúplo* (~ хорв. *trȗplo* 'тело, cadaver', *trùplo* 'падаль') как образования на *-lo* от исходного и.-е. гл. **trḗup-ti* по модели **děti* ~ **dělo* с преобразованием в ст.-чеш. *trupel* 'куча, масса, часть, доля' (< **trḗup-lio-*) по образцу и.-е. **kᵘaHs-lo* (алб. *kollē* 'кашель') > **kᵘaHs-lio-* (праслав. **kā̋s-lь*). Вероятнее всего в данном случае (ср. еще цслав. прилаг. **троуплъ** 'утлый') мы имеем дело с субстантивацией прилагательного **trup-l-*, возникшего на славянской почве.

Неубедительна реконструкция разных этимологических истоков для *ùm* в значении 'intellectus, mens' (~ лит. *aumuõ* 'разум') и *um* 'злость, желчь', ср. *na umu biti* 'злиться', далее сюда же относится рус. *быть себе на уме* 'быть скрытным и хитрым', для последнего в качестве соответствия приводится лит. *aũmonis*, лтш. *aumanis* 'не в своем уме, безумный, неистовый, яростный'. Если в балтийских языках разграничение такого рода этимологически оправдано, поскольку лит. *aũmonis* восходит к сложению преф. *au-* 'fort, weg' с и.-е. корнем **men-* 'думать' (Fraenkel 26), то в славянских языках отсутствуют условия для такого разделения. Действительно, словен. *na umu biti* 'злиться' сродни русскому

выражению *себе на уме* 'скрытен и хитер, своего не упустит', в котором в определенном смысле содержится отрицательная характеристика человека. Этимологическое разграничение можно объяснить тем, что значение 'злость; злиться', свойственное всему выражению как единому целому *na umu biti*, перенесено на входящее в его состав имя *um*. Надо отметить, что и в словенском, и в русском языках *um* / *ум* легко включается в однотипно построенные сочетания, нередко передающие прямо противоположный смысл: ср. словен. *iz uma biti* и рус. *выйти из ума*, словен. *na umu držati* и рус. *держать в уме* т.п. (Pleteršnik[2] II, 713; Словарь Карелии 6, 607–610).

Для словен. *úšti* 'поле, которое граничит с полями другой деревни', топ. *Uštje*, *na Uštih* и т.п., сближаемым с с.-хорв. топ. *Uštica*, предлагается довольно сложное и неубедительное объяснение из **vъčьtь/ъ* 'то, что находится рядом, то, что принадлежит коллективу', которое далее соотносится с цслав. **въчисти** 'приписать, присчитать', слав. *čitati*. Представляется фонетически и морфологически более убедительной отвергаемая в словаре идея Эрьявца о связи с *ustje* 'уста' < **ustьje*, **usta*. В пользу такого объяснения семантика болгарских лексем – *ýстие* 'узкое и глубокое ущелье' (БТР), диал. *устá* 'отверстие между нитками в основе', предложное сочетание *на устá* 'между двумя облаками', ср. *слънциту засе̂де на уста*[26]. На форму ж.р. словен. *úšti* мн.ч. (от основы ж.р. **ustь*) указывают др.-русск. *устьна* 'губа, рот', а также соответствующее им прусск. *āustin* вин. ед. 'рот', 'морда' (Топоров. Прус. яз. *A–D,* 172). В древнерусских текстах в функции наречия выступает форма *усть*: *на усть* 'при истоке', ср. еще топ. *Усть-Двинск* и т.п., но эта форма может быть понята как вторичная, усеченная по отношению к *устье*[27].

Следует исключить рус. диал. *водевó* 'на, вот' < *вот где* из гнезда словен. *vaditi II* 'звать, манить' (~ лтш. *vedinât* 'приглашать; наводить на мысль', связываемое в литературе с гл. *vedinât* 'водить'), выводимого из и.-е. **u̯edh-* 'вести', с развитием значения 'манить' < 'говорить' (ср. др.-инд. *vádati* 'говорить' < и.-е. **H_2u̯ed-* 'говорить'.

В качестве возможной параллели к *vaditi III* в значении 'жарить' приводится цслав. **аште зѫбъ сводетъ**'зуб сводит' (XIII в.), с чем трудно согласиться, поскольку в данном выраже-

нии речь может идти о глаголе *sъvoditi (: *sъvesti) в значении ‘стягивать, сгибать’.

Для словен. *vaditi* ‘жарить’ признается наиболее вероятной принадлежность к гнезду слав. **vędnǫti* ‘вянуть’ (словен. прекмур. *vòditi* ‘коптить’) < и.-е. **(s)u̯endh-* ‘припекать, пылать; испаряться, вянуть, исчезать’ < **(s)u̯edh-* с назальным инфиксом. Весьма проблематично отражение той же и.-е. основы с корневым *o* в слав. **vonь* (ср. Фасмер I, 344). Одновременно для *vaditi* не исключается и возможность образования от неподтвержденного гл. **vesti*, *vedešь* со значением ‘жечь’, nomen actionis **voda* ‘водка’ (ср. польск. диал. *woda* и *wódka* ‘водка’, рус. *водка*, чеш. *vodka*). Отметим, что рус. *водка*, производное от *вода*, заимствовано из польского.

Если обратиться к контекстам (ср. *privadítə mǫqo za žhánče*), в которых отмечен гл. *vaditi* ‘жарить’, то нетрудно заметить, что речь идет о таком способе приготовления на огне, который передается рус. гл. *припустить* ‘варить в малом количестве воды’, ср. *припустить мясо* и т.п. В таком случае словен. *vaditi* имеет в качестве производящей базы гл. *voditi* с наложением удлинения на корневой вокализм.

При разграничении гл. *véhati I* ‘слабо дуть, о ветре’ и *véhati II* ‘шатать, колебать, качать’ следует иметь в виду, что эти этимологически тождественные глаголы, производные от **vě(ja)ti*, семантически разошлись в отдельных диалектах на *славянской* почве.

Совен. *véhniti* ‘сушить, вянуть’ и ‘слабеть’ вместе с хорв. *vȅhnuti* ‘сушить, вянуть’, болг. *вéхна* с тем же значением, макед. *венда* ‘бездельничать’, рус. диал. (яросл.) *вя́хиль* ‘о человеке или животном крупном, но неповоротливом и нескладном’ (СРНГ 6: 80–81) относятся к продолжениям и.-е. **u̯end-s-* ‘вянуть’. На наш взгляд, в ряду соотносимых лексем следует особо выделить макед. диал. *венда* (ср. еще в Банско, Разложко *вéнда* ‘глупая женщина’, *вéнде* ‘глупый мужчина’ – БЕР 1, 133) с носовым в корне, которое, можно думать, является прямым отражением корня с носовым элементом. В. Георгиев полагал, что *-х-* в корне восходит не к показателю интенсива *-s*, появление его обязано влиянию **sъxnǫti* (БЕР 1, 139). Остается неясным рус. *вя́хиль* с вариантами *вя́хирь* ‘веревочная сетка для сена’, *вя́херь* ‘холщевый мешок’, *вя́харь*, *вя́хол* ‘сетчатый мешок’, *вя́ха* ‘медлительный человек’ и т.п. (СРНГ 6, 80–81). Были попытки соотнести эти слова с *вя́ха* ‘ветвь’, с таким значением не отмеченное в СРНГ (Фасмер I, 377

со ссылкой на Горяева). В словаре Миклошича (Miklosich 380) *вя́хирь* сближается с *вялый* (см. Фасмер I, 377). Заметим, что в следующей по алфавиту статье (s.v. *véhter*) рус. диал. *вя́хиль*, *вя́хирь* даются с реконструкцией и.-е. **u̯eng(h)-* (ср. лтш. *vanga* 'ручка, плетеная сеть'). Предлагаемые автором объяснения представляются не вполне убедительными. Вполне возможно, что в случае рус. *вя́хиль* мы имеем дело с заимствованием хозяйственных терминов из соседних языков, а отмеченное для тех же слов значение 'неловкий, неуклюжий, неповоротливый' – результат метафорического переосмысления основного значения 'кошель, мешок', ср. рус. диал. *мешо́к* 'торба', 'об обжоре', мн. 'прозвище крестьян-землепашцев' (СРНГ 18, 150). Требует дополнительных пояснений данная в этой статье отсылка к *véhati* 'качать, колебать, шатать' (ср. *vehljáti* 'шататься от слабости', *véhljav* 'слабый, пустой' и т.п.) < **vě-cha-ti*, к **vě(ja)ti*.

Словен. *véhter* 'устройство, на котором сушат сыр' скорее всего связано с гл. *véhtiti* 'махать, развеваться', производным от **věxъtъ*, ср. рус. диал. (свердл.) *вяхта* 'ветвь хвойного дерева, лапа' (СРНГ 6: 81).

Раздельная трактовка *vêk* 'век' и *vêk* 'сила' неизбежно приводит к повторам материала, хотя нельзя не признать, что выделение в отдельную статью *vêk* 'сила' и определение круга славянских образований, мотивированных исходной семантикой 'сила, мощь', дает возможность более четко выделить семантические архаизмы в славянском материале.

Гл. *-véliti* 'сечь', известный в приставочной форме *ovéliti* в значении 'рубить деревья', а также 'вянуть', вместе с *velna*: *sejati na velno* 'первый раз сеять на месте раскорчеванного леса' производится от прич. на *-l* – **vędlъ* гл. **vędnǫti*. Представляется, что такое объяснение справедливо только для гл. *ovéliti* в значении 'вянуть'. Что же касается *velna*, гл. *ovéliti* в значении 'рубить деревья', то, как верно отмечено в словаре (М.Ф.), эти слова принадлежат к терминам подсечного земледелия. Образования, близкие по семантике и структуре, отмечены в балтийских языках: ср. лит. *velė̃na* 'дерн, дернина, вырезанный кусок земли', лтш. *vęlęna* 'дерн', истоки которых в гнезде и.-е. **u̯el-* 'драть, ломать'. Этот термин, утраченный славянскими языками, сохранился в топонимических названиях: ср. чеш. *Veleň*, польск. *Wieleń* и т.п.[28].

Включенные в статью на *véšča* (М.С.) семантически близкие рус. *вещун*, чак. *višćũn* толкуются как продолжения прич. страд. пр. вр. **vĕst'enъ*. Необходимо уточнить: в составе рус. *вещун* и т.п. содержится суф. *-unъ* (см. Sławski. Zarys I, 134).

Едва ли целесообразно разделять *véti* 'слабо дуть, о ветре' и *véti* 'чистить зерно путем провеивания' и рассматривать их как омонимы. В том и другом случае речь идет об одном и том же глаголе. Движение воздуха, небольшой ветерок служат средством очистки зерна, освобождения его от шелухи. Ср. *vêlnica* 'орудие для провеивания зерна'.

Словен. *veznéti* 'горчить, горкнуть', синонимами для которого являются *greni*, *srovi* < *si/surovi* (Pleteršnik[2] II, 758 со ссылкой на Cigale), производное от прилаг. *vézen* 'связанный', позволяет говорить о развитии у прилагательного значения 'терпкий, вяжущий'. Возможность развития этого значения на базе глагольной семантики 'вязать' подтверждается рус. прич. *вяжущий вкус*.

В словаре этимологически разделены *-víkniti se* (ср. *na-víkniti*, *pri-víkniti* 'привыкнуть'), выводимое из праслав. **vyknǫti* (М.С.), и *-víkniti* (в сложении *obíkniti*, ср. *bolečina obikne* 'боль прошла' ~ макед. *викне* 'начать'), для которого признаются невыясненными дальнейшие связи (М.Ф.). Между тем *obíkniti* и приведенное в той же статье с другим префиксом диал. (прекмур.) *odbìknoti* 'перестать сидеть (о наседке)' образованы от одного и того же гл. *vikniti* (< **vyknǫti*) с преф. *o(b)-* и *ot-*. Значение 'перестать, утихнуть' явилось результатом переосмысления основного значения 'привыкнуть, приноровиться, свыкнуться' (ср. рус. диал. *обы́клый* 'привыкший, освоившийся' и 'обходительный', 'ручной (о животном, птице)', *обы́чайный* и *обыча́йный* 'смирный, кроткий; покладистый', *обы́чный* 'легко и быстро ко всему привыкающий', 'смирный, послушный' – СРНГ 22, 287, 289, 290) > 'перестать воспринимать боль', а с преф. *от-* 'отвыкнуть'.

В словнике найдем отсутствующие у Плетершника словен. диал. *vilákan* 'очень голодный', *vilákanek* 'голодный' (к прич. от гл. *lákati* 'быть голодным') как примеры архаичных образований с преф. **vy-*, нетипичном для южных славян. Полное собрание образований с этим префиксом в словенском можно найти в работе Ленчека[29].

По мнению автора (М.С.), по данным акцентных отношений словен. *vítek* 'гибкий' ~ хорв. *vȉtak*, русск. *витый*, *витой* и т.п. не могут быть прямо образованы от прич. **vitъ* (< **u̯iH-tó-*), речь может идти о производном с суф. **-u-ko-* (по типу **gladъkъ*, **gybъkъ* – не *gibъkъ* !) от интенсива **vititi*, который сохранился в хорв. *vititi se* 'сгибаться'. И с этим едва ли можно согласиться, поскольку акцентные отношения, как и семантика, были подвержены изменениям.

Объясняя *vlačúga* 'бродяга, блудница' как производное от гл. *vlačiti se*, автор (М.С.) попутно отмечает, что остается неясным, относятся ли к этому гнезду словен. и хорв. топ. *Slak*, *Oblak*. В III томе словаря топ. *Slak* (s.v. *slâk*) включается в число продолжений слав. *sъvolkъ* (М.Ф.). Для топ. *Oblak* вероятна производность от прилаг. *óbel* 'округлый, овальный' < **obvьlъ(jь)*, связанного чередованием корневого вокализма с **valiti* (ЭССЯ 31, 124–125).

Как полагает М.Ф., изолированное словен. *volíti se* в значении 'случаться (о корове)' может рассматриваться как каузатив от праслав. **voliti* 'желать'. Со ссылкой на употребляемый в том же значении славянский гл. **goniti* (< и.-е. ***g^{u}*hen-*) 'толочь; гнать и т.п.' допускается возможность развития из и.-е. ***H_2*u̯el*H_2*-* 'толочь' (> хетт. *u̯alh-* 'толочь', *hulla/e-* 'бороться', слав. **vьlna* 'шерсть'). С таким выводом трудно согласиться. Словен. *volíti se* в значении 'случаться (о корове)' можно сравнить с рус. диал. *воля́* 'свобода в поведении; распущенность' (енис., сев.-двин.), *во́литься* 'хотеться, желаться' (влад.) (СРНГ 5, 88), ср. еще лат. *libīdō* '(страстное) желание' ~ рус. *любить*. Лексика этого семантического поля имеет разную мотивацию: ср. рус. диал. *лома́ться* 'быть в состоянии течки (о корове)' (тамб., твер., ворон., куйбыш.) (СРНГ 17, 118), *бе́гаться* 'о животных: находиться в периоде течки' (калуж., иркут.) (СРНГ 2, 170) ~ лит. *bė́gti(s)*, нем. *läufisch sein* с тем же значением[31].

Словен. топ. *Vopolje*, засвидетельствованный еще в XIII в. в форме *Wo*^{e}*pulach*, *Woppolach*, удостоверяет существование на территории южных славян продолжений праслав. **obpolьje* не только в районе Призрена (ср. *Opoļe* – RJA IX, 81), тем самым расширяется география слав. **obpolьje*, известного в основном западным и восточным славянам (см. ЭССЯ 28, 255).

Vráziti 'скрипеть, скрежетать', 'плакать, реветь (о ребенке)' (< **vorziti*) (М.С.), ср. у Плетершника *nemazano kolo vrazi*, *otrok vrazi* и т.п. (Pleteršnik II, 784–785). Это едва ли не единственный пример сохранения корневого вокализма в ступени *o* при чеш. *vrzati* 'скрипеть', *vrznouti*, слвац. *vrznut'* 'скрипнуть', *vŕzgat'* 'скрипеть' (< **vьrzati*), рус. *верезга* 'крикун', соотносимыми с лит. *veȓkti* 'плакать', слав. **verščati* 'верещать'. Собственно эта же лексическая группа, дополненная укр. *верезати* 'скрипеть' (Гринченко I: 134), но без приведенного выше гл. *vráziti*, рассматривается в отдельной статье на *vŕzati* 'скрипеть, хрустеть' (<**vьrzati*) (М.Ф.) и на корневом уровне сближается со словен. *vŕčati*, *vrečáti*, *vŕkati* и *vréti* 'кричать, шуметь' (см. ниже) и далее возводится к и.-е. основе со значением 'говорить', восстанавливаемой в форме **u̯er-* и **u̯erH-* (см. *vréčati*, *vréščati*) в той и другой статье. Из приведенного ряда глаголов, трактуемых как экспрессивные образования, следует исключить укр. *верзти* 'плести чепуху' (ср. еще рус. диал. *вéрзить* 'нести чушь, лгать', *верзти́* 'говорить глупости'), поскольку последнее связано со слав. **vьrzti* 'плести', ср. рус. *плести* в значении 'обманывать', польск. *pleść* 'молоть чепуху' (Фасмер I, 299). Приведенный в двух статьях материал с учетом словен. *vráziti* позволяет развить гипотезу об исходном и.-е. **u̯er-* 'говорить' и высказать предположение, что на славянской почве этот корень с разными ступенями огласовки получил экспрессивно окрашенные расширители *z- /zg- /sk-*.

Словен. *vréti* в значении 'кричать, шуметь' рассматривается как омоним по отношению к *vréti* 'кипеть', 'бить об источнике (из земли)', 'stromen, бурлить, о толпе' (Pleteršnik[2] II, 788) и сопоставляется с польск. диал. *wrzeć na kogo* 'ругать, бранить кого-л.'. Предполагается, что нейтральное значение глагольной основы сохраняется в словен. *opovréti* 'erwidern, entgegen', которое, как и словен. диал. *vrniti* 'заговорить с кем-л.' (ср. *vrniti vedomca* 'заговорить с идущим вампиром и таким образом разбудить его'), вслед за Безлаем, выводится из и.-е. **u̯er-* 'говорить', ср. хетт. *u̯eriia-* 'звать, называть' и т.д. Едва ли оправдано в диахроническом плане разграничение *vréti* в значении 'кричать, шуметь' и 'кипеть'. Семантика с экспрессивным оттенком 'кричать, шуметь' мотивирована значением 'кипеть, бурлить'. Ср. рус. *кипеть* 'бурлить, кипеть', 'шуметь, находиться в возбужденном состоянии'. В парадигму глаголов типа **vьrěti* (ср. **pьrěti*,) не входят образования на *-nǫti*. К этому гнезду, видимо, не имеет

отношения гл. *vrniti* в выражении *vrniti vedomca*, здесь глагол выступает в своем основном значении ‘вернуть вампира из сна, пробудить’ и продолжает слав. **vьrtnǫti*.

Zamárati ‘замарать, запятнать’ относится к числу неясных образований. Для него допускается развитие из гл. **zamažati*, который, по мысли М.С., может быть определен как нерегулярная форма итератива от *zamázati*. Представляется более убедительным истолкование, данное Ф. Безлаем во II томе словаря. Этот глагол, функционирующий в словенском языке только в префиксной форме, стоит в одном ряду с рус. *мара́ть*, укр. *мара́ти*, польск. *marać* и т.п. < и.-е.**mer-*, **mor-* ‘чернить; темное пятно’ (Bezlaj II, 167; ЭССЯ 17, 208–209).

Словен. **vrtelka*, отмеченное только в XVIII в. в форме *vertelka* в значении ‘воронка, через которую бросают игральные кости, fritillus’, определяется как одно из производных в гнезде гл. *vrtéti*. Это производное не относится к числу изолированных образований, ср. рус. диал. *вертёлка* ‘вертушка: о женщине, девушке’, ‘бойкая и быстрая в движениях женщина или девушка’ (пск. СРНГ 4, 150), с.-хорв. *вр̏тēљка* ‘вертушка’ (РСА III, 82), чеш. *vrtělka* ‘волчок, юла’ (Kott IV, 838) и т.д.

На наш взгляд, в статью, посвященную словен. *zadrêga* ‘difficultas’, производному от гл. *zadręgnǫti*, ошибочно включено рус. диал. *раздряни́ть* ‘разбросать, разметать’ (Даль[2] II. 28). Русский диалектизм представляет собой образование, производное от *дрянь* < **dьranь* ‘то, что отодрано; мусор; ненужное’ > ‘разбросать’ (ЭССЯ 5, 217).

Прилаг. *zapâšen* ‘переполненный, набитый желудок (о животных)’, отсутствующее в словаре Плетершника, толкуется как прич. прош. вр. от гл. *zapasiti (sę)* ‘наесться’, производного от **pasti*. Представляется более вероятной соотнесенность с гл. *pehati = pahati* ‘пихать’ < **pьxati*. В значении ‘набить желудок’ отмечен тот же глагол в форме *zapəhníti*, ср. *zapəhníti si želodec* (Pleteršnik[2] II, 851).

Едва ли есть необходимость в реконструкции для диал. (прекмур.) *zapèriti se* ‘зародиться, размножиться (о нечисти)’ (Novak) особой производящей основы **pèrъ*, идентичной лит. *pẽras* ‘ли-

чинка насекомого', рассматриваемого в гнезде гл. *perḗti* 'высиживать яйца' (Fraenkel 573). В данном случае, вероятно, речь идет об образовании глагола от *pero*, ср. рус. диал. *заперúться* 'начать покрываться перьями, оперяться' (СРНГ 10: 312).

Zápor 'кипяток для запаривания кадки', отнесенное к гнезду слав. **pьrěti*, **pariti*, возможно, представляет слабо засвидетельствованную в славянских языках основу с корневым вокализмом *-o-*. Другие образования, приведенные в это словарной статье, имеют другую природу. Словен. *zapârica* 'болезнь копыт у животных', в.-луж. *para*: *mi je para zanochće zalězla* напрямую связаны с гл. *pariti*. Вероятно, к этому гнезду не относится рус. новг. *зáпор* 'болезненное состояние рук или ног, сильно остуженных или во время отогревания' (СРНГ 10, 344), т.е. 'состояние, связанное с онемением, оцепенением и т.п.'. Скорее всего это производное от гл. *запереть* < **zaperti*, ср. семантически близкое рус. сарат. *заперúть* 'заложить; покрыть чем-л.' (ср. *Дыхать трудно – горло заперёно, все распухло*) (СРНГ 10, 311). С тем же праслав. гл. **-perti* соотносится польск. диал. *opór* 'заусенец' в ЭССЯ (28, 263).

Zatŕčiti 'заткнуть, закупорить', *zátrč* 'затычка, пробка', как и гл. *zatŕkniti* 'заткнуть пробкой', производятся от *zatŕditi*, отмеченного в том же значении. В этом сближении остаются непонятными фонетические процессы, которые привели к преобразованию исходной именной основы *trd* > *trč*. По всем признакам словенские образования связаны с гл. **tъrkati*. Того же происхождения рус. твер., пск. *затóрка* 'пробка, затычка' ~ *затóркать* 'засунуть, затолкнуть' (СРНГ 11, 102). Приведенные в этой статье наряду с *zátrč* другие названия пробки, затычки, а именно *zatȉč*, *zatȉk* (~ *tíkati* 'figere'), *zamâšek* (~ *mašiti*), свидетельствуют лишь о действии разных мотивационных моделей в процессе номинации одной и той же или близкой реалии.

Zavàditi 'задеть' и семантически близкие чеш. *zavadit o něco* 'задеть', словац. *zavadit'* 'случайно кого-л., что-л. задеть', в.-луж. *zawadźić* 'задеть за что.-л.', 'слегка коснуться чего-л.' толкуются как итеративы с долгим вокализмом в корне – **u̯ōdhei̯e-* < **u̯edh-* 'толкать, бить, толочь', а соответствующая форма с назальным элементом в корне **u̯e-n-dh-* предполагается для рус. диал. *вуднýть* 'уколоть, кольнуть', 'украсть' (СРНГ 5, 238), с чем трудно согласиться, поскольку русский диалектизм, отмеченный

только в смоленских говорах, близок блр. *ву́да* 'удочка', т.е. рус. диал. *вудну́ть*, первонач. 'закинуть удочку' > 'зацепить' > 'поймать' > 'украсть'.

В круг образований с тем же корнем, что и словен. *zdénec* 'fons' (< **stъd-*), включаются только хорв. *zdȅn* 'холодный', *zdānȅc* 'колодец' (Bednja). Этот материал может быть дополнен примерами из штокавского диалекта. По данным В. Борыся, *zdȅn* 'холодный' известно штокавскому славонскому говору, а топ. *Zdena* засвидетельствован в кайкавской части Боснии[32].

Обнаруженное в словенских диалектах прилаг. *ziden* 'глиняный' (ср. *ziden vrč*), отмеченное Плетершником только в "строительном" значении, интересно тем, что вместе с польск., кашуб. *zdun* 'гончар', др.-русск. *зьдарь* в том же значении (СДРЯ III, 431) расширяет состав гнезда слав. **zьdati*, **zidati* 'строить, возводить стены; дом из глины, камня'[33].

Для *zoliti* 'кричать, шуметь', соотнесенного с рус. диал. *назо́ла* 'тоска, печаль', 'гнев, досада', *назо́лить* 'досаждать, огорчать' и т.п., принимается традиционное сближение с лит. *zalà* 'вред', др.-норв. *galli* 'вред, ошибка' и т.д. < и.-е. **ghal-* (Pokorny I, 411; Fraenkel 1286; Фасмер III, 39). Данные диалектов (ср. рус. диал. *назо́л* 'зола, пепел, особенно от травы, соломы; щелок, подзол') говорят в пользу сближения с **zola* (~ **zelьje*), собственно славянском образовании, производном от гл. **nazoliti*, первонач. 'посыпать золой, пеплом' (подробнее см. ЭСБМ 7, 207; ЭССЯ 24, 74–76). В рамках этого гнезда получает истолкование словен. *zolika* 'просека, прогалина в лесу' как производное от гл. **zoliti*, каузатива к **zelti* 'блестеть, сиять; зеленеть'.

Воспринимаемые как омонимы словен. *žîr* I 'лесной корм', 'желудь' (М.С.) и *žîr* II 'фрукты' (М.Ф.) рассматриваются по отдельности. В данном случае следует иметь в виду, что речь идет о диалектных различиях в семантическом развитии славянского имени с суф. *-r*, производного от основы гл. **žiti*. Судя по приведенным материалам, *žîr* II 'фрукты' представлено в юго-западных словенских диалектах. Материалы двух статей взаимно дополняют друг друга, поэтому было бы целесообразно объединить их в одну статью. Тогда в более широком контексте предстали бы пути преобразования семантики слав. **žirъ*.

Анализируя материал четвертого тома словаря, очень большого по объему, мы остановились лишь на тех словарных статьях, которые дают наглядное представление об особенностях словенской этимологической школы, занимающей отдельное место в славянской этимологии. Словарь, богатый идеями и материалом, несомненно, будет способствовать дальнейшему углубленному изучению словенской лексики в контексте этимологических связей.

Примечания

[1] *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Četrta knjiga Š–Ž. Avtorji gesel F. Bezlaj, M. Snoj in M. Furlan. Uredila M. Snoj in M. Furlan. Ljubljana, 2005.

[2] *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Peta knjiga. Kazala. Izdelala M. Snoj in S. Klemenčič. Ljubljana, 2007.

[3] *Куркина Л.В.* Рец.: F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga *A–J* // Этимология 1977. М., 1979; *Она же.* Рец.: F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. II: *K–O* // Этимология 1983. М., 1985; *Она же.* Рец.: F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. III: *P–S.* Ljubljana, 1995 // Этимология 1994–1996. М., 1997; *Она же.* Рец.: F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. III: *P–S.* Ljubljana, 1995 // ВЯ № 4, 1996; *Она же.* Рец.: F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. IV: *Š–Ž.* Ljubljana, 2005 // ВЯ № 6, 2006.

[4] *Трубачев О.Н.* О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // О.Н. Трубачев. Труды по этимологии. Слово • История • Культура. I. М., 2004, 451.

[5] *Варбот Ж.Ж.* Чешские и словацкие этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974, 227.

[6] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981, 331–333.

[7] *Белетић М.* ИС^{КО}ВРНУТИ ГЛАГОЛИ. Типови експресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу). Институт за српски језик САНУ. Монографије 2. Београд, 2006, 277 и след.

[8] *Трубачев О.Н.* Из работы над ЭССЯ 26 // О.Н. Трубачев. Труды по этимологии..., 574.

[9] Известны попытки связать названия мелкого песка (словен. *svíž*) с глаголом, обозначающим способ перемещения песчаных отложений. В качестве возможных отражений этого глагола называются словен. *švígati* ‘быстро двигаться, мелькать’, рус. *свигать* ‘гулять, шататься’ и т.п. (< **svei-g-*), на уровне морфонологических отношений для них допускается родство со слав. **svěžь* (< **svoi-g-*). См. *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. V. // ОЛА 1974. М., 1976, 125–131.

[10] *Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 83–84.

[11] *Трубачев О.Н.* ‘Молчать’ и ‘таять’. О необходимости семасиологического словаря нового типа // О.Н. Трубачев. Труды по этимологии.., 313–315.

[12] *Bernard R.* Étude de quelques mots du dialecte de Razlog d’après le t. XLVIII du Сб. За народни умотворения и народопис // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски, 369.

13 _Королева Е.Е._ Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский р-н Псковской области). Ч. 1, 2. Даугавпилс, 2000, 98.

14 _Ђоковић Љ._ Говорни Драгуљи Никшићког краја. Речник мање познатих ријечи и други прилози. Београд, 2005, 206, 72.

15 _Boryś W._ Na tropach słowiańskich reliktów leksykalnych // RS. T. XLII, cz. 1, 1981, 27–29.

16 _Шахматов А.А._ К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговыми // Изв. ОРЯС. Т. VII, кн. 2. СПб., 1902, 359.

17 _Zubatý J._ Slavische Etymologien // AfslPh 16, 1895, 415; _Меркулова В.А._ И.-е. _*ten-_ ‘тянуть, натягивать’, ‘плести’ в славянских языках // Этимология 1975. М., 1977, 52–63.

18 _Рачева М._ К продолжениям праславянской основы _*ton-_ < _*topn-_ и _*ton-_ / _*ten-_ / _*tin-_ в болгарском языке // Этимология 2003–2005. М., 2006, 188.

19 _Меркулова В.А._ Торпище // Этимология 1966. М., 1968, 100–102.

20 Там же.

21 _Динић Ј._ Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008, 824, 545.

22 _Јовановић В._ Речник села Каменице код Ниша // СДзб LI. Београд, 2004, 646/344.

23 _Jovićević A._ Narodno gospodarstvo u Crnoj Gori (Riječka nahija) // Zbornik za narodni život i običaji južnih slavena. Knj. XXIII. Zagreb, 1918, 151: Riječka nahija.

24 _Жугић Р._ Речник говора Јабланичког краја // СДзб LII. Београд, 2005, 112.

25 _Смирнова О.С._ К вопросу о мотивации некоторых полеводческих терминов // Русская диалектная этимология. Третье научное совещание 21–23 октября 1999 г. Тезисы докладов и совещаний. Екатеринбург, 1999, 000.

26 Допускается преобразование и.-е. _*ter-p-_ ‘тереть’ в направлении ‘таять’, ‘цепенеть’ (ср. _*tьrpěti_, _*tьrpnǫti_). См.: _Аникин А.Е._ Некоторые теоретические аспекты этимологизации омонимов в связи с реконструкцией праславянского лексического фонда // Этимология 1984. М., 1986, 32_{12}.

27 _Стойков Ст._ Лексиката на банатския говор. С., 1968, 252.

28 Подробнее см.: _Куркина Л.В._ Заметки по словенской этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М., 1978, 286–287.

29 _Куркина Л.В._ Славянские термины подсечного земледелия на индоевропейском фоне // Балто-славянские исследования 1998–1999. XIV. Сборник научных трудов. М., 2000, 17–20.

30 _Lenček R.L._ Na sledi tvorjenk s predpono _vi-_ v slovenskih narečjih // SR 40 / 1992, št. 1, s. 61–77.

31 _Аникин А.Е._ Русский этимологический словарь. Вып. 3 (s.v. _бегаться_).

32 _Boryś W._ Prilozi proučavanju ostataka arhaičnog slavenskog (praslavenskog) leksika u kajkavštini // HDZb, knj. 6. Zagreb, 71–72.

33 _Трубачев О.Н._ Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 209.

А.Е. Маньков

К ЭТИМОЛОГИИ ПРАСЛАВ. **BORVЪ* И ПРАГЕРМ. **BARUGAZ**[*]

Рассмотрим вначале основные славянские и германские соответствия.

Славянские формы (см. также Sadnik-Aitzetmüller Vgl. Wb. 413; ESJS 7778, ЭССЯ 2, 214):

Ст.-слав. *bravъ* m. ‘мелкий домашний скот’ (SJS I, 139).

Болг. *брав* m.; диал. *бра̀ва* f. ‘голова мелкого домашнего скота, особенно овца, баран’[1].

Макед. *брав* m. ‘баран’; *бравски* ‘бараний’, *бравско (месо)* ‘баранина’[2].

С.-хорв. *бра̑в* ‘голова мелкого домашнего скота: баран, овца, ягненок, козел, коза, козленок, боров’; *бра́вак* m. ‘боров’ (RJA I, 610; PCA II, 88; Skok I, 202).

Чакав. *bravȉć* m. ‘молодой кастрированный баран’ (Hraste-Šimunović I, 73).

Словен. *brȃv* m. ‘овца; баран; свинья’; *brȃv* f. (собират.) ‘овцы’; *brávče* n. ‘голова мелкого домашнего скота; овца’; *bravè* n. ‘голова скота’; *brávec* m. ‘баран; боров’; *bravíca* f. ‘свинья-самка’; *bravìč* m. ‘поросёнок’ (Pleteršnik I, 52; Bezlaj I, 39).

Словак. *brav* m.; *bravčo* m., *bravko* m., *bravec* m. ‘боров’ (SSJ I, 127).

Ст.-чеш. *brav* m.; *bravě* n. ‘скот’ (Gebauer I, 98).

Чеш. *brav* m. ‘мелкий домашний скот (овцы, козы, свиньи)’; *brávek* m. ‘поросёнок’ (PSJČ I, 188).

Др.-рус. *боровъ/боревъ*, также *бравъ* ‘боров, баран, мелкий домашний скот, овцы и козы’ (СлРЯ XI–XVII вв. I, 294).

Рус. *бо́ров* (Даль[2] I, 282); в диалектах также ‘кастрированный бык’ (СРНГ, III 103), ‘самец свиньи; дикий кабан’ (Псков. словарь II, 116).

Блр. *бо́раў* (ЭСБМ I, 371). Слово необычно в украинском, где используется *кабан*.

Германские формы (см. также Etym. Wb. Ahd. I, 493; обзор использования слова в текстах дан в статье К. Болл и П. Стайлза[3]):

---

[*] Работа финансирована Шведским институтом (Svenska institutet, Stockholm). Выражаю благодарность В.А. Дыбо, взявшему на себя труд прочитать предварительный вариант статьи и внести ряд уточнений.

Др.-исл. *bǫrgr* m. (поэт.) ‘вепрь’ (засвидетельствовано один раз в nom. sg. *bǫrgr*, два раза в acc. sg. *bǫrg*)[4]. Новоисл. *börgur* m. (только поэт.) ‘вепрь’[5] (в обычном стиле заменено на *göltur*).

Др.-в.-нем. *barug* m. ‘кастрированный самец свиньи; поросёнок’[6]. В западногерманских языках эта форма противопоставлена основе **baira-* (др.-в.-нем. *bêr*, др.-англ. *bār*, англ. *boar* ‘самец-производитель свиньи’).

Ср.-н.-нем. *borch* ‘боров’ (с нулевой ступенью)[7].

Ср.-в.-нем. *barc, -ges*, также *barg* и *barch* ‘боров’[8].

Ранний ново-в.-нем. *barg/barch* m. ‘боров’[9].

Нем. *Barch/Barg* m. (pl. *Bärche*) (устар.) ‘боров’; *Borch/Borg* m. (pl. *Börge*) (устар.) ‘свинья’[10].

Др.-сакс. *barug* m. *a*-основа ‘боров’ с эпентетическим *-u-* (согласно Хольтхаузену[11]; ср. однако др.-англ. *bearug* ниже, где *u*, скорее всего, представляет собой исконный суффиксальный гласный).

Ср.-нидерл. *barch/barech* ‘поросёнок; боров’; с нулевой ступенью: *borch/berch*[12].

Нидерл. *barg*, диал. *borg/burg/bark/bork/berg* ‘боров’ (с *e* < *a*)[13].

Фриз. *baarch, de, bargen* ‘свинья’, *barchje* ‘поросёнок’[14].

Др.-англ. *bearug/bearg/berg* m. *a*-основа ‘боров’[15].

Ср.-англ. *barow* (*bareg/bareh*), gen. sg. *berwes/barewes/barowes/berches*, pl. *barwes/barowes* ‘боров’[16].

Англ. *barrow* (устар. или диал.) ‘боров; свинья’[17], ‘самец свиньи, кастрированный до достижения половой зрелости’[18], ‘боров’[19].

В качестве прагерманской формы обычно реконструируется **barugaz*[20]; альтернативными праформами являются **barguz* и **bargwaz*[21]. Разногласия в реконструкции германской праформы обусловлены различной интерпретацией др.-англ. *ea* в *bearug/bearg*: в случае, если мы реконструируем **barugaz*, др.-англ. *ea* представляет собой результат велярного умлаута (т.е. *bearug* является старой двусложной формой)[22], в случае **barguz* дифтонг *ea* является результатом преломления, а *u* – эпентетический гласный[23]. Праформа **barguz* (< **bhórgh-u-* < **bhr̥gh-é/óu-*) поддержана К. Болл и П. Стайлзом, которые считают *ea* результатом преломления[24]. Праформа **barugaz* признается ими неприемлемой, т.к., в частности, в древнеисландском **barugaz* должно было бы дать **bǫrugr*, а не *bǫrgr*. В доказательство приводятся прилагательные на *-ug-* (типа *stǫðugr* ‘устойчивый’, *gǫfugr* ‘знатный’). Действительно, по законам синкопы в древнеисландском, пред-

последний слог должен сохраняться, если синкопируется последний, и наоборот, если последний слог сохранён, синкопируется предпоследний[25]. Поэтому, если исходить из праформы **barugaz*, фонетически закономерной парадигмой в древнеисландском была бы nom. sg. **bǫrugr*, gen. **bǫrugs*, dat. *bǫrgi*, acc. **bǫrug*, nom., acc. pl. *bǫrgar*, gen. *bǫrga*, dat. *bǫrgum*. Тем не менее, чередование синкопированных и несинкопированных слогов часто устраняется, обычно в пользу синкопированных: ср. *danskr* 'датский' вместо закономерного **deniskr* под влиянием синкопированных форм типа *danskir*; *beztr* 'лучший' и *baztr* вместо **betistr*; *megn* и *magn* 'мощь' наряду с *megen*[26]. Им. п. **bǫrugr* мог быть заменён на *bǫrgr* по аналогии с синкопированными формами. В этом случае древнеисландская форма не противоречит интерпретации др.-англ. *bearug* как старой двусложной формы с велярным умлаутом и сохранением суффиксального *u*. Для прагерманского, таким образом, мы восстанавливаем **barugaz*.

Согласно Траутманну и Фасмеру (Trautmann 27; Фасмер I, 108), славянские и германские формы соотносятся так же, как авест. *pasu* 'скот' и *pasuka-* 'голова скота'. Исходя из этого, **borvъ* возводится к индоевропейской основе **bhoru-* с собирательным значением 'мелкий домашний скот'. В праславянском при обозначении единицы скота эта индоевропейская основа была тематизирована: **bhoru-o-* > **borvъ* (с циркумфлексом). В прагерманском та же основа присоединила сингулятивный суффикс *-*k*-[27]: **bhor-u-k-* > прагерм. **báru-h-az* > **barugaz* (с действием Закона Вернера). Способы словообразования имеют одинаковое значение в прагерманском и праславянском, т.к. обозначение отдельного животного образуется в данном случае от собирательной основы[28].

Проблема заключается в этимологии основы **bhoru-*. Если исходить из собирательного значения этой основы, следует предполагать, что оно выражалось элементом *-*u*-. Однако мы не можем делить **bhoru-* на корень **bhor-* и суффикс *-*u*-, пока не идентифицируем этот корень в других словах и не определим его значение.

Рассмотрим имеющиеся этимологии. Согласно наиболее распространенной из них, **barugaz* и **borvъ* восходят к и.-е. **bher-* 'работать, используя острое орудие, резать, колоть'[29]. Очевидно, что эта гипотеза исходит из значения 'кастрированное животное, боров' как первичного. Реконструкция этого значения подвергается сомнению Э. Зебольдом (Kluge[23] 81). Действительно, как видно из списка соответствий (особенно славянских), 'боров' – лишь

одно из ряда конкретных значений, относящихся к области 'мелкий домашний скот'. Рефлексы **borvъ* могут обозначать любых животных этого типа, причём не обязательно кастрированных (ср., например, значения с.-хорв. *бра̃в* и словен. *brãv*). Поэтому исходным значением и в праславянском, и в прагерманском было, вероятно, 'мелкий домашний скот', 'голова мелкого домашнего скота', с последующей специализацией в отдельных языках. В этом случае связь с корнем **bher-* становится сомнительной. Ссылка на праслав. **volъ* m. *u*-основа 'кастрированный бык', которое связано со ст.-слав. *valiti sę* и рус. *валить* в значении 'кастрировать', не подтверждает связи между **borvъ* и **bher-*[30], поскольку **volъ* означает лишь 'кастрированный бык', без вариации значения[31]. Так же и указание на рус. *кнóроз* 'вепрь, кабан', якобы связанное с и.-е. **(s)ker-* 'резать'[32], едва ли свидетельствует о связи между *боров*'ом и **bher-*, поскольку этимология слова *кнороз*, в свою очередь, далеко не прозрачна[33].

Согласно другой этимологии (RJA I, 610 и Machek[2] 65), **borvъ* связано с санскр. *bhárvati* 'жуёт, пожирает' (ср. Mayrhofer Altindoar. II, 252). Покорный (I, 133) не исключает связи между *bhárvati* и **bher-* 'колоть' (*bhárvati* из **bharati* под влиянием *cárvati*). Перссон связывает др.-исл. *bǫrgr* с и.-е. **bher-* 'кипеть'[34]. Наконец, Ондруш[35] предполагает связь с и.-е. **bhrū-* 'бровь' (с нулевой ступенью корня в **bhrū-* и нулевой ступенью суффикса в **bhorw-*): 'боров' как 'щетинистое животное' с аналогией в венг. *serte, sertés* 'щетина' и *sertés* 'свинья' (ср. Sadnik-Aitzetmüller Vgl. Wb. 413).

Как нам кажется, этимологию корня **bhor-* в основе **bhoru-* следует связывать с **bher-/bhor-* 'brummen, summen' (Pokorny I, 135). В славянских языках корень **bor-* (< **bher-/bhor-*) контаминировал с и.-е. **bar-* (**bar-bar-*) в обозначениях неясной речи (Pokorny I, 91). (В отношении корней, подобных слав. **bor-*, мы предлагаем использовать термин "макрокорень".)

Среди форм с корнем **bhor-* для нас в данном случае важны слова с общим значением 'издавать неясные звуки (бормотать, болтать, журчать и т.п.)': с.-хорв. *брбо̀тати* 'журчать; болтать; рычать', *бр̏борити* 'журчать, бормотать', *бр̏бољити* 'болтать, журчать', *бр̏босати* 'говорить сквозь слезы', *бр̏бостити* 'болтать' (РСА II, 129–132); словен. *brbljáti* 'болтать'; *brbljàv* 'болтливый'; *brbotáti* 'говорить нечетко, заикаться', *brbtãnje* n. 'болтовня', *brbòt* m. 'заикание' (Pleteršnik I, 52–53); рус. *барáбáрить* 'болтать' (Даль[2] I, 117–121); швед. диал. *burra* 'болтать, бормотать', *burr, burrer* 'болтун', *burra* 'болтливая женщина', *burla* 'колоколь-

чик', *borra* 'гудеть'[36]. Вероятно, этот же корень, **bhor-*, представлен в словах со значением 'неуклюже или неловко двигать(ся), шевелить, рыться, суетиться': болг. *бáрам* 'касаться, шевелить, суетиться, мешать', *бáрвам* 'трогать'[37]; с.-хорв. *бр̏бати* 'опрокидывать, щупать, искать' (РСА II, 129–132); словен. *bȓbati* 'рыться, дотрагиваться, затевать ссору'; *brbúšiti* 'неуклюже двигаться', *brbȗšt* m. 'неуклюжий или суетливый человек' (Pleteršnik I, 52–53); новоисл. *barri -a, -ar* m. 'увалень, неуклюжий человек'[38].

Мы предполагаем, что **borvъ* и **barugaz* связаны с **bhor-* в значении 'издавать неясные звуки'. В качестве возможной структурно-семантической параллели напрашивается греч. βάρβαρος. Необходимо отметить, что и в славянских, и в германских языках корень типа *b-r-* встречается в подзывах мелкого домашнего скота (преимущественно овец) и связанных с ними существительных: рус. *бар-бар, быр(ь)-быр(ь)*, укр. *бер!, бир!, бирьбирь!* междометия для подзыва овец (Даль[2] I, 121; Гринченко I, 50, 56); рус. *бáрька, бóрька, быр(ь)ка* 'овца', укр. *бирка/бирька* 'овца; овчина', *биря* 'овца'. Вероятными германскими соответствиями являются, например, швед. диал. *barre* 'баран', *borre* 'свинья' (также в междометиях для подзыва свиней)[39]; норв. диал. *barre* 'баран' (Torp 17); др.-исл. *berr* m. (тип основы неясен) 'баран' (поэт.)[40]; шетланд. *burek* 'корова' (эвфемизм)[41]. Чередование корневых гласных в словах этой группы не всегда подчиняется закономерностям аблаута, что является признаком ономатопоэтической лексики. Формы с *bVr-* в обозначениях овец рассмотрены в статье Й. Хубшмида[42]; как видно по примерам[43], они широко распространены в самых разнообразных языках Евразии. Хубшмид считает невозможным независимое происхождение этих форм и предполагает древнее скотоводческое слово, занесенное в Европу к эпохе неолита[44]. По-видимому, **borvъ* и **barugaz* следует отделять от этой группы слов, хотя нельзя исключать контаминации и.-е. **bher-/bhor-* 'издавать неясные звуки' с корнем **bVr-* в подзывах и обозначениях овец, который имеет, согласно Хубшмиду, неиндоевропейское происхождение.

В этой связи нельзя не упомянуть рус. *баран*. Это слово связывалось как с **borvъ*[45], так и с **bVr-* в подзывах овец[46]. В обоих случаях непонятным остается элемент *-ан*. Более убедительно предположение, что *баран* – это заимствование, восходящее к ср.-перс. *waran* 'баран'[47] (ЭССЯ 1, 158).

Подведем итоги. Праслав. **borvъ* и прагерм. **barugaz*, обозначавшие любых животных, относящихся к мелкому домашнему

скоту, связаны с и.-е. **bhor-* ‘издавать неясные звуки’. Эти формы следует отделять как от **bVr-* в подзывах и обозначениях мелкого домашнего скота, так и от рус. *баран*.

Примечания

[1] Речник на българския език, I- . София: Издателство на българската академия на науките, 1977- , I, 766; БЕР I, 71.
[2] *Bray R. de, Dimitrovski T., Korubin B., Stamatoski T.* Routledge Macedonian-English Dictionary. London, New York: Routledge, 1998, 30.
[3] *Ball C.J.E., Stiles P.* The derivation of Old English *geolu* ‘yellow’, and the relative chronology of smoothing and back-mutation. (Appendix: the Germanic Etymon of Old English *bear(u)g*) // Anglia. Zeitschrift für englische Philologie. Band 101 (1983), 5–28; см. стр. 22–24.
[4] *Sveinbjörn Egilsson.* Lexicon poeticum antiquæ linguæ septentrionalis. Ordbog over det norsk-islandske skjaldesprog. 2. Udgave ved Finnur Jónsson. København, 1931, 76.
[5] *Árni Böðvarsson.* Íslensk orðabók. Önnur útgáfa, aukin og bætt. Reykjavík: Mál og menning, 1993, 124.
[6] *Palander H.* Die althochdeutschen Tiernamen. I. Die Namen der Säugetiere. Darmstadt: G. Otto’s Hof-Buchdruckerei, 1899, 159; Etym. Wb. Ahd. I, 493.
[7] *Lasch A., Borchling C.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Fortgeführt von G. Cordes. 1. Band: *a – f/v*. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1956, I, 318.
[8] *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch, I–III. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1872–1878, I, 127.
[9] Frühneuhochdeutsches Wörterbuch, I- . Hsgb. von R. R. Anderson, U. Goebel, O. Reichmann. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1989- , II, 2025.
[10] *Weigand Fr. L. K.* Deutsches Wörterbuch, I–II. 5. Aufl. Hsgb. von H. Hirt. Gießen: Alfred Töpelmann, 1909–1910, I, 156, 269.
[11] *Holthausen F.* Altsächsisches Elementarbuch. 2. verbesserte Aufl. Heidelberg: Winter, 1921, § 144.
[12] *Verdam J.* Middelnederlandsch handwoordenboek. ’s-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1956, 55, 110.
[13] *Vries M. de* et al. Woordenboek der nederlandsche taal, I-XXIX. ’s-Gravenhage en Leiden, 1882–1998, II, 1020; *N. van Wijk.* Franck’s etymologisch woordenboek der nederlandsche taal. ’s-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1912.
[14] Wurdboek fan de Fryske taal, I- . Leeuwarden: Fryske Akademy. Ljouwert, 1984- , I, 162; *Zantema J.W.* Frysk Wurdboek. Frysk-nederlânsk. Ljouwert: A.J. Osinga Uitgeverij, 1984, 43.
[15] Обзор использования в текстах дан в кн.: *Jordan R.* Die altenglischen Säugetiernamen. (Anglistische Forschungen, Heft 12). Heidelberg: Winter, 1903, 201.
[16] *Kurath H., Kuhn S.M., Lewis R.E.* (eds.). Middle English Dictionary. Ann Arbor: Michigan University Press, 1954–1999, A-B, 655.
[17] The Oxford English Dictionary, I–XX. 2nd ed. Prepared by J. A. Simpson & E.S.C. Weiner. Oxford: Clarendon Press, 1989, I, 973.
[18] Webster’s 3rd New International Dictionary of the English Language Unabridged. G. & C. Merriam, 1971, I, 179.

[19] *Wright J.* The English Dialect Dictionary, I–VI. London: Henry Frowde, 1898–1905, I, 173.

[20] Впервые: *Palander H.* Die althochdeutschen Tiernamen, 159.

[21] *Jordan R.* Die altenglischen Säugetiernamen, 203; *Onions* 76.

[22] *Pheifer J. D.* Old English Glosses in the Épinal-Erfurt Glossary. Oxford: Clarendon Press, 1974, § 56; *Campbell A.* Old English Grammar. Oxford: Clarendon Press, 1959, 150.

[23] *Bülbring K.D.* Altenglisches Elementarbuch. I. Teil: Lautlehre. Heidelberg: Winter, 1902, § 447; *Jordan R.* Die altenglischen Säugetiernamen, 202; *Girvan R.* Angelsaksisch handboek. Haarlem: Tjeenk Willink & Zoon, 1931, § 181; *Brunner K.* Altenglische Grammatik nach der Angelsächsische Grammatik von E. Sievers. 2., revidierte Aufl. der Neubearbeitung. Halle: Niemeyer, 1951, § 164; *Hogg R.M.* A Grammar of Old English. Vol. 1: Phonology. Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1992, 149.

[24] *Ball C.J.E., Stiles P.* (см. сноску 3), 13. Что касается индоевропейских соответствий этой праформы, то ей не дается никакого вразумительного подтверждения; предполагается, что данная форма может быть заимствованием из неиндоевропейского языка (стр. 24).

[25] *Noreen A.* Altnordische Grammatik I. Altisländische und altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtung des Urnordischen. 5. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1970, § 156.

[26] Ibid., § 159.

[27] Об этом суффиксе в обозначениях животных см.: *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Band, 1. Teil. Strassburg: Trübner, 1906, § 385 c.

[28] Отметим, что примеры тематизации как средства образования обозначения отдельного предмета от основы с собирательным значением имеются и в германских языках. В качестве примера можно привести др.-исл. *bǫrr* m. *wa*-основа ‘дерево’ (**barwaz*). Это существительное предположительно образовано посредством тематизации от прагерманской *u*-основы **baru-*, для которой реконструируется значение ‘роща’. О наличии данной *u*-основы в прагерманском может свидетельствовать, например, др.-англ. *bearu* ‘роща’, форма, преобразованная в древнеанглийском в *wa*-основу мужского рода, но сохранившая исконное собирательное значение *u*-основы.

[29] *Walde-Pokorny* II, 160; *Walde-Hofmann* I, 482; *Pokorny* I, 133–135; *Vries*. Nederl. etym 31; *Vries*. Altnord. 70; *Wijk N. van.* Franck's etymologisch woordenboek der nederlandsche taal. 's-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1912, 34; *Holthausen F.* Altenglisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Winter, 1934, 17; *Ásgeir Blöndal Magnússon*. Íslensk orðsifjabók. [Reykjavík:] Orðabók háskólans, 1989, 101; Etym. Wb. Ahd. I, 495; *Sadnik-Aitzetmüller.* Vgl. Wb. 413; SP I, 332; БЕР I, 72; *Skok* I, 203; ЭССЯ 2, 214; ЭСБМ I, 371.

[30] Иначе: *Grubor B.* Etimologije // ЈФ VIII (1928–1929), 22; *Эккерт Р.* Основы на *-й-* в праславянском языке // Уч. зап. ин-та славяноведения, XXVII (1963), 16.

[31] Предположение о связи **volъ* и **valiti* было впервые сделано Далем (*Даль*^{2} I, 395); впоследствии Грубором, который даёт подробный анализ этих слов. См. также: *Арапова Н.С. Валун* // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж.Ж. Варбот. М.: “Индрик”, 2006, 23 (о *валун* и *валух*, по-видимому, также связанных с *валить*).

[32] *Откупщиков Ю.В.* Из истории индоевропейского словообразования. 2-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: “Академия”, 2005, 124, 130.

[33] Обзор этимологий рус. *кнороз* см. в статье: *Кретов А.А.* Балтийские и славянские продолжения и.-е. **org'h-*. Статья I: лит. *isarza* и прасл. **kъnorzъ* // Lingustica Baltica, 1994, № 3, 197–206. Автор возводит это слово к и.-е. **kom-org'h-*, где **kom* – 'с' (приставка), **org'h-* – 'testiculus'.

[34] *Persson P.* Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation. (Upsala Universitets Årsskrift 1891). Upsala, 1891, 164.

[35] *Ondruš Š.* Рец. на: Bălgarski etimologičen rečnik // Jazykovedný časopis 14, 1 (1963), 107.

[36] *Rietz J.E.* Svensk dialekt-lexikon. (Ordbok öfver svenska allmoge-språket). Lund: Lundbergs boktryckeri, 1867 [Register och rättelser av E. Abrahamson. Uppsala: Lundequistska bokhandeln, 1955], 47, 66.

[37] Речник на българския език, I, 415–417. Ср. БЕР I, 33, где эти слова связываются с *бóря се* 'бороться'.

[38] *Blöndal S.* Islandsk-dansk ordbog. Reykjavík, 1920–1924 [*Halldórsson H., Benediktsson J.* Supplement. Reykjavík: Islandsk-dansk ordbogsfond, 1963], 63. Возможно, сюда же относятся древнеисландские прозвища: *Barri* m. *n*-основа, *Búri* m., *Buri/Burri* (*Lind E. H.* Norsk-isländska dopnamn och fingerade namn från medeltiden. Uppsala, Leipzig: Lundequistska bokhandeln & Otto Harrassowitz, 1905–1915, 114, 181; *Lind E. H.* Norsk-isländska personbinamn från medeltiden. Uppsala: Lundequistska bokhandeln, 1920–1921, 16, 50).

[39] *Rietz J.E.* Svensk dialekt-lexikon, 24, 47, 77. Швед. *barre* связывается с др.-исл. *bǫrgr* Перссоном (*Persson P.* Studien…, 164). Эта точка зрения отвергается Бернекером (*Berneker* 43).

[40] *Sveinbjörn Egilsson.* Lexicon poeticum, 45.

[41] *Jakobsen J.* Etymologisk ordbok over det norrøne sprog på Shetland, I-II. København, 1921, I, 83.

[42] *Hubschmid J.* Haustiernamen und Lockrufe als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen // Vox Romanica 14 (1954/55), 184–203.

[43] Хубшмид приводит следующие примеры (стр. 194–196): валлон. *bara*, прованс. *berri*, ломбард. *berou*, баск. *brrrrrra*, *bri*, каталан. *brrrrr*, астурийск. *biri biri biri*, франц. диал. (департамент Нор) *prrr*, (деп. Кот д'Ор) *prout tié*, (провинция Бурбонэ) *perô*, (деп. Верхние Пиренеи) *perrìto*, старопрованс. *parroc*, галисийск. *perico*, итал. *birro*, *ber*, алб. *berr*, рум. *bri*, греч. βάριον, чеш. *bira*, польск. *bir bir*, лтш. *bire*, швед. диал. *perr, pirr, purr*, нидерл. (г. Гельдерн) *brrr-brrr*, англ. *brrr, burr-burr*, андийск. *buru*, думаки *beḍa*, непальск. *bhero*, кашгарск. *pru pru pru*, араб. *bir bir*. Соотношение всех этих форм требует, разумеется, отдельного рассмотрения. В подобных случаях трудно судить, объясняется ли сходство исконным родством, языковыми контактами или ономатопоэтическим характером слов (*Berneker* 43; ср. *Фасмер* I, 123).

[44] *Hubschmid J.* Haustiernamen…, 196.

[45] *Schmidt J.* Die Verwantschaftverhältnisse den Indogermanischen Sprachen. Weimar: Böhlau, 1872, 37: "wurzelverwandt mit *bra-vŭ* ist ab. [altbulgarisch] *baranŭ* vervex". Перссон (Studien…, 164) связывает рус. *баран* и *боров* с др.-исл. *bǫrgr*. Менее определенно о родстве данных слов высказывается Брюкнер (*Brückner* 15).

[46] *Schuster-Šewc* II, 53.

[47] *Mackenzie D.N.* A Concise Pahlavi Dictionary. Routledge, 2000. Данная персидская форма родственна санскр. *uraṇa-* 'ягнёнок, баран' (см. *Horn P.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg: Trübner, 1893), которое имеет индоевропейскую этимологию (*Pokorny* I, 1170).

А.К. Матвеев

КУЧКАС И МУЧКАС

На самом юге Пинежского района Архангельской области между притоками Пинеги реками *Нюхча* и *Жердь* находится деревня *Кучкас*. Селение это, может быть, получило свое имя по небольшой речке *Кучкас*, хотя столь же возможно, что речка была названа по деревне. *Кучкас* – явно субстратное название, не имеющее никакого отношение к рус. *кучка* как из-за широко распространенного на Русском Севере субстратного форманта *-ас* и "нетопонимичности" апеллятива *кучка*, так и ввиду ближайшего топонимического окружения: гидроним *Нюхча* сопоставляется с саам. норв. *njuk'čâ*, кильд. *ńuχč* 'лебедь', а название реки *Жердь*, при всей своей структурной необычности, определенно русское, легко объясняется как метонимическая калька наименования смежной речки *Сейвас*, впадающей в Пинегу в одном километре от Жерди, которое восходит к фин., карел. *seiväs* 'шест, кол, жердь'. Уже это позволяет предположить, что источником топонима *Кучкас* должно быть какое-то прибалтийско-финское, саамское или прибалтийско-финско-саамское слово.

М. Фасмер сопоставил этот топоним с саам. норв. *goikes*, *goaikes*, кольск. *koškes*, морд. *koške*, мар. *kukšə* 'сухой', истолковывая его как 'сухая местность (место)'[1]. А.И. Попов видел в названии *Кучкас* реликт древнего диалекта, упоминаемый в исторических памятниках Суры Поганой со значением 'орел'[2].

Интерпретация Фасмера показательна обращением к саамским источникам (ср. выше о гидрониме *Нюхча*), но неудовлетворительна с фонетической стороны, поскольку прасаам. **koškē*, саам. норв. *goikes*, кильд. *kåškes*, терск. *koškes* 'сухой'[3] в топонимии Русского Севера должны были бы соответствовать образования с основами *кошк-* или *кушк-* (саам. *š* > рус. *ш*, а не *ч*), и они фактически засвидетельствованы[4]. Более того, финно-угроведы восстанавливают уральскую праформу * *kuśka* (*kośka*) 'сухой', но древнее **ś* ни в одном из уральских языков в этом слове не реализуется в звуке типа **č* (*ć*)[5], хотя изменение **ś* > *č* характерно именно для саамского языка[6]. В то же время видеть в названии *Кучкас* наследие диалекта Суры Поганой вряд ли возможно, так как, во-первых, об этом диалекте нет никаких данных, а во-вторых, Кучкас находится значительно выше места впадения реки Сура в

Пинегу (приблизительно в 100 км). Однако первичная семантика топонима, предложенная А.И. Поповым ('орел') заслуживает внимания, причем не столько из-за ее "топонимичности" ("орлиных" мест много в самых различных системах географических названий), сколько благодаря возможности обосновать фонетическую интерпретацию этого наименования на почве финских языков.

Апеллятив со значением 'орел' представлен фин. *kotka*, эст. *kotkas*, саам. норв. *goas'kem*, кильд. *kuɵckem*, морд. *kućkan*, мар. *kučkə̑ž*, удм. *kuč*, которые возводятся к финно-пермской праформе **kočka*[7]. Эти данные позволяют вычленить в топониме *Кучкас* словообразовательный формант *-ас* и, что особенно важно, считать консонантную группу *чк* аналогом реконструированного консонанса **čk*.

Словообразовательный формант *-ас* в языках субстратной топонимии Русского Севера мог обладать как субстантивным, так и адъективным значением[8], что в данном случае непринципиально. Существеннее фонетические данные, которые указывают на архаичный характер названия. Напрашивается его близость к марийскому слову, но допустимо и сопоставление с прасаам. **kūčkēmē* < прафинно-саам. **kočka* + *ma*, где *-ma* – словообразовательный формант[9].

Разумеется, наименование, усвоенное русскими не ранее XI–XII вв., не может быть ни прафинно-саамским, ни тем более финно-пермским, поскольку эти восстанавливаемые языки (если они действительно существовали) функционировали значительно раньше начала II тыс. н.э. Поэтому можно предположить, что оно восходит к архаичному языку саамского типа, в котором еще не произошло изменение **čk* > *ck* (*ck*), т.е. аффриката имела такой характер, что русские усваивали ее как *ч*. Требует объяснения также рефлекс *у* < **u* (*ū*) вместо ожидаемого *о* < **o* (*ō*), тем более что на Русском Севере неоднократно зафиксированы наименования типа *Кочкозеро*, *Кочкомозеро*, *Кочкомручей* и т.п.[10], которые более точно соответствуют саамским данным. Но, во-первых, есть и фиксации гидронимов *Кучкова*, *Кучковручей*, *Кучкога* и *Кучкомъ Гора* в той же пинежской зоне (Пинежская писцовая книга 1623 г.), а, во-вторых, переход **o* (*ō*) > **u* (*ū*) был очень характерен для древних саамских диалектов Русского Севера, особенно в тех случаях, когда саамский звук был долгим[11].

Эта этимология проливает свет и на созвучное название другой деревни – *Мучкас* (Удорский район республики Коми близ границы с Лешуконским районом Архангельской области). Ойко-

ним *Мучкас* также должен рассматриваться как русское название, поскольку коми называют это селение *Мутьдін*. Мучкас находится на берегу реки Мезень у обширной излучины, что, как будет видно в дальнейшем, немаловажно. Рядом с селением в Мезень впадает довольно значительная река *Мудзью*. Нет сомнения, что названия *Мучкас*, *Мутьдін* и *Мудзью* этимологически связаны, а так как компоненты *дін* и *ю* в коми языке означают соответственно 'место, прилегающее и чему-либо', 'устье' и 'река', проблема сводится к установлению этимологии топооснов *мучк-*, *муть-*, *мудз*(*ь*)- и интерпретации их отношений.

Первым на эти названия обратил внимание А.И. Туркин[12]. Указывая, что река *Мудз* (*Мудзью*) в документе 1485 г. именуется *Муча*, он сопоставляет их с коми и удм. *мутш* 'кочка, кочкарник', т.е. *Мудзью* – 'река, текущая по кочкарнику'. А.И. Туркин приводит различные варианты коми названия деревни Мучкас как современные – *Мульдін*, *Мутьдін*, *Мудздін*, так и исторические – *Музкоска* (1678 г.), *Мучдинская*, *Муч-Дин* (1859 г.), заключая, что *Мудьдін* (так!), *Мутьдін*, *Мудздін* – 'устье реки Мудз', а колебания гласных в исходе основы объясняются тем, что в удорском диалекте коми языка аффриката *дз* перед *д* утрачивает фрикативную часть и переходит в среднеязычно-палатальное *дь* (*ть*). Русская (официальная) форма ойконима *Мучкас* (иногда *Мучкась*), по мнению А.И. Туркина, возникла из наименования порогов, находящихся ниже деревни, которые называются *Мудьдін косьтъяс* (коми *кось*, *косьт* 'порог, перекат') с последующей эволюцией в *Мудзкось* > *Мучкась* > *Мучкас*. Это объяснение дополняется аргументом, что в русских заимствованиях из коми языка *дз* часто передается мягким *ч* (ср. в названии реки *Ылыдз* > *Илыч*).

Версию А.И. Туркина радикально перерабатывает А.П. Афанасьев[13]: старинное название реки *Муча* сопоставляется с рус. диал. *муча* 'кривун на реке' (< селькуп.) и селькуп. *муч* 'крутая излучина'; следовательно, *Мудзью* восходит к гибридному селькупско-коми гидрониму **Мучью* со значением 'река, впадающая в крутую излучину (основной реки)'. Названия реки *Мудзью* и деревни *Мутьдін*, *Мудздін* '(деревня) возле (реки) Мудзью', как считает А.П. Афанасьев, установлены неточно, искажены. Поэтому целесообразно ввести в употребление реконструированные гибридные селькупско-коми наименования, в частности, ойконим **Мучкост*, в котором селькуп. *муч* 'крутая излучина' сочетается с коми *кост* 'промежуток', поскольку "населенный пункт расположен именно в промежутке крутой излучины"[14].

Смелый совет вмешаться в исторически сложившуюся топонимическую систему и восстановить формы **Мучью* и **Мучкост* оставим без комментариев, однако другие дополнения к концепции А. И. Туркина требуют анализа и оценки. Прежде всего нет оснований учитывать рус. диал. *муч*, *муча* 'изгиб (реки, озера)' при объяснении мезенских названий, поскольку эти слова зафиксированы в Томской области, т.е. в Западной Сибири (СРНГ 19,40). Они действительно селькупского происхождения[15], но о селькупах как предшественниках коми нет никаких сколько-нибудь надежных данных. Тем не менее, и в неправдоподобных построениях А. П. Афанасьева можно найти кое-что рациональное: во-первых, он явно не видит возможности для этимологической интерпретации основы названия реки *Мудзью* на почве коми языка, а, во-вторых, деревня Мучкас действительно расположена у крутой излучины Мезени.

Вернемся теперь к концепции А.И. Туркина. Название порогов *Мудьдін косьтъяс* выглядит как позднее производное, эволюция которого (> *Мудзкось* > *Мучкась* > *Мучкас*) в функции наименования населенного пункта, даже если она происходила в русском языке, при сосуществовании с общеупотребительным типовым ойконимом *Мудьдін*, *Мутьдін* маловероятна. Допустимо другое решение: из *Муд(з)ью кось* путем преобразований, описанных и прокомментированных А.И. Туркиным, могло возникнуть русифицированное название порога *Мучкас*, которое затем было перенесено по смежности на селение. Это предположение как будто бы подтверждается и ранней фиксацией названия деревни *Музкоска* (см. выше), которое может восходить непосредственно к **Мудз(ь)ю кось*, хотя при членении *Муз-коска* в форманте можно видеть и прибалтийско-финский компонент (фин. *koski* 'порог').

Слабым местом этой версии во всех ее вариантах является интерпретация топоосновы. Во-первых, для нее характерно колебание конечного согласного, что сразу же указывает на чужеродность данного лексического компонента в коми языке (и здесь А.П. Афанасьев прав); во-вторых, местные жители не дают адекватного объяснения этой топооснове; наконец, в-третьих, этимологию самого А.И. Туркина нельзя признать удачной: семантема 'кочка, кочкарник' обычна для названий болот, лугов, небольших речек и ручьев, но Мудзью, как уже было замечено, довольно значительная река, а главное – в приведенном А.И. Туркиным слове *мутш* (*mutš*) в исходе аффриката *tš*, которая коррелирует с *dž*, а не с *d'ź*, фиксируемой в гидрониме[16].

При анализе этого трудного названия необходимо учитывать, во-первых, возможность народной этимологии неясного слова в самом коми языке, во-вторых, окружающий топонимический ландшафт и, в-третьих, – данные физической географии.

Если построения А.П. Афанасьева напоминают типичную "кабинетную" этимологию, то в концепции А.И. Туркина явно чувствуется народно-этимологический подтекст. Местное население очень часто объясняет субстратное название из своего родного языка. Неосознанно тяга к этому может быть и у самого добросовестного исследователя, что и проявляется в толковании топоосновы *мудз*(*ь*)- и компонента -*кас* в *Мучкас*.

В поисках наиболее адекватного пути для решения этого нелегкого случая надо прежде всего иметь в виду, что в бассейнах верхней Мезени и ее крупнейшего притока Вашки очень много названий, особенно гидронимов, которые не находят убедительного объяснения в коми языке, поскольку принадлежат более древнему населению. Таковы, например: *Коптюга* (коми *Копты*), *Кула*, *Курмыш*, *Муфтюга* (коми *Мукты*), *Мытка*, *Почкома* (коми *Путшкымъю*), *Пысса* (коми *Пыис*), *Субась*, *Субач*, *Тойма*, *Чебъюга* (коми *Чебъю*), *Чурум* и др. Некоторые из них имеют саамские этимологии, ср. *Кула* (саам. кильд. *kūll* 'рыба'), *Субась*, *Субач* (саам. кильд. *subb* 'осина'), *Чебъюга* (саам. кильд. *čiepp* 'знаток, мастер') и т.п. Учитывая эти данные, а также то, что верхнее Примезенье граничит с бассейном Пинеги, где обнаруживаются явно саамские названия типа *Нюхча* или близкие к ним подобные *Кучкас*, можно предположить, что и топоним *Мучкас* является субстратным названием, переработанным на почве коми языка. Эта версия поддерживается аналогичным названием *Мучкас*, называющим одну из проток в устьях реки Кубена на западе Русского Севера, где также фиксируются топонимы саамского типа (или близкие к ним).

Показательны и данные физической географии: мезенский *Мучкас* находится на крутой излучине, а кубенская протока *Мучкас* ответвляется от основного русла, образуя извилину. Все это дает право обратиться к реконструированной уральской праформе **mučka* 'извилина, излучина (реки)', рефлексом которой является фин. *mutka* 'залив; извилина, изгиб'[17] (см. выше *kočka* ~ фин. *kotka*). Хотя саам. норв. *mok'ke*, кильд. *mөhke* в тех же значениях считаются заимствованием из финского, восстанавливают также прасаам. **mokkē* как усвоенное из финского языка[18]. Ничто не мешает, однако, предположить, что родственное финскому исконное

слово с консонансом **čk* существовало и в саамском языке. Оно сохранилось в топонимии древних саамских диалектов Русского Севера подобно *Кучкас*, но было вытеснено синонимичным финским заимствованием в саамских наречиях Фенноскандии.

Еще об одном подобном слове, зафиксированном как в топонимии (*Пучкас*), так и в качестве апеллятива (*пучкас* ‘пролив’ = рус. диал. *прорва* ‘протока’) ~ урал. **pučke* ‘полый стебель’ ~ фин. *putki* и т.п.[9]), нам уже приходилось писать[20].

Примечания

[1] *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permien in Nordrussland // SPAV. Phil.-hist. Klasse. XX. Berlin, 1936, 203–205.

[2] *Попов А.И.* Из истории финно-угорских народностей: Дис. ... докт. ист. наук. Ч. 1. Л., 1947, 333.

[3] *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto // MSFOu. 200. Helsinki, 1989, 56–57.

[4] *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург, 2004, 86–87.

[5] *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1988–1991, 223.

[6] Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974, 122.

[7] *Rédei K.* Указ. соч., 668.

[8] *Матвеев А. К.* Указ. соч., 24–25.

[9] *Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 370. Helsinki, 1981, 175.

[10] *Матвеев А. К.* Указ. соч., 85.

[11] Там же, 223–224.

[12] *Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986, 74–75.

[13] *Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми: Словарь-справочник. Сыктывкар, 1996, 107–108.

[14] Там же, 108.

[15] *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М.; Новосибирск, 2000, 397.

[16] *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999, 18, 180.

[17] *Rédei K.* Указ. соч., 282–283.

[18] *Lehtiranta J.* Указ. соч., 76.

[19] *Rédei K.* Указ. соч., 397–398.

[20] *Матвеев А.К.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ 1998, № 5, 97.

Ф.Р. Минлос

ЭТИМОЛОГИЯ РУС. *КТЫРЬ*

Слово *ктырь* обозначает в русском языке разновидность крупных насекомых; в современной научной биологической номенклатуре это семейство Asilidae, в словаре В.И. Даля для этого слова дается значение 'вид мухи Asilus' (Asilus – один из сотни родов, относящихся к семейству Asilidae). Это крупные (2–5 см) насекомые, обитающее в степях России. Ктыри охотятся на различных насекомых (мух, жуков, иногда ос и пчел), убивая их своим длинным хоботком.

М. Фасмер отнес русское слово к этимологически темным; в (ЭССЯ 13: 248–249) предлагается сравнение с н.-луж. *kuntwora* 'комар' и т.п., которые до этого Г. Шустер-Шевц связал с ср.-в.-нем. *kunder\kunter* 'тварь, живое существо; чудище'. По версии ЭССЯ, **tyr* – нулевая ступень чередования корня **tvor*. Сравнение с западнославянским словом кажется убедительным с семантической точки зрения, однако в словаре остались без комментариев формальные проблемы этого сближения: ступень чередования **tyr* (видимо, не представленная другими дериватами этого корня), редкая приставка **kъ-* и ее странное продолжение в н.-луж. *kun-*.

В настоящей заметке для рус. *ктырь* предлагается морфемное членение *кт-ырь*, где корень *кт* – метатеза из **tъk* (ср. рус. *ткнуть*), а *-ырь* – суффикс. Корень *тк*/*кт* в данном случае имеет значение 'кусать', ср. волог. *ткнуть* "укусить": *меня вчера пчела ткнула, болдышка осталась* (Карельский словарь 6, 467); ураль. *ткнуть* 'кусать (о насекомых)' (Сл. Сред. Урала Доп., 530), рязан. *ткать* 'кусать (о насекомых)' (Деулинский словарь, 558). Ктыри, подобно пчелам или осам, относительно редко кусают человека (т.к. не питаются человеческой кровью), однако эти укусы необыкновенно болезненны (для словообразовательной модели ср. рус. диал. название одного мелкого жука – *кусака* 'насекомое Mordella' (Даль[2] 2, 229)).

Мы можем указать лишь на достаточно маргинальный пример метатезы *tk* > *kt* в восточнославянском: др.-новг. *ко Поктѣ* (берестяная грамота № 750, нач. XIV в.), вин. ед. *Романа Пъкта* (Синд. НПЛ, запись за 1200 г.) < *Пътъка* 'птица', распространенное др.-русское имя, ср. вин. ед. *Романа Потка* в Комис. НПЛ[1], ср. обратную метатезу в сербохорв. и укр. закарп. *тко* < **kъto*; другие

славянские примеры контактных метатез приводит Р. Нахтигал[2]. Согласно предложенной Г.С. Ахвледиани типологии фонотактики, "рецессивные" кластеры (т.е. такие, в котором первый элемент более переднего образования, чем второй) обычно оптимальнее, чем децессивные (например, [*pk*] лучше, чем [*kp*])[3], однако для пары [*kt*] ~ [*tk*] это не вполне очевидно. В.В. Шеворошкин предполагает, что сочетания [*kt*] и [*gd*] оптимальнее, чем [*tk*] и [*dg*], подкрепляя это, в частности, наблюдением, что в русском бывает начальный кластер [*gd*] (*где, Гданьск*), но отсутствует [*dg*][4].

Суффикс *-yrь* имеет ограниченное распространение в славянских языках, однако в основном он функционирует, предположительно, как отыменной (**mĕxyrь*, **mĕzgyrь*, **pǫxyrь*, **pǫzyrь* и др.); есть также заметное количество неясных слов, в которых этот формант вычленяется, но деривацию которых установить не удается. Тем не менее, отглагольные имена деятеля с этим суффиксом существуют: (1) сиб. *муты́рь* 'деревянный молот; колотушка (иногда обитая железом)' (Даль) – от калуж., яросл. *мути́ть*, тверск., свердл., *мутова́ть* и под. 'бить кого-либо'; (2) *моты́рь* 'часть западни в виде толстого шеста', 'наклонно вбитый над костром кол для подвески чайника, котелка', 'палка, за которую поднимают рыболовную сеть из воды' от рус. *мотать*; (3) рус. *поводырь,* ряз. *воды́рь* 'поводырь у слепых нищих', 'коневод, передовой проводник' (СРНГ 4, 348); (4) рус. груб. *бзды́рь* nom. agentis от *бздеть.*

Как кажется, на данном этапе обе этимологизации рус. *ктырь* достойны внимания; дальнейшее изучение словообразовательных и фонетических проблем, связанных с этими этимологическими версиями, может помочь выбрать более правдоподобную версию.

Примечания

[1] *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. 530–531.
[2] *Нахтигал Р.* Славянские языки. М., 1963. 158–159.
[3] *Гамкрелидзе Т.В.* К огласовке **ag* в индоевропейских корнях структуры C_1VC_2 // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979. 69.
[4] *Шеворошкин В.В.* Звуковые цепи в языках мира, М., 1969. 29.

О.М. Младенова

РУС. *ХОДЯ*

Представленное в новейшей лексикографии как устаревшее и просторечное[1] существительное мужского рода *хóдя* ‘прозвище китайца, китайцев’ употребляется в русской литературе первой половины XX в., а также в более поздних произведениях, чаще всего посвященных событиям начала XX в. Наиболее ранние известные мне употребления можно найти у П.А. Бляхина (“Красные дьяволята”, 1921), М.А. Булгакова (“Китайская история”, 1923), И.Э. Бабеля (“Ходя”, 1923) и Артема Веселого (“Вольница”, 1925). В настоящее время некоторые носители русского языка утверждают, что им это слово не попадалось[2], однако, оно встречается и в недавних произведениях, описывающих постсоветскую жизнь, таких, как рассказ Сергея Прокопьева “Ходя”[3]. Слово может употребляться как кличка отдельной личности, как, например, в рассказе И. Грековой “Фазан” (НКРЯ) и в воспоминаниях И.М. Меттера “Автобиография. Родословная”[4]. Чаще же оно используется как этноним с отрицательной коннотацией, ср. *В ходу была частушка: “Нынче* ***Ходи*** *стали в моде, можно* ***Ходю*** *полюбить. А у* ***Ходи*** *денег много, можно лавочку открыть”. И действительно, русские женщины охотно выходили за них замуж, по городу бегало множество узкоглазых полукитайчат. В конце 20-х, со свертыванием НЭПа, китайцы вернулись на родину, оставив русских жен. Где сейчас многочисленные потомки тех смешанных браков?* (Наталья Позднякова, “Екатеринбург, начало 20-х”). Во многих примерах слово *ходя* выполняет функцию обращения: *Кубанец повернулся к китайцу, тревожно бегая глазами, сказал: – Ты,* ***ходя****, мала-мала иди с дядей, с оцим дядькой, – он указал пальцем на хозяина. – Иди с ним – он сена коням даст...* (НКРЯ: М.А. Шолохов, “Тихий Дон”, вторая часть). *Центром внимания оказался молодой китаец с буденовкой на голове, который старался выбраться из толпы. –* ***Ходя****!* ***Ходя****! Косолапый* ***ходя****! – кричали озорники, дергая его за полу длинной шинели. А когда китаец поворачивался, чтобы схватить обидчика, они с хохотом отскакивали прочь* (П.А. Бляхин, “Красные дьяволята”). *В другом углу, под портретом какого-то китайского генерала, сидели еще двое гостей-русских. ⟨...⟩ – Эй,* ***ходя****, хозяин, поди сюда! – позвал один из русских. Это был господин Кукин с Полтавской. ⟨...⟩ – Наша*

хочу с тобой мало-мало водка пить, наша угощает. – Он показал на бутылку смирновской. – Спасибо, – вежливо ответил Ван. – Только не калечьте, господа, напрасно русский язык. Я его хорошо знаю (К.С. Бадигин, "Секрет государственной важности"). *Малиновый уже подхватил два чемодана и деловито прикрикнул на японца. –* ***Ходя-ходя****, твоя за мной носи!* (Б. Акунин, "Смерть Ахиллеса"). Прозвище *ходя* могут употребить и по отношению к японцу (как у Акунина), к калмыку (как у Шолохова, "Тихий Дон", книга четвертая), к монголу (как у Асара Эппеля, "Вы у меня второй") или к человеку иной национальности с азиатскими чертами лица. Более того, слово может быть использовано метонимически для обозначения какой-либо связанной с Китаем реалии, например: *Поезд Москва–Пекин, прозванный в народе* ***Ходя****, возил из Китая китайцев с ширпотребом. В поезде товары были дешевле и дорожали по мере удаления от железной дороги. В этом и был сермяжный смысл международного бизнеса* (Сергей Прокопьев, "Ходя"). В некоторых случаях из контекста становится ясно, что китайцы, к которым так обращаются, находят само обращение и/или элементы русско-китайского пиджина, сопровождающие его[5], оскорбительными, ср. *Под большой лисьей шапкой – желтое лицо с узкими черными глазками. "Китаец", – сразу определил Плющ и обратился к нему: – Здравствуй,* ***ходя****. –* ***Ходя*** *теперса нета, руска китайса тепериса товариса, – рассердился китаец. Жорж сразу смекнул, что дал маху. – Ладно, брат-товарищ, не сердись. Это так я, по старой привычке* (В.В. Денисов, "В час по Гринвичу"). *– Вот что,* ***ходя****, – утерев губы надушенным платком, сказал Соломаха, – если хочешь заработать... ⟨...⟩ – Называйте меня, пожалуйста, "господин Ван", без клички, – не вытерпел хозяин* (К.С. Бадигин, "Секрет государственной важности"). Иногда китайцев, видимо, намеренно дразнили дразнилками: ***Ходя, ходя*** *лайла. / Штаны потеряйла, / Моя нашола, / Тебе не давайла* "Китаец, китаец, иди сюда. / [Ты] штаны потерял, / Я нашел, / Тебе не отдал"[6] или ***Ходя****, соли надо?* Ср. *Даже некоторые порядочные люди ⟨...⟩ при встрече с китайцем вместо "здравствуй" говорят ему: "****Ходя****, соли надо?". А когда китаец отвечает: "Русский, свобода надо?" – возмущаются, будто он не вправе иметь свое суждение и отвечать на оскорбление* (Григорий Климович, "Конец Гурлага"). *Китайские торговцы жили по всему городу и, как правило, имели лавку при доме. Кроме игрушек продавали крупу, сахар, чай. С покупателями были предельно вежливыми, низко им кланялись, всячески выслуживались. Охот-*

*но давали товар в долг, скрупулезно учитывая приход и расход. Уличные мальчишки дразнили их: “**Ходя**, соли надо?” Наверное это было очень обидно, потому что они отвечали несравненно грубее: “Русская собака, свободы надо?”* (Наталья Позднякова, “Екатеринбург, начало 20-х”). ⟨...⟩ *от Лепилиной кузницы, стоявшей на бугре у въезда в село, вливался в Тиханово другой поток торговых гостей* ⟨...⟩ *Этот живой и темный поток с коровьим мычанием, с поросячьим визгом и звонким гусиным гагаканьем обгоняли торопливые крылатки пугасовских извозчиков; везли они китайцев с белыми корзинами, с пухлыми кожаными саквояжами, набитыми пугачами и пробками, рожками и дудками, разноцветными фонариками, райскими птичками и пронзительно кричащими надувными чертиками: “Уйди! Уйди! Уйди! Уйди!” – **Ходя**, соли надо? – роняли китайцам с возов. – Шибако гулупый... тебе, цхо! – отвечали китайцы, обнажая крупные желтые зубы, и сердито плевали под колеса* (Борис Можаев, “Мужики и бабы”). *Одни кричали мне: “Чин-чин-чайнамен!” и требовали, чтобы я постирал им одежду. Другие почему-то спрашивали меня: “**Ходя**, соли надо?”, хотя ни в какой соли я не нуждаюсь* (НКРЯ: Михаил Успенский, “Там, где нас нет”). *Оказывается, в конце прошлого века в Кыштым приезжали китайцы. В основном – из Шанхая. Торговали шелковыми платками, куклами, яблоками. (Кстати, до китайцев в Кыштыме яблоки не росли). На вырученные деньги китайцы покупали соль. Их дразнили: “**Ходя-ходя**, соли надо”. Дразнилку сочинили, глядя на китаянок, обутых в деревянные сандалии и передвигавшихся мелкими шажками*[7]. Эти примеры ясно показывают, что и дразнилка, и этноним возникли в контексте китайско-российского торгового обмена, в котором важным товаром с российской стороны была соль[8].

Итак, что можно сказать о происхождении слова *ходя*? В этимологический словарь Фасмера оно не включено. Единственное известное мне объяснение принадлежит Стивену Вурму, который выводит слово маньчжурского русско-китайского пиджина *khodya* ‘китаец’ из китайского *hé jiā* ‘together with family’, срв. 合家 *hé-jiā* ‘вся семья; всей семьей’ (БКРС 2, 452)[9]. В свете имеющихся у меня данных, мне кажется более правдоподобным другое объяснение. Кроме приведенного выше текста Виктора Рискина, у меня есть еще три свидетельства, показывающие, что для носителей русского языка слово *ходя* оказывается связанным по народной этимологии с гнездом глагола *ходить*. В своем анализе бабелевского рассказа “Ходя” С.И. Воложин пишет: *Этот*

жалкий ***доходяга (ходя?)****, видно, хочет что-то от Глафиры*[10]. У других авторов: *Точильщики входили во двор и призывали: “Ножи-ножницы точи-и-ть!” Иногда забредали и* ***ходячие*** *сапожники-китайцы, которых называли “****ходя****”. Они были очень бедные, несчастные, оказавшиеся на обочине жизни люди. Их было очень много в нашем городе* (Р.А. Бриллиантова, “Мой Новосибирск. Книга воспоминаний”). *Они [наемники-китайцы] были карателями-палачами – в городе их все звали “****ходя-ходя****”, потому что, неся конвойную службу, они при следовании арестованных горожан торопили их прикладами винтовок, покрикивая при этом “****ходя-ходя****”, что означало “****ходи-ходи****”* (Б.В. Сенников, “Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг.”).

Особый интерес представляет последний пример, не только потому, что в нем редуплицированное слово *ходя* произносится не русскими, а китайцами, но и из-за его функции: здесь это то ли императив, то ли наречие, но никак не существительное. Летом 2006 г. во время путешествия по Китаю мне дважды пришлось услышать китайцев, кричащих *ходя-ходя.* Взвод солдат тренировался на горе Хуаншань. Пока они бежали сначала в гору, а потом с горы, сержант хронометрировал и понукал их криками *ходя-ходя*. Несколько дней позже на вокзале большого города зазывалы, предлагающие свои услуги приезжающим, встречали каждый поезд криками, среди которых, кроме прочего, явственно слышалось и *ходя-ходя*. Общий смысл этих призывов был ясен: потенциальных покупателей настойчиво приглашали скорее определиться. Во всех трех ситуациях *ходя-ходя* можно перевести на русский язык как ‘давай, давай’.

С помощью моих коллег из Университета Калгари Сяоцзе Янг (X. Jie Yang) и Вэй Цай (Wei Cai), которым высказываю сердечную благодарность за консультации, удалось идентифицировать источник русск. *ходя*: 快點兒 (в сокращенном написании 快点儿) *kuài diănr* ‘поскорее!’ (БКРС 3, 688), см. 快 *kuài* ‘скорый, быстрый; скоро, вскоре’ (БКРС 3, 688) и 點兒 *diănr* – суффикс уменьшительной и сравнительной степени прилагательного и наречия (БКРС 2, 481). Итак, по моему мнению, русский этноним происходит от слов *kuài diănr*, часто употребляемых китайскими торговыми партнерами россиян. В отличие от многих других китайских слов, россияне могли запомнить это выражение (по сходству с гнездом глагола *ходить*) и воспроизвести. Мотивация этнонима: ‘тот / те, кто все время говорит *ходя*’ > ‘китаец, китайцы’.

Обозначение групп населения по особенностям их речи широко практикуется во всем мире. Так, например, в языке российских фарцовщиков есть слово *алóрец* 'итальянец'[11], т.е. человек, который все время говорит *allora!* 'ну!'. Максим Младенов собрал и анализировал многочисленные болгарские диалектные термины с похожей мотивацией: *бакаджии, вáйковци, рéковци* – носители диалектов, в которых есть звательные частицы *ба, ва* и, соответственно, *ре*; *кекáла, жéкуýчене* – носители диалектов, в которых будущее время образуется с помощью частиц *ке* или *же*; *нúн'овци* – носители диалекта, в котором используется наречие *нине* 'сейчас' и т.д.[12] Аромун в Болгарии и Сербии называют *цинцари*, потому что, в отличие от других румын, они говорят *цинц* 'пять', а не *чинч* (*cinci*). Поляков в России называют *пшеками* по необычному, с русской точки зрения, произношению префикса *пре- (prze-)*.

Похожим образом возник и болгарский этноним *братýшка* 'русский'[13], т.е. человек, который использует в своей речи слово *братушка.* Писатель Тодор Влайков ясно показывает в своих мемуарах механизм возникновения этнонима в процессе общения русских и болгар во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: *Наизлезли са от махалата жени и със светнали лица подават на русите хляб и разни неща за ядене. Лиловата механа е отворена и оттам изнасят половници и големи чаши с вино. А русите отвред все: "Спасибо, **братушка**! Здравствуй, **братушка**!" – и усмихнато и със задоволство поемат предлаганите им неща. А, слушам, и нашите хора, и те се обръщат към тях с "**братушка**": "Заповядай, **братушка**! Вземи и това, **братушка**!" И повтарят все и те: "Здравствуй, **братушка**. Здравствуй, **братушка**!..."* (Тодор Г. Влайков. "Преживяното"). Список примеров этнонимов похожей мотивации можно легко продолжить.

То, что редуплицированное выражение *ходя-ходя*, вне зависимости от значения, по мнению россиян, верно изображает китайскую речь вообще, подтверждается таким заголовком газетной статьи: *"**Ходя-ходя**, куня-куня...", – безутешно лопотал юноша-китаец, когда неизвестно куда ведущая тропинка вывела его на лед реки, где он и повстречался с нарядом российских пограничников* (Интернет-версия газеты "Владивосток", № 1104, 16.01.2002).

Среди моих материалов есть и два однотипных примера употребления слова *ходя*, которые заслуживают специального внимания. Оба примера встречаются у одного и того же автора, описы-

вающего события, в которых он участвовал на Дальном Востоке в 1904–1905 гг. Вот один из них: ⟨...⟩ *все же они [китайцы], кажется, добродушно относятся к русским, влезают в вагон к солдатам, шутят с ними, подходят к нам, треплют по плечу, говоря: “**Ходя** шанго”, то есть друг хороший; все им отвечают тем же. Подходят ко мне, берут меня за руку и говорят, что я им “шибко шанго”, то есть очень нравлюсь, берут в руки крест и опять “шанго” и, чтобы сделать мне удовольствие, крестятся!* (Митрофан Сребрянский, “Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке”). Согласно этому источнику, в 1904–1905 гг. китайцы употребляли в общении с русскими слово *ходя* в значении ‘друг’.

Я думаю, что это словоупотребление отражает стадию вторичной реинтерпретации языковых элементов в условиях межнационального общения в отсутствии двуязычия. Ей должны предшествовать две другие стадии. Сначала группы А и Б говорят каждая на своем языке. Потом какой-то элемент речи группы А – (α) – привлекает внимание членов группы Б, и они не только понимают его по-своему, но и начинают употреблять его в соответствии со своим пониманием в общении с членами группы А ((α)β). Вот тут-то и может наступить стадия вторичной реинтерпретации этого элемента, уже членами группы А, которые, возможно, уже не узнают в нем свое слово, а считают его частью языка группы Б: (((α)β)α).

Предполагаемые стадии эволюции: (α) – *kuài diǎnr* ‘поскорее!’; ((α)β) – *ходя* ‘китаец; китайцы; азиат; что-либо китайское’ – (((α)β)α) *ходя* ‘друг’. Если это объяснение соответствует действительности, свидетельство Митрофана Сребрянского позволяет достоверно отнести первые употребления *ходя* ‘китаец’ к периоду, предшествующему 1904–1905 гг., и ясно показывает, что не только семантика слова, но и его коннотация со временем менялись.

Реконструированная здесь социолингвистическая ситуация должна быть достаточно распространенной. Вот что пишет журналист Александр Тарасов: *Первым естественным опытом практического китайского для русских стало обращение к китайским продавщицам. В России тогда их вне зависимости от возраста называли “девушка”. Русские поэтому интересовались, как по-китайски будет “девушка” – им отвечали: “гуньян”. Так же, как в 1930-х китайцы русскую “работу” переиначивали в “лабаодай”, в 1990-х китайская “гуньян” в русской*

речи превратилась в "куня". Продавщицы и горничные, которых вообще-то правильно называть "фувуюань", первое время не понимали, но русские были настойчивы, и китаянки начали откликаться. Потом китайцы и сами начали употреблять в разговоре с русскими это искаженное слово. В любой гостинице к русским водителям подойдет китаец с вопросом: "Куня надо?"[14]. Учитывая присутствие слова *kunia, kun'ka* 'девочка' в маньчжурском русско-китайском пиджине[15], возникновение слова *куня* вряд ли можно отнести к 1990-м годам, но сама модель общения, при которой слово подвергается последовательным реинтепретациям, звучит правдоподобно.

Типологическую параллель к набору употреблений русск. *ходя* предоставляет слово *шурум-бурум*, если принять версию Святослава Логинова и Андрея Легостаева о его происхождении: *Странное и на первый взгляд бессмысленное сочетание звуков означает мелкое шебуршание, суетливые попытки провернуть какое-нибудь дельце, завести свой маленький бизнес. "Халат! Халат! Шурум-бурум!" – кричали лет сто назад на улицах российских городов татары-старьевщики. И если первое слово татарское и означает "одежда", то таинственное "**шурум-бурум**" это всего лишь искаженное русское "старье берем!"*[16]. У Константина Паустовского *шурум-бурум* – кличка одного определенного татарина-старьевщика (К.Г. Паустовский, "Книга о жизни. Далекие годы"). Лишь один шаг отделяет такое прозвище от создания полноценного этнонима **шурум-бурум* 'татарин'. Если возглас *Старье берем!* является языковым явлением уровня (α), то его вариант *Шурум-бурум!* – это уже явление уровня ((α)β), а кличка татарина *шурум-бурум* ('человек, который все время говорит *шурум-бурум*') и значение 'неразбериха, путаница' в русском разговорном языке (Фасмер 4, 490) – явления уровня (((α)β)α).

И в заключение следует сказать несколько слов о словообразовательной структуре слова *ходя* и его морфологических особенностях. Большинство этнонимов, образованных по речевым особенностям референтов, оформлены соответствующими суффиксами. Однако в имеющихся у меня материалах у заимствования *ходя* есть лишь два бессуффиксных варианта: несклоняемое редуплицированное (и, видимо, более раннее) *ходя-ходя* и *ходя*, чье склонение в единственном и множественном числах подчиняется общим правилам изменения существительных мужского рода типа *батя*. Просматривается прямая зависимость между словообразовательной структурой этнонимов и возможностью их

использовать в качестве обращения. Этой зависимостью необходимо заняться отдельно на более обширном материале.

Очерченный здесь спектр значений русского слова *ходя* и механизм его возникновения из китайского *kuài diǎnr* показывают, что заимствования, возникшие в условиях непосредственного межнационального общения в отсутствии билингвизма, характеризуются менее предсказуемой диахронической семантикой, чем исконные слова или заимствования, являющиеся продуктом языкового контакта или культурного взаимодействия.

Принятые сокращения

БКРС *Ошанин И.М.* и др. Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах. М.: Наука, 1983–1984.

НКРЯ Национальный корпус русского языка ⟨www.ruscorpora.ru⟩

Примечания

[1] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 2001, 865.

[2] Например, в дискуссии от 22 февраля 2007 г. носительница русского языка из Западной Сибири признается на форуме сайта компании ABBYY, производящей электронные словари, что никогда не слышала слова *ходя* ‘китайский торговец’, а лингвист В.И. Беликов заявляет, что «*ходя* ‘торговец’ – это скорее для Европейской России и “ближней” Сибири. В Забайкалье были ходи-старатели, в Приморье – огородники, землекопы и прочее. Так что там *ходя*, скорее, любой китаец. Но уж больно давно выселили китайцев, так что слово знать могут только люди 1920-х годов рождения, более молодые – понаслышке. ⟨...⟩ К “новым” китайцам *ходя*, кажется, не применяется. Занятно, что стандартное в русско-китайском пиджине начала XX в. китайское обращение к русскому мужчине *капитана* сейчас возродилось. Но это результат “неполного вымирания” старого пиджина среди китайцев Маньчжурии. *Ходя* в “новый пиджин” вряд ли мог попасть» (forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=30587&pg=2).

[3] Опубликован в: *Прокопьев С.* Швейцария на полкровати. Омск, 2002.

[4] Синтаксис № 28, Париж, 1990.

[5] Русские пиджины изучаются уже более 180 лет, ср. в последнее время: *Шпринцин А.Г.* О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. Вып. VI. М., 1968, 86–100; *Хелимский Е.А.* “Русский говорка место казать будем” (Таймырский пиджин) // Возникновение и функционирование контактных языков. Материалы рабочего совещания / Ред. И.Ф. Вардуль, В.И. Беликов. М., 1987, 84–93; *Wurm Stephen A.* Some contact languages and pidgin and creole languages in the Siberian region // Language Sciences 14/3, 1992, 249–285; *Беликов В.И.* Русские пиджины // Малые языки Евразии. Социолингвистический аспект. М., 1997, 90–108; *Stern Dieter.* Russische

Pidgins // Die Welt der Slaven 47/1, 2002, 1–30; *Stern Dieter*. Taimyr Pidgin Russian (Govorka) // Russian Linguistics 29/3, 2005, 289–318; *Перехвальская Е.В.* Сибирский пиджин (дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2006. Джоанна Никольс анализирует, как межэтническая коммуникация изображается в художественной литературе: *Nichols J.* Pidginization and foreigner talk: Chinese pidgin Russian // E.C. Traugott, R. Labrum and S. Shepherd (eds.). Papers from the 4th International Conference on Historical Linguistics. Amsterdam, Benjamins, 1980, 397–407; *Nichols J.* Stereotyping interethnic communication: the Siberian native in Soviet literature // G.Diment and Yu. Slezkine (eds.) Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture. New York, St. Martin's Press, 1993, 185–214. Языковые трудности русско-китайского общения привели к широкому использованию китайской атрибутики в качестве знака непонимания: *Пчелинцева К.Ф.* Китай и китайцы в русской прозе 20-х – 30-х годов как символ всеобщего культурного непонимания // Путь Востока. Универсализм и партикуляризм в культуре. Материалы VIII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия "Symposium". Вып. 34. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005, 162–173.

[6] Она приводится разными источниками, см., например: *Тарасов А.* Такой кофда лазэны еси // Эксперт Сибирь № 41 (183), 5 ноября 2007.

[7] *Рискин В.* Шанхайские нравы // Челябинский рабочий, 29 декабря 1998.

[8] Об организации производства соли в Китае и торговле ею с XVII до начала XX века см.: *Chiang Tao-Chang*. The Salt Trade in Ch'ing China // Modern Asian Studies, 17/2, 1983, 197–219.

[9] *Wurm S.A.* Op. cit., 265.

[10] Полный текст анализа можно найти на сайте www.magister.msk.ru/library/publicat/volozhin/babele2.htm

[11] *Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга. Сленговые слова и выражения 60–90-х годов. Под ред. А.Н. Баранова. М.: Метатекст, 1997, 24.

[12] *Младенов М. Сл.* Названия и прозвища на групи българско население (образувани по техни говорни особености) // Известия на Института за български език. 1965, 12, 199–222.

[13] См. *братýшка* 'сърдечно именуване и обръщение към руски войник, руски човек' (БТР[4] 74).

[14] *Тарасов А.* Трудный русский, легкий китайский // Эксперт Сибирь № 41 (183), 5 ноября 2007.

[15] См.: *Wurm S.A.* Op. cit., 265. Стивен Вурм записывал свои материалы среди людей, эмигрировавших в 1940-х и 1950-х годах из Маньчжурии в Австралию.

[16] *Логинов С., Легостаев А.* Тысяча и одна идиома // ⟨private.peterlink.ru/legostay/e-020.html⟩

И.П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XXIV

I. В Этимологическом словаре славянских языков констатируется, что "праслав. **komъ* рассматривают, в сущности, как именное производное с *-o-* вокализмом корня, предполагающее наличие исходного глагола с корнем **kem-*. Ср. Berneker I, 557 со ссылкой на лит. *kemšù, kimšti* 'напихивать'..." (ЭССЯ 10, 180). Однако в славянских языках такой глагол до сих пор зафиксировать не удавалось. И все же ступень **čem-*, по-видимому, может быть обнаружена в сербохорватском языке.

В Этимологическом словаре Скока (Skok I, 306) помещена статья *čemiti*, в которую включены семантически разнородные лексемы, имеющие совершенно разное происхождение. Сам Скок пишет: "Težko je složiti ova značeńa" (= "Трудно согласовать эти значения"). Так, представленный здесь диал. (Крк) глагол *čemiti* 'гудеть, шуметь (о воде, когда она готовится закипеть)' трактуется Даничичем как заимствование из лат. (*gemere*), тогда как Скок признает эту версию несостоятельной как в отношении фонетики, так и семантики, считая данный глагол ономатопеей. Диал. *čemlja* ('свирель'?) (Kavanin), которое интерпретируется Даничичем как заимствование из итал. (*commamella* 'свирель'), что, по мнению Скока, невозможно по фонетическим причинам, вообще остается без комментариев. Диал. (Корчула) *iščemúhat* '(о дыне) 'izvodnjiti' связывается Скоком с основой *čem-*, которая, однако, далее не идентифицируется. Здесь же, также без комментариев, приводится диал. (Лика) глагол *raščemùšati* 'разъединить, развести ссорящихся', а также диал. (Полица) страд. прич. прош. вр.: *kosa je raščemušana* 'волосы не расчесаны, спутаны, растрепаны, взлохмачены, всклокочены'.

Непосредственный интерес для выявления исследуемой основы **čem-* представляют только два последних слова, так как остальные прежде всего семантически не совместимы со значениями, представленными в гнезде **kom-/*čem-* и предполагают иное этимологическое решение: так *čemiti* 'гудеть' и *čemlja* 'свирель', по-видимому, являются ономатопеями, а *iščemúhat* остается неясным. В случае с примером *kosa je raščemušana* речь идет о взлохмаченных, всклокоченных, собственно – с к о м к а н н ы х

волосах.Что касается *raščemùšati* 'разделить, разъединить (ссорящихся)', то в статье *kom* (Skok II, 130) приводится структурно идентичный и семантически близкий глагол с корнем *kom-* *ras-kom-uš-ati se*, значение которого соответствует значению наречия *ras-kom-us* 'отдельно, обособленно' – к *ras-kòm-us-iti* 'расторгнуть, разойтись'.

Но особенно ценным свидетельством наличия в прошлом в сербохорватском языке глагольного корня **čem-* является существование лексической пары, также демонстрирующей структурную и семантическую идентичность ее членов, – это *комỳшина* (Вук) – *чемỳшина* с общим значением 'кукурузные листья', причем Вуичич приводит лексемы *комỳшина* и *чемỳшина* как синонимы: *чемỳшина* 'лист са кукуруза, к о м у ш и н а' (Вујичић. Рјечник Прошћења 134).

Приведенные факты, по-видимому, позволяют отклонить версию Скока (Skok II, 130) о том, что в зафиксированном в Ораховице (Славония) глаголе *o-čem-ùnjati* 'очистить от шелухи, кожицы, ободрать кору, облупить', являющемся вариантом к *kom-unjati* 'вылущить горох из стручка', переход *ko* в *če* (*ko* > *če*) произошел в результате скрещивания с *čehnuti*, а не является чередованием. Указанные здесь примеры с очевидностью говорят как раз об обратном – о наличии чередования *čem-/* **kom-*, подтверждая существование в праславянском глагола с корнем **čem-* в значении 'чистить, шелушить, лущить; отделять; комкать'.

II. В Новгородском областном словаре приводится глагол *очерте́ть* в значении 'стать богатым, сильным' (Новг. словарь 7, 76), в других словарях не обнаруживающийся и объектом исследования не являвшийся, однако представляющий определенный интерес. Дело в том, что, если основа этого глагола однозначно реконструируется как **čьrt-*, то его семантику ('разбогатеть') трудно напрямую соотнести с семантикой других лексем, восходящих к *čьrt-* (к и.-е. (*s*)*ker-* 'резать') – **čersti*, **čьrtǫ* 'чертить, проводить борозду, вспахивать' (др.-рус., рус.-цслав.), **čьrtiti* 'корчевать, царапать' (словен.), 'грызть, сверлить; перечить' (словац. диал.), 'проводить черты, чертить' (рус., блр. и др.), **občertiti* (почти исключительно в значении 'очертить, обчертить'), **čьrtati* 'царапать' (ст.-слав., словен.), 'корчевать' и 'делать надрезы, зарубки' (словен.), 'чертить, рисовать' (болг., макед., с.-хорв., словен., словац. и др.), **čьrtъ* (в большинстве языков в значении 'черт, злой дух', см. еще 'неприятность' (словац.), 'ненависть, вражда'

(словен.), а также ‘раскорчеванное место’ и ‘межа между двумя пашнями в горах’ (словен.) и др.) (см. ЭССЯ 4, 75, 163; 26, 145). Однако при более подробном рассмотрении круга лексем с основой **čьrt-* можно указать ряд примеров, позволяющих обосновать семантическую связь значения ‘разбогатеть’ с приведенными выше. В этом отношении прежде всего показателен помещенный в Новгородском словаре иллюстрирующий контекст при *очертеть*: Теперь-то, брат, мы *очертели* стали жить богаче, а после войны были п о с л а б н у в ш и (Новг. словарь, там же), который демонстрирует связь значений ‘стать сильнее, окрепнуть’ – ‘(раз) богатеть’.

Кроме того, показательно, что в гнезде **čьrt-* присутствует и другой глагол с чрезвычайно близкой семантикой – это др.-рус., рус.-цслав. *чьрсти*, *чьрту* ‘изобиловать’, приведенный в Словаре Срезневского с вопросом (Срезневский III, 1568). Думается, что фиксация русского глагола *очертеть* ‘разбогатеть’ поддержит формулировку значения (‘изобиловать’) и поможет снять вопрос.

Аналогичное сочетание значений (‘крепнуть’ = ‘богатеть’) наблюдается и в других случаях: см., напр., блр. диал. *абы́раць* ‘падужэць’ (= ‘окрепнуть, стать сильнее’), ‘разбагацець’ (= ‘разбогатеть’) (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 167). Констатируемое семантическое развитие ‘окрепнуть, стать сильнее’ → ‘разбогатеть’ естественно предполагать и для глагола *очертеть*, тем более, что значения ‘твердый, жесткий, крепкий; сильный’ являются основными для отглагольного прилагательного с суф. *-tvъ* **čьrstvъ* < **čьrt-tvъ* (см. болг., макед., словен., польск., рус. и др. – ЭССЯ 4, 159–160), а ‘твердеть, крепнуть, черстветь’ – для производного от него глагола **čьrstvěti* (словен., чеш., польск. и др. – ЭССЯ 4, 159).

К лексемам в значении ‘укреплять, твердеть’ семантически близок также глагол, зарегистрированный в Словаре Новосибирской области, *при-черти́ть* ‘п л о т н о подогнать бревно к бревну в стене дома’ (Новосиб. словарь 440). Ср. соответствующее значение ‘вплотную, плотно’ у ряда наречий, также, в конечном счете, восходящих к глаголам, обозначающим разрушительные действия (как и глаголы с основой **čьrt-*, далее – к и.-е. *(*s*)*ker-* ‘резать’): *впритёску* ‘плотно’ (Новг. словарь 1, 141) – к **tesati*, *впритру́т*, *впритру́ть* ‘вплотную, очень плотно’ (перм., свердл.) (СРНГ 5, 177) – к **truti*, далее к **ter-* ‘тереть’, см. еще *впритúрку* то же – к **tirati*, кот. также к **ter-* и др.

В заключение отметим, что в славянских языках представлены лишь два глагола с основой на *-ě-* **čьrt-ě-ti* : это рус. гл. *о-черmеть* 'разбогатеть' (← 'стать сильнее, укрепиться') и словен. гл. *črtéti* 'ненавидеть' (Plet.[2] I, 115), демонстрирующий иную линию семантического развития – ср. словен. *čȓt* 'ненависть, вражда' (Plet. I, 114) и далее, вероятно, к **čьrtъ* 'злой дух, черт' (см. чеш. *čert* также 'неприятность') или к 'раскорчеванное место' (словен. *čȓt*), 'корчевать', 'царапать', 'делать надрезы, зарубки' (словен. **čŕtati*, ст.-слав. **чрьтати** 'царапать' – см. ЭССЯ 4, 164–166; 161–162).

М. Рачева

О ПРОДОЛЖЕНИЯХ ПРАСЛАВ. **TRAP-* : **TROP-* И **TORP-* В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Отмечая в специально проведенном анализе лексическую изолированность в славянских языках болг. *трап* 'яма, ров' и с.-хорв. *тра̏п* 'яма для хранения зимой картофеля и зелени', серб.-цслав. **трапъ** 'fovea' (с XIV в.), Л.В. Куркина справедливо указала на отсутствие восточнославянских соответствий для этого слова как на основную трудность при реконструкции праславянской формы: **torpъ* или **trapъ*?[1]. Специфически ограниченный ареал и наличие прямого лексического влияния греческого языка в двух южнославянских языках стали основой для этимологического истолкования болг. *трап* и с.-хорв. *тра̏п* в указанных значениях как заимствования из нов.-греч. τράφος 'ров' (Skok III, 491)[2]. Широко принятая в литературе до самого последнего времени праславянская реконструкция **torpъ* основана на предположении родства с лит. *tárpas* 'промежуток', *tarp* 'между'[3] (ср. Младенов 637). В круг предполагаемых индоевропейских соответствий позднее включены тох. А *tarp-* 'болото, озеро'[4], фрак. *tarpa-* в топ. *Tarpodizos* с предполагаемым значением 'крепость в долине'[5] и осет. *taerfae* 'широкая, ровная долина, низина'[6].

Трудности и колебания, сопутствующие этимологическому определению болг. *трап* и с.-хорв. *тра̏п* в указанных значениях, прямо отражаются на толковании ряда болгарских глагольных форм с той же основой. Так, привлекая в качестве сравнения гл. *докòпвам*, общеболгарское значение которого 'хватать, ловить, грабить, похищать', перен. 'красть, тащить', Младенов (Младенов 83) связывает глаголы без указания значения *втрàпчам*, *втрàпч(у)вам* и *втрàпча* с сущ. *трап* в общеболгарском значении 'яма, ров', а в БЕР (1, 197) для определяемых как диалектные, но без указания места, гл. *втрàпчувам*, *втрàпча* и *врàпчувам* 'ловить, крепко хватать кого-л. внезапно; добираться' и *втрапàвам*, *втрàпя* 'впихивать, всовывать, втыкать, вонзать' приводятся высказанные с определенными сомнениями предположения в Толковом словаре Младенова (Младенов БТР 368) о связи с *трап* 'яма' или с гл. *тлàпя* (снова без указания значения, ср. *тлàпам* 'тяжело ступать'), при этом в качестве сравнения привлекаются с.-хорв. *у́трапити* 'зарыть в яму' и болг. *натрàпвам* 'навязывать, обременять'.

Неразработанная аргументация упомянутых предположений и разнонаправленные сравнения затрудняют проведение анализа. Так, приведенное в БЕР (I, 197) предположение в Толковом словаре Младенова о связи *втрàпчувам* и его вариантов с *тлàпя* подводит к необходимости обоснования сомнительного фонетического перехода *тл* > *тр*. Выдвинутое Младеновым (Младенов 83), повторенное с сомнениями в Толковом словаре Младенова (Младенов БТР) предположение о связи *втрàпчувам* 'хватать и т.п.' с *трап* 'яма' позволяет предполагать отыменный глагол с исходным значением 'ставить в яму', что соответствовало бы привлеченному в качестве сравнения в БЕР с.-хорв. гл. *ýтрапити* 'зарывать в яму; втыкать' (ср. с.-хорв. *трȁпити* 'сажать', 'глубоко копать землю; закапывать', 'выкорчевывать (пни)', определяемому Скоком (Skok III, 491) как отыменный фактитив от с.-хорв. *трȁп* в указанных значениях. Но предполагаемая связь *втрàпчовам* с *трап* противоречит представленному в БЕР сравнению *втрàпчувам* с *натрàпвам* 'навязывать, обременять' ввиду того, что последнее истолковано в БЕР (4, 556) как родственное *търпя̀* 'терпеть' < праслав. **tьrpěti*. Ср. у Младенова (Младенов 341–342) приведенные в качестве соответствий болгарскому *натрàпвам (се)* укр. *трáпити*, польск. *trapić*, чеш., словен. и хорв. *trapiti*, которые определяются как продолжения каузатива от праслав. **tьrpěti* > *търпя*, а значение определяется как 'мучить, т.е. заставлять терпеть' (ср. подобное толкование польск. *trapić* у Брюкнера (Brückner 575)).

Отмечая критическое отношение Френкеля (Fraenkel 1061–1062) к предполагаемому родству лит. *tárpas* 'промежуток' и ю.-слав. *трап*, *трȁп* 'яма' в основном по причине семантических различий, Л.В. Куркина подвергла обстоятельной ревизии положение о балто-славянском соответствии[7]. Согласно автору, предварительный анализ лексики показывает, что сближение балтийского и южнославянского слова основано на производной семантике, однако близость значений наблюдается только на последнем этапе семантического развития, тогда как предшествующие ступени семантического преобразования мотивированы различной исходной семантикой, которая для литовского существительного *tárpas* 'промежуток' связана с семантикой и.-е. **ter-* 'преодолевать, пересекать, переходить (на противоположную сторону)' (Pokorny 1, 1074–1075; Fraenkel 1061–1062). Кроме широко распространенного значения с.-хорв. *трȁп* 'яма (для хранения картофеля и зелени зимой)', Л.В. Куркина отме-

чает несколько другое значение – ‘перекопанная и перепаханная земля’ с дальнейшей специализацией в направлении ‘молодая виноградная лоза’, ‘бахча; огород’ и др., а для с.-хорв. *тра̏пити* и его префиксальных вариантов отмечает как характерные значения ‘копать, перекапывать, окапывать; вырывать с корнем, полоть’. Та же исходная семантика предполагается автором и для современного болг. *трап* ‘ров, яма’, ‘вырытое, выдолбленное место’ (Геров), диал. *натра̀пим* ‘проводить канавки для оттока дождевой воды’[8], *страп* ‘крутое место’[9], *трêпно* ‘круто, отвесно’[10], *натра̀пвам* ‘навязывать, обременять’ (Геров), как и для заимствования в албанском языке, ср. *trap* ‘канавка, борозда, ров’, ‘узкое и глубокое русло’, ‘яма для картофеля’, ‘межа, граница между нивами’, ‘тропа в горах и лесу’, ‘лодка однодеревка’[11], и в румынском языке, ср. *trap* ‘канавка, долина, ров’, *traf* ‘граница между двумя виноградниками’, семантика которых, согласно автору, ближе к той линии развития, которая представлена в болгарском языке и его диалектах.

Свои выводы Л.В. Куркина подкрепляет ссылкой на давнюю, долго игнорируемую идею Х. Шумана[12], согласно которой ю.-слав. праслав. **trapъ* связано с гнездом праслав. **trepati* ‘ударять, бить, трясти’ < и.-е. **trep-*. Согласно автору, указанные ю.-слав. слова в их конкретном значении представляют собой диалектное праславянское новообразование с удлинением корневого гласного по отношению к праслав. **tropa* > рус. *тропа́* ‘тропинка’и т.д., что исключает их участие в приведенной выше балто-фрако-скифской изоглоссе. Л.В. Куркина полагает, что в отличие от гл. **trapiti* ‘мучить’ > чеш. *trapiti* ‘мучить’, польск. *trapić*, словен. *trapiti* с тем же значением, возникших путем удлинения корневого гласного в **tropiti* (> чеш. *tropiti* ‘возбуждать споры, ссориться и т.п.’): **trepati* ‘ударять, бить, трясти’[13], представленный в качестве земледельческого термина гл. **trapiti* в сербохорватском и болгарском языках отыменного происхождения, производный от **trapъ*. Не принимая существующее истолкование через связь с рус. *торопи́ть* ‘побуждать делать что-л. быстро’[14], автор относит к возникшим через удлинение корневого гласного в праславянском гл. **trapiti* ‘мучить’ и болгарское диалектное прилагательное *тра̀пен* ‘изумленный, растерянный’.

По сравнению с другими известными опытами объяснения получившая дальнейшее развитие идея Х. Шумана о связи указанных выше южнославянских слов с гнездом праслав. гл. **trepati* ‘ударять, бить, трясти’ имеет важные формальные и семанти-

ческие преимущества. Объяснительные возможности этой идеи сохраняют силу и для не включенных пока в анализ фактов болгарского языка. Появляются и предпосылки для пересмотра некоторых связанных с этим истолкований.

Продолжения праслав. **trapiti*, **trapati*, **trapъ*

1. Диал. *тра̀пя* 'ударять, бить'.

В отличие от с.-хорв. *тра̏пити* в специализированном значении 'копать, перекапывать, окапывать; вырывать с корнем, выкорчевывать' болгарский диалектный гл. *тра̀пя* 'ударять, бить', засвидетельствованный в одном из так называемых балканских говоров[15], прямо связан с исходной семантикой 'ударять, бить, трепать', получившей отражение в праслав. **trepati*. Значение 'ударять, бить' представлено в отмеченном в той же диалектной области выражении *ще ти тра̀пя един бой*[16], ср. с тем же значением общеболгарское фразеологическое сочетание *у̀дрям един бой* (ср. *Мислил да ти удари един добър бой* – Младенов БТР s.v. *бой*), а также сочетание *тра̀пим карти* 'играем в карты'[17], ср. с тем же значением жаргонные выражения *у̀дрям карти* и *чу̀кам карти*.

2. Диал. *трапешко̀м* 'одновременно двумя ногами (о движении с подскоком)'.

Исходное глагольное значение 'ударять, бить' обнаруживает и засвидетельствованное в одном фельетонном тексте редкое диалектное наречие *трапешко̀м*: *...съществува и трета възможност – ... да е излязъл от кафенето трапешком, сиреч да е подскочил на стъпалото с двата си крака*[18]. Наречие *трапешко̀м* в указанном значении образовано от действ. прич. наст. вр. гл. *тра̀пя* 'ударять, бить', как *стоешко̀м* от *стоя*, *тичешко̀м* от *тѝчам* и т.д., ср. значение с.-хорв. *тра́пати* 'топать ногами; топтать', являющегося продолжением имперфективной праславянской формы **trapati*. То же происхождение и значение следует предположить и для варианта с диалектной редукцией неударного гласного *тръпишко̀м* в тексте народной песни: *Въскачи съ зайку нъ високу мясту, тропум, зайку, тро̀пум, тро̀пум пу тръпишко̀м, клѐкум пу кликишко̀м*[19]. Представленная в этом тексте наречная форма *тро̀пум*, возможно, вместо **тра̀пом* 'с ударом', старой формы тв.п. от отглагольного имени *трап* (см. ниже).

3. Диал. *тра̀пи* 'желает, ищет', *тра̀пи ми се* 'мне хочется'.

Развитие исходного значения 'ударять, бить' > 'действовать настойчиво' > 'желать, искать' отражает форма 3 л. *тра̀пи* 'желает', засвидетельствованная в гоцеделчевском, так называемом мещруганском тайном говоре (говоре каменщиков) вместе с возвратно-безличной формой *тра̀пи ми се* 'мне хочется'[20], ср. также отмеченную в том же говоре форму *тра̀пам* 'желать, искать'[21]. Подобное развитие значения представляет польское продолжение *tropić* 'искать, исследовать; выслеживать' < праслав. **tropiti*, справедливо связываемое Брюкнером с польск. *trzepać* < праслав. **trepati* (Brückner 577).

4. Диал. *трапу̀цам* 'навязывать (силой)', *трапаньо̀сувам* (*се*), *трапаньо̀ша* с тем же значением.

Исходным значением 'ударять, бить' > 'вбивать' > 'впихивать' мотивировано значение 'навязывать (силой)' производного гл. *трапу̀цам*[22], образованного от *тра̀пя* в указанном выше значении или от имперфективной формы **тра̀пам* с экспрессивным суф. *-уц-ам* (ср. *киху̀цам* от *кѝхам* и др.). То же семантическое развитие представляют гл. *трапаньо̀сувам се* 'навязываться'[23], *трапаньо̀ша* 'навязать (силой)' в тексте народной песни: *Седи мама, та си мисли кому да ме трапаньо̀ше*[24], производные с суф. *-ос-ув-ам* от гл. **трапа̀ня*, который опять же образован от *тра̀пя* с помощью экспрессивного суф. *-ан-я*.

5. Диал. *втра̀пя*, *втрапя̀вам* 'втыкать, всовывать', *втра̀пчовам* 'задержать силой', *втрапа̀рча*, *втрапа̀рчовам* 'втыкать силой; задерживать силой; поставить в узкое место, запереть', *утрапа̀рча*, *утрапа̀рчовам* 'задержать силой, запереть'.

Кроме общеболгарского гл. *натра̀пвам* (*се*) 'навязывать(ся); обременять', уже верно объясненного как префиксальная форма с исходным значением 'вбивать, всовывать, впихивать'[25], аналогичное семантическое развитие 'вбивать' > 'втыкать' представляет диалектный префиксальный гл. *втра̀пя*, *втрапя̀вам* 'всовывать, втыкать' (Геров) вместе с засвидетельствованными в книге Попа Минчо "Видрица" производными формами:

с суф. *-ч-ов-ам втра̀пчовам* 'задерживать силой': *А Узунов втрапчоват*[26];

с суф. *-ар-ч-а*, *-ар-ч-ов-ам*: *втра̀парча*, *втрапа̀рчовам* 'воткнуть/втыкать, всунуть/всовывать насильно; задержать/задерживать силой; ставить в узкое место, запереть/запирать': *Миткатa*

втрапарчи торбата с ерината мене в ръцете[27]; *Втрапарчиха паша Петка и с хората му заедно го блъснаха в Диарбекир*[28]; *Агите втрапарчиха дяда Пейча и другарите му и друго не щат: "Пара, чорбаджи!"*[29], фонетический вариант *утрàпарча, утрапàрчовам* 'задержать насильно, запереть': *И ний не губихме време, та го утрапарчихме – парите! ...*[30]

6. Диал. *трàпал* 'большая не по размеру обувь, старый большой ботинок', *тръ̀пъль* 'часть приспособления для отжима меда', *тръпàло* 'молоток для стука по входной двери'.

Производным с суф. *-ал(ь)* от *трàпя* 'ударять, бить' или от имперфективной формы **трàпам* является существительное *трàпал* 'большая, не по размеру обувь'[31], мн.ч. *трàпали* 'старые большие ботинки'[32] с исходным значением 'то, что ударяет, бьет' > 'то, что хлопает', ср. *клóпори* 'большие, не по размеру ботинки' и *клóпам* 'ударять, стучать', *хлèпки* 'домашние туфли' и диал. *хлèпам* 'шлепать'.

Аналогичное объяснение имеет и редкое диалектное существительное *тръ̀пълъ* 'плотно прилегающий кусок дерева – часть приспособления для отжима меда'[33], вероятно, возникшее из первоначального **трàпаль* с диалектным переходом ударного *а* > ъ, ср. подобное развитие *тръп* наряду с *трап* 'ров, окоп'[34]. Здесь имело место развитие исходного глагольного значения 'бить, ударять' > 'наступать, применяя силу, давить'. Сходное происхождение можно предположить и для отглагольного существительного *тръпàло* 'дверной молоток' < **трапàло*[35].

7. Диал. *трапàнец* 'колодец', *трапалòк* 'нива на крутом склоне'.

Производной с праслав. суф. *-апь* от *трàпя*, **трàпам* 'бить, ударять' > 'рыть, копать', вероятно, является основа **трапàнь* в редком диалектном слове *трапàнец* 'колодец'[36] с суф. *-ец*, как в общеболг. *клàденец*. Ср. сходное образование и семантику рус. диал. *кóпань* 'яма или ров, выкопанные для собирания дождевой или подпочвенной воды; неглубокий колодец' наряду с бòлг. диал. *копàн* 'корыто', *копàня* с тем же значением.

Ту же самую основу можно предполагать и для диалектного существительного *трапалòк* 'нива на крутом склоне'[37] от предшествующей формы **трапанлòк* с суф. *-лок* < тур. *-lık* с вторичным прояснением гласного в говоре.

8. Диал. *тра̀пушки* ‘женское головное украшение из металлических подвесок’.

Производным от *тра̀пя* ‘бить, ударять’ > ‘трепать’ или **тра̀пам* с тем же значением может быть и *тра̀пушки* ‘женское головное украшение из металлических подвесок’[38], ср. в плане семантики и словообразования диал. *трѐпки* ‘женские украшения для волос – цепочки и по ним мелкие монетки’, ‘серебряные украшения из треугольных плиток с нанизанными на них пластинками’ и др., *треперу̀шки* ‘блестящие металлические пластинки или проволочки к женской одежде’, ‘мелкие белые и желтые монетки, продырявленные посередине, зашиваемые по швам женских платков “шамия” ’ и др.

9. Диал. *трап* и производные как агротехнические термины.

Отмеченное для с.-хорв. *тра̏п* специальное значение ‘перекопанная и перепаханная земля’ совершенно определенно соотносится с диалектным значением болг. *трап* ‘ограниченное пространство в саду, грядка’[39], ‘место между бороздами в огороде’[40]. Засвидетельствованы и диалектные агротехнические значения, тесно связанные с основным значением ‘ров’, ср. *трап* ‘борозда на ниве’[41], ‘еще невспаханная борозда посреди поля, средняя борозда’[42], ‘борозда на поле; канавка для орошения’[43], ср. в тексте народной песни: *Цел ден съм лозе копали, тежка мотика дигала, по два съм трапа карала…*[44]

Связанная со специфическим способом обработки земли семантика с.-хорв. *тра̏пити*, отмеченная Л.В. Куркиной также и для префиксальной болгарской диалектной формы *натра̀пим* ‘делать канавки для оттока дождевой воды’ (см. выше), находит отражение в болг. диал. *тра̀пя* ‘пахать более широкие ряды’[45], *тра̀па* ‘окапывать кукурузу’[46], ‘делать борозды для посадки кукурузы, бобов, арбуза, дыни, бутылочной тыквы, табака, овощей’[47]. Отыменные глаголы в с.-хорв. *тра̏пити* и болг. *тра̀пя* с указанными значениями имеют точную словообразовательную и семантическую параллель в общеболгарском гл. *браздя́*, производном от *бразда̀*.

10. Диал. *трап* и производные как названия углубления.

О связи общеболг. *трап* ‘ров, яма’ с глагольным значением ‘долбить, рыть’ свидетельствует *трап* ‘выбоина в очаге’[48], ‘место, выдолбленное ливневыми потоками’[49], ‘землянка’[50],

‘окоп’[51], ‘пропасть’[52], ‘обрыв, крутизна’[53], ‘низкое место, провал, огражденный холмами’[54], ср. далее значение ‘котловина площадью в 10 декар (= мера земельной площади)’[55], ср. также производные формы: *трапàк* ‘углубление’[56], *трàпан*, прилаг. ‘глубокий’[57], *трàпест* ‘котловинный’[58], *трàпче* ‘знак, вырезанный на ухе овцы’[59], *трапчилàто* ср.р. прилаг. ‘состоящее из небольших ямок’[60]. Значение ‘долина’ засвидетельствовано и для редкой диалектной формы *трàпа* ж.р.[61], ср. также производную форму *трàпка* ‘углубление’[62].

11. Диал. *трап* и производные как названия наклонной поверхности.

Специализацию глагольного значения ‘долбить, рыть’ > ‘изменить наклон ровной поверхности’ отражают диалектные значения *трап* ‘крутизна’[63], ‘немного наклоненный, пологий склон горы’[64], ‘крутой горный склон с осыпающейся землей, песком или мелкими камнями; обрыв’[65], ‘поле на крутом склоне’[66], ‘поле на крутом склоне, не дающее большого урожая’[67], ср. сочетания *въз трап* ‘на подъеме’, *низ трап* ‘на спуске’[68], наречие *трàпон* ‘на подъеме, каменисто’[69] из первонач. **трàпом*, старой формы тв.п., *трàпен* ‘пологий, слабо выраженный (склон)’[70], *трàпан* ‘крутой’[71], *трàпна* ‘о ниве на крутом склоне’[72], *трàпно* ‘слабо наклоненное, пологое’[73], ‘крутое’[74], *трàпище* ‘поле на крутом склоне’[75], *трапчòк* ‘ложбина’[76], *тръпùло* ‘крутой горный склон с осыпающейся землей’[77] из **трапùло*, в отношении образований от именной основы с суф. *-ило* ср. *чергùло* ‘откидной верх повозки из домотканного одеяла, кожи, полотна’, произв. от *чèрга*. Вероятно, отыменными образованиями являются также следующие диалектные прилагательные со значением ‘крутой’: *трапùва* ‘пологая (о ниве, саде)’[78], *траплùв* ‘пологий, покатый’[79].

12. Диал. *трап* и *трàпа*, междометия.

Непосредственно связаны с основным глагольным значением ‘бить, ударять’, засвидетельствованные как междометия девербативы *трап* и *трàпа*:

трап в тексте: *Удещимица уд лузанка на лузанка да палат дека е по-благуту грозде – трап, лисицата се файкя на жилезу*[80];

трàпа в выражении *трàпа-трýпа по лествица*[81].

Продолжения праслав. **tropiti*, **tropati*, **tropъ*

1. Диал. *тро̀па са* ‘колебаться’ и производные.

Согласно данным, доступным на сегодня, гл. *тро̀па са* ‘колебаться, быть в нерешительности’ засвидетельствован в одном юго-западном болгарском говоре – ботевградском, вместе с производным *тро̀пеш* ‘колебание, нерешительность’[82]. Ясная семантическая связь с засвидетельствованными в той же диалектной области префиксальными формами *потро̀пувам (се)*, *потро̀пим (се)* ‘растревоживать(ся), нарушать спокойствие, расстраиваться’: *потро̀пихте човеко*, *потро̀пен* ‘растревоженный, неспокойный, нерешительный’, *растро̀пувам*, *растро̀пим* ‘растревожить, внезапно испугать’[83], *растро̀пен* ‘растревоженный’[84], *растро̀пувам се* ‘разгуливаться, переставать хотеть спать; охватывает меня беспокойство’, ‘расстраиваться’[85], *растро̀пим* ‘рассеять, разогнать сон’[86], как и с существительными отглагольного происхождения *тро̀пки* ‘заботы, неприятности, заглюски’[87], позволяет восстановить для основной глагольной формы *тро̀па са* исходное значение ‘тревожить(ся), беспокоить(ся), сердить(ся)’. Очевидно, что редкий западноболгарский диалектный глагол с указанной семантикой, который может быть определен как неотмеченное пока соответствие чешскому *tropiti* ‘возбуждать спор, ссорить’, продолжает праслав. **tropiti* : **trepati* ‘ударить, бить, трепать’[88]. То же происхождение имеет и польский гл. *tropić* ‘преследовать, гнать’ (ср. в библейском тексте: *I tropił duch Boży zły Saula* – Книга царей I, 19, 9; *Factus est spiritus Domini malus in Saul* – Vulgata), справедливо связываемый Брюкнером (Brückner 577) с польск. *trzepać* < праслав. **trepati*.

Как вариант к *тро̀па са* ‘колебаться’ должен быть определен гл. *трупя̀ (се)*, засвидетельствованный с диалектным переходом безударного *о* > *у* вместо **тропя̀ се* в тексте Т.Г. Влайкова: *И фана да мисли за това и да се трупи*, и представленный в РРОДД со значением ‘мучить, терзать’. Точное значение в тексте ‘тревожить(ся)’, ср. у того же автора *разтрупя се* ‘растревожиться; мне стало тяжко’: *... от невиделица ми дойдат тия мисли, па се разтрупя*, вместе с причастием *разтрупен*: *... и тя бе много угрижена и разтрупена*, как и вторичный по форме глагол с тем же значением *разтру̀пвам се* в тексте: *И унесен над книгата, разтрупвам се и мисля, мисля* (РРОДД). Форма *разтру̀пвам се* возникла из первоначального **разтрупя̀вам се* < *разтропя̀вам се*

вероятнее всего под влиянием глагола *разтрӯпвам* ‘разрезать на куски’. Следы этого влияния можно видеть в различном истолковании Геровым *разтрӯпвам се* как *разкъ̀ршен съм*, *не ми е добре*, *като да съм настинал*, ср. общеболг. *къ̀рша* ‘рубить, ломать (ветки и др.)’ и разг. *разкъ̀ршен* в значении ‘физически изнуренный, усталый’ (БТР).

2. Диал. **тропешко̀м* > *трупешко̀м* ‘галопом’.

Наречию *трапешко̀м* ‘одновременно двумя ногами (о движении с подскоком)’, производному от *тра̀пя* ‘ударять, бить’ < **trapiti* (см. выше), словообразовательно и семантически соответствует *трупешко̀м* ‘галопом (мчаться)’[89], которое может быть определено как вариант с диалектной редукцией неударного *о* > *у* в исходном **тропешко̀м*, производном от *тро̀пя* / *тро̀пам* ‘хлопать, стучать’ < праслав. **tropiti* / **tropati*. Аналогичное объяснение от исходного **тропешка̀та* приложимо и к имеющему статус народного слова наречию *трупешка̀та* ‘при скачке, прыжке – двумя ногами вместе’[90]. Такое объяснение подтверждается формами *тропнешко̀м*, *тропнешкѝм*, *тропнешка̀та* ‘со стуком’ (Геров), наряду с которыми *трупнешко̀м* ‘двумя ногами вместе’[91] и *тропнишко̀м*, *тропнишкѝм*, *тропнишка̀та* с тем же значением (Геров), *троплешко̀м*, *троплешкѝ*, *троплешкѝм*, *троплешка̀та* то же (Геров).

В БТР включены определяемые как областные формы с ударением на первом слоге: *трӯпешки* и *трӯпешката* ‘двумя ногами одновременно (о прыжке)’, которые имеют подтверждения и на диалектном уровне, ср. *трӯпешки* ‘с собранными вместе ногами’: *рипам трӯпешки*[92], *трӯпешком* ‘с подобранными ногами (при прыжке)’: *рипам трӯпешком*[93] и *трӯпешката*: *рипам трӯпешката*[94], *трӯпечки* и *трӯпечката* с тем же значением: *рипам трӯпечката*[95], *трӯплешки* и *трӯплешката* нареч. ‘о прыжке, одновременно двумя ногами’[96], а также и *трупъчки* в сочетании *ӯз трупъчки*: *Не рипай на длъго, но ӯз трупъчки на горе*[97]. Последнее можно сравнить с с.-хорв. *trȕpačkē* и *trȕpačkī* ‘сразу, немедленно’ (Черногория), представленными в словаре Скока (Skok III, 516) в составе производных с.-хорв. *trȗp* ‘туловище, корпус; пень’ и определяемыми как “prilog na *-kē*”. В болгарских народных говорах отмечен переход ударного *о* > *у*, но в случае с *трӯпешки* и вариантов вместо *тро̀пешки* скорее можно предположить связь с праслав. **trupъ*, подтверждением которого является засвидетельствованный в южнославянских языках отыменный гл. **trupiti* /

**trupati* с тем же значением ‘ударять, бить’ > ‘топать, стучать’ (ср. болг. *тру̀пам* ‘топать, стучать’ в тексте народной песни: *Кончи тру̀па, юнак буди*[98], в тексте: *Кой тру̀па нъ вратта, кой дойде?*[99], с.-хорв. *тру̏пити* ‘неожиданно врываться, вторгаться; бухнуться’, *тру̏пкати* ‘бежать, ехать рысью’, словен. *trúpiti*, *trúpati* ‘ударить, бить’). Значение ‘ударить, бить’ > ‘топать, стучать, хлопать’, очевидно, вторичное, возникло из первоначального ‘дробить, крошить, ломать’, ср. болг. *тру̀пя* ‘рубить дерево на части’ (Геров), ‘резать дерево на части’[100], *тру̀пам* ‘перерезать дерево пилой’[101], рус. *трупи́ть* ‘дробить’, чеш. *trupiti* то же, словац. диал. *trupač* ‘бить, ломать, дробить’. Ср. и параллельное употребление девербативов *тра̀па* от *тра̀пя* ‘ударить, бить’ / *тра̀пам* и *тру̀па* от *тру̀пам* ‘топать, стучать’ в качестве диалектного междометия *тра̀па – тру̀па* (см. выше).

Как результат ассимилятивного изменения безударного *у* во втором слоге, поддержанное, возможно, ассоциацией с общеболгарским гл. *трѐпя* ‘ударить, бить’, а в одном случае – и с общеболгарским *трѐбя*, можно определить варианты *у̀трепешки* нареч. ‘о прыжке двумя ногами одновременно’[102], *у̀трепечки* ‘двумя ногами одновременно’ и *у̀трепечката* ‘неорганизованно, без плана’[103], *у̀треплешки* с тем же значением[104], *у̀трепешки* и *у̀требички* ‘о прыжке с места собранными ногами’[105].

3. Разг. *разтро̀пан* ‘сообразительный, смышленый’.

Разнообразную стилистическую окраску имеет страдательное причастие *разтро̀пан* в разных источниках болгарского языка. В “Словаре современного болгарского литературного языка” это – разговорное слово со значением ‘о том, у кого подвижный, живой ум’[106], в БТР – областное слово со значением ‘о том, у кого подвижный, живой ум; обтесанный, обтесавшийся’, в “Словаре болгарского жаргона”[107] – жаргонное слово со значением ‘разрушенный, разоренный, поврежденный, расстроенный’, но также и ‘опытный, поднаторевший’. По данным из первой половины уже минувшего века, *разтро̀пан* в говоре Калофер имеет значение ‘о том, кто умеет приспосабливаться и прилаживаться к любым условиям’[108], а в говоре Кесарево, Горнооряховско – ‘подвижный, живой, кто умеет добыть себе средства к существованию’[109]. В троянском говоре *ръстро̀пън* значит ‘прозорливый, сообразительный’[110], в говоре Сухиндол, Великотырновско, засвидетельствовано значение ‘живой, сообразительный, смышленый’[111]. В самоковском говоре *растро̀пан* значит ‘энергичный’[112].

Перевод болгарского *разтрòпан* русским прилагательным *расторóпный* в “Болгарско-русском словаре” 1975 г. послужил основанием для недавнего опыта истолкования болгарского слова как заимствования из русского языка устным путем. Согласно Т. Тодорову[113], *разтрòпан* ‘о том, у кого живой ум; сообразительный’[114], ‘о том, у кого живой, подвижный ум; разбитной’ (БТР) не диалектное, а широко распространенное в разговорном языке слово, которое автор признает сходным со страд. прич. прош. вр. от *разтрòпам се* ‘начать топать, плясать, скакать’, однако сближение с этим болгарским глаголом считает вторичным. В качестве классического примера в поддержку своей идеи Т. Тодоров приводит заимствованное из русского языка *кънкѝ, кѐнки* ‘коньки’ и видит в *разтрòпан* с указанными значениями очередной пример широкого проникновения русского слова устным путем в болгарский язык.

Но ясная, действительно классическая культурно-историческая обусловленность заимствования *кънкѝ, кѐнки* < рус. *конькú*, воспринятого в болгарском языке как единственное название известного приспособления для скольжения по льду вместе с самим предметом, контрастирует с отсутствием ясности в том, какие обстоятельства могли вызвать предполагаемое заимствование русского прилагательного *расторóпный* ‘быстрый, проворный, живой, ловкий’ и распространение его в болгарских диалектах, в жаргонной и разговорной речи будто бы с переоформлением как причастия в форме *разтрòпан.*

Неясны препятствия, будто бы мешающие определению болг. *разтрòпан* как настоящего причастия, а не формы, похожей на страд. прич. от болг. *разтрòпам (се)*. Засвидетельствованные в диалектах, в жаргонной и разговорной речи значения ‘у кого подвижный, живой ум’, ‘разбитной’, ‘опытный, поднаторевший’, ‘о том, кто умеет приспосабливаться и прилаживаться к любым условиям’, ‘восприимчивый, сообразительный’, ‘живой, смышленый’, ‘энергичный’ (см. выше) имеют очевидную связь как с общеболгарским значением ‘начать топать, плясать, скакать’ исходного гл. *разтрòпам (се)*, так и с его достоверно засвидетельствованным в диалектах значением ‘разгуляться, перестать хотеть спать’ (см. *разтрòпувам се*, *разтрòпим се* в предыдущем разделе) и обнаруживают параллель в общеболгарском употреблении причастий *събỳден* ‘разбуженный’ и *бỳден* ‘бодрствующий’ в переносном значении ‘интеллигентный, восприимчивый, сообразительный, умный’. Показателем связи с понятиями ‘разбуженный’

и ‘бодрствующий’ переносных по происхождению диалектных значений ‘энергичный’ и ‘сообразительный, смышленый и т.п.’ у прич. *разтро̀пан* является общеболгарское употребление прич. *заспа̀л* ‘уснувший, заснувший, заспанный’ в переносном значении ‘медлительный, неловкий; несообразительный’.

Указанные экспрессивные переносные значения прич. *разтро̀пан* основаны, конечно, на исходной семантике праславянского глагола **tropiti*, **tropati* : **trepati* ‘ударять, бить, трепать’, нашедшей отражение в имперфективе **tropati* > болг. *тро̀пам* ‘хлопать, стучать’ и т.д. Той же исходной семантикой мотивировано и несколько отличное значение в жаргоне *разтро̀пан* ‘испорченный, разрушенный, поврежденный’. Также близкой, хотя и связанной с конкретным культурно-историческим контекстом, является исходная семантика болгарского жаргонного и разговорного слова *отра̀кан* ‘развязный, несдержанный (о человеке)’[115], страдательного причастия от префиксальной формы общеболг. *тра̀кам* ‘стучать, хлопать, трещать’, ср. исходную семантику русского разговорного слова *разбитно́й*, при переводе которого в “Русско-болгарском словаре” С. Чукалова 1969 г. приведены болг. *отво̀рен*, *отра̀кан* и *събу̀ден*.

4. Диал. *троп* ‘неожиданное появление’.

Представленное у Герова редкое существительное *троп* ‘неожиданный приход’ формально соответствует продолжающим праславянский девербатив **tropъ* субстантивам типа польск. *trop* ‘след, отпечаток’ и др., но отраженный в его семантике признак внезапности действия связывает его напрямую с современным общеболгарским гл. *тро̀пам* ‘хлопать, стучать’, ср. редкое диалектное значение ‘внезапно прозвучать’, засвидетельствованное в тексте народной песни: *Тропнаха ми два рога кувани, един от Стара планина, един от младу Загоре*[116].

Общеболгарское значение ‘хлопать, ударять’ гл. *тро̀пам*, а также диал. ‘говорить напрасно’[117] получает продолжение и в *троп*, междометии, передающем топот (ср. рус. *троп* с тем же значением), наиболее часто употребляемом в сочетании *хоп-троп*. Старое происхождение междометия подтверждается сохранившейся старой формой тв.п. *тро̀пом* ‘со стуком’ > *тро̀пум* в тексте народной песни: *тро̀пум пудскочи*[118] .

Продолжения праслав. **torp-*

Диал. *тра̀пен* ‘растерянный’

Более убедительной и более понятной была бы идея Лекова[119], согласно которой болг. *тръ̀пен* ‘беспокойный, тревожный, трепещущий’ и болг. *тра̀пен* ‘не пришедший в себя ото сна, волнения, удара, болезни и т.п.; растерянный’ (БТР) являются продолжениями связанных чередованием праславянских основ **tьrp-* и **torp-*, если бы автор, неявно следуя некоторым связанным с этой идеей противоречивым истолкованиям предшественников (ср. напр. Brückner 575, 577, 596), не отметил как соответствия болг. *тра̀пен* не только достоверно соответствующее ст.-польск. причастие *utropiony*: *utropiony winet* ‘одурманенный вином’, но и чеш *trapiti*, рус. *торопи́ть*, приведя их при этом без указания значений. В действительности чеш. *trapiti* со значением ‘мучить’ продолжает праслав. **trapiti* : **tropiti* : **trepati* ‘ударять, бить, трепать’[120], а не получивший все еще убедительного этимологического истолкования русский глагол *торопи́ть* ‘побуждать делать что-н. быстрее’ (см. подробно Фасмер IV s.v.) и производные от него содержат ряд формальных и семантических трудностей, которые позволяют предположить гиперкорректную, связанную с восточнославянским полногласием эволюцию формы этого глагола, по существу восходящего к праслав. **tropiti* : **trepati*. Предполагаемый процесс переоформления рус. *торопи́ть* ‘побуждать делать что-н. быстрее’ из первоначальной формы *тропи́ть* подлежит объяснению в контексте широкого сравнительного материала всех восточнославянских языков, но несомненные признаки этого процесса могут быть указаны и в настоящий момент.

Такова особенность отклоняющихся от семантики праслав. **torp-*: **tьrp-* значений рус. *торопи́ть* и производных, которые по существу совпадают с семантическим спектром продолжений праслав. **trop-*, ср. напр.:

значение ‘побуждать делать что-н. быстрее’ (рус. *торопи́ть*) и значения ‘преследовать, гнать; мучить, раздражать’ и ‘искать, выслеживать, разыскивать, разузнавать, разведывать’ (польск. *tropić*), ‘возбуждать спор, ссору’ (чеш. *tropiti*), ‘тревожить(ся), терзать(ся)’ (болг. диал. *труп‍я̀* (*се*) < **троп‍я̀* (*се*)), ‘растревоживать(ся)’ (болг. диал. *растро̀пувам* и *потро̀пувам* (*се*));

значение ‘поспешность’ (рус. *торо́п*), ‘нетерпеливый, нервный человек’ (рус. *торопыга*), ‘быстрый, живой, проворный, искусный, умелый’ (рус. *расторо́пный*) и значения ‘о том, у кого

живой ум; разбитной' (болг. разг. *разтрòпан*), 'рассудительный, благоразумный' (польск. *roztropny*);

значение 'раздор, несогласие, путаница' (рус. диал. *расторóпие* – СРНГ 34, 268–269) и значение 'испорченный, разрушенный, поврежденный, расстроенный' (болг. *разтрòпан*).

То же самое относится и к обнаруживающим ясную связь с семантикой праслав. **trop-* остаточно засвидетельствованным в русских говорах "неполногласным" формам наряду с соответствующими им "полногласными" с тем же значением, ср. напр.:

смол. *растрóп* 'распутица, бездорожье', яросл. *растрóпель* = *растрóп* (СРНГ 34, 276) наряду с *расторóп*, *рáсторoп* 'бездорожье, распутица' (обычно весной и осенью) и *расторóпица* = *расторóп* (СРНГ 34, 268–269).

Ср. далее семантическую близость между "неполногласным" рус. диал. *растрóпить* 'устроить, наладить дело, работу и т.д. в нужном направлении' (СРНГ 34, 276), с одной стороны, и "полногласными" рус. диал. *расторóп*, *рáсторопь* 'сноровка, проворство, быстрота в действиях', *расторóпы* 'умственные способности, талант' (СРНГ 34, 268–269), рус. *расторóпный* 'быстрый, ловкий, умелый', с другой стороны.

Однако отсутствует убедительная связь между понятием интенсивного действия, объединяющего все конкретные значения продолжений праславянских глагольных основ **trap*: **trop-*: **trep-*, и понятием специфического состояния немощи, растерянности, страха, оцепенения, что получило отражение в известных к настоящему времени данных о значении болг. *трàпен*, ср.:

трàпен 'растерянный'[121], 'кто не пришел в себя после внезапного пробуждения от сна, кто при сильной телесной и душевной ране находится между бодрствованием и сном, между сознанием и бессознательным состоянием'[122], 'в полусонном состоянии, не по себе'[123], 'испуганный, растерянный'[124], 'пугливый, нерешительный, боязливый'[125], 'сонный' в тексте: *Чекай де! Оше сам трàпен. Чекай да се рассаним!*[126], 'внезапно разбуженный'[127], 'напуганный, боязливый'[128], *трàпин* 'кто находится в бесчувственном состоянии'[129], *трàпна* в тексте народной песни: ... *та убоде сестра жална Яна. Трàпна Яна жално заплакала* ...[130], *трàпно* 'испуганно, растерянно'[131].

Все сказанное позволяет утверждать, что болг. *трàпен* 'растерянный; испуганный, пугливый, трусливый, нерешительный, боязливый, напуганный; о том, кто находится в состоянии нечувствительности, оцепенелый' является закономерным болгарским

соответствием не только ст.-польск. *utropiony* 'одурманенный (вином)'[132] и современному польскому гл. *tropić się* 'растеряться, смутиться', но и словен. *trap* 'тупица', рус. *торопéть*, *оторопéть* 'озадачиваться, изумляться' вместе с девербативом *торóпа* 'неловкий человек', укр. *торóпа* с тем же значением (по Фасмеру, ср. другое истолкование значения рус. *торóпа* у Даля), рус. *торóпкий* 'робкий, пугливый, боязливый, трусливый' (Даль, помимо *торóпкий* 'нетерпеливый, горячий, скорый'), блр. *утаропиць* 'засматриваться, смотреть по сторонам', ст.-чеш. *otrapa* 'оцепенение, экстаз'. Все эти слова восходят, конечно, к праславянской глагольной основе **torp-*, к продолжениям которой традиционно относят ст.-болг. **ѹтрапъ** 'оцепенение' (Иоанн Экзарх). Отмеченное Лековым "небольшое различие" в фонетическом, грамматическом и семантическом оформлении между представленными в БТР болгарскими отглагольными прилагательными *трàпен* 'растерянный' < праслав. **torp-* и *тръ̀пен* 'растеряный' < < праслав. **tьrp-* подтверждается засвидетельствованными в текстах народных песен употреблениями *тръ̀пен* в качестве определения сильного физического изнеможения, ср.: *Па тръ̀пен Диму излези, лютъ си ранъ зъпуши*[133], *Боня са ф сърце удрили, Боню ся трпен провикна*: *Олеле, мале, загинах*[134]. Ср. того же происхождения *тръ̀пък*, ж.р. *тръ̀пка*, вероятно, со значением 'оцепеневший от неожиданности, испуга, горя' в тексте народной песни: *Търпка била макя Дамянова, тръ̀пка била, сълзу не пущила и отишла на Косово поле*[135].

Сюда следует приобщить и некоторые продолжения праслав.**tьrp-*, формально унифицированные с продолжениями праслав. **trep-*, как напр. *трѐпен* 'оцепеневший' в тексте народной баллады: *Чи си Тудòркъ вàнъвъ... чи и глъвъ̀тъ юдрязвът. Глъвъ̀тъ й съ търкàле, трѐпен й език дỳмаши: кък̀о ви стòрив, нъпрàив, чи ми глъвъ̀тъ удрязъвти?*[136], и *трепавен* 'в полусонном состоянии, не по себе' в тексте: *Човек, който спи дълбоко,... народната вяра забранява да се буди с ритане, с тласкане, защото ...той се събужда, но трепавен,... и той, още несъвзел се, може да грабне нещо и да убие човека. После нищо не помни*[137]. Указанные продолжения праслав.**tьrp-* отражают скудно засвидетельствованное в некоторых болгарских диалектах развитие *-ьr- > -ре-* в таких случаях, как напр. *трѐнки* 'круглые желтые или красные сливы, терносливы' (Теренни материали, ДА), ср. *трънкослѝвка* 'подобное сливе фруктовое дерево с более мелкими шарообразными плодами, терновник', *тренòвка*

'мелкая груша – падает при созревании'(Там же), ср. *трънòвка* 'вид дикой груши' , *трèнчьe* 'жало пчелы' (Там же), ср. *трънче* уменьш., общеболг. *трън* 'колючка, шип' < праслав.**tьrnь*.

Примечания

[1] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии (ю.-слав. **trapъ*, слав. *sěpati*, **pelestъ*) // Этимология 1991–1993. М., 1994, 32.
[2] *Vasmer M.* Die griechischen Lehnwörter im Serbokroatischen // Abhandlungen der Preusischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse 1944, 3, 143.
[3] *Младенов Ст.* Студии по славянско и сравнително езикознание // ГСУ. ИФФ 13–14, 1920, 133–134. Ср.: *Schmidt J.* Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus II. Weimar, 1875, 139, 331.
[4] *Георгиев В.И.* Балтославянский и тохарский языки // ВЯ. 1958. № 6, с. 19.
[5] *Дуриданов Ив.* Езикът на траките. С., 1976, 51, 52, 53.
[6] *Абаев В.И.* Thraco-scythica // В чест на академик Владимир Георгиев. Езиковедски изследвания. С., 1980, 109.
[7] *Куркина Л.В.* Указ. соч., 32–36.
[8] *Младенов М.* Из лексиката в Кюстендилско // БД VI. С., 1971, 145: Църварица, Кюстендилско.
[9] *Стойчев Т.* Родопски речник // БД II. С., 1965, 273: Широколъшки район.
[10] Там же, 282: Лилково, Пловдивско.
[11] *Svane G.* Slavische Lehnwörter im Albanischen // Acta Jutlandica LXVIII. Humanistische Reihe 67. Aarhus University Press, 1992, 38–39.
[12] *Šuman H.* Etymologische Erklärungsversuche // AfslPh 30, 1909, 306–307.
[13] *Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 31, 39 со ссылкой на: *Šuman H.* Op. cit.
[14] *Леков Ив.* Към историята на някои думи в българския език // Език и литература 11, 1956, 6, 444–445.
[15] Архивни материали *Ковачев*, ДА: Патрешко, Троянско.
[16] Архивни материали *Спасова*, ДА: Бели Осъм, Троянско.
[17] Там же.
[18] "Стършел", бр. 2637, 1996. Автор М. Клюсев из Велико Търново.
[19] Народни умотворения: Лясковец // СбНУ 26, 1910–1911, 277.
[20] Родна реч. Учредили Ст. Младенов и Ст. Василев. № 16, Казанлък-София, 1942, 19: Скребатно, Гоцеделчевско.
[21] *Иванов Й.* Гоцеделчевският мещругански говор // БД VII. С., 1974, 225: Гърмен, Сатовча, Скребатно, Осиково, Гоцеделчевско.
[22] Трудове по българска диалектология 1. София, 1965, 264: Кюстендилско.
[23] *Шапкарев И.* и *Близнев Л.* Речник на самоковския градски говор // БД III. С., 1967, 281.
[24] *Стоин В.* Народни песни от Самоков и Самоковско. С., 1975, 532.
[25] *Куркина Л.В.* Указ. соч.
[26] *Кънчев Поп Минчо.* Видрица. С., 1983–1985, 343.
[27] Там же, 53.
[28] Там же, 277.
[29] Там же, 359.

[30] Там же, 618.
[31] *Петков П.* Еленски речник // БД VII. С., 1974, 142.
[32] Архивни материали *Москов*, ДА: Русе.
[33] *Вакарелски Хр.* Етнография на България. С., 1977, 390.
[34] *Бояджиев Т.* Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско // БД VI. С., 1971, 94.
[35] Теренни материали, ДА: Жребево, Смолянско.
[36] Архивни материали *Москов*, ДА: Веринско, Ихтиманско.
[37] Теренни материали, ДА: Смолян.
[38] Сб. Народни песни от Родопския край 108. С., 1979, 968: Стойките, Девинско.
[39] Теренни материали, ДА: Драглища, Разложко.
[40] Архивни материали *Москов*, ДА: Бобораци, Разложко.
[41] Архивни материали, ДА: Добърско, Разложко.
[42] Сб. Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. С., 1974, 33: Нова Черна, Силистренско.
[43] Теренни материали, ДА: Белица, Якоруда, Бачево, Добърско, Разложко.
[44] Народни песни от Югозападна България. С., 1967, 390: Обидим, Разложко.
[45] Архивни материали *Романски*, ДА: Тополово, Асеновградско.
[46] Архивни материали *Пенкин*, ДА: Чепино.
[47] *Кепов Ив.* Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко // СбНУ 42, 1936, 280: Бобошево.
[48] Архивни материали *Русев*, ДА: Елена.
[49] Архивни материали *Димитрова*, ДА: Русаля, Великотърновско.
[50] *Маринов Д.* Градиво за веществената култура на Западна България // СбНУ 18, 1901, 2, 9: Северозападна България.
[51] *Бояджиев Т.* Речник на говора на с. Съчанли Гюмюрджинско // БД VI. С., 1971, 94.
[52] Теренни материали, ДА: Долно Луково, Гърмен, Лъки, Тешово, Гоцеделчевско.
[53] *Саламбашев А.* Местните имена в Смолянско. С., 1976, 67.
[54] Архивни материали *Димитров*а, ДА: Бериево, Севлиевско.
[55] Архивни материали *Венедиков*, ДА: Дряновец, Разградско.
[56] *Попиванов Г.* Орханийският говор // СбНУ 38, 1930, 142: Ботевградско.
[57] *Стойков Т.* Родопски речник // БД II. С., 1965, 282: Смолянско.
[58] Архивни материали *Стоичкова*, ДА: Ново Село, Троянско.
[59] Архивни материали *Бояджиев*, ДА: Раданово, Великотърновско.
[60] Архивни материали *Ангелов*, ДА: Аспарухово, Провадийско.
[61] Архивни материали *Трифонов*, ДА: Копривец, Беленско.
[62] Известия на Института за български език при БАН 4. С., 1956, 169: Габаре, Белослатинско; *Стойков Ст.* Банатският говор // ТБД III, 234: Банат; Архивни материали *Бояджиев*, ДА: Трънчовица, Никополско.
[63] *Бояджиев Т.* Из лексиката на с. Дервент, Дедеагачко // БД V. С., 1970, 240; Архивни материали *Москов*, ДА: Смолян.
[64] Теренни материали, ДА: Долно Дряново, Гоцеделчевско; Слащен, Благоевградско.
[65] Теренни материали, ДА: Чепеларе, Асеновградско; Босотина, Хасовица, Писаница, Смолянско.
[66] Теренни материали, ДА: Джурково, Корница, Асеновградско; Лъжница, Гоцеделчевско; Влахово, Търън, Смолянско.
[67] Теренни материали, ДА: Батанци, Средногорци, Маданско.
[68] *Примовски А.и Н.* Родопски народни песни. С., 1993, 39.

[69] Архивни материали *Василев*, ДА: Турян, Смолянско.
[70] Теренни материали, ДА: Горна Арда, Смолянско; Долен, Гоцеделчевско; Ситово, Пловдивско.
[71] *Стойчев Т.* Родопски речник // БД II. С., 1965, 282.
[72] Теренни материали, ДА: Благоевградско, Гоцеделчевско, Смолянско, Драмско, Асеновградско.
[73] Теренни материали, ДА: Буково, Смолянско.
[74] Теренни материали, ДА: Могилица, Смолянско.
[75] Теренни материали, ДА: Момчиловци, Смолянско.
[76] Архивни материали *Ковачев*, ДА: Троянско.
[77] Теренни материали, ДА: Турян, Смолянско.
[78] Теренни материали, ДА: Туховище, Гоцеделчевско; Хасовица, Писаница, Кремен, Горно и Долно Райково, Бостина, Момарско, Турян, Левочево, Смолянско; Годешево, Благоевградско.
[79] Теренни материали, ДА: Теплен, Огняново, Осиково, Ляски, Долен, Гърмен, Гоцеделчевско; Годешево, Благоевградско.
[80] Народни умотворения. Басни от Воден // СбНУ 4, 1891, 157: Воден.
[81] СбНУ 13, 1896 – Народни умотворения. Песни от Велес // СбНУ 13, 1896, 44: Велес.
[82] Теренни материали, ДА.
[83] *Шапкарев И. и Близнев Л.* Указ. Соч., 263.
[84] Там же, 271.
[85] *Божкова З.* Принос към речника на софийския говор // БД I. С., 1962, 265.
[86] *Вакарелска-Чобанска Д.* Речник на самоковския говор. С., 2005, 312.
[87] Панчев: Климентово, Пловдивско. В истолкование *трòпки* через болг. *грижи* ‘заботы’, *главоболия* ‘неприятности’ Панчев включает как синоним и существительное *заглюски*, которое по сей день неизвестно по другим источникам и не истолковано. Очевидное отглагольное происхождение и представленная у Панчева синонимия с *грижи* и *главоболия* позволяют предположить исходную форму **заглуздки*, связанную с продолжениями праслав. отыменного глагола **gluzditi* с реконструируемым значением ‘досаждть; путать, смущать’ (SP 7 s.v., ср. и ЭССЯ 6 под **gluzdъ*). В пользу фонетической эволюции **заглуздки* > *заглюски*, ср. болг. диал. *глужд, глуж* ‘сучок на дереве’ > *глюжд, глюж* то же, говорит *връска* < *връзка* и др.
[88] *Варбот Ж.Ж.* Указ. соч., 31, 39.
[89] *Вакарелски Хр.* Указ. соч., 284.
[90] Речник на съвременния български книжовен език. Т. 3. С., 1959, 437.
[91] *Ангелов Б. и Вакарелски Хр.* Трем в българската народна епика. С., 1940, 524: Карнобат.
[92] Архивни материали *Пенкин*, ДА: Вердикал, Софийско.
[93] Архивни материали *Пенкин*, ДА: Огняново, Софийско.
[94] Архивни материали *Пенкин*, ДА: Драгалевци, Софийско.
[95] *Шапкарев И. и Близнев Л.* Указ соч., 289.
[96] ДА: Овчеполци, Пазарджишко.
[97] Архивни материали *Любичев*, ДА: Трънско.
[98] Сб. Народни песни от Североизточна България. Т. 1, С., 1967, 69: Пиргово.
[99] *Шклифов Б.* Речник на костурския говор // БД VIII. С., 1977, 318: Черешница, Костурско.
[100] ДА: Батак, Пещерско.
[101] ДА: Кюстендилско Краище.

[102] *Илчев Ст.* Към ботевградската лексика // БД I. С., 1962, 204.
[103] *Младенов М.* Лексиката на ихтиманския говор // БД III. С., 1967, 184: Горна и Долна Василицая, Ихтиманско.
[104] *Кънчев И.* Говорът на село Смолско, Пирдопско // БД IV. С., 1968, 148.
[105] *Гълъбов Л.* Говорът на с. Доброславци, Софийско // БД II. С., 1965, 109.
[106] Речник на съвременния български книжовен език. Т. III. С., 1959, 71–72.
[107] *Армянов Г.* Речник на българския жаргон. С., 1993, 121.
[108] Родна реч. Уредили Ст. Младенов и Ст. п. Василев. Т. 12. Казанлък–София, 1938–1939, 75.
[109] Родна реч 14, 1941, 98.
[110] *Ковачев Ст.* Троянският говор // БД IV. С., 1968, 223.
[111] Теренни материали, ДА: Сухиндол, Великотърновско.
[112] *Вакарелска-Чобанска Д.* Указ. соч. 312.
[113] *Тодоров Т.* Български етимологии // Studia etymologica Brunensia 3. Praha, 2006, 380.
[114] Речник на съвременния български книжовен език. Т. 3.
[115] *Армянов Г.* Указ. соч.
[116] СбНУ 2, 1890. Народни умотворения, 124: Чепино.
[117] Архивни материали Любичев, ДА: Трънско.
[118] *Арнаудов М.* Фолклор от Еленско // СбНУ 27, 1913, 219: Гачовци, Еленско.
[119] *Леков Ив.* Към историята на някои думи в българския език // Език и литература 11, 1956, 6, 444–445.
[120] *Варбот Ж.Ж.* Указ. соч.; *Куркина Л.В.* Указ. соч. вслед за Шуманом.
[121] *Влайков Т.*, *Кръстев Кр.* по РРОДД.
[122] Сборник на Българска академия на науките 34, 1940, 323: Ботевградско.
[123] *Братя Молерови Димитър и Костадин.* Народописни материали от Разложко // СбНУ 48, 1954, 533: Банско; Песни от Копривщица // СбНУ 16 и 17, 1900, 141: Копривщица; *Попиванов Г.* Народни песни от Софийско и Ботевградско // СбНУ 44, 1949, 423: Долни Богров, Софийско.
[124] *Гълъбов Г.* Указ соч., 103.
[125] Архивни материали *Близнев*, ДА: Самоков.
[126] Там же.
[127] Списание на Българска академия на науките 56, 1937, 81: Габрово.
[128] Архивни материали *Кабрански*, ДА: Самоковско.
[129] *Петков Г.* Еленски речник // БД VII. С., 1974, 142.
[130] Народни умотворения. Песни от Софийско // СбНУ 12, 1895, 68: Локорско, Софийско.
[131] *Божкова З.* Принос към речника на софийския говор // БД I. С. 1962, 269; Архивни материали Близнев, ДА: Самоков.
[132] *Леков Ив.* Указ соч., 444–445.
[133] *Керемидчев Г.* Народният певец дяло Вичо Бончов. С., 1954, 205: Чирпанско.
[134] Сб. Народни песни от средна Северна България. С., 1931, 73: Угърчин, Ловешко.
[135] Сб. Народни песни от Западните покрайнини. С., 1959, 178: Голеш, Годечко.
[136] Капански народни песни // СбНУ 47, 1956, 54: Топчии, Разградско.
[137] *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи // СбНУ 28, 1914, 227.

Перевела с болгарского языка *Л.В. Куркина*

Я. Сятковский

О ПОЛЬСК. *PIESKI* 'ВИСКИ' И ПОДОБНЫХ СЛОВАХ В ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В польском языке XVI–XVII вв. мы находим несколько свидетельств имени *pieski* в значении 'виски'. Два таких примера привел уже С.Б. Линде; их повторяет "Словарь польского языка XVI века" (Sł. polszcz. XVI w. XXIV, 146). Это имя употребили Г. Спичиньский ("O ziołach tutecznych i zamorskich... księgi lekarskie", Kraków 1566, 192) и М. Сенник ("Herbarz", Kraków, 1568, 418a): "Dwie żyle na *pieskach* albo na *skroniach* z obu stron puszczżany, pomagaią przećiw bolesci vszu, ileż zbytniemu łez płynieniu z oczu". Кроме того, в картотеке "Словаря польского языка XVII и первой половины XVIII века"[1] я нашел один пример, подтверждающий это значение в "Дневнике" (1606–1608) Немоевского: "Łby gołe noszą, kosmy tylko na *pieskach* podle uszów zostawiwszy" (издание 1889 г., 174). Как видим, имя *piesek*, являющееся уменьшительной формой **pьsъkъ* (с *-e-* в начальном слоге, перенесенным из косвенных падежей) от **pьsъ* 'собака, пёс', употребляемое обычно во множественном числе, приобрело неожиданное значение 'висок'.

Помимо того, в обоих изданиях словаря Г. Кнапского (1621, 1643) это слово было употреблено применительно к проходящим через виски кровеносным сосудам, которые должны, согласно воззрениям средневековой медицины, вызывать сон: "*Piesek* abo *pieski* Arteriae soporiferae [Soporales, Medicis] in temporibus conspicuae".

Значение 'висок' для уменьшительной формы от слова *пес* не ограничивается только польским языком.

В обоих лужицких языках известно слово *psyk* 'пес, собака', по происхождению – уменьшительная форма **pьsikъ* от **pьsъ* 'пес, собака', которое в нижнелужицком языке в форме множественного числа *psyki* также означает 'виски'. Это слово присуще как литературному языку, так и диалектам. Из "Атласа лужицких диалектов" мы узнаем, что имя *psyki* 'виски' присутствует повсеместно на территории всей Нижней Лужицы[2]. Оно засвидетельствовано в нижнелужицком языке уже с XVIII в.: как сообщает "Лужицкий атлас", его отмечают словари Й.Г. Гауптмана (1761), Й.Г. Цвара (1847) и А. Муки (1928).

Мука (Muka II, 194) счел н.-луж. *psyki* 'виски' результатом метатезы гипотетического имени **spiki* ← **sъpiky*, производ-

ного от **sъpati* ‘спать’, приводя польск. *śpik* ‘сонливость, спячка’. Это объяснение принимают авторы “Лужицкого атласа”, а также Х. Шустер-Шевц (Schuster-Šewc III, 1180–1181). Из “Малого атласа польских говоров”[3] мы узнаем, что *śpiki* ‘виски’ известны в польских диалектах северной Силезии, Великой Польши и соседних территорий, а также некашубского Поморья. Однако трудно представить себе столь значительное польское влияние на нижнелужицкие диалекты, так как о прямом соседстве речь здесь не идет.

В материалах десятого выпуска “Общеславянского лингвистического атласа”, приготовляемого к печати польским авторским коллективом, мы находим еще одно скопление уменьшительных форм от слова **pьsъ* ‘пес, собака’ со значением ‘висок’. А именно: на юге России, в окрестностях Курска, Липецка, Брянска, Воронежа и Белгорода отмечены формы *'p'es'ik* (в одном пункте – со вставным *-t-*: *'p'est'ik*), *'p'es'ika* и *'p'es'ik'i*, мн.ч., а также *'p'es'k'i*, которые российский авторский коллектив, по моему мнению, несправедливо счел ошибочными. Имена *пе́сик* и *пёсик* засвидетельствованы в значении ‘висок’, а также в значении ‘волосы на виске’ в русском диалектном словаре, будучи локализованы так же, как в “Общеславянском лингвистическом атласе”, и даже шире – на территориях, выходящих за пределы сетки русских пунктов, охваченных атласом, а именно в окрестностях Волгограда, а также в кавказских регионах (СРНГ 26, 301). Значение ‘висок’ русский диалектный словарь отмечает в окрестностях Орла, Курска, Воронежа и Брянска, на Дону, в окрестностях Волгограда, на Кавказе – в Краснодарском и Ставропольском краях, на юго-востоке Кубани, в Терской области, у казаков-некрасовцев, а также на территории Азербайджана, значение ‘волосы на виске’ – отчасти так же: в окрестностях Воронежа, Курска и Брянска, на Дону, на Кавказе – в Краснодарском крае, на юго-востоке Кубани, в Терской области и у казаков-некрасовцев. Форма *песики* ‘виски’ отмечена также у М.А. Шолохова.

М. Фасмер (Фасмер III, 225, 249) считал рус. *пе́сики* ‘виски’ преобразованием имени *пэ́йсыки*, *пэ́йсы* ‘пейсы’, представляющего собой заимствование из идиш *pejes* то же. Однако материалы “Общеславянского лингвистического атласа” наглядно показывают, что русские формы, означающие ‘виски’, не имеют никакого отношения к рус. *пе́йсы*, *пэ́йсы* ‘волосы; пейсы; бакенбарды’, которые, впрочем, в русском диалектном словаре (СРНГ 25, 315) отмечаются совершенно в других местах, а именно в русских го-

ворах на территории Литвы и Латвии. Кроме того, следовало бы ожидать, что заимствованные *пéйсы*, *пэ́йсы* ‘волосы; пейсы’ будут прежде всего ассоциироваться с исконным словом *песы* ‘псы, собаки’. Однако такой формы в значении ‘волосы; пейсы; бакенбарды’ в русском диалектном словаре мы вовсе не находим.

По моему мнению, представленные выше русские диалектные названия виска: *'p'es'ik*, *'p'es'ika*, *'p'es'ik'i* – следует скорее связывать с рус. *пéсик* ← **pьsikъ* ‘пёсик’, представляющим собой уменьшительную форму от *пёс* (**pьsъ*) ‘пёс, собака’. Рус. *пéсик* ‘маленькая собака’ засвидетельствовано в словаре В.И. Даля, а также в “Словаре современного русского литературного языка” (ССРЛЯ 9, 1076–1077). Сюда же, вероятно, относится также ст.-рус. *песикъ* ‘песец’ (XVII век; СлРЯ XI–XVII вв. 15, 17). Известно также укр. *пéсик* ‘пёсик, собачка’. Подвергаемая русскими исследователями сомнению диалектная форма *'p'es'k'i* из пункта на юге России рядом с украинской границей может быть результатом контаминации отмеченных там форм *'p'es'ik'i* с украинской диалектной формой *песóк* (**pьsъkъ*) ‘пёсик, собачка’.

Как видим, в трех независимых друг от друга скоплениях уменьшительных форм от **pьsъ* ‘пёс, собака’: польск. *piesek* (**pьsъkъ*), обычно в форме множественного числа *pieski*, н.-луж. *psyk* (**pьsikъ*) ‘пёсик, собачка’, в форме множественного числа *psyki* ‘пёсики’ и рус. диал. *пéсик* ‘пёсик, собачка’ (← **pьsikъ* с вторичным *-е-* в корневом слоге под влиянием родственных форм) и в форме множественного числа *пéсики* – возникло значение ‘висок’. Это необычное семантическое смещение не нужно объяснять ни метатезой гипотетической формы **sъpiky* (от **sъpati* ‘спать’), что принималось для н.-луж. *psyki* ‘виски’, ни влиянием языка идиш, предполагаемого для рус. *пéсики* ‘виски’.

Возникает, по моему мнению, самое простое объяснение, касающееся всех приведенных примеров. Эти названия возникли в результате ассоциации ‘косм пса’ с ‘волосами на висках’, а также в связи с тем, что многие названия ‘виска’ одновременно означают ‘волосы на висках’, как, например, рус. диал. *пéсики*, укр. *скрóня*, рус. *вискú* ‘виски’, изначально же – ‘свисающие волосы’. Таким образом, можно принять следующее направление семантических переходов: ‘(косматые) пёсики’ → ‘космы (волосы) на висках’ → ‘виски’. Определенную аналогию представляет собой польское имя *myszka* в значении ‘родинка в виде черного пятнышка, часто поросшая волосами, на теле человека’ (Doroszewski IV, 933).

Примечания

[1] Słownik języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII wieku / Instytut Języka Polskiego PAN. Kraków, 1999–.

[2] Sorbischer Sprachatlas / Bearb. von H. Faßke, H. Jentsch und S. Michalk. B. VI: Terminologie der Sachgebiete Körper und Kleidung. Bautzen, 1978, Karte 5: Schläfe.

[3] Mały atlas gwar polskich. T. IX / Pod red. M. Karasia. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966, mapa 614.

Перевел с польского *А.А. Калашников*

М. Фурлан

ЕЩЕ РАЗ О ПРАСЛАВЯНСКОМ *GOVĘ М.Р., ВИН.П. *GOVENЬ ‘BOS’

1. Праславянское *govȩ̋ (м.р.), вин.п. *gȍvenь ‘bos’

Некоторое время тому назад я показала, что ожидаемое звено *govȩ̋ м.р., вин.п. *gȍvenь ‘bos’ между праиндоевропейским одушевленным существительным *gʷou̯- ‘рогатый скот = бык / корова’, ср. др.-инд. *gáuḥ* (м., ж.р.) ‘бык / корова’, греч. βοῦς м., ж.р., род. п. βοός то же, лат. *bōs* м., ж.р., род. п. *bovis*, и праслав. *govȩ̋do ‘рогатый скот’, которое А. Вайан предполагал как *gov-ēn-[1], сохраняется еще на юго-западе словенской территории, где несколько лет тому назад в Истрии еще можно было услышать *γo’vẹ* ср.р. ‘животное (как единица поголовья)’, на Красе уже в XIX в. была отмечена лексема *góvọ* ‘рогатый скот’[2]. Позднее я добавила к этому, что было бы возможно таким же образом интерпретировать и блр. вост.-полесск. *го́ўе* и *гаўя́*, которые являются общим обозначением рогатого скота, а в “Праславянском словаре” (SP 8, 158) интерпретированы как собирательное *govьje[3].

С тех пор мною обнаружен в словенском языке новый материал, который дополнительно подтверждает существование праславянского существительного на назальный *govȩ̋ м.р., вин.п. *gȍvenь ‘bos’, и я хочу обратить на него внимание, потому что возможно, что подобные реликты также существуют в каком-то другом славянском языке.

2. Словенское прекмурское *govénski* ‘bovinus’ < *gȍven-ьskъ(jь)

Праславянское существительное с назальным исходом *govȩ м.р., вин.п. *gȍvenь из юго-западных словенских диалектных существительных, несмотря на средний род, было реконструировано на основе словенских разных ударных вариантов, которые можно видеть в *γov’ẹ* < *gȍvȩ и *góvọ* < *govȩ и которые также подтверждаются белорусским существительным ср.р. *го́ўе* и *гаўя́*, на основе грамматического рода исходного существительного *gʷou̯- и наличия основ м.р. с исходом на назальный типа *korȩ̏ м.р., вин.п. *kȍrenь ‘radix’, ср. рус.-цслав. *коря*, род.п. *корене*, словен. *korȩ̂n*[4].

Парадигматическая связь *govę̌ м.р., вин.п. *gȍvenь ‘bos’ с основой *gȍven- дополнительно подтверждается словенским диалектным прилагательным govénski ‘bovinus’ из двух новейших лексикографических изданий. Еще и сегодня прилагательное известно на северо-восточной части словенской территории в порабском прекмурском диалекте[5], в XVIII в. оно также отмечено в записи старых прекмурских авторов, которым было известно также существительное govenšček м.р., род.п. -a ‘помет крупного рогатого скота’[6]. В то время как существительное от прилаг. govénski стало результатом субстантивации при помощи суф. *-jakъ: *goven-ьsk-jakъ, прилагательное на -ski, как и словен. korę̂nski (: korę̂n) < *kȍrenьskъ(jь), golę̂nski (: golę̂n) < *gȍlenьskъ(jь), является производным от существительного, и его можно произвести из *gȍven-ьskъ(jь) и видеть в нем отражение предполагаемого существительного *govę̌ м.р., вин.п. *gȍvenь ‘bos’.

Возможно, что в словенском языке при архаичном номинативе, который сохранился в западнословенских существительных γov’ę и góvǫ, по крайней мере в отдельных частях словенской территории еще существовало также с обобщением формы вин.п. существительное *gȍvenь > словен. *govę̂n (м.р.) *‘рогатый скот’ и что от него образовано прилаг. govénski, однако существование его в различных собраниях словенских лексем не отмечено.

Независимо от того, было ли прилаг. govénski образовано непосредственно от основы косвенного падежа *govę̌ м.р., вин. п. *gȍvenь ‘bos’ или же от существительного *gȍvenь, оно представляется важным дополнительным аргументом в пользу того, что праиндоевропейское существительное *g^{u}ou̯- было преобразовано в сингулятив *govę̌ ед.ч. м.р., вин.п. *gȍvenь ‘bos’ и что в праславянском языке именно существительное с назальным исходом представляло собой основное звено лексической семьи и было основой для образования новых лексических единиц, напр. собирательное *gȍvędь ж.р. → сингулятив *govę̃do ср.р. → прилагательные, производные от существительных, *govęd’ь(jь) / *govędьskъ.

Поскольку номинатив *govę̌ как окаменевшая форма сохраняется на крайнем юго-западе словенской территории, а прилагательное от основы косв.п. *gȍven- на крайнем северо-востоке, то вероятно, что в раннюю эпоху развития словенского языка парадигматическая связь *govę̌ м.р., вин.п. *gȍvenь ‘bos’ была живой и имела более широкое распространение, но позднее почти

повсюду была вытеснена лексической семьей неологизма **govędo*. Однако представляется, что гегемонию этой лексемы пережил, по крайней мере, еще какой-то член лексической группы **govę̋* м.р., вин.п. **gȍvenь* ‘bos’.

3. Словенское диал. *γọ'vånå* ‘коровий помет’ (Истрия)

В Истрии в соответствии с общесловенским *krávjak* в значении ‘помет рогатого скота, особенно коровий помет’ (SSKJ II, 475) употребляется преимущественно романизм *žbo'vaca* (← **(merda) ex-bovacea* ‘(помет) крупного рогатого скота’[7], восходящий к лат. *bōs* м./ж. р., род.п. *bovis* ‘крупный рогатый скот = корова / бык’); лишь в районе Кркавче (Krkavče), который находится вблизи Коштабоны (Koštabona) и Борштa (Boršt), где был найден архаизм *γọ'vę* ‘животное (как единица поголовья)’, было засвидетельствовано существительное *γọ'vånå* ‘коровий помет’[8], которое изолировано в составе словенской лексики. Но вполне возможно, что оно относится к той же семье слов, что и диал. (Истрия) *γọ'vę* ‘животное (как единица поголовья)’ и диал. (Крас) *góvọ* ср.р. ‘крупный рогатый скот’ и что в нем, как в диал. (Прекмурье) *govénski* ‘bovinus’ и *govenščak* ‘помет крупного рогатого скота’, сохраняется праславянское существительное **govę̋* м.р., вин.п. **gȍvenь* ‘bos’. Хотя консонантный состав лексемы *γọ'vånå* ‘коровий помет’ такой же, как в словен. *gọ̑vno* ср.р. ‘преимущественно помет животных’, невероятно, чтобы это было обобщением формы род.п. мн. **govьnъ* (> словен. **gován*): словен. род. мн. **gován* → **gován-* → **gován-a* = диал. *γọ'vånå* (Истрия)[9].

Значение диал. (Истрия) *γo'vę* ср.р. ‘животное (как единица поголовья)’ понятно при сравнении с первоначальным значением диал. (Крас) *góvọ* ср.р. ‘крупный рогатый скот’, поскольку в бедных крестьянских хозяйствах Истрии лошадь встречается еще реже, чем в других областях Словении, и потому она не входила в представления крестьян о домашних животных. Вероятно, под влиянием экстралингвистического фактора произошло в *γọ'vånå* (Истрия) сужение ожидаемого более широкого значения ‘помет крупного рогатого скота’ до значения ‘коровий помет’, поскольку среди крупного рогатого скота преобладали именно коровы. Та же реальность находит отражение также в значении романизма *žbo'vaca*, для которого предполагается значение ‘помет крупного рогатого скота’, поскольку в нем генетически сохраняется латин-

ское имя *bōs* м./ж.р., род.п. *bovis*, которое в дальнейшем развитии в соседних романских языках сужается преимущественно до значения ‘вол’, ср. франц. *bœf*, ит. *bove / bue*.

В диалекте Истрии *γo̜'vånå*, возможно, сохраняется вариантное к прекмурскому *govénski* прилагательное **goven-ьnъ* ‘говяжий’, которое явилось результатом субстантивации формы ж.р. ед.ч. **govenьnȁ*. Гласный *a* из первоначального неударного *e* появился в результате перемещения ударения в слове[10]. Поскольку *γo̜'vånå* отличается от ожидаемого **γo̜'vànå* качеством гласного *a* (ср. в Кркавчах *'žånå* ‘жена’ < **ženȁ*, *'màtlå* ‘метла’ < **metlȁ...*), то вполне возможно, что первоначальное **γo̜'vànå* изменилось в *γo̜'vånå* на основе лабиализации гласного *a* в синонимичном *žbo'våca* (Padna).

Поскольку от названий помета животного могли быть образованы названия повозок, на которых перевозили помет на поле, как об этом свидетельствует, напр., словен. *govnják* ‘Mistkarren’ ← *go̜vno* ср.р., то вполне возможно, что диалектизм из Истрии старый и что именно это славянское образование стало базой для рус. диал. *гове́нница* ‘двухколесная повозка, на которой возят навоз на поле’ (СРНГ 6, 253). Однако в нем суф. *-ica*, вероятно, имел функцию не субстантивации, а принадлежности. Исходное **govèn-ьn-ica* первоначально могло значить ‘(двухколесная повозка) которая связана с пометом животных или в которой перевозят навоз’.

Словенская основа **goven-* ‘bos’[11], возможно, сохраняется в фамилии *Govenek*, которая по данным “Словаря словенских фамилий”[12] известна только в округе Целе, и при условии, что это не то же, что редуцированная форма фамилии *Govednik* > **Govenik* > **Govenək*, ее можно было бы произвести от существительного – пейоративного прозвища **goven-ъkъ* ‘крупный рогатый скот’ с суф. *-ъkъ* в той же функции, что и суф. **-it’ь* в имеющей более широкое распространение фамилии *Govedič* с параллелью в хорв. *Govedić*. Вне всякого сомнения, фамилия *Govedič* не относится к разряду фамилий топонимического происхождения, она произошла от пейоративного прозвища метонимического происхождения **gov̨ed-it’ь*[13]. Семантическую мотивацию проясняет также употребление существительного *gov̨édo*, которое, как и его фонетические эквиваленты в других славянских языках, употребляется в негативно окрашенных наименованиях неловкого или грубого человека и также как ругательство.

4. Словенское прекмурское *goveči* 'bovinus' < **gověťьjь*

Как и во всех славянских языках, и в словенском в значении 'bovinus' употребляется прилагательное *govéji* < **gověďьjь*, а в старом прекмурском литературном языке наряду с уже упомянутым *govenski* выступает также отмеченное только один раз прилагательное *goveči* в выражении *goveči obad je tak velki* 'коровий овод такой большой'[14].

Поскольку интервокальное *č* в прекмурском наречии не может отражать йотированное **d'*, вполне возможен глухой вариант **t'*, который наблюдается в старопрекмурском прилаг. *teleči* 'телячий' < **teleťьjь* и *domači* 'домашний' < **domaťьjь*, словенский hapax legomenon можно произвести из **gověťьjь*. Конечно, только по чистой случайности, за исключением звонкости дентального консонанта, оно тождественно словен. **gověďьjь*, в нем ведь легко можно распознать славянскую синонимичную основу существительного **gověť-*[15] 'крупный рогатый скот', которая произошла из назальной формы **goven-* с дентальным расширителем *-t-*.

Подобная синонимичность основ на назальный **-en-* и дентальный **-ęt-* также находит подтверждение в других славянских лексических группах, ср. отношение **mold-en-(ьсь)* : **mold-ęt-*; **tel-en-(ъkъ)*: **telęt-*; **pors-en-(ъkъ)*: **pors-ęt-*; **pišč-en-(ьсь)*: **pišč-ęt-*[16]; **ǫs-en-(ьnica)*: **ǫs-ęt-(ьnica)*[17] и т.д. Эти славянские синонимичные отношения отражают оформленную в индоевропейскую эпоху тенденцию к соединению семантически пустого эпентетического **t* с назальными основами[18], что привело к тому, что, напр., в авестийском известна назальная основа *xšapan-* ж.р. 'ночь' < **k^{u}sep-en-*, а в хеттском с дентальным расширением *išpant-* 'ночь' < **k^{u}sp-en-t-*, гетероклитическая основа в косвенных падежах **ud-en-* 'вода' сохранилась как таковая в др.-инд. *uda-ká-* (ср.р.) 'вода' < **ud-n̥-kó-*, тогда как в греческом род.п. ὕδατος (от ὕδωρ ср.р.) 'вода' < **ud-n̥-t-os* основа с дентальным расширением, существительное на назальный **g'heim-en-* 'зима' (ср. др.-инд. *héman-* м.р. 'зима', греч. χειμών м.р. то же, хетт. *giman-i̯a-* 'перезимовать'), с расширением **g'heim-en-t-* появляется в хетт. *gimmant-* 'зима' < **g'heim-én-t-* и в др.-инд. *hemantá-* м.р. то же < **g'heim-en-t-ó-*.

Синонимичные прекмурские прилагательные *govénski* и *goveči* указывают на то, что в раннюю словенскую эпоху наряду с

существительным *govę̈ / *gȍven- (м.р.) 'bos' существовал также синоним *govę / *govęt-. Оба обозначали конкретное животное из группы крупного рогатого скота и были синонимами сингулятива позднего происхождения *govę̈do (ср.р.). По закону языковой экономии они выпали из системы, так что старейший словообразовательный пласт этой славянской лексической семьи сохранился на словенской территории, как и в других местах славянского мира, всего лишь как драгоценный языковой пережиток.

Примечания

[1] *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. La formation des noms. Paris, 1974, 490.

[2] *Furlan M.* Iz primorske leksike // Annales (Series Historia et Sociologia), Koper, 15/2, 2005, 408.

[3] *Furlan M.* Besedna družina kot metoda etimološkega raziskovanja slovanskega leksikalnega fonda // Словенска єтимологија данас. Ур. А. Лома. Београд, 2007, 426.

[4] Переход в словенском и белорусском языках первоначального м.р. в ср. р. вполне понятен, поскольку назальные основы м.р. в современных славянских языках перешли в формы вин.п. ед.ч. или в основы на *-ęt-.

[5] *Mukič M.* Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar. Szombathely, 2005, 121.

[6] *Novak V.* Slovar stare knjižne prekmurščine. Ljubljana, 2006, 120.

[7] Ср. ит. *bovàsa* наряду с *sbovàsa* 'плоский коровий помет' (Изола). См. *A. Vascotto.* Voci della parlata Isolana nella prima metá di questo secolo. Imola, 1987, 58. Об этой романской лексеме см.: *M. Pfister.* Lessico etimologico Italiano VI. Wiesbaden, 1999, 1604.

[8] *Cossutta R.* Poljedelsko in vinogradniško izrazje v slovenski Istri. Koper, 2002, 244.

[9] В словен. литер. языке *gọ́vno* при ожидаемом словен. **góvno* < **govьnó*, ср. хорв. *góvno*, рус. *говнó* ..., наблюдается обобщение ударения формы им.-вин. п. мн.ср.р. *gọ́vna* < **gȍvьna*, которая перешла в тип существительных на *-a*, на что указывает словен. диал. *gọ́vna* 'помет' (Ribnica na Dolenjskem).

[10] О такого рода рефлексах см.: *Ramovš F.* Historična gramatika slovenskega jezika VII. Dialekti. Ljubljana, 1935, 74.

[11] В словенском ономастическом фонде фонетически сравнима корневая часть также с названием поля *Govénca* в общине Ковор, которое вошло в собрание Плетершника географических названий Матицы Словенской (хранится в Секции этимологии и ономастики Института словенского языка им. Фр. Рамовша, Научно-исследовательский центр САЗУ в Любляне) и которое Ф. Безлай производит в словенском ономастическом материале от апеллатива **govẹ́do*. См.: *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena I. Ljubljana, 1956, 190. В других материалах это название не появляется, поэтому нет возможности проверить, сохраняется ли в названии **gověd-ьnica*, как думал Ф. Безлай, или это **govènьnica*.

[12] Začasni slovar slovenskih priimkov. Glavni redaktor F. Bezlaj. Ljubljana, 1974, 173.

[13] Таково мнение о хорватской фамилии Шимуновича, см. *Šimunović P.* Hrvatska prezimena. Treće izmijenjeno i dopunjeno izdanje. Zagreb, 2006, 87.

[14] *Novak V.* Slovar stare knjižne prekmurščine. Ljubljana, 2006, 120.

[15] Такую же основу предполагал Махек (Machek 181), поскольку не признавал существования праславянского суф. *-*dь* со значением собирательности и потому полагал, что формы со звонким дентальным **gȍvędь*, **govędo* ... возникли из первоначальной славянской основы **govęt-* вследствие ленизации.

[16] При реконструкции основ на назальный не принимались во внимание смежные варианты основ с ятем перед назальным (напр. словен. *piščanec*, род.п. *-nca*, хорв. кайк. *piščanci* мн. ← **pisk-ěn-*; укр. *усінниця*, хорв. *gȕsjenica*, чак. *gusȉnica* ← **(g-)ǫs-ěn-*, которые, как в хорв. *kȍrijen* м.р. (< **kȍrěnь*), имеют в качестве исходной форму им.ед.м.р.

[17] Дентальная основа известна только в словенском, а именно в каринтийском обирском наречии *hóə:sɛtənca* 'гусеница' < **(g-)ǫs-ęt-ьn-ica*. См.: *Karničar L.* Der Obir-Dialekt in Kärnten. Die Mundart von Ebriach/Obirsko. Wien, 1990, 151.

Явление этого рода можно найти и в ономастике, ср. словен. диал. топ. *Rádeče* (ж.р.мн.) ← **Rad-ęt-jane*: топ. (*Dolenji / Gorenji*) *Radénci* (м.р.мн.) ← **Rad-en-ьcь* (на это обратил мое внимание С. Торкар); топ. *Trébče* (ж.р.мн.) 'поселение в общине Триест', 1352 *de Trebechano*, ит. *Trebiciano* при обозначении жителей *Trébənc*, *Trébenka* и прилаг. *trébenski* указывают на отношение основ **Terb-ęt-* : **Terb-en-*. См. *Merkù M.* Krajevno imenoslovje na slovenskem zahodu. Ur. M. Furlan in S. Torkar. Ljubljana, 2006, 197. Отношение именных основ **Rad-en-*: **Rad-ę-t-*, **Terb-en-*: **Terb-ę-t-* как часть словенского гипокористического проприального словообразования хорошо объяснимо, исходя из первоначальной функции индивидуализации / сингуляризации суффикса существительного *-*en-(t-)*. Об этом см.: *Oettinger N.* Neue Gedanken über das *nt*-Suffix // Anatolisch und Indogermanisch / Anatolico e Indoeuropeo. Akten des Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft Pavia, 22.–25. September 1998. Hrsg. O. Carruba und W. Meid. Innsbruck, 2001, 301–315.

Перевела со словенского языка *Л.В. Куркина*

А.К. Шапошников

ЯЗЫКОВЫЕ РЕЛИКТЫ ХЕТТСКОГО ВИДА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Языковые реликты хеттского (шире – анатолийского) вида в Северном Причерноморье замечены относительно недавно (см. публикации Б. Надель и О.Н. Трубачева)[1]. Мне сейчас известно около сотни подобных реликтов разной степени вероятности. Одни из публикуемых этимологий были предложены прежде, и, как будто, были встречены одобрительно индоевропеистами. Другие этимологические решения выносятся на суд ученого сообщества впервые.

Северопричерноморские реликты анатолийского вида представлены в алфавитном порядке, каждый сопровожден этимологическим толкованием. Каждая словарная статья неизбежно решает проблемы реконструкции фонетического, словообразовательного, семантического уровня лексемы. Где это удается, приведены сведения об обозначаемом.

При пользовании хеттским лексическим материалом следует помнить, что традиционная транслитерация клинописи подразумевает под *g* как звук [g], так и [k], под *ḫ* – звук подобный [x], под *k* – [k], иногда сильный (не придыхательный) [g], под *š* – звуки типа [s], [ś], [ŝ], [θ], под *z* – звуки [dz], [dź], [dž], в редких случаях [ts] [ṭṣ][2].

*ana-xarsis ‘(не)правильный, (не)нормальный’ или ‘очень толстый; бочка’ (?): ИС м. р. Ἀνάχαρσις (Herod.) имеет в своем составе хетт. *ḫarši-* ‘правильный, нормальный’ или ‘толстый’[3].

*anta- ‘передний, находящийся напротив кого-л., обретающийся против чего-л., кого-л.; противник’: этноним *Anti, Antes*, боспорск. ИС Ἄντας – можно толковать, исходя из хетт. *ḫanza* ‘переднее место, передняя сторона’, *ḫantezziš* ‘передний, первый’[4], *ḫanti* ‘перед’, ср. и.-е. **ants, *anta* ‘направление напротив отсюда’, др.-греч. ἄντα ‘местонахождение напротив’, ст.-лит. *anta, añt* ‘напротив’[5], фрак. **ant-*[6].

*antizza- ‘первый, передний’: боспорск. МН *Antissa* (Plin.) – из хетт. *ḫantezzii̯a* ‘первый, передний’[7]; это МН, скорее всего, перенесено лесбосскими колонистами на Боспор Киммерийский.

*anzila-, *anziliia- 'Вещий орел, о-в Вещего орла': МН *Dromos Achilles* (Mela), *insula Achillea... Carcinite sinu* (Plin.) – ныне о-в *Орлов*, *Чиле*, толкуются определенно в связи с хетт. теонимами *Anzili, Zila* 'Zukunftgöttin', ИС *Zilapiia*, МН *Anziliia*, *Inzili*, сущ. *zilatiia, ziladuua, zilan, zilauan* 'Zukunft'[8]. Значение "грядущее" появилось в хетт. в связи с широко распространенной практикой гадания по поведению вещего орла (ауспиции). Только эта этимология дает адекватное объяснение названиям в Понте, традиционно связанным с культом Ахиллея, поминальными обрядами и прорицаниями. Ауспиции на о-ве Ахиллея позволяли древним мореплавателям определить, успешным ли будет дальнейшее плавание. Это слово этимологически родственно и греч. ИС Ἀχιλλεύς и лат. теониму *Aquilo*, а также апеллятиву *aquila* 'орел'.

*api 'земля, богиня земли': скиф. теоним Γῆ δε Ἀπί (Herod.) можно толковать на базе хетт. нареч. *apiia* 'там, то место, dort, damals', *apiia pídi, apiia pédi* 'в том самом месте, an Ort und Stelle'[9]. В хеттском ритуале очищения дома от кровавого преступления заклинатель совершал жертвоприношение ягненка так, чтобы его кровь стекла в вырытую в земле яму. После этого заклинатель брал три птицы. Две птицы приносил в жертву подземным божествам, а одну птицу – божеству Апи (Api). При этом он говорил так: "О, извечный! Вам не приносится в жертву ни вол, ни овца, потому что когда Громовержец изгнал вас в глубины черной земли, он вам определил именно эту жертву". Затем заклинатель пек птиц на огне и возлагал их перед божествами. Символом земли считалась ступка, символом неба – пест.

*argaia- 'светлый, блестящий (?)': ИС Ἄργαιος – ср. фрак. материал[10] – возможно толкование из хет. *ḫarki* 'светлый', продолжающего и.-е. **arg'-, *arg'i-* 'белый, светлый, блестящий'[11], ср. греч. αργος, αργι-, тох. А *arki*, Б *arkwi* 'светлый', лат. *Argivus*.

*ariia- 'узнавать, выяснять определять, устанавливать посредством прорицания': этноним *Arraei Sarmatae* (Plin.), *Arii gens Sarmatarum* (Epiph. Cypr.) можно истолковать на основе хетт. *ariia-* 'узнавать, выяснять, определять посредством прорицания'[12]. У скифов было много предсказателей, они гадали с помощью множества ивовых прутьев. Прорицатели приносили огромные связки прутьев и клали их на землю. Затем развязывали пучки, раскладывали каждый прут один за другим в ряд и затем изрекали предсказания. При этом прорицатели вновь

собирали прутья по одному и опять складывали их в пучки. Говорили, что этот способ гадания унаследован ими от предков.

*arii̯anta- ‘узнающий через прорицание’: скиф. царь ’Αριάνταν – из *arii̯a-* ‘узнавать, выяснять, определять посредством прорицания’[13] + суф. *-ant-*, по внешнему облику ИС весьма напоминает хетт. прилагательные и причастия общего рода с суф. *-ant-*[14].

*arii̯a-peidh-eu̯- ‘данный через определение оракула или полагающийся на пророчество’: скиф. царское имя ’Αριαπείθεος, ’Αριαπείθει, ’Αριαπείθης (Herod. IV, 76, 78) толкуется из хетт. *arii̯a-* ‘узнавать, выяснять, определять посредством прорицания’ и либо из хетт. прич. прош. вр. сврш. от гл. *pāi-, pe-, píi-* ‘давать, geben’, либо из хетт. *péda-, pida-* ‘доставлять, приносить туда, hinbringen, hinschaffen, forttragen’[15]. Ср. др.-греч. πείθω, πείθομαι, πείσω, πείσομαι ‘убеждать, уговаривать, упрашивать, склонять, убеждаться, быть убеждаемым, повиноваться, слушаться, следовать, верить, доверять, полагаться’, лат. *fido, fisus sum, fidere* ‘верить, доверять, полагаться’, праслав. **u-běditi*, хетт. *péda-, pida-* ‘доставлять, приносить туда’.

*arinxi- ‘(копающие) колодцы’ или ‘нимфы источника (колодца)’ (?): одно из трех племен Таврики *Sinchi, Napaei, Ari[n]chi* (Amm. Marc. XXII, 33), можно предложить этимологию на базе хетт. **arinna-* ‘колодец’, оформленного показателем объекта действия *-ḫ(ḫ)i* или показателем названий женских существ *-ḫ*[16];

*aruna- ‘море’: в составе сложного гидронима *Temarundam matrem maris* (Plin.) – из хетт. *aruna-* ‘море’[17];

*artaka- ‘медведь’: Место в Скифии (Таврике) Ψευδαρτακη в Партенитах, совр. *Артек* (ср. город пеласгов в Геллеспонте ’Αρτάκη, город и гора на Кизикском п-ове, фракийское племя близ Никополя на Истре αρτακιοι, αρτακοι; источник в стране Лестригонов ’Αρτακίη) принято возводить к и.-е. корню **r(k)to / rtko- / rteko-* ‘медведь’. Но по сути дела, эти следы греческой колонизации имеют очевидные анатолийские аналоги *ḫartagga-* ‘хищный зверь, м. б., медведь’[18];

*arxa- ‘граница, ряд’: в составе сложного этнонима *Satarcheos Spalaeos* (Plin. VI, 23) и отвлеченного от него МН Σατάρχη (Ptol. = SC), ср. хетт. *arḫa-, irḫa-* ‘граница, ряд’[19] или наречие-препозитив *arḫa* ‘прочь, в сторону, вдаль, weg, fort, bestimmt’[20].

*arxai̯a, *arxai̯an ‘внешняя, отдельная, обособленная’: определение хоронима Скифия в известном пассаже Геродота ἀπὸ Ἴστρου αὕτη ἤδη (ἡ) ἀρχαίη Σκυθίη ἐστί, πρὸς μεσαμβρίην τε καὶ νότον ἄνεμον κειμένη, μέχρι πόλιος καλεομένης Καρκινίτιδος (Herod. IV 99) толкуется из хетт. *arḫai̯a, arḫai̯an* ‘вне, снаружи, в стороне от, extra, gesondert, ausserdem’[21]. В данном случае, Внешняя Скифия (Scythia Superior) противопоставлена Скифии Внутренней (Scythia Inferior), т. е. Малой Скифии;

*assa- ‘благая, добрая’ (?): Ἄσσα· πόλις Σκυθίας (Steph. Byz.) ~ ср. хетт. МН и ИС с *ḫašša*[22], *ḫaššu-* ‘rex’[23] или *aššu* ‘благой’[24] в составе.

*au̯aris ‘бастион, укрепление, оплот, опорный пункт, военная база, наблюдательный пункт, дозор, караул’: в составе топонимов Ναύαρις· παρὰ δε τὴν νότιον τοῦ Τανάιδος ποταμοῦ, Ναύβαρις (Ptol. = SC; P.-B. II, 977)[25] – из хетт. *auri-, au̯ari-š, a-ú-ri-iš* ‘Turm, Ausguck, Warte, Bollwerk, Grenzwache, Stutzpunkt’[26].

*au̯asis ‘смотрящий’ (?): боспорское ИС Αὔασις (CIRB) можно этимологизировать из хетт. *auš-, aušzi* ‘sehen’[27].

*au̯inda, *au̯unda ‘наблюдательный пункт, дозор, караул’: реликтовый топоним в Таврике (гора Авинда) можно толковать как производное с суф. *-nda* от аналога хетт. *au-* ‘видеть, зреть, смотреть, sehen’, imp. pl. 3 *úu̯āndu*[28].

*aurii̯anda ‘дозор, наблюдательный пункт, укрепленный пункт’ или *aruu̯a[i]nda ‘место поклонения’: реликтовый таврический топоним *Orianda* (1380), *Орьянда, Ореанда, Оргенда, Ургенда* имеет и.-е. облик и сопоставим с анатолийским топонимом *Oroanda* [*aruu̯anda?] – производное с суф. *-ant-* от хетт. *aruu̯āi-* ‘склониться, нагибаться, поклониться, sich niederbeugen, sich verneigen’[29], продолжения и.-е. глаг. *ōr-, ər-* ‘орать, кричать’, лат. *ōrō, ōrāre* ‘говорить во время ритуала’[30], или от хетт. *auri-, au̯ari-š, a-ú-ri-iš* ‘наблюдательный пункт, дозор, укрепление, Ausguck, Bollwerk, Stutzpunkt’[31]. По внешнему облику топоним весьма напоминает хетт. прилагательные и причастия общего рода с суф. *-ant-*[32]. Ср. Марсанде, Доранде.

*dā- ‘брать, взять, зд. давать’: в составе МН *Temarunda, Coracanda* – из хетт. *dā-, dant-* ‘брать, nehmen’[33].

*dadāi̯a- ‘некий термин родства (тятя, дядя)’ или ‘ставленник’: эпиграф. ИС Δάδαιος сопоставимо с и.-е. термином родства **dhēdha*[34] или является удвоением хетт. **dāi-* ‘ставить’, ср. *tēḫḫi, dāi, tii̯ant-* ‘ставить, stellen’[35].

*dala- 'отпускать' (?): в составе сложного ИС Δαλαζέλμις, и производных ИС Δάλας, Δαλόσακος[36] можно выделить основу, подобную хетт. *dala-* 'велеть, заставлять, поручать', 'позволять, разрешать, допускать, давать возможность', 'оставлять, прекращать, переставать, бросать, оставлять' и др.[37].

*dorant- 'твердыня': реликтовый топоним ю.-зап. Таврики Δορας, Δοραντος можно истолковать как производное от и.-е. **dŏru- / *dōru-* 'твердое, крепкое, суровое, трудное'[38]; скорее всего, восходит к и.-е. диалектному производному хеттского вида (**doru̯ant-*?). Сюда же отнесу и топоним Дуранте на Керченском п-ове, считавшийся поздним итальянским названием XIX в., он оказался значительно более старым. Анонимный морской атлас[39] из лаборатории Хуана Мартинеса второй половины XVI в.: он при составлении которого была небрежно использована еще более старая карта Черного моря XIV – первой половины XV в., отчетливо обозначил между значительными портами *Vospro* (Керчь) и *Cafe* (Феодосия) рядовой порт *Gorande* (можно читать и *Ģorande*, *Çorande* или *Dorande*). Общий вид топонима относит его к похожим названиям разного происхождения типа *Coracanda, Girizonda, Oreanda*.

*dhusk- 'веселый, радостный': ИС Θυσκῆς Μαέους (IOSPE I[2] № 104)[40] – из хетт. *dušk-* 'sich freuen'[41].

*[h]arp-ēss- 'добавляющая (воды)' (?): фрак. река Αρπεσσος (Арда) можно истолковать из хетт. корня **ḫarpa-nu-* 'добавлять, дополнять'[42] с суф. глаголов состояния типа хетт. *-ēss*, который мог присоединяться как к именным, так и к глагольным основам[43]. Ср. Σαλμύδησσος, Οδησσος, Ορδησσος.

*hertikh-eio- 'медвежий': этноним на Северном Кавказе *Hertichei* (Plin. = SC) – из и.-е. **H(e)rt(h)k(h)-* 'медведь' (один из древних диалектных вариантов), ср. хетт. *ḫartagga* 'хищный зверь', далеко отстоящий от др.-греч. ἄρκτος, лат. *ursus*, др.-инд. *ṛ́kṣaḥ* 'медведь'. См. *artaka.

*hupani- 'береговая (река), прибрежная' (?): река в Скифии Ὕπανις, *Hypanis*, совр. Березанский лиман, река Кубань – толкование из и.-е. **u̯ep-, *u̯op-, *up-* 'вода', ср. хетт. *u̯appu-* 'берег реки'[44] возможно, но необязательно. Ср. хетт. ИС *u̯upašši̯a-*.

*i̯arra- 'Арес, Марс': скиф. теоним Ἄρεα – ср. хетт. теоним *I̯arra*- бог войны, мора[45].

*illu- 'змей, дракон': МН Ιλουρατον (Ptol.), возможно, содержит тот же корень, что и хетт. *illui̯anka-* 'змей, дракон'.

*izzi- ‘благие, добрые’ (?): этноним на Северном Кавказе *Issi*, (Mela, Plin. = SC), ср. город Ισσος в Киликии – из хатт. *izzi*- ‘благой, добрый’ в составе *izzi-eštan* ‘Благой день’, или хетт. *išḫuu̯a*- ‘schütten, hinwerfen, ausliefern’[46].

*kama-saruu̯a- ‘любимая женщина’ (?): боспорские женские ИС Καμασαρύη, Κομοσαρύη имеют словообразовательное соответствие в хеттских ИС (см. *saruu̯a), ср. реликты фракийского вида.

*kap(p)ii̯a- ‘маленький’: таврич. ороним *Кипия*, м. б., и гидроним *Pantikapes* – ср. хетт. антропоним *Kapii̯a*, производное от *kappi*- ‘маленький, klein’[47].

*kardēs(s)- ‘отрезанный, отдельный (?)’: древнейший таврич. топоним Καρδησός· πόλις Σκυθική Ἑκαταῖος Εὐρώπη (конец VI в. до н. э.!), ск. Биюк-*Кардис*-Кая, ск. Кучук-*Кардис*-Кая, ск. *Картис*-Кая (вост. склон Никитской яйлы) по форме напоминает хетт. производные с суф. глаголов состояния типа хетт. -*ēss*, который мог присоединяться как к именным, так и к глагольным основам, от гл. *kartāi*- ‘abschneiden, beseitigen, entfernen’[48].

*kardi̯a- ‘сердечный’: ИС Καρδιος (Танаис, Фанагория) соблазнительно сопоставить с хетт. *kardii̯aš* ‘des Herzens’[49].

*kast- ‘голод’: таврич. МН *Kasta* (Santini 1777) – из хетт. *kašt-, kištant*- ‘голод’.

*kissiom ‘каменистые, каменные’: одно из названий Кавказа *Cissii montes*, ср. Κισσιων χωρα – Хузистан, иллир. *Cissa insula, Chissae castrum*, карийская глосса γισσα γαρ τη καρων φωνη λιθος ερμενευεται, Киссейские горы ‘каменистые, каменные’.

*kurii̯as(s)a- ‘(обитающие) в полях’: Κουρασαΐτοι (Ioan. Goth.) – *ku[e]rii̯ašša* ‘в полях (обитающие)’, дательно-местный пад. мн. ч. к *kuera*- ‘поле, луг, угодие’[50].

*kuruntii̯a- ‘город великой богини’: МН Κορουσία· πόλις παρὰ δὲ τὸν Οὐαρδάνην ποταμόν (Ptol.) – ср. хетт. ИС *Kuruntii̯a, Kurunta* ‘великая (богиня)’[51], но можно толковать также из хетт. *kuruzzi* ‘каменное режущее орудие’[52].

*mā ‘мать’: боспорск. ИС Μᾶ достаточно убедительно толкуется из и.-е. **mā* ‘мать’[53]. Вероятно переносное употребление этого слова в знач. *Меотида* – ‘Мать Моря’.

*mai̯u-sara ‘материнская’: боспорск. ИС ж.р. Μαιωσάρα, Μαιοσάρα (Lat. IosPE II n. 245; CIRB n. 280) – словообразовательно толкуется по аналогии с хетт. *ḫaššušara* ‘царица’, *išḫaššara*

'госпожа'[54], первая часть, вероятно, производная от и.-е. **mā* 'мать' посредством *-i̯-u̯-*.

*mani̯aḫḫ-āi 'управляющий, управитель': имя гуннского посла с широкими полномочиями Μανιαχος (Константинополь, ок. 400 г. н. э.) – м. б. из хетт. *mani̯aḫḫ-* 'verwalten, beauftragen', *mani̯aḫḫāi* 'Verwaltung, Verwaltungsbereich'[55].

*mā-pari̯an 'на той стороне (Меотиды)' (?): МН *Maparium* – содержит в своем составе *pari̯an, parean* 'на той стороне, hinüber'[56].

*mar[a]s[s]anda 'мертвая река': МН *Marsande* (Santini 1777), *Марсанда, Массандра*, если это не позднее суффиксальное производное от романск. морск. *mars* 'небольшая площадка на мачте корабля для наблюдения за горизонтом', может иметь анатолийское происхождение, ср. хетт. название главной реки страны *Maraššanda, Maraššanta*, прилаг. *Maraššanti̯a*, ныне река *Kizilirmak*[57]. По внешнему облику гидроним весьма напоминает хетт. прилагательные и причастия общего рода с суф. *-ant-*[58].

*mari̯a- 'воин на колеснице': этнонимы *Itimari* (Iord. Get. 48, 53), Μάρες (Hekat.), м. б., глосса *marzus – nuptiae* (Busbequis) – ср. хетт. ИС *Mari̯a*, апеллятив *mari̯anni-, marrin* 'Offizier der Kriegswagentruppe'[59].

matasuu̯a- '?': ИС Ματασυος, Ματασυι (Березань) – имеет словообразовательное соответствие (-šuu̯a*) в хеттских МН *Pittalaḫšuu̯a, Gapišuu̯a, Kapapaḫšuu̯a*[60].

*mean-dārai̯a- 'содержащие вещих птиц' (?): *Meandaraeos* (Plin.) – гибридное сложение аналога хетт. *meena-* 'вещая птица'[61] и аналога праиран. **dārai̯a[t] (*dārai̯a[t]-raθa-, *dārai̯a[t]-u̯ahu-)* '(an)haltend'[62]. Настораживает обратная последовательность основ словосложения в иранском. Ср., впрочем, хетт. *mai̯andaḫḫ-* 'крепкий, сильный' (Friedrich II, 132).

*napa-, *napai̯a- 'племянник, потомок': скиф. царское ИС Νάπην, его потомки Νάπαι, Νάπας (Diod. II, 43), *ibi Napaei interisse dicuntur a Palaeis* (Plin. NH 6, 50), три племени Таврики *Sinchi, Napaei, Ari[n]chi* (Amm. Marc. XXII, 33) – ср. иное оформление в лат. *nepos, -otis*, др.-инд. *napat-*, авест. *napat*[63].

*nau̯a- 'новый': в составе топонимов Ναύαρις· παρὰ δε τὴν νότιον τοῦ Τανάιδος ποταμοῦ, Ναύβαρις (Ptol. = SC; P.-B. II, 977)[64] – весьма вероятна этимология из хетт. *neu̯a-*, продолжающего и.-е. **neu̯os* 'новый', ср. ст.-лит. *navas*[65]. Ср., впрочем, аналогичные индоар. и вост.-иран. реликты.

*n(eu̯)-au̯aris 'новое укрепление': МН Ναύαρις· παρὰ δε τὴν νότιον τοῦ Τανάιδος ποταμοῦ, Ναύβαρις (Ptol. = SC; P.-B. II, 977)[66] толкуются как словосложение хетт. *neu̯a-* (и.-е. **neu̯os* 'новый', ср. ст.-лит. *navas*)[67] и хетт. *auri-, au̯ari-š, a-ú-ri-iš* 'Ausguck, Bollwerk, Stutzpunkt'[68].

*noti-saruu̯a 'Noti-nymphe': боспорское ИС Νοτισαρύη имеет словообразовательное соответствие в хеттских ИС (см. *kamasaruu̯a-, *saruu̯a).

*od-ēss- 'издающий (приятный или неприятный) запах, аромат': топоним Ὀδησσός, Ὀδεσσός, *Odessos*, Ὀησσόπολις, Ὀδυσσός, Ὀδυσσόπολις, *Odyssa, Odissos*[69] – производное от и.-е. **od-, *ōd-* 'обонять, нюхать; издавать запах, аромат, пахнуть', ср. лат. *odōs, odōr, -ōris* (< **odōs-*) 'запах; зловоние; аромат; благоухание; дым, чад, пар'[70] с суф. глаголов состояния типа хетт. *-ēss*, который мог присоединяться как к именным, так и к глагольным основам[71]. Топоним мог быть мотивирован особым запахом, поднимавшимся из многочисленных Варненских лиманов.

*opizzii̯az 'та, что позади, сзади': Ὀπισσᾶς (Anon. Per. = SC) – *appezzii̯a-* 'задний, последний'[72], *ap-pí-iz-zi-i̯a-az* 'hinterher, danach'[73].

*ord-ēss- 'течение, поток': приток Истра, река и порт Ὀρδεσσός, Ὀρδησσός, ныне *Argeş* (Арджеш, Румыния) – производное от и.-е. **ordh-, *ered-, *red-, *rod-* 'течение, поток'[74] с суф. глаголов состояния типа хетт. *-ēss*, который мог присоединяться как к именным, так и к глагольным основам[75]; ср. река *Rhode*, община *Caliordi*.

*pāi- 'идти, путешествовать; путь': скифский гидроним Εξαμπαιος "святые пути", в случае реальности толкования Геродота, может иметь в своем составе аналог хетт. *pāi-, pānt-, pānza* 'идти, путешествовать, gehen, marschieren'[76].

*pāi- 'давать, отдавать': в скиф. теониме Παπαῖος· Ζεὺς (Herod. IV 59) можно усмотреть и хетт. гл. корень *pāi-, pe-, pi-* 'давать, отдавать' и даже цельное словообразование с шумерограммой *EGIR-pa pāi* 'воздавать, давать обратно, zurückgeben'[77].

*pala-, *palai̯a- 'старый, старший, предок': скиф. царское ИС Πάλον, его потомки Πάλοι, Πάλους (Diod. II, 43), *ibi Napaei interisse dicuntur a Palaeis* (Plin. NH 6, 50) – ср. этноним северной Каппадокии *Pala* (*URUpalāumnili*) – палайцы (Friedrich II, 156).

*pānt-i- ‘путь’: в скиф. гидронимах Παντικάπης, *Panticapes*, *Panticapen* (Plin., Mela) можно усмотреть хетт. прич. *pānt-*, *pānza* ‘идущий’[78].

*panda ‘путевой’ (?): меотидское МН *Panda* (Tac. Ann. XII, 16), *ultra Sogdiani oppidum Panda* (Plin. NH VI, 18, Lassen I, 800, Anm. 2) может отражать продолжение хетт. *pant-, panza* ‘идущий’[79]. Ср. индоар. этимологию.

*pangra- ‘множество’ (?): таврич. МН *Pangropoli*, кавк. МН Πάγρα λιμήν (Arrian.) можно толковать на базе хетт. *pāngar-*, *pāngarīt* ‘куча, масса, большое количество’[80].

*papāia- ‘воздавать, отдавать обратно’: в скиф. теониме Παπαῖος· Ζεὺς (Herod. IV 59) можно усмотреть соответствие хетт. божеству *Папая* (*Papai̯a-*). В хетт. ритуале закладки нового царского дворца, когда царь входит в новую постройку, божественный Трон призывает вещего Орла и отправляет его к Аруне, богу моря. Орел должен ответить, кто сидит в зеленом лесу у моря. Он отвечает, что видел престарых подземных божеств, Истустая и Папая (*Papai̯a-*), которые сидят там, приведенные. Трон вопрашает: “Что они делают?”. Орел отвечает, что одна держит веретено, две держат весы... Они прядут годы жизни царя; невозможно сосчитать его годы, определить край его годам. Скиф. (амазон.) Папай – Зевс, отец Мойр, прядущих, отмеряющих и отрезающих нить судьбы, получает в таком случае убедительную этимологию: экспрессивное удвоение хетт. гл. корня *pāi-, pe-, pi-* ‘давать, отдавать’ и даже цельное словообразование с шумерограммой *EGIR-pa pāi* ‘воздавать, давать обратно, zurückgeben’[81]. Уместно напомнить, что иранская традиция также знает слово *baga* (< **bhaga-*) со значением ‘давать, воздавать (долю, участь)’, ср. праслав. **bogъ, *nebogъ, *ubogъ* (ЭССЯ 2, 161-163). Примечательны и два других имени божеств, прядущих нить жизни и судьбы: *Ištu* сопоставимо с др.-греч. (пифагорейск.) ἐστώ ‘суть’, *štai̯a* сопоставимо с корнем праслав. **sta-ti* ‘стать’. Происхождение как имени, так и самого образа бога очевидно хеттское. Передатчиками традиции были, скорее всего, амазонки.

*parā-sin- ‘дальняя засада, западня’ (?): *civitas Parasinum* (Plin. NH), вероятно, сложение предлога хетт. *parā-* adv. ‘вперед; далеко, далекий, дальний, вдали; гораздо, vorwarts, hinaus, weiter, draussen’ и сущ. *šinaḫ[ḫ]a* ‘засада, ловушка, западня, Falle, Hinterhalt’[82]. Ср. митан. ИС *Paratarna*.

*patarua- 'городской' или 'крылатый': Παταρούη· μετὰ τὰς τοῦ Τανάϊδος ποταμοῦ ἐκβολὰς (Ptol.) имеет исход, подобный широко употребительному хетт. суф. *-ua-*. Основа, возможно, собств.-хетт. *pattar-* 'крыло' или заимствование из хурритского *patarə, patari* 'город'.

*paḫḫun- 'огонь': ИС Παῦνα Νύμφεω (CIRB № 1065), м. б. средневековое МН Φοῦνα – из хетт. основы косв. пад. *paḫḫun* 'огонь'[83].

*-peidh-eu- 'убеждаемый, убежденный, повинующийся, следующий, верящий (предсказанию, пророчеству)', в составе савроматско-скифского сложного ИС (см. *ariia-peith- 'повинующийся определению оракула'), скифского царского имени Ἀριαπείθεος, Ἀριαπείθει, Ἀριαπειθης, Σπαργαπείθεος (Herod. IV, 76, 78) – можно толковать, исходя либо из хетт. прич. прош. вр. сврш. от гл. *pāi-, pe-, pii-* 'давать, geben', либо на основе гл. *péda-, pida-* 'доставлять, приносить туда, hinbringen, hinschaffen, forttragen'[84]. Ср. др.-греч. πείθω, πείθομαι, πείσω, πείσομαι 'убеждать, уговаривать, упрашивать, склонять, убеждаться, быть убеждаемым, повиноваться, слушаться, следовать, верить, доверять, полагаться', ср. лат. *fido, fisus sum, fidere* 'верить, доверять, полагаться'.

*pida- 'способный убеждать, послушный (пророчествам и богам)' ИС Πιδος (Березань): толкуется из хетт. *peda-, pí-di, pé-e-di* 'Ort, Stelle' или из *péda-, pida-* 'доставлять, приносить туда', hinbringen, hinschaffen, forttragen[85], ср. греч. πειθός 'убедительный, правдоподобный, вероятный, способный убеждать; доверчивый, легковерный; послушный'.

*pidana- 'ниспосланный' (?): ИС Πιδανος (Тира), гидроним Педань (?) лучше толковать из др.-греч. πιθανός 'убедительный, правдоподобный, вероятный, способный убеждать; доверчивый, легковерный; послушный' или хетт. *péda-, pida-, pé-da-a-an-zi, pé-e-da-ú, pé-da-an-du* 'доставлять, приносить туда, hinbringen, hinschaffen, forttragen[86].

*pidei-s 'верность, вера, доверие, уверение, обещание (богами)': ИС Πιδεις (Ольвия) лучше толковать из лат. *fidēs, fideī, fidis, -is* 'вера, доверие, уверенность и др.' или хетт. *peda-, pí-di, pé-e-di* 'Ort, Stelle', или *péda-, pida-* 'доставлять, приносить туда, hinbringen, hinschaffen, forttragen[87].

*salm-ud-éss- 'соленые воды': МН Σαλμυδησσος – из и.-е. **salmo-* 'соленый', **salm-uro-s*[88], ср. др.-греч. ἁλμυρός 'соленый', и.-е. **ud-* 'вода', ср. др.-греч. ὕδωρ, ὕδατος, с суф. глаголов

состояния типа хетт. *-ēss-*, который мог присоединяться как к именным, так и к глагольным основам[89].

*sarma- ‘храм, дворец’: праслав. **xormъ* (ЭССЯ 8, 74-76) соотносимо с хетт. *šaramna-* ‘дворец, Palast’[90]. Ср. в этой связи этимологию русск. *терем* (Фасмер IV, 47).

*-sara ‘женщина, одна из сестер рода’: боспорские ИС ж. р. Μαιωσάρα, Μαιοσάρα (Lat. IosPE II n. 245; CIRB n. 280) словообразовательно толкуются по аналогии с хетт. *ḫaššušara* ‘царица’, *išḫaššara* ‘госпожа’[91].

-saru̯a ‘нимфа, женщина’: боспорские имена собственные Καμασαρύη, Κομοσαρύη, Νοτισαρύη (а также Ματασυος, Κότυς, -υος) имеют словообразовательное соответствие (-u̯a*) в хеттских именах собственных *Gašalu̯a, EN-tarau̯a, Maru̯a, Saḫurunu̯a, Tarḫumu̯a, Tarḫu̯a, Ualu̯a* ‘лев’, *Zu̯a* ‘еда, хлеб’, но особенно в многочисленных МН *Tidu̯a, Šakaddunu̯a, Šapinu̯a, Pittalaḫšu̯a, Pakku̯adu̯a, Pašdu̯adu̯a, Ninišanku̯a, Narapidu̯a, ḫaninqau̯a, ḫantišizzu̯a, ḫimmu̯a, Išteruua, Gaggaddu̯a, Gamazu̯a, Gapišu̯a, Kapapaḫšu̯a, Kappadu̯a, Gaštarišdu̯a*[92].

*sasās ‘священная пророческая птица’: ИС Σάσας Σινδέου лучше толковать на базе хетт. *šašās* ‘ein Orakelvogel’[93].

*sa-tarxu-, *sa-tarxai̯a- ‘люди бога Тарху’ (?): этноним *Satarchaeos Spalaeos* (Plin. VI, 23), МН Σατάρχη· πόλις δὲ ἐστιν μεσόγειος ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ ἥδε (Ptol.) имеют некоторые фонетические черты хеттского вида (*-rḫ-, -ai̯a*) и сопоставимы со сложными именами собственными, типа *Pii̯ama-tarḫu*[94]; иное толкование возможно на основе хетт. **arxa-*.

*sau̯[a]lii̯a- ‘солнечный’ (?): скиф. царск. ИС Σαύλιος, Σαυλίου, Σαυλίῳ (Herod. IV, 76) сопоставимо с хетт. теонимом *Suu̯alii̯aš* (Ullikumi-text). Возможно, теофорное по происхождению имя.

*sausii̯a ‘дозор’: *Soza, oppidum Dandaricae* (Tac. XII, 16), Σῶσαι (DAI 53, 199, 200) – из хетт. *šaušii̯a* ‘высматривать, наблюдать’[95].

*sibri-apa- ‘светлая, серебристая вода’: Сев. Прич. гидроним Σιβριαπα ‘светлая река’ имеет анатолийский аналог: ликийский гидроним Σιβρις ποταμος = Αργυρεος ‘серебристый’. Состав начального слога остается невыясненным. Ср., впрочем, арм. *surb-* ‘светлый, читый’, др.-инд. *çubhra* ‘блестящий, сверкающий, светлый, белый’[96].

*sidima ‘седловина’: торжище юго-восточной Таврики *Po(s)-*

sidima < **(a)po-sidima*, и.-е. **sed-/sid-* 'сидеть, садиться оседать'; ср. латин. *sido, sidi, sessum, sidere* 'садиться, оседать'[97], суф. *-ima* типа хетт. *-ima* (< и.-е. *-mo-*)[98], ср. хетт. *lalukkima-* 'светозарный'[99].

*sinxi- 'дозорный, сидящие в засаде' (?): этноним *Sinchi* (Ammian. Marc.) – из хетт. *šinaḫḫa-* 'засада, ловушка'[100].

*soloṷent- 'дождевые воды': название реки в Прусе Σολόεις, -εντος имеет цельнолексемный аналог в хетт. МН *Šaleṷanta*, ИС и названии горы *Šaluṷanta*, названии земли *Šaluṷantiịa*[101].

*spalaịa, *spalees 'лазутчики, наблюдатели' (?): этноним *Satarcheos Spalaeos* (Plin.) может получить вероятное толкование на основе стяжения хетт. *šapašalli-, šapašalliuš, šapašaleeš* мн. 'наблюдатель, Späher, Kundschafter', *šapašiịa-* 'наблюдать, высматривать'[102].

*spou- 'глаз, око': скиф. глосса σπου· ὀφθαλμός (Herod.) может быть вполне реальна с учетом лат. *speco*, хетт. *šapašalli-, šapašalliuš, šapašaleeš* мн. ч. 'наблюдатель, Spaher, Kundschafter', *šapašiịa-* 'наблюдать, высматривать'[103].

*tabana 'горный, скальный': город внутренней Таврики Ταβανα, ср. Ταπαι – теснины у железных Ворот на Дунае – производное с суф. *-(a)na* от и.-е. **tm̥ba* 'гора, скала', ср. карийск. ταβα· πετρα, иллир. *Tabia*[104].

*tabiti 'жар, жара, зной, пыл': скиф. теоним Ἱστίη μὲν Ταβιτί (Herod. IV, 59) сопоставимо с хетт. корнем в *tapašša-* 'Fieber, Hitze'[105], в словообразовательном отношении ср. лат. *tepidus* 'теплый', нареч. *tepide*, осет. *tævdæ, tævd* 'горячий'[106], праслав. **teplъ, *topiti, *topъka* и явное заимствование в сванские диал. в виде *ṭebdi, ṭebedi, ṭebid* 'теплый', картв. *ṭep-: ṭp-/ṭb-* 'греть(ся), быть теплым'[107]. В хеттской традиции персонифицированный Очаг играл важную роль в домашнем, семейном культе, считался посредником, к которому обращались с молитвами, дабы он передал их богам и выступил заступником перед богами. В частности, при переезде в новый дворец жрец совершал жертвоприношение очагу с заклинанием передать богам, чтобы они обеспечили многочисленное потомство царской паре.

*tāia- 'тайная засада, потаенное место': МН *Taia* (н. мыс Айя) можно толковать на основе хетт. *tāia- / daia-, taiant-* 'воровать, красть, утаивать, похищать'[108].

*taksa- 'мир, согласие': ИС Τάξακις, Καβαθάξης сопоставимы с хетт. ИС *Takša-*[109] и глаг. *takša-* 'соединять вместе, связывать вместе', *takšan* 'zusammen, gemeinsam', *takšulaš* 'Friede'[110].

*tarant- древний гидроним Малой Скифии Τιαραντος – из хетт. *tarant-* 'говорящий, звучащий'[111], по внешнему облику гидроним весьма напоминает хетт. прилагательные и причастия общего рода с суф. *-ant-*[112] (и.-е. **tēr-ont-*, соотносительно с и.-е. **toros* 'звук воды', ср. лат. *torrens, -entis* 'стремительный, клокочущий, бурливый, бурный поток', др.-инд. *tarantah* 'море'; итал. *Tarentum*; шотл. *Trent*).

*tarḫuna- 'город бога Тарху': MH Ταρωνα (Ptol.) – производное от хетт. теонима *Tarḫu, Tarḫun-, Tarḫunt.*

*taur- 'дикий тур': эпитет при теониме 'Αρτέμις Ταυρώ, этноним Ταῦροι, хороним Ταυρική – сопоставимы с хетт. названием города *Tauriš*, божество-покровитель которого – дитя бога Солнца (текст "Гнев Великого Бога").

*tem-(arun)-(da) 'темный': *Temarundam matrem maris* (Plin.) 'в темное море впадающий': скифское наименование Меотиды (Азов) Temarunda – из и.-е. диал. **tem(ə)*[113], хетт. *arun-* и *dā* 'в море впадающий'.

*ti̯arant- 'крайний, пограничный, имеющий берега' или 'стремительный, бурный поток, море' (?): река Τιαραντος на западе Малой Скифии (Жиу или Олт) – из др.-инд. *tīra-* 'берег, край' или из и.-е. **tēr-ont-*, соотносительного с и.-е. **toros* 'звук воды' (ср. лат. *torrens, -entis* 'стремительный, клокочущий, бурливый, бурный поток', др.-инд. *tarantah* 'море', *tīra-* 'берег, край'; итал. *Tarentum*; шотл. *Trent*, хетт. *tar-* 'говорить, тараторить', прич. *tarant-*[114]). По внешнему облику гидроним весьма напоминает хетт. прилагательные и причастия общего рода с суф. *-ant-*[115].

*tirgatau̯a- '?': женское имя Τιργατάω – сопоставимо с хетт. женским именем *Tirgutau̯i̯a* из Алалаха[116], которое производно с суф. *-i i̯a-* от предполагаемого **Tirgutau̯a.*

*tun-kars- 'стригуны': *Tuncarsi* (Iord. Get. XIV) – из хетт. *tun-* '?' и *karš-* 'abschneiden'[117] или *karša-* 'саранча'[118].

*zili̯a- 'орлов, орлиный': о-в Чиле или Орлов можно убедительно объяснить из хетт. *zili̯a-*, производного от *zila-* 'вещий орел, хищная птица, по полету которой гадают о будущем, Богиня auspicium', ср. MH *Anzili̯a*, *Inzili*[119], см. *anzila, *anzili̯a.

*zit- 'человек, люди': этнонимы *Getae, Massagetae, Tyragetae, Thyssagetae* содержат второй компонент сложного имени, который я склонен сопоставить с хетт. вторым компонентом двусоставных имен *-zit-iš* (ср. теофорное имя *Armazitiš* "человек бога Луны"), заменяемым шумерограммой LÚ 'Mann'[120].

Обозрев весь представленный лексический материал, рассмотрев морфологическую структуру, установив вероятную семантику слов и реконструировав фрагментарно обозначаемые реалии, уместно задаться вопросом: каким же народом были оставлены в Северном Причерноморье эти языковые реликты хеттского вида?

Я далек от признания гипотез некоторых археологов и ученых историко-филологической направленности, все еще располагающих первичную индоевропейскую прародину в южнорусских степях. Мысль о миграции некоторых индоевропейских народов из промежуточной прародины в Закавказье и на Ближнем Востоке мне ближе, но не столь тотально, абстрактно и хронологически фантастично, как это было высказано некогда в известном труде Т. Гамкрелизе и Вяч.Вс. Ивановым[121].

Полагаю, что можно верно определить народы, оставившие в Северном Причерноморье языковые реликты хеттского облика. Речь идет о пресловутых амазонках – особой древней индоевропейской народности с непривычным социальным устройством, обитавшей в низовьях реки Термодонт (греч. Ирис, тур. Ешиль-Ирмак), по соседству с важными хеттскими городскими общинами Амасия (греч. Αμασια, тур. Амасья), Догантепе, Кидздзимара-Гадздзимара (греч. Γαζιουρα, тур. Турхал), Тахадзимуна (греч. Δαζιμων, тур. Дазмана), Андзилия-Индзили (греч. Ζηλα, тур. Зиле), Докея (греч. Δοκεια, тур. Токат), Тапигга (тур. Машат-гёюк). Судя по сообщениям др.-греч. писателей, столица амазонок Темискюра была легко достижима с моря, т.е. располагалась где-то в окрестностях современного Самсуна или городка Чаршамба.

Я убежден в том, что индоевропеизация Каппадокии в 1800–1500 гг. до н.э. вызвана именно этой причудливой и.-е. этнической общностью амазонок. Хетты (пала, несили, лувили) являлись потомками амазонок и окрестных варваров, в селения которых возвращались (подкидывались) новорожденные мальчики. О возможности такого образа жизни и стереотипа поведения в далеком прошлом может свидетельствовать аналогичный обычай и уклад некоторых племен (вернее, женских родоплеменных групп) на о-ве Папуа-Новая Гвинея еще в начале XXI в. Древние амазонки определенно сохраняли свою самобытность очень долго, образуя в исторические времена целые храмовые общины жриц разного рода[122] в Каппадокии. Южные соседи амазонок, хетты, в архивах своего военно-бюрократического управления именовали постоян-

ную военную угрозу, исходившую из долины реки Келькит и низовий Ешиль-Ирмака ^{URU}*gašga*, ^{URU}*qašqa*[123].

Амазонки волей судьбы попали в Северное Причерноморье в XIII в. до н.э. и дали начало народности савроматов, которой некоторые историки и археологи приписывают более позднюю Савроматскую археологическую культуру VII–IV вв. до н.э.[124] Этот народ играл важную роль в истории Северного Причерноморья много веков, поэтому он заслуживает более пристального внимания.

Эллинская мифологическая и историческая словесность донесла отчетливые сведения об этногенезе савроматов.

Вот как Диодор описывал переселение амазонок из Восточной Анатолии в Северное Причерноморье:

(4: 16) (1) Получив приказ добыть пояс амазонки Ипполиты, Геракл отправился в поход против амазонок. Приплыв к Понту, названному им Эвксинским, и проплыв по нему до устья реки Фермодонта, он разбил стан у города Фемискиры, столицы амазонок. (2) Сначала Геракл потребовал у них пояс, за которым был послан, а когда амазонки ответили отказом, вступил с ними в битву. Войско амазонок сражалось с его спутниками, против самого же Геракла устремились самые славные из них и вступили с ним в ожесточенную схватку. Первой в бой с Гераклом вступила Аэлла, получившая такое прозвище за свою стремительность, однако противник ее оказался еще проворнее. Второй была Филиппида, которая получила смертельную рану в первой же стычке и сразу скончалась. Затем в битву вступила Профоя, которая, как говорят, семикратно побеждала вызванных ею на поединок противников. Она тоже была убита, а четвертой Геракл сразил амазонку по имени Эрибея, доблесть которой в ратных делах дала ей основание похваляться, что она не нуждается ни в чьей помощи, но при встрече с более могучим противником похвальба ее оказалась пустой. (3) Следующими были Келено, Эврибия и Феба, сопутствовавшие на охоте Артемиде и всегда бившие дротиком без промаха. Теперь же они все вместе не смогли поразить одну цель, но, сражаясь плечом к плечу, полегли все трое. Затем Геракл одолел Деяниру, Астерию и Марпу, а также Текмессу и Алкиппу. Последняя дала обет навсегда оставаться девой: клятву она сдержала, но жизнь свою сохранить не сумела. Предводительница амазонок Меланиппа, которая вызывала восхищение своей доблестью, была лишена власти. (4) Одолев самых знаменитых из амазонок и обратив в бегство прочее вой-

ско, Геракл убил большинство из них и тем самым окончательно разгромил это племя. Из числа пленных амазонок Антиопу он подарил Тесею, а Меланиппу отпустил на свободу, отняв у нее пояс. 28. (1) Пока Геракл был занят этими деяниями (совершением остальных трех подвигов. – *А.К.*), уцелевшие амазонки, собрав свои силы у реки Фермодонта, попытались воздать эллинам за зло, которое причинил им поход Геракла. Наиболее же сильную ненависть питали они к афинянам по той причине, что Тесей увел в неволю предводительницу амазонок, которую звали Антиопой, а по мнению некоторых писателей – Ипполитой. (2) Вступив в союз со скифами, амазонки собрали внушительные силы, с которыми предводительницы амазонок переправились через Боспор Киммерийский и прошли по Фракии. Пройдя значительную часть Европы, амазонки вторглись в Аттику и разбили стан в том месте, которое в память о них называется ныне Амазонием. (3) Узнав о нашествии амазонок, Тесей выступил против них с городским ополчением. Вместе с Тесеем была и амазонка Антиопа, родившая ему сына Ипполита. Вступив в сражение с амазонками, афиняне превзошли их доблестью. Войско Тесея одержало победу: часть вторгшихся амазонок пала в бою, а прочие были изгнаны из Аттики. (4) Однако случилось так, что Антиопа, сражавшаяся вместе со своим мужем Тесеем и отличившаяся в битве, геройски пала в бою. Уцелевшие амазонки решили не возвращаться на родину и ушли в Скифию вместе со скифами, среди которых и поселились. Рассказав об амазонках достаточно, возвратимся к деяниям Геракла[125].

Геродот передает другую версию поселения амазонок в Скифии:

(4: 110) О савроматах рассказывают следующее. Эллины вели войну с амазонками (скифы называют амазонок “оиорпата”, что по-эллински означает мужеубийцы; “оиор” ведь значит муж, а “пата” – убивать). После победоносного сражения при Фермодонте эллины (так гласит сказание) возвращались домой на трех кораблях, везя с собой амазонок, сколько им удалось захватить живыми. В открытом море амазонки напали на эллинов и перебили [всех] мужчин. Однако амазонки не были знакомы с кораблевождением и не умели обращаться с рулем, парусами и веслами. После убиения мужчин они носились по волнам и, гонимые ветром, пристали, наконец, к Кремнам на озере Меотида. Кремны же находятся в земле свободных скифов. Здесь амазонки сошли с кораблей на берег и стали бродить по окрестностям. Затем они

встретили табун лошадей и захватили его. Разъезжая на этих лошадях, они принялись грабить Скифскую землю.

(4: 111) Скифы не могли понять, в чем дело, так как язык, одеяние и племя амазонок были им незнакомы. И скифы недоумевали, откуда амазонки явились, и, приняв их за молодых мужчин, вступили с ними в схватку. После битвы несколько трупов попало в руки скифов и таким образом те поняли, что это женщины. Тогда скифы решили на совете больше совсем не убивать женщин, а послать к ним приблизительно столько молодых людей, сколько было амазонок. Юношам нужно было разбить стан поблизости от амазонок и делать все, что будут делать те; если амазонки начнут их преследовать, то они не должны вступать в бой, а бежать. Когда же преследование кончится, то юноши должны опять приблизиться и вновь разбить стан. Скифы решили так, потому что желали иметь детей от амазонок.

(4: 112) Отправленные скифами юноши принялись выполнять эти приказания. Лишь только женщины заметили, что юноши пришли без всяких враждебных намерений, они оставили их в покое. Со дня на день оба стана все больше приближались один к другому. У юношей, как и у амазонок, не было ничего, кроме оружия и коней, и они вели одинаковый с ними образ жизни, занимаясь охотой и разбоем.

(4: 113) В полдень амазонки делали вот что: они расходились поодиночке или по двое, чтобы в стороне отправлять естественные потребности. Скифы, приметив это, начали поступать так же. И когда кто-нибудь из юношей заставал амазонку одну, женщина не прогоняла юношу, но позволяла вступить с ней в сношение. Разговаривать между собой, конечно, они не могли, так как не понимали друг друга. Движением руки амазонка указывала юноше, что он может на следующий день прийти на то же место и привести товарища, знаком объясняя, что их будет также двое, и она явится с подругой. Юноша возвратился и рассказал об этом остальным. На следующий день этот юноша явился на то же место вместе с товарищем и застал там уже ожидающих его двух амазонок. Когда прочие юноши узнали об этом, они укротили и остальных амазонок.

(4: 114) После этого оба стана объединились и жили вместе, причем каждый получил в жены ту женщину, с которой он впервые сошелся. Мужья, однако, не могли выучиться языку своих жен, тогда как жены усвоили язык мужей. Когда, наконец, они стали понимать друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: “У нас есть родители, есть и имущество. Мы не можем

больше вести такую жизнь и поэтому хотим возвратиться к своим и снова жить с нашим народом. Вы одни будете нашими женами, и других у нас не будет". На это амазонки ответили так: "Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; напротив, к женской работе мы не привыкли. Ваши же женщины не занимаются ничем из упомянутого, они выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках, не охотятся и вообще никуда не выходят. Поэтому-то мы не сможем с ними поладить. Если вы хотите, чтобы мы были вашими женами и желаете показать себя честными, то отправляйтесь к вашим родителям и получите вашу долю наследства. Когда вы возвратитесь, давайте будем жить сами по себе".

(4: 115) Юноши послушались жен и так и поступили: они возвратились к амазонкам, получив свою долю наследства. Тогда женщины сказали им: "Мы в ужасе от мысли, что нам придется жить в этой стране: ведь ради нас вы лишились ваших отцов, и мы причинили великое зло вашей стране. Но так как вы хотите взять нас в жены, то давайте вместе сделаем так: выселимся из этой страны и будем жить за рекой Танаисом".

(4: 116) Юноши согласились и на это. Они переправились через Танаис и затем три дня шли на восток от Танаиса и три дня на север от озера Меотида. Прибыв в местность, где обитают и поныне, они поселились там. С тех пор савроматские женщины сохраняют свои стародавние обычаи: вместе с мужьями и даже без них они верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами.

(4: 117) Савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык. Что касается брачных обычаев, то они вот какие: девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай[126].

Относительная датировка этногенеза савроматов возможна соответственно хронологии составителя Паросского мрамора.

1292 г. до н.э. Девятым подвигом (Эвристей) назначил Гераклу доставить ему пояс Ипполиты. Она была царицей амазонок, которые обитали у реки Термодонта. Это было весьма воинственное племя, ибо они упражнялись в мужских доблестях. Если им иногда и приходилось сходиться с мужчинами ради продолжения рода, они воспитывали только девочек и сдавливали им правые груди, чтобы они не препятствовали им метать дротик, а левые

(груди) оставляли, чтобы вскармливать детей. Ипполита же обладала поясом Арея, символом первенства среди всех (остальных). Вот Геракл и был послан за этим поясом, потому что им хотела завладеть дочь Эвристея Адмета. Взяв пожелавших (героев) в боевые спутники, (Геракл) отплыл на одной ладье и причалил к Паросу, который населяли сыновья Миноя Эвримедонт, Хрис, Нефалион и Филолай. Когда же двое из бывших на ладье сошли на берег, им выпало погибнуть от рук сыновей Миноя. Разгневанный Геракл одних тут же перебил, остальных же, окружив, стал осаждать, пока они не прислали послов, предлагая, чтобы он вместо убитых спутников взял двоих (из них), которых только пожелает. Он же, сняв осаду и взяв с собой Алкая и Стенела, сыновей Андрогея Миноева, пришел в Мисию к Лику, сыну Даскила, и был им радушно принят... ... когда нападал царь бебриков, (Геракл), помогая Лику, многих перебил, среди которых был и царь Мигдон, брат Амика. Отрезав много земли от (владений) бебриков, Геракл передал ее Лику, а тот всю эту (землю) назвал Гераклеей. Когда он приплыл в гавань Темискиры, туда же явилась Ипполита, спрашивая, ради чего он пришел, и обещая отдать пояс. Но Гера, приняв облик одной из амазонок, прибежала к толпе и возгласила, что царицу похищают пришлые чужестранцы. (Амазонки) в полном вооружении поскакали на конях к ладье. Когда Геракл увидел их вооруженными, он решил, что это произошло по злому умыслу, и, убив Ипполиту, отнял пояс.

В 1292–1287 гг. до н.э. Тесей, приняв участие в походе против амазонок вместе с Гераклом, похитил Антиопу или же, как говорят некоторые, Меланиппу, а согласно Симониду, – саму Ипполиту. По этой причине амазонки напали на Афины. Над ними одержал победу Тесей вместе с афинянами, когда амазонки уже разбили лагерь у подножия холма Ареса. На обратном пути часть амазонок поселилась среди Скифов.

Примечателен и тот факт, что смута в державе хеттского царя Муршили III случилась примерно во время похода Геракла и Тесея в Темискиру и ответного похода амазонок в Аттику.

Таким образом, походы амазонок через Скифию и Фракию датируются первыми десятилетиями XIII в. до н.э. В результате этих походов и миграций сложение савроматской историко-культурной общности следует датировать первой половиной XIII в. до н.э.

Сведения письменных источников об особой роли женщин (ведуний-жриц и цариц) в савроматском обществе прекрасно иллюстрируются археологическими данными[127].

Оружие и предметы культа в женских захоронениях савроматов VI–IV вв. до н.э. играли значительную роль. Обнаружено большое количество женских могил с оружием и в Скифии. Богатые женские захоронения скифо-савроматского мира содержали колчаны стрел с наконечниками, мечи, изредка копья, предметы конской сбруи. В богатых женских погребениях савроматов обнаружены особые каменные жертвенники (акмония), бронзовые зеркала, костяные и роговые ложечки в зверином стиле, раковины Grifea с различными минеральными красками, охрой, реальгаром, бронзовые иглы и шила, головные булавки с округлым навершием на верхнем конце (могли использоваться в вредоносной магии для протыкания восковых изображений врага). Преобладающие мотивы звериного стиля с VI в. до н.э. у савроматов – изображения волка и медведя[128].

Весь комплекс археологических манифестаций базовых семиотических систем савроматов неопровержимо свидетельствуют о том, что до IV в. до н.э. амазонки не только сохраняли свою обособленность в составе родо-племенного союза, но и являлись носителями основных культурных признаков всей общности.

Этногенез, лингвогенез и культурогенез амазонок и савроматов связан с хеттами неситами. Подтвердить это положение можно с использованием данных сравнительной мифологии.

Обнаруженные тождества хетт. *Иярра* и скиф. теонима *Арея*, хетт. триады божеств судьбы *Ишту*, *Штая* и *Папая* (Мойры) и скиф. теонима *Папай* (Зевс, отец Мойр), хетт. хтонического божества *Апи* и скиф. теонима *Апи* (Гея), хетт. теонима богини ауспиции *Цила*, *Цилия* и скиф. *Ахиллея* позволяют поставить вопрос о хеттском происхождении некоторых ключевых образов скифской теологии.

В группу богов, перечисляемых во время обряда в Канеше, входили бог *Si̯u̯at* ('День'), бог на коне *Piru̯u̯a* (этимологически связывается с хетт. *peruna* 'скала'), *Kattaḫa* ('царица'), чародейка *Kamrušepa*, божество *Halki* (*ḫalki* 'зерно'), божества-покровители *Malli̯i̯a*. Палайский круг божеств представлен богом Солнца *Ti̯i̯az*, богом-наездником *Zaparu̯u̯a, Ziparu̯u̯a*, богом моря *Aruna* ('море, океан'), чародейкой *Kattaḫzi̯u̯uri*, божествами-покровителями *Ilali̯i̯antikeš*. Некоторые из них встречаются и в лувийском божественном окружении, которое состоит из бога солнца *Ti̯u̯at*, бога луны *Arma*, бога громовика, бога с молотом *Tarḫunt*, бога войны *I̯i̯arra, I̯i̯arri*, божеств *Hašameli*.

Наиболее вероятно их отождествления с хорошо известными титанами и олимпийцами: *Aruna* = Понт; *Si̯u̯at, Ti̯u̯at, Ti̯i̯az* =

титан Гиперион, титанид Гелиос (Аполлон); *Kaška, Kašuḫ, Arma* = =титанид Атлант (Гермес); *Zaparuụa, Ziparuụa, Piruụa* = титанид Астрай (созвездия Персея и Пегаса); *Kattaḫa* = титанида Геката (Артемида Тавро, "Дева-Царица" Херсонеса Таврического); *Kamrušepa, Kattaḫziụuri, Kattaḫzipuri* = волшебница Кирка (дочь Гелиоса и Персеиды) и ее племянница Медея; *Iịarra, Iịarri* = титан Крий (Арес); *Tarḫu, Tarḫunt* = титанид Паллант (Гефест); *Halki* = =Деметра; *Illuịanka* = Химера, Тифон; *Malliịa, Ilaliịantikeš* = =куреты, корибанты.

Из такого отождествления вытекает возможность приписать амазонкам и савроматам некоторый комплекс мифологических сюжетов, общих для хетто-лувийских и греко-римских традиций.

Погребальный инвентарь так называемых женщин-жриц у савроматов и скифов не случаен. На анатолийской прародине северо-причерноморских амазонок магия играла большую роль. Она выражалась в волевом воздействии на окружающий мир как в малых формах примет и суеверий, так и в сложных магических обрядах. Основные магические действия совершались при приеме родов и установке волшебной защиты младенца (включая наречение имен), при врачевании больных, при любовном привороте (отвороте), при защитительной и вредоносной магии. В этой магической практике использовались фигурки врагов, вылепленные из воска, булавки, ложечки для ритуальных возлияний жидких и сыпучих веществ, помешивания отваров и зелий. Переносные каменные алтарики, жертвенники (так называемые акмонии), ритуальные молоточки, курительницы савроматских амазонок также восходят к практике хеттских жертвоприношений богам.

Непременное бронзовое зеркало в захоронении савроматских амазонок свидетельствует о старом способе гадания перед зеркалом при свечах, о магическом созерцании при помощи зеркала (не отсюда ли, в конечном счете, пушкинское "Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи..."?).

Нередко находимые в женских захоронениях Савроматии пряслица от веретен были не столько символом женских занятий (прядения), сколько символом и атрибутом верховной триады богинь Исту-Стаи и Папаи, прядущих, отмеряющих и отрезающих нить жизни.

Погребальная обрядность савроматских племен весьма напоминает хеттские обычаи (в 1800–1500 гг. до н.э. хетты практиковали трупоположение в могиле, а в 1500–1200 гг. до н.э. дополнили свою погребальную обрядность трупосожжением на специаль-

ных деревянных помостах). Археологи отмечают широкое распространение всякого рода возжиганий, сожжений деревянных конструкций и в курганах савроматских амазонок[129].

Все эти наблюдения не только доказывают верность античной традиции об амазонках и происхождении савроматов, объясняют многие вещественные проявления базовых семиотических систем савроматов, но и служат удовлетворительным обоснованием в прагматическом аспекте этимологии некоторых языковых реликтов Северного Причерноморья (к прим.: **ari̯a-, *arii̯anta-, *artaka-, *aruna-, *arxai̯a-, *illu-, *kuruntii̯a-, *marii̯a-, *pahun-, *-sara, *-saruu̯a-, *tarhon, *zilii̯a-*).

Все вышеизложенное подводит к мысли о том, что многое из того, что связывает языки, мифологии, обрядность восточных славян, литовцев и латышей с давно исчезнувшими лувийско-хетто-палайскими языками и культурами Каппадокии, было передано именно амазонками и их потомками савроматами, сошедшими с исторической арены относительно поздно – в эпоху позднего эллинизма.

Глухие отголоски о неких женщинах, воительницах и ведьмах в северопричерноморских степях встречаются в труде Иордана о готах (ведьмы-*алиорумны*), и, как предполагали некоторые исследователи, сохранились даже в русских былинах (*поляницы*).

Примечания

[1] *Надель Б.* Черноморско-хеттские ономатологические связи. К постановке вопроса // Rocznik orientalistyczny, t. XXVI, zesz. 1, 1962, 129; *Трубачев О.Н.* Temarundam 'Matrem maris': К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Славянское и балканское языкознание. Вып. 3: Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977, 87–95; *Трубачев О.Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6, 13–29; *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999, 225, 228, 255, 258, 283 и др.

[2] *Канева И.Т.* Шумерский язык. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2006, 19–21.

[3] *Friedrich* I, 60; *Aygül Süel* // Sedat Alp. Hethitische Briefe aus Maşat-Hoyuk. Ankara, 1991, 362.

[4] *Friedrich* I, 23; *Aygül Süel*. Op. cit., 360.

[5] *Pokorny* I, 48–49.

[6] *Detschew D.* Die Thrakischen Sprachreste. 2 Auflage mit Bibliographie 1955–1974. Von Živka Velkova. Wien, 1976, 18.

[7] *Friedrich* II, 53; *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье, 225.

[8] *Sedat Alp*. Hethitische Briefe aus Maşat-Hoyuk. Ankara, 1991, 9.

[9] *Aygül Süel*. Op. cit., 351.

[10] *Detschew D.* Op. cit., 32.

[11] *Friedrich* I, 58; *Pokorny* I, 64.

[12] *Friedrich* I, 28; *Aygül Süel*. Op. cit., 352.
[13] *Aygül Süel*. Op. cit., 352.
[14] *Шацков А.В.* Хеттские прилагательные с суффиксом *-ant-* // Hr̥dā́ mánasā. Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л.Г. Герценберга / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2005, 104–129.
[15] *Friedrich* II, 155, 167; *Aygül Süel*. Op. cit., 352, 393, 396.
[16] *Иванов В.В.* Об отношении хеттского языка к северозападнокавказским // Восточная Анатолия. М., 1985, 31, 37, 40.
[17] *Надель Б.* Черноморско-хеттские ономатологические связи. К постановке вопроса, 129; *Friedrich* I, 32.
[18] *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье, 228; *Friedrich* I, 61.
[19] *Friedrich* I, 29, 83.
[20] *Friedrich* I, 29; *Aygül Süel*. Op. cit., 352.
[21] *Friedrich* I, 29; *Aygül Süel*. Op. cit., 352.
[22] *Friedrich* I, 61; *Sedat Alp*. Op. cit., 56; *Larosh E.* NH № 320, Supplément, Hethitica IV, № 320.
[23] *Friedrich* I, 64.
[24] *Friedrich* I, 37; *Иванов В.В.* 1989, 36.
[25] *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. Bd. III, Berlin, 1892, 123; *Vernadsky G.* Ancient Russia. New Haven, 1943, 108.
[26] *Friedrich* I, 39; *Aygül Süel*. Op. cit., 355.
[27] *Friedrich* I, 39–40; *Aygül Süel*. Op. cit., 355–356.
[28] *Friedrich* I, 39; *Aygül Süel*. Op. cit., 355–356.
[29] *Friedrich* I, 37; *Aygül Süel*. Op. cit., 354.
[30] *Pokorny* I, 781.
[31] *Friedrich* I, 39; *Aygül Süel*. Op. cit., 355.
[32] *Шацков А. В.* Указ. соч., 104–129.
[33] *Friedrich* III, 201–202; *Aygül Süel*. Op. cit., 402.
[34] Ср. *Detschew D.* Op. cit., 109–110.
[35] *Aygül Süel*. Op. cit., 403.
[36] *Detschew D.* Op. cit., 113–114.
[37] *Aygül Süel*. Op. cit., 404.
[38] *Pokorny* I, 214.
[39] *Almagia R.* Monumenta Cartographica Vaticana, I, Citta del Vaticano, 1944; Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканската апостолическа библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII век). София, издателство Наука и изкуство, 1978. LIV = Cod. pal. lat. 1362a, f. 2v-3r, LV = Cod. vat. lat. 2972, f. 107r, LVI = Pal. lat. 1362b, LVII = Borgiano XVI, LVIII = Borgiano V, LIX = Vat. lat. 9015, LX = Cod. vat. lat. 9016, LXI = Borgiano VII, LXII = Borgiano VIII, LXIII = Borgiano XIII, LXIV = Cod. pal. lat. 1886, LXV = Cod. Barb. lat. 4357, LXVI = Cod. barb. lat. 4431b, LXVII = Cod. barb. lat. 4394, LXVIII = Borgiano X, LXIX = Borgiano VI, LXX = Borgiano XI, LXXI = Cod. Urb. lat. 1710, LXXII = Borgiano IV, LXXIII = Vat. lat. 1428.
[40] *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung. Praha, 1955.
[41] *Aygül Süel*. Op. cit., 409.
[42] Ibid. 362.
[43] *Berman H.* The stem formation of Hittite nouns and adjectives. Dissertation. University of Chicago, 1972, 186–187; *Weitenberg J.J.S.* Die hethitische u-Stämme. Amsterdam: Rodopi. 1984; *Шацков А.В.* Указ. соч., 108.

[44] *Pokorny* I, 1149.
[45] *Huxley G. L.* Achaeans and Hittites. Oxford, 1960 (Belfast, The Queen's University 1968), 54; *Sedat Alp.* Op. cit., 66.
[46] *Aygül Süel.* Op. cit., 367.
[47] Ibid. 68.
[48] *Friedrich* II, 102; *Berman H.* Op. cit., 186–187; *Weitenberg J.J.S.* Op. cit. 38; *Шацков А.В.* Указ. соч. 108.
[49] *Friedrich* II, 103.
[50] Ibid., 105, 111.
[51] *Aygül Süel.* Op. cit., 373.
[52] *Sedat Alp.* Op. cit., 68; *Aygül Süel.* Op. cit., 427.
[53] *Pokorny* I, 694; *Detschew D.* Op. cit., 278.
[54] *Sedat Alp.* Op. cit., 68; *Трубачев О.Н.* О синдах и их языке // ВЯ 1976, № 4, 56; *Трубачев О.Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства, 21; *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье, 253.
[55] *Aygül Süel.* Op. cit., 380.
[56] Ibid., 397.
[57] *Sedat Alp.* Op. cit., 41; *B. Rosenkranz* 1966, 129–130; *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индо-европейцы. Т. II. Тбилиси, 1984, 862; *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье, 255.
[58] Ср. *Шацков А.В.* Указ. соч., 104–129.
[59] *Sedat Alp.* Op. cit., 79; *Aygül Süel.* Op. cit., 380; *Laroch E.* NH Nr. 762 и *Larosh E.* Supplément, Hethitica IV № 762.
[60] *Sedat Alp.* Op. cit., 9–108.
[61] *Aygül Süel.* Op. cit., 1991, 381.
[62] *Mayrhofer M.* Iranisches Personennamenbuch. Herausgegaben von Manfred Mayrhofer. Bd. I. faszikel I–III. Wien, 1979. Bd I, Fsz. I, 35, Fsz. II, 18, 19.
[63] *Трубачев О.Н.* Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология, 1977. М., 1979, 127–144; *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье, 100–101.
[64] *Müllenhoff K.* Op. cit., 123; *Vernadsky G.* Op. cit., 108.
[65] *Pokorny* I, 768.
[66] *Müllenhoff K.* Op. cit., 123; *Vernadsky G.* Op. cit., 108.
[67] *Pokorny* I, 768.
[68] *Aygül Süel.* Op. cit., 355.
[69] *Detschew D.* Op. cit., 335.
[70] *Pokorny* I, 372–373.
[71] *Berman H.* Op. cit., 186–187; *Weitenberg J.J.S.* Op. cit., 38; *Шацков А.В.* Указ. соч., 108.
[72] *Friedrich J.* Phönizisch-punische Grammatik. Roma, 1961, 26.
[73] *Aygül Süel.* Op. cit., 351.
[74] *Pokorny* I, 329, 334.
[75] *Berman H.* Op. cit., 186–187; *Weitenberg J.J.S.* Op. cit., 38; *Шацков А.В.* Указ. соч. 108.
[76] *Aygül Süel.* Op. cit., 392.
[77] Ibid., 393.
[78] Ibid., 392.
[79] Ibid., 392.
[80] Ibid., 393.
[81] Ibid., 393.

[82] Ibid., 393, 400.
[83] *Friedrich* II, 154.
[84] *Aygül Süel*. Op. cit., 352, 393, 396.
[85] Ibid., 396.
[86] Ibid., 393, 396.
[87] Ibid., 396.
[88] *Pokorny* I, 878.
[89] *Berman H*. Op. cit., 186–187; *Weitenberg J.J.S*. Op. cit., 38; *Шацков А.В*. Указ. соч., 108.
[90] *Aygül Süel*. Op. cit., 399.
[91] *Трубачев О.Н*. О синдах и их языке, 56; *Трубачев О.Н*. Лингвистическая периферия древнейшего славянства, 21; *Трубачев О.Н*. Indoarica в Северном Причерноморье, 253.
[92] *Sedat Alp*. Op. cit., 9–108.
[93] *Aygül Süel*. Op. cit., 400.
[94] *Sedat Alp*. Op. cit., 63, 64; *Aygül Süel*. Op. cit., 462.
[95] *Aygül Süel*. Op. cit., 400.
[96] *Трубачев О.Н*. Лингвистическая периферия древнейшего славянства, 15; *Трубачев О.Н*. Indoarica в Северном Причерноморье, 52.
[97] *Шапошников А.К*. Этимологические наблюдения // Этимология. 1997–1999. М., 2000, 192–199.
[98] *Laroch E*. Hittite *-ima*: indo-européen *-mo-* // BSL, 52, 1956, 78–79.
[99] *Иванов В.В*. Об отношении хеттского языка к северозападнокавказским // Восточная Анатолия. М., 1985, 42.
[100] *Aygül Süel*. Op. cit., 400.
[101] Ibid., 395.
[102] Ibid., 399.
[103] Ibid., 399.
[104] *Шапошников А.К*. Указ. соч., 192–199.
[105] *Aygül Süel*. Op. cit., 495.
[106] *Абаев В.И*. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, 283.
[107] *Климов Г.А*. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994, 139–143.
[108] *Aygül Süel*. Op. cit., 403.
[109] *Larosh E*. Supplément, Hethitica IV, NH № 1213; *Sedat Alp*. Op. cit., 95.
[110] *Aygül Süel*. Op. cit., 403.
[111] Ibid., 405.
[112] *Шацков А.В*. Указ. соч., 104–129.
[113] *Pokorny* I, 1063.
[114] Ibid., 1074–1075, 1088–1089; *Aygül Süel*. Op. cit., 405.
[115] *Шацков А. В*. Указ. соч., 104–129.
[116] *Larosh E*. Supplement, Hethitica IV, NH № 185; *Трубачев О.Н*. Indoarica в Северном Причерноморье, 284.
[117] *Aygül Süel*. Op. cit., 369.
[118] *Friedrich J*. Ergänzungsheft. Heidelberg, 1961, 105, 11.
[119] *Sedat Alp*. Op. cit., 9; *Aygül Süel*. Op. cit., 449.
[120] *Aygül Süel*. Op. cit., 431, 456.
[121] *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В*. Индоевропейский язык и индо-европейцы. Т. I–II. Тбилиси, 1984.

[122] См. списки женщин, списки певиц в работе *Гиоргадзе Г.Г.* Хеттские списки женщин // Древняя Анатолия. М., 1985, 209–227; ср. матери богов в статье: *Ф.З. Черпышева.* О некоторых терминах, обозначающих персонал хеттского храма // Древняя Анатолия. М., 1985, 203–208.

[123] *Aygül Süel.* Op. cit., 451.

[124] *Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, 165–169.

[125] *Диодор Сицилийский.* Греческая мифология (Историческая библиотека) / Пер. с древнегреческого О.П. Цыбенко. М., 2000. – 224 с. (серия "Античное наследие").

[126] *Геродот.* История. В 9-ти кн. / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972; *Herodot.* IV 5–7, 8–10: Herodoti historiarum libri IX. Ed. H.R. Dietsch Ed. Alter curavit H. Kallenberg. Vol. I. Lipsiae in aedibus B.G.Teubneri MDCCCLXXXVII. Athens, 1977, 321–324.

[127] *Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971; *Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры, 169; *Гуляев В.И.* Скифы: расцвет и падение великого царства. М., 2005, 347–348.

[128] *Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры, 168.

[129] Там же, 172.

Г. Шустер-Шевц

О СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЯХ РУБАШКИ ('camis[i]a, indisium'). ЛИНГВО- И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

О. Шрадер пишет в своем "Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde" в статье на слово *Hemd*: "daβ die älteste idg. Tracht ein Begriff des Unterkleides (Rockes) noch nicht k a n n t e (разрядка автора. – *Г.Ш.-Ш.*). Es ergibt sich hiraus von selbst, daβ das unter dem Unterkleide getragene Hemd ein verhältnismäβich junger Kulturerwerb sein muβ" (Schrader-Nehring. Real. I, 494). И в славянских языках, на первый взгляд, также отсутствует общее обозначение вида одежды "рубашка". Однако само понятие должно было быть известно им уже относительно рано, как следует из употребленного в чешско-немецкой историографии (Kosmas von Prag 1045–1125) оборота. "Рубашка ближе, чем платье": "Quis enim ignorat, quod camisia proprior sit corpori, quam tunica" (Fontes II, 192). Как показывает просмотр с этой точки зрения материала отдельных славянских языков, можно обнаружить у славян отдельные лексемы, связанные с понятием "рубашка", в основе которых лежат исконные или заимствованные слова. При этом значение 'рубашка' является преимущественно результатом более поздней семантической специализации. Следует различать поэтому праславянскую основу (соответственно также лежащее в основе древнее заимствование) и более позднюю форму отдельного языка с ее распространением в границах Славии. Речь идет о следующих лексемах: 1. *košul'a*, 2. **čechlъ/*čechlo*, 3. **rǫbъ*, 4. *riza*, 5. *sorka* и 6. *jьz-gъlo*[1].

1. Наиболее широко распространенное славянское название рубашки – это упомянутое выше под цифрой 1 **košul'a*, которое обнаруживает целый ряд других родственных вариантов значения. Ср. польск. *koszula* (с 16 в.), кашуб. *kašëla*, *košla*, *košula* 1. 'рубашка, риза', реже также 2. 'первая, без текста страница книги', 3. 'промокательная бумага', 4. 'манжетка на цветочном горшке', 5. 'подкладка (пальто, костюма)', 6. 'кожура картофеля в мундире', чеш. *košile*, ст.-чеш. *košule* 'рубашка', диал. морав. *košul'a* также 'плодолистик', *košilinda* экспр. 'малыш в рубашонке', словац. *košel'a* (!), диал. вост. также *košul'a* 'рубашка',

в.-луж. *košla*, диал. *košela*[2] (здесь *e* вм. *u*, как в в.-луж. *wotežka* 'постромка' < *wotužka* < **otǫžьka* и в диал. *rozemić* 'понимать' при литер. *rozumić*[3]), более старое *košul*(*k*)*a* то же, н.-луж. *košula* 'женская юбка, платье' (с 1700 г.). Нижнелужицкому языку значение 'рубашка' неизвестно, здесь употребляется *zgło* (см. ниже), которое ранее заняло появившееся место в системе обозначений под влиянием соседних северно-западнославянских диалектов и помешало специализации 'женская юбка' > 'рубашка'. Далее русск. стар. *кошуля* 'поддевка на меху, тулуп, женская рубашка', диал. также *кошля*, укр. диал. *кошуля* 1. 'рубашка', 2. 'род язв, струпья по всему телу'[4], также 'вязаная рубашка; женская кофта' (Лисенко), блр. *кошуля* 'рубашка', болг. диал. зап. *кошуля*[5], макед. *кошула* 1. 'рубашка', 2. 'плодолистик', с.-хорв. *кȍшуља* 'рубашка, риза', 2. 'змеиная кожа', *кошуље* мн. 'очистки', словен. стар. и диал. *košúlja*, ц.-слав. **кошоуліа** indusium. Реконструируемое **košul'a* до сих пор обычно рассматривали как праславянское заимствование из лат. *casula* 'облачение с капюшоном' (ср. также нем. *Kasel* 'облачение с капюшоном католического священника') (Фасмер; Sławski I, 547–548; см. также мою прежнюю точку зрения Schuster-Šewc II, 643), что, однако, очень сомнительно, так как в рассматриваемом случае, как видно из приведенных материалов отдельных языков, совершенно явно речь идет об очень древней лексеме, восходящей еще к общепраславянскому периоду. Заимствование славянского слова из латинского языка невероятно по хронологическим основаниям. Его влияние на славянские диалекты и языки можно проследить не ранее 9 в. н.э., то есть в связи с христианизацией славян, если мы допускаем ее начало вместе с ранней баварской миссионерской деятельностью. Этой гипотезе противоречит широкое распространение и народный характер слова во всей Славии. Об этом свидетельствуют также его различные побочные значения ('обертка', 'кожура', 'струпья' и т.д.), которые трудно вывести из значения 'облачение', восходящего к литургической терминологии. Это могло бы сформироваться только после принятия христианства в Славии, что совершенно невероятно. Большие трудности представляет также замена *s* (*casula*) на *š* (*košul'a*): ожидалось бы *ž* (*kožul'a*). Следовательно, это слово следует рассматривать, вопреки традиционным толкованиям, как древнее славянское образование, родственное с праслав. **košь* 'корзина'[6], **košelь* 'вязаный мешок' и **koše*(*ě*) *l'a* то же, содержащими корень **koš-* (< **koch-*), ср. польск. *kosz* 'корзина', в.-луж., н.-луж. *koš* то же, н.-луж. стар. *košela* 'плете-

ный загон или пастушеская хижина', польск. *koszałka* 'плетеная корзинка', рус. *кошéль*, *-еля* 'плетеная из лыка корзинка, короб для сена, для хлеба' и *кошелёк*, ст.-слав. **кошьница** 'корзина' (первично плетеная из лыка или пряжи емкость). Оба слова (*košul'a* и *košel'a*) различаются лишь суффиксами (*-ul'a*: *-e*(*ě*)*l'a*). Однако словац. *košel'a* показывает, что оба образования смешиваются. Более позднее, вторичное влияние на словацкую форму со стороны ср.-в.-нем. *kāsel*(*e*) следует исключить, вопреки (Machek 225). В качестве исходного значения **košul'a* можно рассматривать 'одежда, сплетенная из льняных волокон или сотканная из грубого льна, которая надевалась под верхнюю одежду'. Ср. в этом отношении сохранившееся в украинском диал. *кошуля* в значении 'вязаная рубашка, женская кофта'. Содержащееся в *koš-* *š* восходит к экспрессивному *ch* (**koch-*), которое происходит из старого *s*[7], при родстве с праслав. **kosnǫti*, ср. рус. *коснуться*, *касаться*. Из этого следует, что **kes-/*koch-*, лежащее в основе **kosati/ *kochati*, исконно должно было обозначать также 'плести' (т.е. 'связывать нити или волокна, соединяя, сближая их'). Устанавливается также родство с **kochati* (ср. польск. *kochać* 'любить') и **košiti* (ср. в.-луж. *košić* 'целовать'), относительно которых определена первичность значения '(нежно) касаться'. Ср. в связи с этим также **čechlъ/*čechlo*, для которых признается подобное родство с **česati* 'чесать' при экспрессивном **čechati* 'драть'.

Наряду с исконным **košul'a* славяне знали также восходящее к лат. *casula* слово *kažula/kazula*, которое, однако, датируется значительно моложе и используется лишь славянами-католиками. Ср. ст.-польск. *kazula*, *kazuła* 'риза', кашуб. диал. *kazëla* 'саван; короткий полушубок' (Lorentz. Pomor. I, 341), *każëla* 'саван' (Karłowicz II, 146–147), ст.-чеш. *kažula*, *kažila*, *kazula* 'риза', словац. *kazula* то же, с.-хорв. *kȁžula* 'стихарь' (Sławski I, 547–548). Об относительно молодом возрасте *kazula/kažula* говорит, наряду с *z/ž* (< *s*), также неизмененное *a*. Следовательно, это слово однозначно исключается как источник слав. **košul'a*.

2. С **košul'a* родственно, как уже было сказано, употребляемое в ряде славянских языков и диалектов в качестве обозначения рубашки **čech*(ъ)*lъ* /**čech*(ъ)*lo*, иногда с вокализмом *a/o* также **čach*(ъ)*lъ/*čoch*(ъ)*lъ*, ср. польск. *czecheł*, *czechło* 'женская рубашка, саван', ст.-польск. (15–16 вв.) *czecheł*, *czacheł*, *-chła* 'рубашка, юбка из белого холста; полотенце, банная простыня', также (с 16 в.) 'саван, плащ, чехол, покрывало', диал. (великопольск.) *czecheł*, *czycheł*, *cycheł* то же; чеш. устар. *čechel*, *-ch*(*e*)-

le ‘женская и мужская одежда, рубашка, юбка, головной платок’, ст.-чеш. *čechel*, *čechl*, *-la*, *-lu* ‘носовой платок; саван’ (также и диал.); словац. диал. *čechol* ‘юбка, пришитая к рубашке (suknĕ přišita k rubáši)’; в лужицких языках неизвестно; рус. *чехол*, диал. также *чахол* ‘женская нижняя юбка’, укр. *чохол*, *чехол* ‘чехол, покрывало’, *чохла* ж.р. ‘широкая часть рукава в женской рубашке’, диал. также ‘верхняя часть женской рубашки’; блр. *чахол* с теми же значениями, диал. (Полесье) *чохлы* ‘манжеты’; ст.-рус. *чехълъ* ‘покрывало; род одежды’, ц.-слав. **чєхлъ** ‘занавес, покрывало, покров, предмет одежды’, болг. *чехъл*, мн. *чехли* ‘туфли без каблуков’, макед. *чевол* (*в* < *х*) (SP 2, 120–121). Происхождение этого славянского слова также считается не поддающимся разъяснению (Vasmer 3, 332). Предположение о родстве с хетт. *ureššark* ‘женский головной платок’ см. (Machek 67). Авторы (SP 2, 123) указывают на возможную связь с **čechati*, **česati* (“Nazwy odzienia łączą się nieraz z pojęciem rwania, darcia”), однако рассматривают этимологию данного слова как неясную (“etymologia niepewna”), что, на наш взгляд, безосновательно. Ведь корень *čech-* в **čech*(ъ)*lъ* без труда сопоставляется как *е*-ступень аблаута с корнем **koš-* < **koch-* в *košul'a*, также при экспрессивном изменении *s* > *ch*, ср. польск. *czechrać* ‘расчесывать шерсть’, чеш. *česati* ‘чесать’ при *čechati* ‘царапать’, словац. *česati* ‘чесать’ и *čechrať sa* ‘чесать, драть’ (= vlasy pročesávat), без *-r-* диал. экспр. *čechnuť* ‘дать пощечину’, *čechovať* ‘ругать’, с *о*-вокализмом *čochrať*, *cochrať*, польск. *czochrać* ‘чесать (лен)’, наряду с более старым *czochać* (*się*) ‘чесать(ся), царапать(ся)’, рус. диал. *чохнуть* ‘сбрызнуть’ (ср. рус. *коснуть* (*ч* – *х*: *к* – *с*), словен. *čéchati* ‘гладить, царапать (особ. о животных)’ и др. Относительно сопоставления *s* и *ch* ср. в.-луж. стар. *česel*(*o*) ‘мельничная решетка (устройство подобное гребню)’, чеш. *česle* то же при болг. *чешел* ‘гребень, скребница’ и словен. *češelj* то же, наряду с *češlj* то же. Также и в этом случае **čechl-* может быть выведено из основного значения ‘ткань, полученная сплетением волокнистого материала’ > ‘платок для укрывания тела’ > ‘примитивный род одежды, особенно рубашка’. Оба фонетические варианта (**kos-*/**koch-* и **kes-*/**čech-*) восходят к и.-е **kes-* ‘царапать, чесать’, ср. родственное греч. κεσκέον ‘кудель’ (Pokorny I, 585).

3. **rǫbъ*: ср. рус. *руб* ‘грубая одежда, кусок, обрывок’, *рубаха*, *рубашка*, *рубище* ‘грубая старая одежда; рубашка’, укр. *рубаха* ‘старая рубашка’, *рубатка* то же, *рубатє* ‘белье’, польск. *rąb*, мн. *ręby* ‘край, рубец платка’, чеш., словац. *rubáš* ‘саван’, сло-

вац. диал. также ‘передник’, словац. диал. *rubáč* ‘рубашка’, словен. *rôb* ‘грубая рубашка’, в.-луж. *rubišćo*, *rubiško* ‘платок, шаль’, *rubjana košla* ‘льняная рубашка’, н.-луж. *rubišće* ‘льняной платок; саван; льняная одежда, грубый плащ’, стар. *rubjež*, *rubjaž* ‘льняной холст, платок’ (Jakubica 1548). Развитие значения: ‘льняной платок’ > ‘различные виды одежды’ > ‘рубашка’.

4. **riza*: ср. ст.-слав. **риза** ‘одежда; полотняная ткань’, рус. *риза* ‘одежда священника’, укр. *риза* то же, блр. *різа* то же, др.-рус. *риза* ‘одежда, пелена’, болг. *риза* ‘рубашка’, с.-хорв. *rȉza* ‘одежда’, чеш. *riza* ‘длинная одежда’; возможно, также сюда (со старым *ě*) в.-луж. стар. *rěza* ‘риза’, прилаг. *rězyny*, *-a*, *-e* (Pfuhl 582) и *rězwa*, *ryzwo* (*y* вм. *ě*, как в в.-луж. стар. и разгов. *ryč* ‘речь’, *ryčeć* ‘говорить’) (Pfuhl 1110). Эти слова употреблены в рукописях маг. Я.А. Килиана (1683 – 1759), но не зафиксированы ни в одном в.-луж. источнике. Лежащее в основе всей группы **riza*, с аблаутным вариантом **rěza* рассматривается как родственное с лит. *ráižas* ‘надрез, зарубка, след’, *raižýti* ‘резать’ (Bezlaj 3). Первичной мотивацией было бы ‘отрезанный кусок ткани, которым укрываются’, отсюда ‘рубашка’, прежде всего ‘риза’. По (Vasmer 3, 52) не исключено заимствование из какого-то восточного языка.

5. **sorka*: ср. рус. *сорочка*, диал. также *сорочица* ‘деревенская рубашка’, укр., блр. *сорочка* ‘рубашка’, др.-рус. *сорочька* то же, ст.-слав. **срачица** ‘рубашка’, также ‘плащ’, **сракы, -ъве** ‘нижняя одежда, рубашка’ (SJS), словен. *sráčica*, *srájkica*, *srájčka* ‘сорочка, манишка’. Принято толкование как заимствования из роман. *sarca*[8], возможно – через албанское посредничество, ср. алб. *sark* ж.р. ‘белый шерстяной кафтан с красными крапинками’, которое в свою очередь выводится из араб. *sarq* ‘старое название ткани’. Соответствующие формы известны также балтийским, финскому и древнеисландскому: ср. лит. *šar̃kas* ‘одежда; суконный кафтан рыбаков’ при *švar̃kas* ‘пиджак’, лтш. *svārks* ‘сюртук’, фин. *särkr* ‘рубашка’, др.-исл. *serkr* м.р. ‘рубашка, кафтан, штаны’, англосакс. *sierce* то же. Предполагаемое в (Vasmer 3, 702) родство славянских и балтийских слов маловероятно. Здесь мы имеем древнее культурное слово.

6. **jьz-gъlo*: ср. н.-луж. *zgło* ‘рубашка’, уменьш. *zgełko*, древние фиксации: *sglo* ‘indusium, subucula’ (Meg. 1603), *sglo*, *sgelko* то же (Chojn. 1650, Hptm. 1761); кашуб., словин. *zgło*, *żgło* ‘рубашка, саван’ (SEK V, 293–294), польск. диал. *zgło*, *żgło*, *gzło*, *giezło*, *zgiełko*, *żgiełko* ‘длинная рубашка, в которой умершего кладут в гроб; рубашка’[9], ст.-польск. *zgło*, *gzło* ‘рубашка’, редк. ‘риза’, *giezłeczko*

'рубашечка, льняная юбочка', *kzło* (Kazania gnieżnieńskie): *xlo* (= *gzło,* Г. Шустер-Шевц) 'часть литургического одеяния'. Это славянский диалектизм, ограниченный нижне-лужицким, кашубско-словинским языками и северными польскими диалектами; его этимология до сих пор оставалась неясной. Ср. (Miklosich 31), где слово малоубедительно связано с рассмотренным выше **čechlъ*. Так же и (Brückner 166): "może to same słowo co *czecheł*". И предложенное нами возведение *zgło* к и.-е. **(s)keu-* 'покрывать, укутывать' с объяснением 'покрывающая тело одежда' (Schuster-Šewc 1949) теперь является лишь досадным предположением. Решающим для правильного толкования этого "трудного" слова оказывается вариант значения, зафиксированный в кашубско-словинском языке и в польских диалектах, – 'длинная рубашка, в которой умершего кладут в гроб или в которой в языческие времена его сжигали на костре'[10]. Из этого значения Х. Поповска-Таборска сделала вывод, что рассматриваемое ею в качестве первичной формы (с нашей точки зрения, неверно) польск. диал. *żgło* связано как-то с 'жечь' и реконструировала, с ориентацией на праслав. **żegǫ*, **žegti*, исходное **žglo* 'сжигаемый при кремации саван', откуда позднее развилось современное общее значение 'рубашка'. Начальное *z-* в *zgło* Поповска-Таборска толкует как вторичный префикс, являющийся следствием ошибочной интерпретации слова при его деэтимологизации[11]. Этому, однако, решительно противоречит нижнелужицкий, которому неизвестны формы с начальным *ž-*. Поэтому скорее следует рассматривать именно кашубские и польские формы с начальным *z-* как исходные, а *ż-* в этих формах можно объяснить как следствие гиперкорректного фонетического изменения, обусловленного стремлением избежать так называемого "мазурения", ср. однотипные литер. *żubr* 'тур' вм. первичного *zubr* то же или диал. *żobać* 'клевать' вм. литер. *zdżobać* то же. Но, независимо от этого, предложенное Х. Поповской-Таборской установление связи со значением 'жечь' (точнее 'гореть') правильно. В основе слова лежит, однако, не **žegti*, **žegǫ* 'жечь', а **gъl-* (< и.-е. **geul-*, ср. ирл. *gúal* 'уголь', др.-в.-нем. *kolo* м.р. и *kol* ср.р. то же, ср.-в.-нем. *kol* ср.р., *kol*(*e*), н.-в.-нем. *Kohle* – Pokorny I, 399). Сюда же относится праслав. **žal-* 'гореть' со ступенью чередования **gēl-* : ср. польск. *żalić się* 'тлеть', стар. *żale*, *żalisko* 'доисторическое захоронение' (Варшавский словарь 8, 688), *żalik* 'урна с пеплом умершего', *żalnik* 'могила, курган', далее в.-луж. *žel* нареч. 'жаль', *želić* 'оплакивать', *želny* 'скорбный; покаянный, кающий-

ся' < **žal-* и н.-луж. *žal* 'жаль', *žalny* 'горящий, горячий'. Таким образом, реконструировать следует не **žglo*, а **jьz-gъlo*, уменьш. **jьz-gъl-ъko* со значением 'сожженный (сгоревший) вместе с трупом саван', откуда позднее развилось общее 'рубашка', ср. особенно н.-луж. *zgło*, уменьш. *zgełko*, которые точно соответствуют исконной фонетической форме. В кашубском, наряду с *zgło/żgło*, есть увелич. *żglëšče*, обозначающее, помимо 'саван', также 'пожарище', тоже с гиперкорректным *ż* вместо *z*, ср. польск. *zgliszcze*, диал. *zglisko*, которые значат только 'пожарище, развалины после пожара'. Приведенное Поповской-Таборской (SEK V, 293) ст.-польск. *żglić* 'тлеть' (Linde[2]) является гиперкорректной формой и восходит к *zglić*. Значение 'саван' собственно польскому языку неизвестно. Структура **jьz-gъlo* сопоставима с топонимами типа в.-луж. *Žarki – Särchen* (округ Bautzen/Budyšin), 18 в. *Sdziark*, 1843 *Zdžarki* и н.-луж. *Žďźark – Särchen* (округ Calau – Kalaw) < **jьz-žar-* с первичным значением 'место, подготовленное для поселения сожжением леса'. Вставное *d* служит для того, чтобы избежать потенциальной ассимиляции в группе из двух подобных звуков *-zž-*. Кашубские и польские диалектные варианты *gzło*, *giezło*, *zgiełko*, *żgiełko* и под. – вторичные, возникшие вследствие деэтимологизации слова и трудного произношения группы согласных *zgł*.

Суммируя сказанное, следует признать: славянские языки изначально не располагали единым названием для нижней одежды "рубашка". Шире всего распространено славянское название рубашки *košul'a*, которое никак не является заимствованием из лат. *casula*, как ошибочно толковалось до сих пор. **Košul'a* родственно скорее всего со слав. *koš* 'корзина, короб', *košel'a/*košěl'a* 'емкость, плетеная из прутьев'. Следовательно, славянская рубашка была видом одежды, сплетенным (сотканным) из волокон или льняных нитей, который служил для защиты голого тела. Но, как показывает нижнелужицкое значение 'женская юбка, платье', семантика этого слова была изначально шире и первично оно могло также обозначать длинную одежду, типа юбки. На юго-востоке Славии с **košul'a* конкурирует синоним **riza*, который равным образом должен быть автохтонного происхождения; позднее он обозначал по преимуществу литургическую одежду (облачение священника). Такое же значение имело у западных и части южных славян католического вероисповедания восходящее к лат. *casula* название *kažula/kazula*, которое несомненно следует отделять от **košul'a*. Сходного с **košul'a* происхожде-

ния *čechlъ, фонетически родственное, засвидетельствованное несколькими славянскими языками (диалектами). Лежащий в его основе денотат отличается, вероятно, от *košul'a изначально только используемым материалом или способом применения. Исконного происхождения, далее, и засвидетельствованное преимущественно восточнославянскими языками слово *рубаха/ рубашка*. Лежащее в его основе *rǫbъ также имело первично более широкое значение – 'род грубого льняного платка', из которого только позже развилось новое значение 'рубашка' как 'род одежды, прикрывающей (верхнюю) часть тела'. В отличие от них заимствованием (культурным бродячим словом) является представленное главным образом в восточнославянских языках, а также в церковнославянском и словенском языках, *soročka*, *sraka*, *sráčica*, которое распространилось из Средиземноморья на северо-восток. Особое место принадлежит северо-западнославянскому диалектизму *zgło*, уменьш. *zgełko*, очень древнему и вместе с тем позволяющему обнаружить интересную черту похоронного обряда древних славян. Этимология слова показывает, что его основа восходит к и.-е.*geul-'гореть'. Первичное значение было 'сжигавшийся (сгоравший) при кремации умершего длинный, доходивший до щиколоток саван', откуда позднее развилось значение 'рубашка'.

Изложенный выше сравнительно-исторический анализ славянских названий рубашки, таким образом, подтверждает соответствующее положение О. Шрадера об "einen relativ jungen Kulturerwerb".

Примечания

[1] Мы помечаем все праформы астериском (*), хотя осознаем проблематичность такого обозначения, при учете возможности, что соответствующие праформы принадлежат к разным хронологическим уровням.

[2] Об ареальном распространении названий рубашки в лужицких языках см.: Sorbischer Sprachatlas/Serbski rěčny atlac 6 – Terminologie der Sachgebiete Körper und Kleidung. Bautzen/Budyšin, 1978. Karte 62, 67.

[3] См. *Schuster-Šewc H.* Zwei sorbische Lautprozesse // Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica, 23/24 (1971–1972). Bratislava, 125–129. Перепечатка: *Idem.* Das Sorbische im slawischen Kontext // Ausgewählte Studien. Schriften des Sorbischen Instituts / Spisy Serbskeho instituta, 24. Bautzen / Budyšin, 2000, 121 – 125.

[4] *Желеховский Є.* Малоруско-німецкий словар. I–II. Львів, 1886.

[5] *Stojkov St.* Dwie leksikalne izogłosy w bułgarskim // Studie lingwistyczne in honorem T. Lehr-Spławiński. Kraków, 1963, 272–273. О других болгарских диалектных формах см. БЕР 2, 695 – 696.

[6] См.: *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. Odíl kulturní. Život starých Slovanů. D. I, sv. 2. Praha, 1913, 450, прим. 3, со ссылкой на Е. Смирнова и Фр. Краусса, которые также исходили из родства **košul'a* с **košь*.

[7] Ср.: *Schuster-Šewc H.* Überlegungen zur Genese des urslawischen **ch* // Studia etymologica Brunensia I. Praha, 2000, 23–35.

[8] *Steinhauser W.* // Slavistična Revija. III let., № 3–4. Ljubljana, 1950, 287 и след.

[9] Mały atlas gwar polskich, t. VIII/Opracowany przez Pracownię Zakładu Językoznawsta PAN w Krakowie pod kierunkiem M. Karasia. Wrocław, 1968. K. 366, 60–61.

[10] *Поповска-Таборска Х.* Загадочный северо-западнославянский диалектизм // Этимология. 2003 – 2005. М., 2007, 178–180.

[11] "Формы с начальным *z-* при таком подходе придется признать вторичными, возникшими после утраты исходного значения слова и мнимого приобретения начальным *z-* функции префикса". – Там же, 179.

Перевела с немецкого *Ж.Ж. Варбот*

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

А.Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а – аяюшка). М. Рукописные памятники Древней Руси, 2008, 368 с.

Изданный пятьдесят лет назад в 1958 г. трехтомный "Russisches etymologisches Wörterbuch" М.Р. Фасмера в русском переводе О.Н. Трубачева продолжает служить надежным справочником и в XXI в., хотя сам автор в "Послесловии" считал, что вышедшая после 1949 г. литература в нем учтена далеко не полностью. Этот недостаток в некоторой степени преодолен дополнениями переводчика в русском издании 1964–1973 гг., но более поздние разыскания остаются некаталогизированными, хотя их накопилось немало. Отдельные небольшие дополнения были привнесены О.Н. Трубачевым и во второе издание русского перевода 1986–1987 гг. в послесловиях к отдельным томам, но более поздняя литература не учтена никак.

Остались неизвестными результаты попытки В.Р. Кипарского (1904–1983) подготовить дополнения к словарю М.Р. Фасмера.

Сейчас создались благоприятные условия для устранения и другого отмеченного самим М. Фасмером минуса – слабой оснащенности словарных статей историческими фактами из письменных источников и частого отсутствия датировок. Выходящие сейчас исторические словари русского языка XI–XIV, XI–XVII и XVIII вв. вместе с региональными материалами позволяют сейчас преодолеть и этот недостаток.

Особое внимание А.Е. Аникина к исторической и диалектной лексике получило убедительное обоснование в весьма содержательном теоретическом "Введении" к изданию, где также говорится о месте начатого словаря в кругу русских этимологических словарей.

Весьма важное подспорье для успешной этимологической обработки русской лексики было создано появлением этимологических словарей родственных языков, а также контактировавших с русским языком неродственных языков.

А.Е. Аникин не является новичком в области исторического языкознания с этимологической направленностью словарного характера: им подготовлено два региональных этимологических словаря для Сибири. Как своеобразное дополнение к словарю М. Фасмера должны рассматриваться его "Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков",

который вышел в 1997 и 2000 гг., а также "Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири" (2003).

Теперь речь идет о создании капитального русского этимологического словаря, который должен заменить словарь М. Фасмера. Сам А.Е. Аникин, однако, скромно считает, что в начатом им словаре следует видеть лишь материалы "для полноценного этимологического словаря" (с. 9), выполнение которого предстоит в будущем. Во всяком случае, это будет следующая ступень после капитального словаря М. Фасмера.

Впечатляет значительный размах задуманного словаря. Если в словаре М. Фасмера буква А занимает 55 страниц, то в словаре А.Е. Аникина – 300 страниц, то есть объем увеличился почти в шесть раз, в пересчете на слова (~ 450 слов у М. Фасмера и ~ 1200 слов у А.Е. Аникина) – почти в три раза, что объясняется не столько добавлением нового материала, сколько в первую очередь обстоятельностью трактовки старого и возрастанием количества учтенной литературы, что в ряде случаев не спасает автора от некоторых пропусков, как это имело место при трактовке интересного восточносибирского монголизма *адали, адоли, одоли* и т.п. "точь-в-точь, словно, будто, ровно", где не учтена обстоятельная статья венгерского монголиста Дь. Кары, посвященная специально рассмотрению распространения этого слова в языках Восточной Сибири, а также в сибирском пиджине[1].

Для варьирующегося слова с энантиосемией *алибавинка* "подкожное свиное сало с прослойками мяса" и *любавинка* "хорошее мясо без жира и сухожилий" в русских говорах Мордовии следовало бы привлечь весьма содержательную статью И.С. Козырева "К характеристике состава лексики древнерусского языка (либевыи/либивыи)"[2], где хорошо обосновывается старое чтение в грамоте митрополита Киприана 1378 г. к Сергию Радонежскому, которое, будучи не вполне понятным для современных исследователей, подменяется, например, в издании этой грамоты Г.М. Прохоровым необоснованной конъектурой *[х]либивыхъ* в его книге[3].

Надо заметить, что подавляющее большинство слов с начальным *а-* представляет собой заимствования или слова со сложной фонетической и орфографической судьбой.

Словарь А.Е. Аникина смело включает арготическую лексику, которая в предшествующих словарях была представлена весьма скупо. Благодаря этому обстоятельству словарь лучше демонстрирует социологию русской лексики, которая активно перемешивается в составе различных стилей и социальных разновидностей языка.

При расширении общего объема словаря некоторые слова, рассматриваемые у М. Фасмера (например, на одной странице 61 русского издания: *агония, аграбат, аграф, Агрик, Агрика* и др.), в словаре А.Е. Аникина опущены, поскольку автор посчитал их неинтересными.

Обилие совершенно не затронутого этимологами нового материала и обилие не учтенных лексикографами этимологических решений де-

лает словарь А.Е. Аникина уязвимым для критики в соответствии со степенью количества и новизны принятых в словаре решений.

Особенностью словаря А.Е. Аникина является внушительное обилие новых привлеченных для анализа источников и критическое источниковедческое отношение к ним, что мало практиковалось в предыдущих русских этимологических словарях: А.Е. Аникин уделяет гораздо большее внимание точности и аутентичности используемых лексических данных, благодаря чему в словарях преимущественно сводного характера им обнаруживается некоторое количество так называемых призрачных слов, которые возникли в результате ошибок при записи и прочтении малознакомых слов преимущественно диалектного характера или архаической лексики из памятников письменности.

Фиктивными могут оказаться как фонетический и особенно орфографический облик слова, так и его грамматическая и семантическая характеристика, а также его этимология, построенная на ошибочных данных.

Вероятно, справедливо подозрение Аникина, что зафиксированное в говорах (СРНГ 1, 300) *а́ютка* (у Аникина ударение показано неверно: на среднем слоге: *аю́тка*) как один из вариантов ласкового вопросительного отклика на обращение или при переспросе нерасслышанного типа *ая, аю, аюй, аюшка, аюшки, аинька, аиньки, аичка, аички* и т.п., скорее всего, представляет собою искажение (при записи или перепечатке) формы *а́юшка* с начальным ударением.

В числе мнимых слов у Аникина фигурирует извлеченное из сводного академического “Словаря русских народных говоров” странное слово: *аонина* ‘ежевика’ – искажение акающей формы *ожина, ажина* в неразборчивом почерке; аналогичное недоразумение превратило название хищной птицы и омонимичное ему название монгольского происхождения для лучшего сорта зеленого чая *жулан* в диковинное *аулан*, что подано как два омонима с одинаковой судьбой по части искажения. На ошибочном написании или прочтении последней буквы основано слово-призрак *абыс* ‘обычай, покрой, образец’ – ошибочное прочтение акающей формы более известного *обык, абык* ‘обычай’. Но и самому А.Е. Аникину не удалось избежать анализа призрачных слов, принятых им за реальные, поскольку обилие материала все-таки не позволяет сильно углубляться в его источниковедческую оценку и последовательно проводить эту довольно трудную линию, которая пока не имеет твердых теоретических оснований.

Следует признать ошибочной всю статью о слове-гапаксе *ачира*, якобы со значением ‘холодное оружие (кинжал, ятаган)’ из документа 1660 г. “Памятников дипломатических сношений с империею Римскою” (т. III. СПб., 1854, 984): “*да около Цесаря шли протазанщиков и драбантов с ачирами человек со сто*”, которое фонетически не очень убедительно выводится А.Е. Аникиным из того же арабско-персидско-тюркского источника *ханджар,* из которого выводятся и рус. *кинжал,*

чингал и т.п. На самом же деле здесь речь идет об акающем написании монгольско-татарского слова *очир* (др.-тюрк. *vačir*) ‘жезл, скипетр’ санскритского происхождения (*vajra*), в связи с чем скорее устанавливается форма *ачир* мужского рода и семантика, отличающаяся от той, которую дает СлРЯ XI–XVII вв. 1, 59 [Впрочем, эта ошибка оперативно исправлена во втором выпуске, вышедшем в 2008 г.].

К числу таких призраков относится зафиксированное под вопросом у В.И. Даля слово “**АРЕГВА ?** *ж арх.-мез.* Артель промышленников”, помещенное А.Е. Аникиным уже без вопроса в “Русский этимологический словарь” как неясное слово с нерешительной отсылкой: ? “Ср. *арево*”, а последнее [со значениями ‘большое количество детей в семье’ (арханг.)] отсылает к *арава арова*, обозначающим какие-то большие группы людей (толпы, артели, ватаги и т.п.) и представленным также в вариантах: *арама, араба, арабия, орава* с производными. На самом же деле *арегва* представляет собой просто неправильное прочтение неразборчивого написания *арава*.

Надо сказать, что закрепившееся в русской орфографии написание *орава* (с начальным *о-*) должно рассматриваться как гиперкорректное в условиях русского литературного акающего произношения, поскольку в северновеликорусских окающих говорах представлено чаще произношение с начальным *а-*. В связи с этим и наличием необъяснимых вариантов надо сомневаться в исконной связи этого слова с глаголами I *орать* ‘пахать’ или II *орать* ‘кричать’ и предпринять поиски источника заимствования.

Представляет интерес наличие в “Алфавите, сказующем толкование иностранных речей, обретаемых во святых книгах русского языка, имущем начало от аза” XVII в. (Рукопись БАН, 33.9.1, л. 52) статьи “*Арава – вече*” (СлРЯ 2, 129), которой в изданном Л.С. Ковтун “Алфавите иностранных речей, иж[е] обретаются во с[вя]тых книгах словенского языка не преложены на руский языкъ” (ГПБ О.XVI. 1, л. 10) соответствует, однако: “*арава* (ели) – *вечеръ*[4]. Помета (ели) при *арава* в последнем источнике указывает, что слово воспринималось как эллинское (то есть древнегреческое, в отличие от новогреческого, обозначавшегося пометой гр), но семантика слова *арава* уже была для переписчика азбуковника-алфавита неясной. Это еще одна загадка для слова *орава* ~ *арава*. Возможно, что сюда же относится олонецкий и сибирский глагол *ароваться* ‘ругаться’, который Аникин считает этимологически неясным, не исключая загадочной опосредованной связи с *аргать* ‘рычать, ворчать (о собаке)’, а также с *арствовать* ‘насмехаться’.

В некоторых случаях даже весьма компетентные лингвисты-носители диалекта затрудняются давать точную дефиницию слова, как это имело место с эндемичным словом *армань* в говоре деревни Селино Дубенского района Тульской области, уроженец которой Ф.П. Филин сначала определил его как ‘опушка леса на высоком берегу реки’[5], а затем как ‘березовый лес у реки’ (употребляется как собственное имя) в составленном им же 1-м выпуске СРНГ (276). Вероятно, здесь речь

идет о микротопониме с неясной отнесенностью к объекту номинации в условиях стершейся метонимии.

В отдельных случаях источники, использованные А.Е. Аникиным, требуют перепроверки по их первоисточникам. Например, на основании двух словарных статей в сводном академическом диалектном словаре:

“**Акачество**, а, *ср.* Случай, неожиданность, непредвиденное затруднение. *Доведись на меня такая акачиства. Во на его случилось якое акачиства.* **Смол**., Добровольский, 1914.” (СРНГ 1, 225) и “**Окачество**, а, *ср.* Беспорядок, безобразие. *Ой, там много окачество было.* Йонав. **Лит. ССР**, 1960.” (СРНГ 23, 116), построена этимологическая статья:

“**Акачество** ‘случай, неожиданность’ смол., *окачество* ‘беспорядок, безобразие’ Литва (СРНГ 1, 225; 23, 116) // М. б., результат контаминации *оказия* и *качество*”.

Здесь суждение о контаминации можно оставить за пределами словаря. Более реальным выглядит предположение о том, что слово *акачество* является призрачным словом, которое возникло при неправильном отделении слова *качество* от предыдущего определения, оканчивающегося гласным, часть которого была отнесена к определяемому слову *качество*. Это вытекает уже из материала, представленного в СРНГ, причем следует учесть, что СРНГ сильно редактирует иллюстративный материал, как это видно из оригинала словаря В.Н. Добровольского: “**Акачества** – случай, неожиданность, непредвиденное затруднение. Давядись на мине такая акачества. Во на яго злучилась якоя акачиства” (Добровольский 6), где любопытно колебание слова между средним и женским родом, что исчезло в СРНГ.

На самом же деле мы имеем здесь случай употребления в областной речи слова *качество* для обозначения пороков, недостатков и даже преступлений, отмечаемое как в Европейской России, так и в Сибири неоконченным “Словарем русского языка, составленным Вторым отделением имп. Академии наук” (т. IV, вып. 3. СПб., 1909, 653):

“**Качество** – порокъ. *За нимъ нетъ никакихъ качествъ* – человекъ хорошій. Том. (Вербицкий В.И. Пятая сотня областных слов, употребляемых при-Алтайскими жителями // Томские губернские ведомости, 1863, № 26); *За ним водятся некоторыя качества.* Твер. (Преображенский В. Тверской областной словарь // Тверские губернские ведомости, 1860, № 24, неофиц. ч.); К а ч е с т в о – мошенничество. Дон (Мат. Геогр. Стат. I, 417)”.

К этим материалам в (СРНГ 13, 144) из материалов архива Академии наук (фонд 197, Оп. 2, № 218: Н.Т. Соколов. Село Николаевка Николаевского уезда. 1912) добавлено: “*К а ч е с т в о* [удар.?]. Что-либо дурное. *Этот человек хороший – не делал никаких качеств, а тот с качествами – его нельзя выбирать в старосты*. Николаев. **Самар**., 1912”.

Слово *качество* в значении ‘нечто отрицательное, порок’ в общих словарях, включая новейший “Большой академический словарь русского языка”, отсутствует, хотя встречается в литературе как языко-

вое средство характеристики среды или персонажа у В.Г. Короленко, Л. Мельшина (П.Ф. Якубовича) и Л.Н. Толстого:

“А только, какъ было слышно в городе, что на Соколине сделано качество, и вижу я теперь, что васъ одиннадцать человекъ, то я догадался” (*Короленко Вл.* Рассказы о бродягах. Рассказ первый. “Соколинец” (Из очерков сибирского туриста) // Северный вестник, 1885, № 4, 35).

“Работать он не умеетъ и не хочетъ и … пойдетъ съ поселенія бродяжить, дорогою будетъ пойманъ съ какимъ-нибудь “качествомъ” (качество на арестантскомъ языке преступленіе)” (Мельшинъ Л. Въ міре отверженныхъ. СПб., 1896, 168).

В I действии комедии Л.Н. Толстого “Отъ ней все качества” прохожий произносит реплику о водке: “Отъ ней все качества, значитъ, все катастрофы жизни от алкогольныхъ напитковъ”.

Такое значение отмечается лишь в словаре к пьесам А.Н. Островского в пьесе (1858) “Не сошлись характерами” (II, 4): “**качество** – об отрицательных качествах: порок, недостаток. **Может, качества какие, есть? – Качеств за ним никаких не слыхать**”[6].

Большой академический “Словарь современного русского литературного языка” ни в этом издании, ни в переиздании под дезинформирующим просторечным названием “Большой академический словарь русского языка” не фиксирует этого встречающегося в литературе значения слова *качество*.

Впрочем, слово *качество* употребляется и для обозначения достоинств, положительных черт и действий, как это имело место у И.С. Тургенева (Встреча моя с Белинским), противопоставлявшего качества и недостатки: *“Белинский был именно тем, что мы бы решились назвать центральной натурой; то есть он всеми своими качествами и недостатками стоял близко к центру, к самой сути своего народа”*. Эта цитата иллюстрировала в ССРЛЯ (т. 5, 890) значение ‘тот или иной характерный признак, свойство, черта чего-либо и кого-либо (чаще о положительном признаке, свойстве)’. В переиздании ССРЛЯ (под названием “Большой академический словарь русского языка”, т. 7, М. – СПб., 2007, 722) указание на преимущественное употребление слова в положительном смысле было снято и определение получило смутное нейтральное толкование (‘признак, свойство, черта кого-, чего-л.’), а неудобная иллюстративная цитата из Тургенева была снята, но оставлена цитата из А.С. Грибоедова: *“Быть может, качеств ваших тьму, Любуясь им, вы придали ему”* с положительной семантикой слова *качество*. О положительной и отрицательной семантике слова *качество* можно узнать и из других источников.

В начале XX в. борец за культуру речи В. Долопчев требовал употреблять слово *качество* только в значении ‘достоинство’, одобряя употребление этого слова в выражениях: *У него есть недостатки, но и много качествъ. Скупость онъ считаетъ качествомъ.* Характерно примечание: “Въ народномъ языке, наоборотъ, *каче-*

ства въ дурномъ значенiи. *За нимъ кажись, никакихъ качествъ не водится*”[7].

Любопытно, что производное от *качество* прилагательное *качественный* имеет сейчас значение только положительного качества, т.е. ‘хороший, доброкачественный, высококачественный’[8].

В то же время можно вспомнить о контаминационном происхождении оставшихся для автора неясными олонецких глаголов *ажлибать*, *ажлотать* ‘есть, хлебать ложкой’, *ажлонуть* ‘проглотить’, алтайского *ажлануть* ‘быстро проглотить’, где слились общеупотребительные *хлебать, глотать* с диалектизмом поволжско-уральского распространения и арготическим *ашать* ‘есть, кушать’.

Загадочное *арепчик* ‘хрен’ из говора уральских казаков Аникин вслед за Ф.П. Филиным[9] связывает с *репа*, считая здесь *а-* начальное вторичным, но есть подозрение, что за этим словом на самом деле скрывается неправильно прочитанная из неразборчивой записи лексикализованная диминутивная форма *хренчик*. Сейчас это подозрительное слово фигурирует в уральском словаре Н.М. Малечи на основании единственной фиксации: “**АРЕПЧИК,** аре́пчик, -къ, – **хрен**. – Горчицей и арепчиком ибливали да меня лечили. *Буд.*”[10]

Загадка явно искаженного, по мнению А.Е. Аникина, слова *ацчпак* [?] ‘толстая палка, дубина’ (Новооск. **Курск**. Кудрявцев, 1849)[11] (СРНГ 1, 298) раскрывается в СРНГ 25, 58, где читается: “**оцыпок** [...] Толстая палка, дубина. Новооск. **Курск**., 1852”. Возможно и наличие другого источника: “**Оцупок,** пка, м. [удар.?]. Обрубок дерева. ***Дон***., Попов, 1886”[12].

Аникин вполне оправданно отказался от своих этимологических соображений относительно коми-зырянского происхождения для позднего древнерусского редкого слова *амагилъ* ‘фляжка на перевязи’ (1599) с вариантами *амагиль*, *омагиль* (также *магиль* ‘сумка, коробка или фляжка на перевязи для хранения оружейных припасов’) и сходными словами говоров Русского Севера и Сибири типа *магиль* ‘суконная сумочка с особыми отделениями для ниток, иголок и др. рабочих принадлежностей портных и сапожников’, *могиль*, *магилочник*, *могилечек* и т. п. Эти слова остались неясными по происхождению, хотя имеется возможность объяснить их как старые бродячие слова. Все эти названия восходят, в конечном счете, к арабскому множественному числу *хамā’ил* существительного *химāла* ‘перевязь, портупея’ от корня *хмл* ‘носить’.

Сюда же относится встречающееся в западнорусской письменности XVI в. *гамалия* ‘патронташ’ и название молитвенника, богослужебной книги *хамаил* (то, что носится при себе; от того же арабского корня *хамала* ‘носить’) в белорусском языке литовских татар[13].

К форме единственного числа *хамала(тун)* через ученую латынь (*amuletum*) восходят русская и другие европейские формы типа *амулет*. В огласовке начального слога *амулет* сохраняет додиссимиляционный гласный *а-*, аналогичный такому же гласному в европейском названии

города *Рабат* при арабском *Рибāт*: Ср. также библейское имя *Авраам* при арабском *Ибрагим*. На латинской почве арабское *хаммāла(тун)* подверглось паронимической аттракции и стало осмысляться как сращение латинских императива *amoli* 'удали' и существительного *lētum* 'смерть' → *amulētum*.

Имя деятеля *хаммāл* 'носильщик, грузчик' от того же корня *хмл* 'носить, нести' дало на русской почве через тюркское посредство название грузчика, носильщика *аммалъ, амбал* с дальнейшим изменением значения. В освещении источника нынешнего просторечного слова *амбал* 'здоровяк' учтен только путь его распространения через русские говоры Кавказа и Поволжья, но не учтены многочисленные варианты названия грузчиков, носильщиков в переводной литературе, а также роль уголовного жаргона в быстром распространении слова во второй половине XX в. Что касается омонимичного ему имени *ясина Амбала* из летописи под 1175 г., то есть основание считать его не осетинским, вопреки распространенному мнению, разделяемому и Аникиным, а буртасским из Волжской Булгарии, поскольку буртасы были аланами[14], а русско-поволжские связи того времени более вероятны, чем кавказские. Вероятно, к *амбал, аммалъ* примыкает и оставшийся составителю неясным уральский диалектизм *амал* 'нахал, хам' – носитель грубой силы *амбал*: *сила есть – ума не надо*.

Пути движения в языки Западной и Восточной Европы производных от арабского корня *хамала* 'носить' требуют специальных дополнительных разысканий.

В терских диалектных междометных словах: *аманауру* 'цыц, замолчи, не кричи', *аманталов* 'отвяжись, не приставай', *аманцага* 'замолчи, не говори ерунды' первый компонент *аман-* почти убедительно отождествляется с карачаево-балкарским[15] *аман* (в других тюркских языках *йаман-джаман*) 'плохой, порочный', а вторые – соответственно с *ауру* 'болезнь, недуг', *талау* 'болезнь рожа' и *сакау, сагау* 'заика', где вызывает возражение последнее, предполагающее отпадение последнего звука: на самом же деле здесь фигурирует дательный падеж личного местоимения *сагъа* 'тебе'.

Однако дательный падеж от местоимения 2 лица ед. числа *сен* в карачаево-балкарском языке имеет форму *сеннъе* в отличие от кумыкской *сагъа*. В пользу обращения к кумыкскому языку говорит и опущенная уточняющая территориальная помета *гребен.*, которая отсылает к публикации М.А. Караулова "Материалы для этнографии Терской области: Говор гребенских казаков"[16].

Гребенские казаки больше имели дело с кумыками, в языке которых есть междометное слово *аман*, приравниваемое к русским *эх!, ох!, ой!* и выражающее недовольство и досаду. Есть в нем также слова *авру* 'болезнь, больной' и омонимы *талав I* 'злокачественная опухоль' и *талав II* 'грабеж, разграбление', но прилагательное со значением 'плохой, дурной' звучит в нем с начальным *й-*: *яман*.

Взятое из СРНГ (1, 289) уральское *атан* 'двугорбый верблюд (бактриан)' едва ли имеет это значение, а, как и в казахском языке, означает 'холощеный (рабочий) верблюд'. Это слово интересно тем, что писавший по-русски киргиз Ч.Т. Айтматов, зоотехник по образованию, употребил этот термин в романе "И дольше века длится день... (Буранный полустанок)" в значении 'нехолощеный верблюд' (по-казахски *бура*, кирг. *бооро*).

Следуя за ЭССЯ 29, 9–11, автор неправомерно присоединяет к *апука*, *опука* 'самодельный мяч' словенское название известняка, сланца *opoka*, а также чешское и словацкое *opuka* 'глинистый известняк', настоящее место которых при рус. *опока* из **obpoka*, **opoka* (ЭССЯ 28, 245–249).

При слове *алачуга* > *лачуга* в качестве аналогии отпадения начального гласного наряду с верным случаем *алафа* > *лафа* приведена ошибочная параллель тюрк. *alaša* → *лошадь*, устойчиво приводимая лексикологами вслед за наивными соображениями писателей XVIII в. (В.В. Тузов, А.П. Сумароков), где необъяснимо прибавление суффикса *-адь*: такой суффикс к заимствованиям не присоединяется. На самом же деле *лошадь* является нормальным производным от прилагательного *лоший* 'плохой' по отадъективной модели на *-адь*: первоначально *лошадь* как хозяйственное животное противопоставлялось боевому *коню* своими худшими качествами.

В случае принятия тюркской этимологии остается необъяснимым начальное ударение слова *лошадь*, которое, однако, характерно для отадъективных существительных с суффиксом *-адь*[17].

Некоторые недоразумения возникают из-за игнорирования источниковедческого анализа использованного материала, как это имело место в статье: "**акшамет** 'казацкая одежда' (Фасмер 1, 66) // Согласно Фасмеру, "западное заимств." из ср.-лат. *examitum*, см. *аксамит* (Там же); допускается также влияние тюркизма *бешмет* (Sadnik–Aitzetmüller 1, 15). Фасмер цитирует *акшамет* со ссылкой на Даля, но в Д. такого слова как будто нет" (136). Здесь не учтено, что М. Фасмер пользовался третьим изданием Толкового словаря В.И. Даля, куда его редактор И.А. Бодуэн де Куртенэ включил дополнительное слово: "[**Акшаметъ**, м. казацкая одежда. Ак.]" из неоконченного "Словаря русского языка, составленного Вторым отделением имп. Академии наук" под редакцией Я.К. Грота (т. 1. СПб., 1895, 27): "**Акшаметъ**, а, м. Казацкая одежда. *...Дорогой ашкамет был на нем разорван*. Тар. Бульба". Более точные сведения даны в незаконченном переиздании: "**Акшамет**, а, м. Устар. Казацкая одежда, бархатный кафтан. *Дорогой акшамет был на нем* (Тарасе) *разорван*. Гог. Тар. Бульба, V (ред. 1835 г.) – Ср. аксамит"[18].

Слово из классической литературы оказалось сейчас проигнорированным нынешними даже большими академическими словарями и словарями редких слов, что затрудняет этимологические разыскания.

Следовало бы сюда присоединить также текстильные слова *адрас*, *адряс* 'пестрая полушелковая ткань' из живого языка и *ардаш*, *ордаса*, *урдаш* 'самый плохой шемаханский и персидский шелк' из памятников письменности, в которых также смешиваются свистящие и шипящие согласные *с* и *ш*. Ср. также *шелк* при *silke* в шведском и датском языках, но š*ilkas* в литовском. Аналогичное колебание обнаруживается в *ашкорда* ~ *оскорда*, *шабля* ~ *сабля;* оно остается пока необъясненным.

В древнем грецизме *алаθии* 'род пальмы' (греч. ἐλάτη) и более новом *анфилопъ* 'антилопа' (греч. ἄνθλοψ) наблюдаем книжную подгонку под рейхлиново чтение (*θ* → *ф*) с отталкиванием от латинской фонетики с *t (th),* что не учтено автором.

Не попало в словарь известное уже с конца 20-х гг. XX в. в нынешнем значении слово *абитуриент* 'поступающий в высшее учебное заведение' от неправильной латинской контаминации причастий настоящего времени *abiens* 'уходящий' и будущего времени *abiturus* 'собирающийся уходить'. Первоначальное значение слова *абитуриент* 'выпускник среднего учебного заведения, школы' сейчас уже устарело[19]. При этом слове было бы полезно указать, что оно стало заменой для употреблявшегося в XIX в. другого латинизма – *футурус* или *футур*, которое зафиксировано только в новом "Словаре русского школьного жаргона XIX века" О.А. Анищенко (М., 2007, 292) и отсутствует в общих словарях, если не считать ошибкой загадочное *футурум* в академическом орфографическом словаре, оставленное без пояснений.

Оказалось пропущенным редкое прилагательное *антидилювиальный* 'допотопный, старомодный, устарелый', связанное с франц. *antediluvian,* англ. *antediluvian* и сближенное с прилагательным на *-альный*, и которое зафиксировано в текстах и словарях на рубеже XIX–XX вв.[20]

При названии рода деревьев и кустарников семейства тутовых *анчар*, известном благодаря одноименному стихотворению А.С. Пушкина, стоило бы привести литературу о стихотворении "Анчар", подробно рассматривающую судьбу названия и связанные с ним поэтические легенды, например: Долинин А.А. Из разысканий вокруг "Анчара". Источники, параллели, истолкования // Пушкинская конференция в Стэнфорде 1999. Материалы и исследования (Материалы и исследования по истории культуры, вып. 7. М., 2001, 11–41).

Объясняя варьирование древнерусского названия священнослужителя у мусульман *афызъ* и *афаза,* А.Е. Аникин выводит первый вариант из тюркских форм типа ст.-тур. *hafyz* 'человек, знающий наизусть весь Коран', а второе – из *hafaza* (с малозаметной пометой *мн.*), причем первая форма возводится к арабскому *хāфиз* 'человек, знающий наизусть весь Коран' (букв. 'хранитель'), к чему следовало бы добавить, что и форма *афаза* (в древнерусском источнике XVI в. она употреблена во множественном числе *афазы*) восходит, в конечном счете, к арабскому так называемому ломаному числу *хафаза*. В качестве аналогии современные словари иностранных слов фиксируют обычно только

во множественном числе слово *улемы* 'мусульманские богословы и правоведы в странах распространения ислама' – мн. число '*уламā*' при единственном '*āлим*, которое в народном языке отражено, преобразовавшись фонетически на тюркской почве, как *алым*, *алыма*, *алынь* 'простофиля, разиня'. В последнем явно отражается конфессиональные противостояния, объясняющие развитие противоположной семантики. Учитывая, что в кыпчакских тюркских языках чуждый им звук *ф* часто субституируется звуком *б*, к этому же гнезду следует отнести крымское *абаза* 'бестолковый басурманин', в этнонимическом происхождении которого справедливо сомневается А.Е. Аникин.

В статьи, посвященные топониму *Арск* и этнониму *арские люди*, стоило бы добавить название области *Ару* у волжских булгар, упомянутое арабским путешественником и миссионером XII в. В этом же источнике среди народов Кавказа значится и название *арнаут,* которое совпадает с названием албанцев *арнауты*[21]. Но эти материалы требуют особого рассмотрения востоковедами.

При названиях инородческого сельского поселения *аул, аил* оказался неучтенным хакасский вариант *аал*, который зафиксирован, например, в переводной книге: Н. Доможаков. В далеком аале. М., 1974, 287.

При слове *áксиос* 'достоин' с ударным начальным слогом, которое поется в церкви при посвящении в сан, следовало бы добавить форму *аксиóс* с конечным ударением во внецерковном употреблении, например, у А.К. Толстого в шуточных "Медицинских стихотворениях":

А кофейнику потеха:
Руки в боки, кверху нос,
Надседается от смеха:
"Исполати! Аксиос!
Веселися, храбрый росс!"

Возникло это ударение из троекратного возглашения: "*Аксиос! Аксиос! Аксиоос!*", с продлением последнего слога в третьем возгласе, которое воспринималось как ударение. Связано с этим восклицанием *аксиосы* 'волосы', зафиксированное в 1816 г. в Галиче Ф.Н. Глинкой в списке офенских слов, но, не подтвержденное дальнейшими записями офенского языка, может подозреваться как слово семинарского происхождения, о чем говорит его употребление в речи духовного лица в романе Н.С. Лескова "Соборяне".

При обсуждении этимологии этнического названия *алеуты* упоминается как возможно с ним связанный этноним *Aljutor*, но сам этот этноним *алюторы* почему-то не рассматривается.

Оставшаяся непонятной огласовка *-о-* в пензенском *абохча* 'огород' объясняется переходом слова *бахча* в парадигму с подвижным ударением и гиперкоррекцией по образцу *нога* [фонетически *нага*] – винит. падеж *ногу*, мн. число *ноги.* Ударение на основе в косвенных падежах было обобщено на всю парадигму, скорее всего, диалектологом и пере-

несено в именительный падеж. Ср. отмеченный А.Г. Преображенским в его родном севском говоре села Заулье переход слова *казна* в подвижную акцентологическую парадигму и форму винительного падежа *въ козну* (Преображенский I, 283). Возникновение огласовки *о* имеет аналогию в просторечном мн. числе *польта* от *пальто*.

К длинному ряду вариативных греческих названий драгоценного камня *акинтъ*, *акунтъ*, *якинфъ*, *иакинфъ* и т.п., совр. *гиацинт*, пришедших прямо из греческого, а также из латинского, следовало бы добавить *яхонт*, пришедшее из новых европейских языков (ср.-в.-нем. *jāchant*, польск. *jachant)*.

К этимологическим материалам относительно слова *аргамак* стоило бы добавить, что оно отражено в названии *Громоклея* правого притока реки Ингул (из *Аргамаклы*)[22].

Едва ли можно согласиться с выведением прилагательного в сочетании *арменская икра* (1676 г.) 'икра из овощей' из названия солений *армея*, что сомнительно фонетически и семантически, хотя и возможно объяснить графически как замену похожей буквы *и* буквой *н*. Гораздо проще привлечь сюда зафиксированное В.И. Далем название баклажана: "***Армянскіе-огурцы***, растеніе Solanum pseudocapsicum или S. ovigerum, подлежане, паклажане, съедомый, сине-алый плодъ; есть и белый, точно куриное яйцо" (Даль[2] I, 23).

Междометный галлицизм *атанде*, *атанда* (из франц. *attendez*) 'подождите') со значением 'постой, погоди' останавливающего характера автор рассматривает как источник жаргонного сигнала опасности *атас*, не останавливаясь на семантических и фонетических трудностях такой этимологии. Эти трудности преодолевает Н.И. Епишкин[23], выводящий *атас* из французского *attention!* 'внимание!', причем важно отметить, что в эпоху галломании XVIII–XIX вв. употреблялось и этимологически более близкое к французскому оригиналу латинизированное слово *ат(т)енция* 'внимание, интерес, благосклонность' в номинативной функции, также отмеченное Н.И. Епишкиным (с. 144), но отсутствующее в словарях.

Обсуждая этимологию русского грецизма *афедрон* (=греч. ἀφεδρών – название заднего прохода), Аникин не учитывает, что древнее значение этого слова в греческом было 'отхожее место', что еще помнили русские книжники XVII в.: в "Лексиконе" Памвы Берынды 1627 г. у слова *афедронъ* наряду с новым толкованием 'задний проход' дается также старое толкование 'потребная коморка' (л. т҃нз), а в Латинском лексиконе Епифания Славинецкого латинское *latrina* приравнивается "славянскому" *афедронъ* (л. 173 об.). Сдвиг значения имел место уже на греческой почве в понимании евангельского текста.

Для объяснения казанского диалектного наречия *алдыром* (*пить, хлебать*) 'жадно, большими глотками, большой ложкой, ковшом' А.Е. Аникин неуверенно привлекает только башкирский этнографизм *алдыр* 'чаша (большая деревянная, для кумыса)', хотя географически

более близкие слова есть в чувашском *алтӑр* (с озвонченнным *Д*) 'большой деревянный ковш, употребляемый при пивоварении; лоток, ссыпка, по которой зерно сыплется на жернов' и в марийском (*алдыр* – стар. 'большой ковш для разливания пива' из чувашского).

Рассматривая названия денег и т. п. *акса, акся, акча, ахча*, проникшие в русские говоры из тюркских языков, и грецизм *аспра*, *аспр* 'мелкая серебряная монета' в памятниках русской письменности XVI – XVIII вв. (часто о турецких делах), А. Е. Аникин поддерживает безосновательное мнение о том, что тюркское название монеты *акча* (дословно 'беловатый' является калькой с греческого ἄσπρον 'белое'. Для серебряной монеты весьма естественным является ее наименование по белому цвету, что реализовано во многих языках разных регионов и что было подмечено наблюдательным путешественником уже в XV в. в связи с мингрельским названием монеты: «Однако раз уж я сказал, что "tetari" значит деньги, я не хочу оставлять недосказанным, что "tetari" собственно значит "белый" и в названии этого цвета подразумеваются серебряные деньги, по цвету белые. Греки и теперь еще говорят "аспр", что значит "белый", турки – "акча", что также значит "белый"; джагатаи – "тенг" [? – *И.Д.*], равным образом означающее "белый". В Венеции прежде делались – да делаются и поныне – деньги, называемые "bianchi". В Испании до сих пор есть монеты, которые называются "bianchi". Таким образом, мы видим, сколько наций, каждая на своем языке, как бы встречаются в названии одной и той же вещи одинаковым именем»[24].

В некоторых случаях недоразумения возникают из потребительского отношения к использованным источникам без их источниковедческого рассмотрения, как это имело место в словарной статье, посвященной московскому топониму *Арбат*, где арабскому *rabat* приписано часто повторяющееся в литературе значение 'городской квартал, предместье', на самом деле принадлежащее несколько похожему слову *рибāд* (или в другом чтении *рибāз*), которое, кажется, за пределами арабского языка не имеет широкого распространения, особенно в тюркских языках.

Излишнее доверие к материалам книги Г.Ф. Ковалева "Этнос и имя" (Воронеж, 2003, 73) привело к тому, что А.С. Пушкину приписана польская этимология *harapnik* русского слова *арапник*, восходящая далее к немецкому *herab* 'долой', которая на самом деле принадлежит Ф.И. Рейфу, упомянутому и А.С. Пушкиным.

При сибирских названиях источников целебной чистой воды *аржан, аршан*, употребляемых и в качестве микротопонимов, указываются санскритские истоки этого слова, прошедшего через монгольское и тюркское посредство, но оставлено в стороне смелое их сближение географом Э.М. Мурзаевым с кавказскими минеральными водами *нарзан и арзни*[25].

Важным достоинством структуры нового словаря является наличие указателя русских слов, не начинающихся буквой *а-*, но привлеченных в качестве вариантов последних или важных для этимологизации слов

на букву *а-*, помещенных внутри словарных статей, к которым и сделаны отсылки из указателя. Последний придает первому выпуску словаря самодовлеющее значение и делает его более обозримым.

Относительное обилие замечаний к словарю А.Е. Аникина связано с богатством словаря и степенью новаторского подхода к нему. Но в целом словарь заслуживает весьма высокой положительной оценки.

P.S. Уже после завершения данной рецензии автор смог ознакомиться со вторым выпуском словаря А.Е. Аникина (слова на букву *Б* до слова *бдынъ*), вышедшим в 2008 г. Богатый материал выпуска заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь же стоит отметить, что в этом выпуске уже есть дополнения и уточнения к первому выпуску, принадлежащие как автору, так и А.В. Дыбо, поданные отдельными списками (соответственно с. 320–324 и 324–327). Было бы более желательным эти дополнения объединить в единый список, но выделить дополнения А.В. Дыбо литерами в конце каждой отдельной статьи, а также включить материалы дополнений и уточнений в указатель слов, что сделало бы богатый материал “Русского этимологического словаря” более обозримым.

Примечания

[1] *Kara Gy. Adali*// Varia eurasiatica: Festschrift für Professor András Róna-Tas. Szeged, 1991, 103–109; *Перехвальская Е.В.* Русские пиджины. СПб., 2008, 198–199, 202, 312.

[2] Исследование по славянской филологии: Сборник, посвященный памяти академика В.В. Виноградова. М., 1974, 161–163.

[3] “Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы”. Л., 1978.

[4] *Ковтун Л.С.* Азбуковники XVI – XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989, 145.

[5] *Филин Ф.П.* Об областном словаре русского языка // Лексикографический сборник. Вып. II. М., 1957.

[6] *Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А.* Словарь к пьесам А.Н. Островского. М., 1993, 84.

[7] *Долопчев В.* Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Варшава, 1909, 101.

[8] *Янко-Триницкая Н.А.* Прилагательное *качественный* в русском языке // Вопросы культуры речи. Вып. 4. М., 1963, 66–75.

[9] *Филин Ф.П.* О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров. М.; Л. 1966, 31.

[10] *Малеча Н.М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х т. Т. I: А – Ж. Оренбург, 2002, 69.

[11] Вероятный источник: *Кудрявцев Р.А.* Этнографические сведения о Русско-Халанской волости Новооскольского уезда. 1849 (Рукопись 19, 1, 15 из Ученого архива бывш. Всесоюзного географического общества в С.-Петербурге).

[12] *Попов Е.* Особенности народного языка и областные слова Донского края // Донская газета, 1876, № 97, 99, 100. Эта ошибка уже выявлена: *Журавлев А.Ф.* Лексикографические фантомы. 2: СРНГ, И – К // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. I. М., 1998, 101–103.

[13] *Булыка А.М.* Лексічныя запазычанні у беларускай мове XIX–XVIII стст. Мінск, 1980, 71; *Антонович А.К.* Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968, 17–18, 371, 396.

[14] *Быков В.Б.* Русская феня. Смоленск, 1994, 19; *Добродомов И.Г.* Об одном алано-буртасском имени в эпитафиях волжских булгар XIV века // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993, 130–150.

[15] Сокращенное написание языка *кбалк.* (*карачаево-балкарский*) в списке принятых сокращений языков и диалектов подменяется административным термином *кабардино-балкарский* с ошибочным добавлением *язык* (50), хотя такого языка не существует. Сокращение *комиП* раскрыто *коми-пермский язык* вместо правильного *коми-пермяцкий.*

[16] Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 71, №7. СПб., 1902, 1–112. Ср. также: *Караулов 1-й Н.А.* Говор гребенских казаков. Слова, заимствованные с турецко-татарских наречий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 37, отд. 3. Тифлис, 1907, 107–113.

[17] *Добродомов И.Г.* Слово "лошадь" в этимологическом аспекте // Русский язык в школе. 1994. № 1.

[18] Словарь русского языка. Т. I. Вып. 2. Новое издание. Л., 1933, 339.

[19] *Добродомов И.Г.* Абитуриент // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV. М., 1963, 20–23; *Стехин Ю.Н.* Правильно ли мы употребляем слово *абитуриент* // Русский язык в школе. 1963. № 3, 32–35.

[20] *Бельчиков Ю.А.* Слово *антидилювиальный* у Л.Н. Толстого // Вопросы культуры речи. Вып. II. М., 1959, 227–230 = *Бельчиков Ю.А.* Русский литературный язык: стилистика, лексика, история. М., 2001, 197–199.

[21] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). М., 1971, 31, 72, 102.

[22] *Горпинич В.О., Лобода В.В., Масенко Л.Т.* Власні назви і відтопонімні утворення Інгуло-Бузького межиріччя. Київ, 1977, 155–156.

[23] *Епишкин Н.И.* Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка". Чита. 1999, 142, 144.

[24] Барбаро и Контарини о России. Л., 1972, 129, 154.

[25] *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984, 53–54, 389–390.

Vladimir Orel. Russian Etymological Dictionary. Book 1: *А–Й*; Book 2: *К–О*. Octavia & Co. Press, 2007. 816 p.

Число этимологических лексиконов русского языка увеличилось с изданием в Канаде первых двух (из задуманных четырех) томов словаря, предпринятого Владимиром Эммануиловичем Орлом. К сожалению, это была его последняя лексикографическая работа: вскоре после выхода в свет этих томов В.Э. Орел скончался.

По своему объему новый словарь невелик: изданная его часть более чем в полтора раза уступает объему аналогичной части словаря Фасмера. Однако его нельзя относить к словарям "кратким", если эту характерис-

тику связывать с лексиконами, обычно однотомными, со сравнительно небольшими словниками, и рассчитанными на широкого потребителя-непрофессионала — школьника, журналиста и т.п., то есть любителя, не нуждающегося ни в своде соответствий в родственных языках, ни в глубоком обосновании излагаемой этимологии, ни в библиографии (хотя бы "основной", наводящей на поиск), которому достаточно лишь этимона или указания на заимствованную природу слова. Справедливее была бы квалификация "лаконичный". Об этом будет сказано несколько слов ниже.

Написанный по-английски, словарь В.Э. Орла адресован главным образом англоязычному читателю и, согласно рекомендательному тексту на обложках обоих томов, имеет дело с объяснением лексики современного литературного русского языка. Но границы предмета в аннотации очерчены с чрезвычайной приблизительностью: словник лексикона заметно выходит за рамки того, что в нашей лингвистической практике принято называть современным литературным языком, и включает не только кодифицированную лексику. Термин "literary language" здесь невольно получает трактовку, по которой к этой языковой подсистеме относится все, что может встретиться в современном русскоязычном печатном тексте, включая и хлесткие, выразительные диалектизмы, пришедшиеся нынешней эпохе по вкусу, и убогий жаргон, и крайние вульгаризмы. Проще, однако, сказать, что дефиниции границ своего объекта составитель словаря не придавал принципиального значения, и определение "литературный" в аннотации оказывается излишним, вводя в некоторое заблуждение читателя, склонного к терминологическому ригоризму.

В словнике этимологического лексикона В.Э. Орла, по сравнению с имеющимися словарями, заметное место отводится новой, преимущественно заимствованной лексике (*гамбургер*, *караоке*, *карате*, *маркетинг*...), старым и новым арготизмам (*амбал*, *аська* 'программа общения в интернете', *баксы*, *башли*, *бенц*, *герла*, *динамистка*, *дух* 'душман', *жмурик*, *зексать*...). В согласии со стремлением отразить лексику литературы прошлого в словник включено множество явно устаревших слов (*ажитация*, *альмавива*, *аматёр*, *атанде*, *брульон*, *гвардионец*, *доблий*, *изограф*, *исполать*, *камо, колико*...). Значительно присутствие разговорно-сниженной и экспрессивной лексики.

Конечно же, в отборе лексики для этимологизации всегда присутствуют необъяснимые мотивы. Почему из нескольких сотен, если не более, слов с начальным *анти-*, возникших или заимствованных в два последние десятилетия, в подавляющей своей массе прозрачных и не содержащих никаких этимологических "подводных камней", для помещения в словарь выбрано только словообразовательно ясное слово *антисемитизм*? На мой взгляд, *антибиотик*, *антипод*, *антифриз* и подобные, с плохой членимостью на русской почве или неочевидной мотивированностью, заслуживали преимущества. Мне показалось, что

некоторые слова попали в скромный по объему этимологический словарь вовсе не потому, что нуждаются в раскрытии недостаточно компетентному носителю языка их исторического формального устройства или же семантических изменений, затемняющих межсловные связи, а скорее по той причине, что под руками есть литература, их касающаяся (например, *безнаказанно* упоминается в историко-лексикологических – не этимологических! – разысканиях В.В. Виноградова, *безумие* и *безымянный* регистрируются в ЭССЯ, занятом, кроме этимологизирования, инвентаризацией праславянского лексического фонда, и проч.).

В словнике имеются и прямые излишества. “Междометие” *аксиос!* (“достоин!” — возглас при рукоположении священнослужителя) не стало принадлежностью русского словаря, сохраняясь только как момент ритуала, осуществляемого с использованием чужого языка. В этом отношении оно сильно отличается, например, от возгласов *аминь!* и *аллилуйя!*, ставших производящей базой для собственно русских слов *зааминить*, *аллилуйщина* и др.

Отдельные статьи в рецензируемом словаре строятся следующим образом. Заголовок снабжается ударением и сопровождается обязательной пометой о грамматической принадлежности слова (к сожалению, не все заголовочные написания соответствуют требованиям орфографических словарей: вместо *буссоль*, *буфф*, *гэг* ‘комический трюк’... – у Орла *бусоль*, *буф*, *гег*...). Значение слова дается неукоснительно. Многозначность толкуемого слова, как правило, не отражается, обычно упоминается лишь основное значение; если же такого “свертывания” семантики не избежать, значения подаются в единых марровских кавычках через запятую или точку с запятой (*лицо* – ‘face, person’, *лить* – ‘to pour; to cast’). Омонимы описываются разными статьями с римской нумерацией после заголовочной вокабулы. Для старых слов дается древнерусская форма; после праславянской реконструкции под астериском перечисляются континуанты праформы в отдельных славянских языках в порядке, принятом, например, в ЭССЯ (южнославянские – западнославянские – украинский и белорусский; отметим, что в других этимологических словарях русского языка восточнославянские соответствия, как правило, предшествуют остальным). Далее идет краткое этимологическое истолкование: индоевропейский корень (или, реже, соединение корня с выделяемым на индоевропейском уровне суффиксом), с одним-двумя продолжениями в неславянских языках – для слов со столь древней историей; указание на производность – для собственно русских слов более позднего образования; указание на источник – для заимствованного слова или кальки (где возможно – с обозначением хронологических рамок). Завершается статья приведением, после символа ◊, основной литературы (под сокращениями), которая посвящена данному слову. Мнения, отличные от того, которое разделяет или выдвигает составитель словаря, реферируются кратчайшим упоминанием, буквально одним-двумя словами или просто записью праформы, в

скобках. Отсылки к другим статьям этого же словаря весьма немногочисленны.

Словарные статьи построены чрезвычайно компактно, их текстуальная плотность близка к предельной. Все этимологические формулировки сведены в жесткие неварьируемые типы: “Continues...”, “Der[ived] from...”, “Back-formation of...”, “Borrowed from...”, “Calque of...”, “Of imitative origin” и т. п.

Лаконизм словарной статьи, к которому сознательно стремился В.Э. Орел, способствует емкости текста и общей компактности словаря, но имеет и определенные отрицательные следствия. Семантическим отношениям внимание в статьях словаря уделяется минимальное, что, по моему мнению, не очень соответствует требованиям современной этимологической науки. Причины отвержения тех или иных этимологических трактовок, признанных автором неудовлетворительными, не обсуждаются. Возникает ощущение, что либо преимущества объяснения, выбранного из перечисленных в качестве основного, по мнению составителя очевидны (это не всегда так), либо выбор осуществляется составителем словаря по вкусовому принципу. Научному почерку В.Э. Орла свойствен налет некоторой догматичности. Аргументы в пользу этимологической версии в статьях приводятся не с регулярностью. Если в статье реферируется общепринятая или преобладающая точка зрения на происхождение слова, такой стиль может быть оправдан: этимология доказана в других работах, пристатейная библиографическая справка направит заинтересованного и трудолюбивого читателя к искомому. Но малоизвестная или тем более новая этимологическая трактовка без специальных доводов – будь то разъяснение нераспознанных другими исследователями условий для реализации данной фонетической закономерности, взвешивание вероятности предлагаемого морфемного членения или формальные и семантические параллели в том же или иных языках – не всегда достигает желанной убедительности.

Как бы то, однако, ни было, мы имеем дело с выбранным и последовательно реализуемым жанром. Отнесемся к этому как к данности.

Во многих словарных статьях отражены собственные этимологические находки В.Э. Орла. В качестве примера упомяну лишь одну, которая представляется мне заслуживающей большого интереса. Все прежние этимологии трудного слова *корабль* (праслав. **korabjь*) неудовлетворительны в том или ином отношении. Внимание автора нового объяснения привлекли названия ‘скелета, остова’ в западнославянских языках: чеш. *koráb*, слвц. *koraba* ‘лошадиный остов’, в.-луж. *korjebło* ‘куриное ребро’, н.-луж. *kórab’e* ‘скелет’. Праслав. **korabъ* ~ **korabьje*, выводимое на базе этих соответствий, стало названием крупного судна (р. 533 [1]), правда, более глубокого в хронологии структурного анализа это имя не получило. Этимология Орла имеет то преимущество, что в основе названия корабля видит убедительное противопоставление его как ребристого, шпангоутного устройства более примитивным легким

судам – долбленому челну и лодке-плетенке. Можно пойти дальше и, опираясь на лингвистические показания, попытаться представить генез корабля (в теперешнем уточнении понятия) из долбленой ладьи путем наращения поперечного шпангоута на киль с последующей опалубкой: названия киля – необходимого элемента шпангоутной конструкции – в некоторых славянских диалектах перекликаются с наименованием челна-моноксила, который мог одновременно использоваться как сани-волокуша (нижегор. *льжа* 'киль барки' : польск. диал. *łyżwa* 'плоскодонная лодка', (санный) *полоз* : болг. диал. *плаз* 'доска на дне лодки' [2]).

В любом этимологическом своде можно найти спорные моменты, неточности, ошибочные решения, неудачные параллели и досадные упущения. Не избежал этих погрешностей и словарь В.Э. Орла. Мне не хотелось бы превращать эти заметки в демонстрацию недостатков нового предприятия: рецензируемый словарь в целом добротен и достаточно надежен. Однако я позволю себе привести некоторые – очень немногие из возможных – замечания критического свойства, чтобы было ясно, каков преимущественный характер оплошностей, встречающихся в отдельных статьях этого лексикона.

Автору не всегда достает внимания к точности излагаемых фактов, служащих основой для этимологии, и обстоятельственным мелочам, могущим ее сокрушить. В.Э. Орел (p. 53) отклоняет все предыдущие этимологии слова *алатырь* в составе сочетания *алатырь-камень* (их обзор неполон, не упомянуто, например, толкование В.В. Мартынова, связавшего его с иран. **al-ātar* ' "бел-горюч" ' [3]; не учтена возможность сопоставления с фонетически и семантически близким осет. (дигорск.) *æ(r)tdor* 'кремень', 'огниво', которое представляет собою аппозитивное сложение с буквальным значением 'огонь-камень' и по структуре точно совпадает с нем. *Feuer-stein* 'кремень', морд. *tol-kev* 'огонь-камень' – см.: Абаев I, 191–192, где, впрочем, напрямую сравнения русского и осетинского слов не проводится). Не стоило приводить "вариантную" форму *алабырь*: этот "гапакс", как показано[4], является результатом неверного чтения. Сам Орел, приняв во внимание адъективную функцию слова *алатырь* и большое внешнее подобие укр. диал. *латúр* 'янтарь' и *лáтир* 'рядом, около', предположил, что выражение *алатырь-камень* отражает ту же оригинальную конструкцию, что и переводной библеизм *краеугольный камень*. Непосредственным источником узкоограниченного укр. *лáтир* 'рядом' является рум. (молд.) *alături* 'рядом, вблизи, около' (происходящее, чего В.Э. Орел не оговорил, от лат. *a latere* 'сбоку', см. ЕСУМ 3, 201, с литературой). Соображение выглядит остроумным, но убеждающих доказательств в его пользу автор не дал не только здесь, но и в несколько более подробном "эскизе", опубликованном раньше[5]. Приведенные им украинские слова со значениями 'янтарь' и 'около' различаются местом ударения, что в контексте предложенного сближения требует особого разбора, которым автор пренебрег (более того, он представил упомянутое украинское диалектное название янтаря в

перевранной акцентовке); маловероятным является для предполагаемого “библеизма” *(а)латырь(-камень)*, чаще всего отмечаемого в севернорусских былинах, молдаво-украинское посредство. Пересказанная этимологическая догадка Орла очевидно несостоятельна.

Выражение *вась-вась* ‘по-свойски, фамильярно’ (также в субстантивированном употреблении: *полный вась-вась* и под.) объяснено редупликацией усеченной основы личного имени *Василий* (*Вас-я*) (p. 175). Это так, но достаточно ли такое истолкование? Мне известна предложная конструкция *(быть) на вась-вась*, которую я, к сожалению, не могу подтвердить контекстами (в Национальном корпусе русского языка их не нашлось, доступные мне словари конструкции с предлогом не дают[6]). Конструкция с предлогом *на* (ср. *быть на ты*) толкает к мысли, что *вась-вась* могло быть ориентировано на сочетание имени и отчества *Василий Васильевич*, *Василь Василич*, — не конкретного, конечно, человека, а языковой его модели.

Не может не вызвать удивления суждение о н е д а в н е м усвоении слова *гривна* ‘денежная единица Украины’ из укр. *гривня* (p. 282). Слово *гривна* со значением ‘весовая и денежная единица’, по письменным источникам известное с конца XI в. (*гривьна*), никогда не исчезало из русского языка (литература XIX – первой половины XX в. переполнена примерами употребления *гривна* в значении ‘гривенник, 1/10 рубля’, в диалектах регистрируются значения, соотносимые с меньшими достоинствами монет). Однако если говорить специально о самостоятельной украинской денежной единице, то вряд ли оправдана хронологическая характеристика “recently”, подразумевающая период последнего десятилетия с небольшим (нынешняя гривна введена в сентябре 1996 г., а сама купюра заготовлена несколькими годами раньше). Ненадежная, подверженная стремительной инфляции *гривна*, равная двум карбованцам, была валютой независимой Украины 1917–1920 гг.; разумеется, ее название было употребительно и в русском языке (о чем можно было знать хотя бы по тексту “Белой гвардии” Булгакова). Современная *гривня* делится на *копійки*, и, исходя из логики В.Э. Орла, употребление живущими в этой стране русскими слова *копейка* применительно к украинскому денежному знаку также нужно счесть адаптацией украинского слова. Вряд ли, однако, кто-либо отважится утверждать подобные вещи серьезно.

Словарным экспликациям В.Э. Орла не всегда достает пунктуальности в формулировании словообразовательных зависимостей. Так, глагол *жидиться* он выводит из прилагательного *жадный*, испытавшего влияние со стороны слова *жид* (p. 375). Существенно аккуратнее было бы сказать, что мы имеем дело с производством *жидиться* ← *жид*, а значение ‘жадина’ пейоративный этноним приобрел по созвучию с корнем *жад-*.

Описание и трактовка экспрессивной лексики – лабильной, подверженной сильным девиациям, с трудом сводимой в закономерности – обычно связаны с необходимостью распутать клубок сложных фонети-

ческих и семантических отношений между словами, близость которых ощутима, но не поддается однозначным формулам и четким демаркациям. Представление (р. 386) прилагательного *задрипанный* (в основном ‘обтрепанный’ и ‘испачканный’) как заимствования из украинского (*задрùпати(ся)*, диал. *задрнпати*) рисует картину в сильно упрощенном виде. Даже если оставить без внимания значительное фонетическое разнообразие в кругу ближайших фонетико-семантических сходств: *-драп-* / *-дряп-* / *-дрып-* / *-дрип-* / *-дрёп-* / *-дрюп-* (умноженное варьированием губного по глухости-звонкости) (примеры с широкой географией, помимо прочего с префиксом *за-*, см. в диалектных словарях), – трудно отказать этим образованиям в собственном, незаемном характере. Мыслью об украинском влиянии В.Э. Орел вооружился, вероятно, потому, что не обнаружил русских примеров в статье **dripati* ЭССЯ (5, 115), равно как в статье [*дрúпи*] ЕСУМ (2, 128). Между тем это основание не слишком весомо: лакуны в отражении диалектной лексики – явление общеизвестное. Но как раз в данном случае недостатка в материале нет. Возможно, в Канаде, где создавался рецензируемый этимологический труд, труднодоступны некоторые выпуски сводного словаря русских говоров и Архангельский словарь; южнорус. *задрип-* (СРНГ 10, 67–68) и арх. *дрúпаной* ‘никуда не годный’ (АОС 12, 258) заставляют идею украинского донорства оценить как опрометчивую.

Темное, по Фасмеру, слово *карáмора* ‘длинноногий комар, Tipula maxima’ В.Э. Орел предположительно толкует как результат гаплологического упрощения двукорневого сложения **komaro-mora* (р. 461). Эту догадку автор мог подкрепить выражением *комарина(я) смерть* ‘насекомое, похожее на большого комара’ (СРНГ 14, 226; в словаре – только “влад.”, реально же оно распространено гораздо шире), но упустил эту возможность. Его соображение, однако, не вызывает сочувствия: фонетические и акцентные трансформации в таком случае предстают чересчур сложными, а кроме того существует целая группа ритмически подобных слов, в организации которых несомненно присутствуют идеофонические моменты и в сопоставлении с которыми, кажется, и следует искать расшифровку устройства слова *карáмора* (с графическим вариантом *карáмара*): *кикúмора*, *шишúмора* (*шушúмора*), в несколько ином отношении амч. *корáкора* ‘хохлатый морской нырок небольшого размера’ (Даль² II, 168; это последнее А.Е. Аникин пытается крайне неконкретно, без каких-либо языковых иллюстраций, объяснить “чукотско-камчатским происхождением”[7]); слова *тарáбора*, *шарáбора* в СРНГ еще только ждут опубликования (словарные сведения о них предупреждаются Инверсионным индексом[8]). Кроме внимания к ритмической формуле слова, роль в нахождении правильного решения может сыграть методика параллельных смыслов. Возникает соблазн увидеть сходство в строении, с одной стороны, *карáмора* и, с другой, существительного *барáбара* в составе нелокализованного фразеологизма *нести барáбару* ‘говорить чепуху, вздор, бестолочь’ (Даль² I, 47). Дело в том, что вариант

кара́мара кроме энтомологической семантики свидетельствуется также в значениях южн. 'нечто бессмысленное и непонятное; тарабарщина' (влад., ряз. *карамару занес* 'начал говорить вздор, бестолковщину'), "о непонятном языке, особенно цыганском" (СРНГ 13, 73). При таких ярких обстоятельствах мотивация 'комариная смерть', усмотренная Орлом, отпадает сама собою.

Пробелы в знании русской фразеологии и паремиологии иной раз приводят В.Э. Орла к очень неловким этимологизациям. Словечко *кара́п*, извлеченное из поговорки *Тяп да ляп, да вышел карап*, он объясняет (р. 462) этимологической идентичностью укр. диал. *ка́рап* 'low quality, mediocre' (ЕСУМ 2, 386: "'худе порося…; нікчемне (порося); недоброякісний, дефектний, кепський…'; – неясне"), которое в свою очередь находит заимствованием из татар. *karap* 'accordingly, correspondingly'. Ни акцентные расхождения между русским и украинским словами, ни семантическая трансформация 'соответственно' → 'низкого качества', допустимая лишь в текущей р е ч и , но не на уровне я з ы к а , ни сужение сферы применения квалифицирующего слова почему-то до 'поросенка' растолкования не получили и не толкнули автора этимологии заглянуть хотя бы в далевский словарь: *Будто тяпъ да ляпъ, вотъ-те и корабль*. Лексикографическая нужда в опознаваемости слова заставила Даля (и, например, М.И. Михельсона в "опыте русской фразеологии" "Русская мысль и речь") дать его в кодифицированном фонетическом облике, хотя в данном случае правильнее было бы точно отразить просторечную рифмовку: *ляп – корап* (ср. *рубль* → *рупь*, *руп*), как это сделано в СРНГ: *Тяп-ляп и вышел кораб* (14, 308).

В статье *ла́жа* 'nonsense, misunderstanding' (р. 594) В.Э. Орел справедливо оставляет без упоминания находимое в словарном описании современной арготической лексики[9] сомнительное объяснение из диал. *ла́жий* 'ловкий, изворотливый' (по Далю, 'ловкий, толковый, бойкий' – к *лад*, что, видимо, правильно; В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина малозаметной перифразой сдвинули значение из зоны 'бойкий' ближе к зоне 'хитрый', откуда, слава богу, уже недалеко и до толкуемого 'обман, выдумка'). Однако выведение жаргонного *ла́жа* из южнославянских языков ("Bulg dial. *лажа́* 'lie', SCr *làža* id., Slvn *lažà* id."; с ошибкой: вместо с.-хорв. *ла̀жа* 'лжец' следовало дать *лажа́* 'ложь, вранье') не выглядит убедительным. Пути жаргонной лексики нередко трудноисповедимы, но еще труднее доказать ощутимый вклад словенского, сербского и югозападных говоров болгарского языка в русский арготический фонд. Акцентные различия между рус. *ла́жа* и предполагаемыми южнославянскими его "оригиналами" слишком заметны, чтобы принять версию Орла (им, южнославянским примерам, соответствует рус. *лжа*). Скорее всего рус. *лажа*, действительно, принадлежит гнезду **lъg(ati)*, но здесь нужно констатировать не заимствование, а собственно русскую внутрипарадигматическую вокалическую замену ъ → *á*, тождественную той, что наблюдается в парах **pъt(ica)* → *(куро)па́т(ка))*, то есть по анало-

гии с удлинением исконного **о* в случаях типа **gorěti* → *гарь, загар, огарок*.

В статье *мима́нс* (p. 690) В.Э. Орел повторяет свою уже однажды опубликованную[10] ошибку. Он высказал догадку, что это слово образовано в русском профессиональном (артистическом) арго от *мим* с помощью заимствованного "суффикса" *-анс* (< фр. *-ance*), ср. *романс*. На самом деле *миманс* – это аббревиатура из *мимический ансамбль*, о чем можно было справиться хотя бы в толковых и энциклопедических словарях. Даже если признать сегмент *-анс* суффиксом, среди образований (заимствований) с этим элементом в русском языке нет слов, обозначающих совокупность лиц (и вообще какую-либо совокупность, если не считать, с натяжкой, слово *конкорданс*).

Слово *мутоте́нь* автор считает композитным объединением *муть* и *тень* (p. 721). Совершенно напрасно: это усилительная "экспрессивизация" (с помощью суффикса *-е́нь*) слова *мутота́*[11], ср. пары *хренотень* ← *хренота* и послужившую ей конструктивным образцом вульг. *хуетень* ← *хуета*, далее диал. *брекотень* ← *брекота*, *воркотень* ← *воркота*, *лоскотень* ← *лоскот*(*ать*), *мокротень* ← *мокрота*, *срамотень* ← *срамота* и т.д. Если в констатируемом у Орла композите можно увидеть некий семантический резонанс 'мутный' : 'тень', то в строении едва ли не сотни образований с суффиксным исходом *-от-ень*, которые регистрируются обратным индексом к СРНГ[12], нет даже и тени такой смысловой рифмовки.

Следует все же сказать, что неточности и оплошности, практически неизбежные в любом этимологическом своде, в словаре В.Э. Орла нужно "вылавливать". Они подавляются вполне добросовестным и качественным реферированием, если автор солидарен с имеющимися этимологиями, и достаточно корректными формулировками и суждениями, если дело касается новых слов и новых этимологических интерпретаций. Степень доверия, которое вызывает словарь, в целом высока.

Полиграфическую сторону рецензируемого издания нельзя признать добротной. По всей видимости, автор не располагал достаточными средствами, и лексикон увидел свет в издательстве, не специализирующемся на публикации научной литературы (по справкам в интернете, Octavia & Co. Press практикует в основном рекламно-деловую продукцию – буклеты, программы, ресторанные меню и под.). Словарь издан в мягких обложках, листы не прошиты, а склеены, книги ломаются после недолгого пользования. Текст, набранный мелковатым кеглем, непропорционально узок по сравнению с размерами страницы, бóльшую часть которой занимают широкие поля. В первом томе строка, которая должна заканчивать страницу 89, обнаруживается внизу страницы 91; аналогично последняя строчка страницы 90 перекочевала под номер страницы 70. Во втором томе удивляет последовательность страниц: 506–519–518–509–510...515–508–507–516–517–520.

Несмотря на отмеченные недостатки, словарь, написанный В.Э. Орлом, несомненно, должен войти в арсенал серьезных этимологических справочников по русскому языку. Однако из-за отдаленности и малотиражности издания он будет в России доступен, к сожалению, немногим.

Примечания

[1] В пристатейной библиографии скромно не приводится печатная работа, в которой эта идея обнародована ранее: *Орёл В.* Этимологические эскизы // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006, 269.

[2] Кроме известных работ О.Н. Трубачева на эту тему, см.: *Журавлёв А.Ф.* Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // Очерки истории культуры славян. М., 1996, 142–143.

[3] *Мартынов В.В.* Балто-славянские языковые отношения и глоттогенез славян // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981, 25.

[4] *Журавлёв А.Ф.* Лексикографические фантомы. 2. СРНГ, *И – К* // Слово и культура. К 75-летию Никиты Ильича Толстого. Т. I. М., 1998, 93–104.

[5] *Орёл В.* Этимологические эскизы, 265.

[6] Словарь *Мокиенко В.М.* и *Никитиной Т.Г.* (Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001, 89) дает ссылку на "Справочник по ГУЛагу" Жака Росси (М., 1991. 1, 48), но она дезинформативна: у Росси – конструкция без предлога.

[7] *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд. М.; Новосибирск, 2000, 302.

[8] *Сороколетов Ф.П., Одеков Р.В.* Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров. СПб., 2000, 92.

[9] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Указ. соч., 307.

[10] *Орёл В.Э.* [Рец.:] *Георгиев В.И.* [et al.] Български етимологичен речник. Т. III: *крес – минго*. С., 1986, 800 с. // Этимология 1986–1987. М., 1987, 234.

[11] Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. *С.А. Кузнецов*. СПб., 2004, 565; *Квеселевич Д.И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003, 450; *Никитина Т.Г.* Молодежный сленг. Толковый словарь. М., 2003, 403–404.

[12] *Сороколетов Ф.П., Одеков Р.В.* Указ. соч., 381.

А.Ф. Журавлев

Етимолошки речник српског језика / Оснивач академик Павле Ивић. Израдили Марта Белетић, Јасна Влајић-Поповић, Александар Лома и Снежана Петровић. Уредио Александар Лома. Св. 1–2. *А–Б*. Београд, 2003–2006.

Изучение лексики родного языка в сербской филологической и лингвистической науке характеризовалось до недавнего времени составлением и изданием словарей разных типов, в первую очередь словарей

современного языка (переводных или толковых) или исторических. Слабо была представлена фразеология как самостоятельная ветвь лингвистики. В еще меньшей мере развивались этимологические исследования. Наибольшие заслуги в этой области принадлежат зарубежным славистам, работавшим за пределами Сербии и других югославянских земель.

Внимание сербских ученых привлекали, в основном, лексические заимствования, в первую очередь слова, заимствованные из турецкого и через посредство турецкого из персидского и арабского языков, а в новое время – также заимствования из английского, немецкого, французского и некоторых других западноевропейских языков. Примером могут служить словарь ориентализмов Дж. Поповича (1884) и современные, все возрастающие по объему словари иностранных слов и выражений. Среди них выделяется низким, к сожалению, качеством этимологизации издание Велимира Михайловича "Материалы для словаря иностранных слов в период, предшествующий реформе Вука Караджича" (Нови-Сад, т. 1, 1972; т. 2, 1974)[1]. Единственным этимологическим словарем сербскохорватского языка (до его недавнего державного разделения на сербский и хорватский) остается изданный в Загребе (Хорватия) словарь Петра Скока (P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–IV. Zagreb, 1971–1974). В начале 80-х годов Сербский филолог Павле Ивич, принадлежащий к плеяде самых выдающихся лингвистов XX в., выступил с инициативой начать в рамках Института сербского языка Сербской Академии наук подготовку самостоятельного этимологического словаря. До недавнего времени основной задачей и целью этого Института было издание многотомного Словаря сербскохорватского литературного и народного языка. Инициатива Павла Ивича была воспринята с пониманием, и в Институте стала складываться группа лингвистов-этимологов. Некоторые из них направлялись на стажировку в московский академический Институт русского языка.

Под редакцией Павле Ивича был выпущен в 1998 г. пробный выпуск этимологического словаря, в котором была обоснована концепция нового издания с приложением 135 словарных статей. В 2003 г. вышел из печати посвященный памяти Павле Ивича первый том словаря, содержащий лексемы, начинающиеся с буквы А. Его составителями были М. Белетич, Я. Влаич-Попович, А. Лома, С. Петрович, при участии М. Вучкович и М. Джокич. Общую редакцию выполнил член Сербской академии наук А. Лома.

В процессе подготовки словаря обсуждалась, естественно, его концепция, в разных аспектах. Было принято решение в интересах практичности комбинировать алфавитный и гнездовой способы подачи лексического материала. Требовал решения вопрос о соотношении лексики из восточных регионов, то есть из Сербии, южных и центральных регионов (Черногории, Боснии и Герцеговины) и западных областей (Хорватии, включающей Далмацию и Славонию). Составители одинаково уважительно отнеслись к лексике, фиксируемой на всей обширной территории

языка сербов, черногорцев, босняков и хорватов, языка, который в лингвистическом отношении имеет основания рассматриваться как нечто целостное. Принципиальной позиции требовал принцип отбора этимологизируемой лексики, имея в виду ее происхождение и длительность существования в языке. Было принято решение исключить из описания заимствования нового времени, главным образом, интернационализмы, которые обычно успешно этимологизируются в многочисленных словарях иностранных слов.

При этом оказалось, что в первом томе сосредоточены преимущественно иноязычные слова, поскольку в сербском, как и в других славянских языках, крайне мало исконных слов, начинающихся с гласного А. Эти слова документируются с привлечением разнообразного диалектного лексического материала, но при этом нередко следует резюме "лексема неясного происхождения".

Весьма непросто выявить и оценить творческий вклад составителей словаря в определение истоков той или иной лексемы сербского языка. Естественно, что многое здесь остается гипотетическим, предположительным; см., например, две статьи с заглавным словом "Бабушка". Некоторые сближения вызывают сомнения, например, сближение имени персонажа сербского фольклора Баш-Челик и русского Кощея.

Каждый выпущенный том словаря открывается обширным перечнем использованной специальной литературы и лингвистических источников. Естественно, составители в полной мере привлекли этимологические словари родственных языков и многочисленные частные публикации о происхождении сербских или сходных с ними слов. Кажется, однако, что ориентированность сербских этимологов в специальной литературе может быть более широкой. Среди названных трудов разного объема от монографий до частных заметок не фигурируют работы выдающегося русского слависта Г.А. Ильинского, опубликовавшего в свое время (до расстрела в 1937 г.) десятки, если не сотни этимологических штудий. Этимологический опыт Г.А. Ильинского вообще заслуживает пристального изучения и использования[2]. Наряду с названной в перечне источников статьей М. Московлевича "Говор острова Корчулы" следовало бы назвать и его работу, опубликованную в Москве, "Говор острова Виса" (Исследования по сербохорватскому языку. М.; "Наука", 1972. С. 105–138).

Новый этимологический словарь сербского языка вызвал большой интерес в сербской филологической общественности. В опубликованных рецензиях на первые его выпуски содержатся преимущественно весьма позитивные оценки как инициативы, так и ее реализации. Например, профессор философского факультета Новосадского университета М. Пижурица писал: "Второй том этимологического словаря сербского языка имеет все несомненные достоинства первого выпуска: удачно решенную проблему корпуса (в контрасте собственно сербского и сербскохорватского), богатую документацию, в основном успешно найден-

ную меру между гнездовым и алфавитным принципом подачи лексем, хорошую, как правило, композицию этимологических статей и завидное качество обработки лексического материала"[3].

Остается сказать о грандиозности реализуемого проекта. В первых двух томах описано происхождение сербских слов, начинающихся с А до БД. Предстоит последовательное изучение и описание происхождения многих тысяч слов сербского языка, среди которых весьма многочисленны слова, начинающиеся с таких букв, как К, П, Т и др. Пожелаем авторскому коллективу благоприятных условий для работы, привлечения новых молодых кадров для долговременного обеспечения непрерывности труда и его успешного завершения.

Примечания

[1] Подробнее об этом см. в монографии: *Гудков В.П.* Сербская лексикография XVIII в. М., 1993. С. 138–143.

[2] См. об этом в кн.: *Журавлев В.К.* Григорий Андреевич Ильинский. М., 1962. С. 40–46

[3] Зборник Матице српске за филологиjу и лингвистику XLIX / 1. Нови Сад, 2006. С. 309.

В.П. Гудков

В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. III. М., Восточная литература, 2007. – 493 с.

Этимологи различных языковых специальностей получили очередной подарок от своей непростой судьбы: третий том ЭСИЯ. Как мы уже писали в рецензии на предшествующие тома[1], это первый в иранском языкознании этимологический свод, выявляющий обще-иранский корнеслов и его рефлексы во всех зафиксированных иранских языках. Третий том включает корни, начинающиеся на **f*, **g*, **h*. За время работы над томом, к глубокому прискорбию, скончалась одна из авторов, проф. В.С. Расторгуева, вследствие чего обработка части западно-иранского материала была осуществлена проф. Д.И. Эдельман при содействии ее ученика, талантливого молодого ираниста и индолога А.И. Когана. Написание же самих этимологических статей произведено Д.И. Эдельман.

Разумеется, достоинства этой работы невозможно переоценить. Вышедшие в свет выпуски уже сейчас значительно продвинули вперед состояние иранских этимологических и сравнительно-исторических исследований и могут сильно способствовать решению ряда еще остающихся проблем индоевропейской реконструкции. Словарь содержит бесценный материал и для исследователей, занимающихся языками, контактными с иранскими (в частности, для славистов и тюркологов).

Как всякая находящаяся на переднем краю науки работа, этот словарь вызывает у читателя, кроме чистого восторга, который всегда сопутствует маленьким "личным открытиям", происходящим при чтении новой этимологии, массу размышлений и вопросов. Не будучи специалистом-иранистом, я не могу как следует оценить, какие вопросы вызывает словарь у иранистов. Несомненно, таких вопросов немало, хотя в словарных статьях авторы пытаются тщательно отслеживать чужие этимологические предложения; увы, для последних двух десятков лет это сделать не под силу ни одному российскому этимологу, прежде всего, в силу недоступности большой части новой литературы.

Ниже приводятся некоторые замечания и размышления, которые вызвало чтение выпуска у меня как у лингвиста, интересующегося индоевропейской реконструкцией, и как у тюрколога.

Во введении к тому основное внимание уделено принципам отбора корней именно в этот том. Действительно, каждый из трех архетипов, попадающих в него по алфавиту, представляет собой один из альтернантов ряда чередования на праиранском или даже на праиндо-иранском уровне. Для **f-* это праиранское чередование **f-/*p-* (позиции перед праиранским гласным/перед праиранским согласным соответственно; позиции обусловлены праиндоевропейским аблаутом: полной ступенью вокализма против нулевой ступени или второй вокализации, **perə-* vs **pr̥̄-*, **prō-*). В раздел словаря попадают, таким образом, те индоевропейские корни на **p-*, которые в иранских языках не представлены в первой огласовке, а также сильно отошедшие от первичного корня производные основы в непервой огласовке, для которых целесообразно было давать отдельное вхождение в словаре, и еще несколько корней, для которых предполагается праиндоиранское **ph-*.

Для **g-* это праиранское же чередование **g/*j*, обусловленное позициями палатализации праиндо-иранского уровня (восходящими к *e*-ступени индоевропейского аблаутного чередования **o/*e* и нулевой ступени корней, содержащих **i*, соответственно) и, возможно, праиранского уровня (палатализации перед слоговым носовым сонантом, восходящим к праиндоевропейской нулевой ступени корня, содержащего носовой сонант: **gom-/*gem-*, **gm*, если рефлексы, которые относят к результатам этой палатализации (Эдельман СГВИЯ-Ф 30), действительно фонетически обусловлены, а не являются следствием парадигматических унификаций с рефлексами бывшей *e*-ступени чередования, что кажется возможным ввиду многочисленных "перебоев" развития).

Для **h-* (восходящего к индоиранскому **s*) это праиндо-иранское чередование с **s-*, появляющимся непосредственно перед взрывным (т.е. в индоевропейской нулевой ступени аблаута или во второй огласовке), и с **š-*, появляющимся по "правилу РУКИ" в соседстве с пра-и.-е. **r*, **u*, **k*, **i*, слоговыми и неслоговыми. На праиранском уровне это чередование получило дополнительные альтернанты в виде **x-* в непосредственном

контакте с **w*, а также **z-*, **ž-* в позициях озвончения в соседстве со звонкими, ср. **had-/*-šad-/*zd-/*-žd-* (шипящие после приставок на *-r*, *-u*, *-i*).

Авторы пишут, что при отборе слов в данный том действовал принцип выбора по “основному варианту” корня; эксплицитно не объясняется, какой вариант принято считать основным. Если, допустим, идти от индоевропейского, то принято считать основным (нейтральным) вариантом корня вариант с *e*-огласовкой, и тогда это всегда будет позиция палатализации. По-видимому, здесь авторы старались брать за основной вариант корневой компонент минимальной производящей основы; тогда непонятно, почему в случае глагольного корня это, по крайней мере, в части случаев, не *e*-огласовка презенса, а *o*-огласовка древнего перфекта или каузатива (так получается в корнях *gad-/jad-* ‘требовать, желать’, с. 97–99, *gai-/jai-/ji-* ‘жить’, с. 105–112, **gai-/ji-* ‘слабеть/побеждать’ (каузативная основа представлена только в хотано-сак. *jsis-* < **jais-*, и это – новообразование с устранением чередования согласных), с. 112; **gam-/*gm-/*ga-/*jam-* ‘идти’ (в большинстве языков в глаголе – рефлекс презентной *e*-основы), с. 117–135; **g̡an-/jan-* ‘бить’, с. 136–144). Еще ряд реконструкций праиранского вида корня вызывает замечания, приведу из них несколько.

С. 190, **gard-/*jard-/*grad-* ‘град, иней’: какие из рефлексов отражают последнюю основу? По-видимому, ее нет, так как во всех случаях в новых языках имеется рефлекс кластера **-rd-*, а кроме того, если бы она была, то содержала бы долгий: **grād-*, поскольку представляла бы собой вторую огласовку корня **ghelәd-* (**ghleHd*) (Pokorny 435), ср. греч. *khálazda* f. (**ghelәd-i̯a-*) ‘Hagel’, ст.-слав. **жлѣдица** ‘дождь со снегом, градом’, укр. *óжелéдь*, *ожелéда* ‘гололедица, дождь со снежной крупой’, словен. *žlȇd, žledȋca* ‘гололедица, дождь с градом’, лтш. *dzeldêt* ‘твердеть (о снеге)’, *gal̂det* ‘затвердевать’ (Mühlenbach–Endzelin I 589) (славянские формы показывают подвижность ударения, вторая из латышских подтверждает подвижность, при этом показывая балтийский акут, то есть индоевропейский долгий дифтонг или Бецценбергеровское сочетание). Вероятно, следовало бы отметить возможность реконструкции долготы и в других видах корня, поскольку имеющиеся рефлексы, кл. перс. *ẓāla,* пушту *ẓalә́y*, йид. *žīlo*, не противоречат долготе (Эдельман СГВИЯ-Ф, 70). Что касается основного вида корня, то без палатализации – только странный осетинский рефлекс *xalas / xalasæ* ‘иней’, он же – единственный, отклоняющийся по значению от ‘град’, по предположению – с незакономерным оглушением **gh-* > *x*. Видимо, он, как и слав. **xold-*, в принципе должен бы трактоваться как другой корень (Фасмер 4, 256).

С. 49–51, **p/faź-* и под., ‘нос’. На с. 51 говорится: “Неясно, относится ли к таким звукосимволическим словам мунджан. *fiz*, йид. *fīz* ‘грудь’ < **fāźa-*, хотано-сак. *pija, piṃja* ‘грудь, сторона, пик’”. Мунджан. и йид. слова, скорее всего, связаны с другим индоевропейским и индоиранским корнем, как это сделано в (ЭСВЯ 267, 286) вместе с

ваханским *рыz* ‘грудь, грудина’ (**pāźa*), *poz(n)* ‘грудь, грудная клетка, объятия’ (**pāźana*), язг. *pazắg* ‘кусок кожи с груди животного’, хотано-сакск. *pāysa-* ‘грудь’, (?) осет. *faz* ‘половинка, сторона’, др.-инд. (?) *pājas-* ‘внешняя сторона; облик’ (Mayrhofer. Altindoar. 2 116,не *pāja-* ‘лицо’, как в ЭСВЯ – такое слово зафиксировано только как имя собств. – см. Böhtlingk & Roth 4, 626!), *pājasyà-* ‘Bauchgegend, Weichen’ (**pāźa-*) и слав. **paz-u-, *paz-vā, *paz-u-xā*: др.-рус. **пазѹха** ‘объятие, грудь, залив’ (Срезневский II, 861), рус. *пáзуха*, укр. *пáзуха* ‘пазуха’ (Гринченко III, 87), зап.-укр. *пáзуха* ‘id.’ (Желеховскій – Нед. II, 596), блр. *пáзуха* ‘id.’, польск. *pazucha* ‘id.’, чеш. *pazucha* ‘подмышка’ (неупотр.), словац. *pazucha* ‘подмышка’, кашуб. *pazëxa* ‘подмышка’ (Lorentz. Pomor. I 619), словин. *pãzäxă* ‘подмышка’ (Lorentz Sl. Wb. II, 759), словен. *pâzuha, pâzduha, pâzdiha, pâziha, pâzha* ‘подмышка, пазуха’, сербо-хорв. *пȁзуо, пȁзухо* ‘подмышка, пазуха’, болг. *пáзва* ‘пазуха, грудь’ (Геров IV, 5). Ввиду разнообразия оформления, оказывается явно неверна гипотеза о составе слова **paz-ducha* (где *paz-* приставка), основанная на словенской форме (см. Фасмер III 187). Словенское *-zd-* может объясняться контаминацией вследствие народной этимологии с *duh, duha* ‘душа, дыхание’. По-видимому, как производное от этого же корня с суф. *-ja* следует рассматривать чеш. *paže* ‘Arm’, *podpaže* ‘подмышка’, словац. *podpaže* ‘подмышка’, в.-луж. *paža* ‘подмышка; плечевая часть руки’ (Jakubaš 235), н.-луж. *paža* ‘подмышка, плечевая часть руки; объятия’ (Muka II, 30) (в старопольск. *paža* ‘подмышка’ трактуется как богемизм – Sł. stpol. VI, 60), ср. (Pokorny 792). Майрхофер (op. cit.) предлагает к др.-инд. еще лат. *pāgina* f. ‘Blatt Papier, Seite; vier Reihen im Viereck gebundener Weinstücke’ и греч. εὐ-πηγή-ς ‘gut gebaut’, которые семантически скорее принадлежат к глагольному корню со значением ‘строить’ (см. Pokorny 787–788). Тем не менее, не относится ли к нашему корню лат. *impāgēs, -is* f. `Leiste’? Такой привязке мунджан. и йид. слов противоречит только начальное *f-* (в начале слова праиран. **p-* отражается в этих языках как *p-* (Эдельман СГВИЯ-Ф, 184). Однако сама фонема – начальное **f-*, выступающее перед гласными (не аллофон **p-*, выступающий пред согласными) для праиранского состояния достаточно таинственная вещь; она должна восходить к праиндо-иранскому **ph-*, для которого сомнителен индоевропейский источник. И действительно, в словаре таких корней на **f-* перед гласной 5 штук, из них 4 восходят к начальным группам типа **(s)ph-*, содержащим s-mobile, и, кроме того, явно включают слова, для которых можно предполагать ономатопоэтические отклонения в фонетических изменениях, а пятый – рассматриваемый ‘нос’, для·которого также предполагаются ономатопоэтические развития. Учитывая эти сложности, в словарной статье хотелось бы видеть упоминание о возможности другой, более естественной этимологизации для мунджан. *fiz*, йид. *fīz* ‘грудь’.

С. 86-88, **fšā-* ‘расчесывать’, имеется также огласовка **paś-*, с. 87. Непроизводный глагол ‘расчесывать’ только в этой последней огласовке

и представлен (осет. *fasyn* и памирские основы с приставкой **ni-*). Другие 'расчесывать' производны от суффиксальных имен **fšāna-* и **fšāka-* 'гребень' (последнее – возможно, производное от первого), и глагольного корня **fšā-* мы в иранском материале, собственно, не видим, так что, либо надо бы было принимать за основной вариант корня **paś-*, либо выделять здесь особую именную основу **fšāna-* 'гребень' с возможным производным **fšāka-*. Во всяком случае, никакой "второй огласовки" с долготой для рефлекса индоевропейского корня **pek'-* (Pokorny 797) мы здесь не находим. Не исключено, что производное на **-ēn-* от нулевой ступени со значением 'гребень' у этого корня является общеиндоевропейским, ср. греч. атт. κτείς, Иоанн Александрийский κτήν, gen. κτενός 'Kamm, Weberkamm' Friçk 2, 33, лат. *pecten, -inis* m. 'Kamm, Riffel', умбр. *petenata* 'pectinātam'.

В общем, вопрос об установлении точного вида праиранского корня, особенно его огласовки, явно не входил в непосредственные задачи авторов словаря. В результате можно оспаривать ряд вхождений в томе как отразивших действительно "основной" вид корня; следует только отметить, что эта "небрежность" в деле установления "основного" вида привела в реальности к тому, что в том вошло больше, а не меньше корней, и специалисты получили возможность ознакомиться с материалом по ряду корней раньше, чем выйдут последующие тома, то есть, в конечном счете, она принесла пользу читателям. Несомненно, индоевропеист не может пользоваться только заголовками словарных статей для того, чтобы уточнить, какие индоевропейские огласовки представлены в иранском материале; имея такое намерение, он должен внимательно ознакомиться со всем содержанием словарной статьи и критически рассмотреть частные реконструкции. Зато он может быть действительно уверен, что, хотя в словарной статье ему может попасться "лишний", т.е. интерпретируемый другим способом, материал (причем, обычно эта альтернативная интерпретация бывает указана), но зато вряд ли пропущены какие-то формы, которые могут быть проинтерпретированы как относящиеся к данному корню.

Из мелких замечаний другого рода можно привести следующие.

С. 207–208, **gau-aźna* 'олень': так и остается неясным, считают ли авторы, что это действительно может быть производное на *-na* от сложения с **aźa-* 'коза', как предполагал В. И. Абаев? На с. 208 они пишут, что это фонетически невозможно, поскольку сочетание *-źn-* должно было бы в большинстве языков дать *-žn-* или *-šn-*. Конечно, только согласиться можно с включением в ту же этимологию хотано-сак. *ggūysna-* 'олень', вопреки (Bailey DKS 87).

С. 155, о названии пиявки **jarū-ka-*, возможно, производном от **gar-* 'увлажняться', или, скорее, от **gar-* 'глотать, сосать': осет. *zūlk'/zolk'æ*, вслед за (Абаев IV, 316), считается заимствованным через тюркское посредство (а тюркское слово, в свою очередь, считается иранским заимствованием). Такую гипотезу, однако, довольно трудно обосновать.

Тюркское название пиявки, **sülü-k* (ср. еще тур. диал. *sülümen, sülen*), является пратюркским (ср. наличие закономерного чувашского рефлекса): чуваш. *səʷləʷk*, ст.-кыпч. *sülük* (AH, Ettuhf.), узб. *zuluk*, нуйг. *zülük*, тур. гаг. *sülük*, азерб. диал. *sülüx*, туркм. *sülük*, караим., кум. *sülük*, татар. *sǚlĭk*, башкир. *hǚlǚk*, ног., казах., ккалп. *sülĭk*, кирг. *sülük, zülük*, г.-алт. *šülük* (Räsänen 436, 425; СИГТЯ 2000, 185; ЭСТЯ 2003, 377). У него имеется вполне приемлемая алтайская параллель: пратунг.-маньчж. **silu-kta* 'глист, червь' (ССТМЯ 2, 95). Если пренебречь ею, можно было бы, конечно, предположить пратюркское заимствование из какого-то восточно-иранского языка ранне-среднеиранского периода с рефлексом **j-* > ʒ- и интерпретацией его в пратюркском через **s-*, но это маловероятно, скорее ожидалась бы тюркская начальная аффриката **j-*; развитие гласного *a* > *u* возможно, например, для хотано-сакского (Эдельман СГВИЯ-Ф 71). Осетинское слово можно было бы интерпретировать как тюркизм либо на аланском уровне (из булгарского), либо как новое заимствование из тюркских языков Кавказа, напр., кум. *sülük*, или из турецкого *sülük*. В любом из этих случаев совершенно непонятна начальная звонкость в осетинском. Начальное *z-* появляется в некоторых тюркских формах, но сугубо в центрально-азиатском регионе (узбекский, новоуйгурский, южно-киргизский, т.е. языки зоны, контактной с таджикским) и, очевидно, под влиянием тадж. *zulluk*, которое само по себе следует считать результатом контаминации, а не закономерного развития перс. (и, по-видимому, старотадж.) *zalū-* 'пиявка'[2] и тюрк. *sülük*, причем отражающим тюркское переразложение на *sül-lük* вследствие народной этимологизации (букв. 'слюнявая'), как в узб. диалектах.

С. 176, о перс. *durnā* 'журавль': авторы цитируют замечание В.И. Абаева (Абаев IV, 304) о возможности происхождения перс. слова из **zr̥na-* и последующего заимствования из перс. тюрк. *durna*. Последнее совершенно невозможно; как правильно указано в (Doerfer TMN III, 199), персидское слово, скорее всего, является восточно-огузским (туркменским или азербайджанским) заимствованием, а то является правильным рефлексом пратюрк. **tur(u)jna* 'журавль', чуваш. *tъʷrna*, (диал.) *təʷrne*, якут. *turuǰa*, долг. *turuja*, тувин., тофалар. *duruǰâ*, *turuja*, др.-тюрк. *turujja* (Ырк Битиг, 94), карахан.-уйг. *turna* (Махмуд Кашгарский), тур. *turna*, азерб., туркм. *durna*, татар. *torna*, казах. *tïrna*, кирг. *turuna* (Räsänen 501; EDT 551; ЭСТЯ 1980, 301–302; СИГТЯ 2000, 173). Кроме того, огубленный рефлекс слогового в индоиранских языках обычно предполагает наличие в основе губного или старого лабиовелярного согласного. Лезг. и рутул. *durna*, очевидно, также не из персидского, а из азербайджанского – в этих языках особенно много азербайджанских заимствований.

С. 211, ссылка на этимологию В.И. Абаева, который осторожно предположил (Абаев II, 326) для тюрк. *qumyz* 'напиток из сквашенного кобыльего молока', послужившего источником осет. *qoymyz* 'молозиво',

происхождение из иран. **gau-maiza-*, авест. *gao-mæza-* 'коровья моча' (как ритуальное средство). Относительно внушавшего В.И. Абаеву сомнение соотношения значений тюркского и осетинского слов можно заметить, что 'молозиво' может быть связано с 'кисломолочным продуктом' через значение 'закваска', так как молозиво часто используется в скотоводческих культурах как закваска. Что же касается иранского происхождения тюркского слова, то, если учесть, что тюркское слово означает во всех языках, где только представлено противопоставление, напиток именно из кобыльего молока, в отличие от **ajran*, аналогичного напитка из коровьего молока, и без того сомнительное сходство значений еще уменьшается. К тому же, тюркское слово имеет внешнюю монг. параллель: монг. **kimura-gun* 'напиток из кипяченого молока с водой'.

С. 292–293, **gr̥da-* 'дом, жилище': приводимые в словарной статье среднеиранские формы заставляют с бóльшим вниманием отнестись к одному из имеющихся в литературе этимологических предложений для пратюрк. **gẹl*, основы, сохранившейся только в булгарской ветви + реликт в огуз. [хазар. -κελ в Σάρκελ = др.-рус. **Бѣла Вѣжа**; чуваш. *kil* 'жилище, двор, дом, подворье; *перен.* семья'; тур. *gil* 'семейство (как вторая часть композита)', показатель ассоциатива; азерб. *gil* 'семейство (как вторая часть композита)', показатель ассоциатива. Не относятся сюда, вопреки EDAL, якут. *kı̄le* 'сени, передняя, притвор, пристройка' (вариант с краткостью – скорее, следствие неточной фиксации, см. Пек. 2, 1284): заим. из эвенк., с эффектом передачи иноязычного ударения как долготы (Räsänen 270; Егоров 112; Федотов 1, 291–292)]. Развитие гласного в огузских рефлексах, в общем, возможно, если учесть, что здесь корень выступает исключительно в позиции непервого слога. Для тюркского слова предлагалось две этимологии, обе с определенными сложностями:

1. К праалт. **g̯ialu* 'жилище, хижина' (EDAL)[3]: пратунг.-маньчж. **gule*, эвенк. *gule* 'хижина, жилище, изба, зимовье; комната' (ССТМЯ I, 171; здесь *gūle*, но ни у Василевич, ни у Мыреевой долготы нет. Долгота, возможно, под влиянием якут. формы – на исследователя?). В ербогочёнском диалекте как вариант имеется *gulu* (вин. пад. *gulu-wa*, т. е. заднерядное слово) 'дом; чурка', ср. *guluwūn* 'костер, очаг, ночное становище, амбар', к **gul-* 'зажечь огонь' (ССТМЯ I, 169). Ербогочёнская форма, возможно, результат контаминации (в рамках десингармонистической реконструкции пратунг.-маньчж. вокализма корни совпадали бы фонетически, но мне неизвестен именной суф. *-e* в северных тунг.-маньчж. языках). Заметим, что слово не зафиксировано в восточных диалектах эвенкийского[4]. Эвенк. > рус. сиб. *гуль* 'дом, жилье' (Аникин ЭСРусДСиб 171). Праяп. **kùrà* 'сарай', др.-яп. *kura* (JLTT 464). Алтайское слово, как мы видим, не особенно хорошо засвидетельствовано[5], но имеет уральскую параллель: праурал. **külä* 'Wohnung', фин. *kylä* 'Dorf; Wohnung, Haus'; эст. *küla*; саам. *gâl'li-* (N) 'visit, pay a visit to' и манси *kül* 'Haus' (UEW 155).

2. (Предложено, но не разработано в Czeglédy 1964). Праиран. *gr̥da- 'дом, жилище' (< и.-е. *gerdh- 'огораживать', производное в 0-ступени, ср. рефлексы *o*-ступени: *gordh-o- > рус. *город*, гот. *gards* 'дом') (ЭСИЯ 3, 292–293). Иранские рефлексы: авест. позднее *gərəδa-* m. 'дэвовское жилище, нора, пещера', др.-перс. *gr̥d(y)a- > вавил. *gardu* 'раб', *gardupati* 'начальник над рабами, домоправитель', эламо-перс. *kurtaš*, *kurtapattiš*; арам. *grd'*; пехл. *gardastak* 'гнездо вредных животных' (Абр. 114) = ср.-перс. *gilistak* [glsty, glystk] 'дэвовское жилье, капище', зороастр.-пехл. *gil-šāh 'хозяин дома'. Ср. еще в среднеперсидском: *bor*-*gil [bwlkl] 'назв. одного из военных отрядов', где *bor* толкуется как 'серый', а *gil* – 'группа, сборище' из этимологических соображений, как связанное со ср.-перс. *gāl* 'шайка; штат рабов-прислужников у царей и сатрапов, во время войны – личная гвардия' (Nyberg MP 48, 80), совр. перс. *gāl(l)a* 'стадо, стая' и с диал. зап.-иран. суффиксами мн.ч. *-gal, -gäl, -gil* (Жук. I), по др. (ОИЯ 1997, 265) – *-gelō* в диалектах кешеи и зефреи, т.е., скорее всего, то же *gāl(l)a*, суффигированное (NB – по примерам – не ассоциатив, ср. *susgelō* 'отруби', *essōrgelō* 'звезды' и под.; т.е. точно нет непосредственной связи с турецко-азербайджанским показателем). Хотано-сак. *ggalū* 'семья' < *garduv-, adj. к *gard (суф. требует полной ступени?). Праиран. > праперм.*gort; пракоми *gort (gortj-) 'дом', 'гроб', праудм. *gurt 'деревня, селение, село; дом, родина'; коми > хант. *kort, kurt* 'хантыйское жилище или поселение' (Лыткин–Гуляев 79); скорее всего, из формы со слоговым сонантом. Возможно, хант. заим. в ненец. *хард, харад* 'дом'?

До сих пор мы решались (Дыбо 2007, с. 115–124) отнести к пратюркским заимствованиям из иранских языков следующие слова:

Тюрк.	Иран.
*dāna	*dainu-kā, хотано-сак. *dīnū*
*dorak	ср.-иран. *tura-ka, хотано-сак. *ttūra* 'сыр'
*dura	сак. *ttaura*
tarqan	*tl̥k-, сак. *ttarkana-*
*qaγan	*hva-kama-
*kumlak	*hauma-aryaka
*bütnük	*baudyana-ka
*arpa	? *arpa-syā
*ečkü	*aź-ya-k-u

В сущности, мы не знаем, как заимствовалось бы в пратюркский ср.-иран. (форма какого-то из восточных среднеиранских языков) *gil(ak); возможно, и с интерпретацией *i* с помощью *ẹ. Семантика 'основного' дома стационарного типа (СИГТЯ 2006), как будто, не противоречит такой гипотезе.

С. 426, *hu̯a-. Среди композитов, содержащих этот элемент, приводятся названия 'госпожи' *hu̯a-tau̯ni, и в согдийском материале, наряду

с *xwt'n* [*xuten*] 'царица, первая жена царя' без комментария приведено еще *xātūn* [*x'twn*] (Gharib 431). Как показывает Бенвенист (Benveniste. Titres et noms 31–33), это второе слово употребляется прежде всего как 'госпожа, знатная дама', в одном конкретном случае – при именовании второй жены царя (причем рядом с *xuten*, именованием первой жены). Бенвенист склонен считать его тюркизмом в согдийском; во всяком случае, это не рефлекс того же композита, что *xuten*. Что касается первого слова, то Бенвенист выводит его (Benveniste. Titres et noms 29) не из **hvatauni-* (ж. р. от **hva-tāvan-*), а скорее из **hva-tāvyaini* (ж. р. от **hva-tāvya-*), что фонетически довольно убедительно. Ср. также нашу гипотезу (Дыбо 2007, 107) о сюннуском происхождении согд. *xātūn*.

С. 425–428. Там же разбираются различные композиты в иранских языках, обозначающие правителя; к сожалению, среди них отсутствует представленное в согд. *xwt-k'm'-k'* [*xutkame*] (Gharib 440) 'autokrator' (*hvata-* 'само-, свой' и *kam-* 'желать'). Надо сказать, что именно это слово позволило рецензенту (при постоянных устных консультациях с Дж. И. Эдельман) построить, кажется, довольно правдоподобную гипотезу о происхождении слова **qaγan*: орхон., енис. *qaγan* 'глава конфедерации племен; в частности, китайский император' и пр. (Дыбо 2007, 121). А именно, слово может быть выведено из ср.-иран. **hva-kama-* 'autokrator' (*hva-* 'само-' и *kam-* 'желать'), ср. парность таких образований, как авест. *hvata-data-* и *hva-data* (Bartholomae 1082). Начальный кластер в тюркских (и монгольских) языках запрещен, и в случае сочетания с глайдом его устранение могло проходить путем выпадения этого глайда. Конечное *-n*, возможно, из *-m*, ср. собственно тюркские отглагольные образования на *-m/n*.

С. 440, разбор этимологии **hu̯arnah-* 'слава, блеск, величие, фарн'. Авторы придерживаются традиционного (и достаточно убедительного) воззрения на то, откуда берутся фонетически отклоняющиеся формы с *f-* в иранских языках, интерпретируя их как рефлексы мидийского заимствования. Может быть, стоило бы для полноты картины упомянуть о существовании неоднократно опубликованной и также весьма доказательной гипотезы А.А. Лубоцкого (Indo-Iranian languages and peoples. 191–195), опирающейся на ряд нетривиальных лингвистических наблюдений (в том числе на демонстрацию недостатков "мидийской" гипотезы Скъярве в статье 1983 г.), о происхождении слова *фарн* из праиндоиран. **parHnas-* 'полнота, изобилие' (вед. *párīṇas-*) и заимствовании его в большинство иранских языков из скифского.

Повторю, что высказанные соображения ни в коей мере не направлены на умаление достоинств Словаря: очевидно, что только благодаря наличию этого компендиума и огромной и тщательной работе, проделанной его авторами, мы получили возможность более или менее уверенно рассуждать о проблемах иранской реконструкции, оперируя полным материалом.

Примечания

[1] Этимология 2003–2005. М., 2007, 338–348.
[2] Перс. *zalū* > азерб. *zäli*.
[3] В EDAL **gǖlì*, но при изменении фонетической реконструкции тюркской праформы алтайская реконструкция также изменяется.
[4] При этом вряд ли стоит пытаться объяснить его как заимствование из манси **kül* 'Haus' (TJ *kül*, KU k_o*äl*, P k_o*äl*, *käĺ*, SO *kol*); ср., хотя бы звонкость в эвенк.
[5] Ср. еще древне-когурёское *kuru*, пэкчэ *kuər* 'крепость, город со стенами' (согласно Miller 1979, заим. в др.-яп. *ki* тж.; в EDAL принята другая этимология для японского). Но ср. совр. кор. *kwulyu* 'крепость, тюрьма' < кит. 拘 (ср.-кит. *kü*) 'ограничивать, связывать' + 留 (ср.-кит. *ləw*) 'задерживать, арестовывать' – т. е., возможно, китаизм в когурёском?

Литература

Абр. – *Абрамян Р.* Пехлевийско-персидско-армяно-русско-английский словарь. Ереван, 1965.

Дыбо 2007 – *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. М., Вост. лит., 2007.

Егоров — *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Жук. – *Жуковский В.А.* Материалы для изучения персидских наречий. Ч. I. СПб., 1888; ч. II. Пг., 1922; ч. III. Пг., 1922.

ОИЯ 1997 – Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа. II. М., 1997.

Пек. – *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. Т. I–III (фототип. изд.).

СИГТЯ 2000 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2000.

СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка. М., 2006.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I–II. Л., 1975–1977.

Федотов – *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.

Эдельман СГВИЯ-Ф – *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.

ЭСВЯ – *Стеблин-Каменский И.М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

AH – *Caferoğlu A.* Abû-Hayyân. Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. Istanbul, 1931.

Bailey DKS – *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge etc., 1979.

Benveniste. Titres et noms – *Benveniste E.* Titres et noms propres en Iranien ancien. P., 1966.

Böhtlingk & Roth – *Böhtlingk O., Roth R.* Sanskrit-Wörterbuch. SPb., 1855–1875.
Czeglédy 1964 – *Czeglédy K.* Šarkel, an Ancient Turkish word for house // Aspects of Altaic civilisation, Bloomington 1964. 23–32.
EDAL – *Starostin S. A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
EDT – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
Ettuhf. – Ettuhfet-üz-zekiyye fil-lūgat-it-türkiyye / ÇEVIRIEN Besim Atalay. Istanbul, 1945.
Gharib – *Gharib B.* Sogdian Dictionary. Tehran, 1995.
JLTT – *Martin S.E.* The Japanese Language Through Time. New Haven; London, 1987.
Miller 1979 – *Miller R. A.* Some old Paekche fragments. JKS 1.3–69, 1979.
Nyberg MP – *Nyberg N.H.* A Manual on Pahlavi. Pt. 2. Glossar. Wiesbaden, 1874.
TMN – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I. Wiesbaden, 1963; II. Wiesbaden, 1965; III. Wiesbaden, 1967.
UEW – *Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989.

А.В. Дыбо

Radoslav Večerka a kolektiv: Adolf Erhart, Eva Havlová, Ilona Janyšková, Helena Karliková. Uvedení do etymologie. K pramenům slov. Nakladatelství Lidové Noviny, 2006. 355 str.

Эта книга – результат творческого содружества известного палеослависта Р. Вечерки и Брненского этимологического коллектива, давно и хорошо зарекомендовавшего себя и изданием “Основного славянского лексического фонда” (“Základní všeslovanská slovní zásoba”. Brno, 1964), и работой над “Этимологическим словарем славянских языков” (“Etymologický slovník slovanských jazyků”, были изданы два очень существенных тома[1], после чего работа была, к сожалению, прервана), и изданием “Этимологического словаря старославянского языка” (“Etymologický slovník jazyka staroslověnského”, seš. 1–13. Praha, 1989–2006), и многочисленными отдельными публикациями по славянской этимологии, и большой организационной деятельностью как инициатора четырех симпозиумов по славянской этимологии (Брно: 1999, 2002, 2005, 2008). Именно большой опыт этимологических исследований, накопленный авторами книги, придает ей уже априори научную весомость и авторитетность и обеспечивает интерес как этимологов, так и историков языка, не говоря о широкой аудитории интересующихся этимологией.

Формально книгу можно было бы рассматривать как третье, расширенное и дополненное издание (ср. предыдущие A. Erhart, R.Večerka. Úvod do etymologie (Pro bohemisty i ostatni lingvisty). Brno, 1975 (ofsetový tisk); Adolf Erhart, Radoslav Večerka. Úvod do etymologie. Praha, 1981). Однако это вряд ли целесообразно, и не только по причинам, с одной стороны, предыдущего рецензирования[2], и, с другой стороны, некоторой переработки и расширения книги: существеннее более чем тридцатилетний временной промежуток, отделяющий настоящее издание от первого, и четвертьвековой – от второго, что побуждает рассматривать его в связи с современным состоянием и проблемами славянской этимологии.

Книга состоит из предисловия, 10 глав, списка основной литературы (с тематической классификацией), указателей (упоминаемых авторов, слов и предметного указателя) и принятых сокращений.

В кратком предисловии (с. 5–6) Р. Вечерка сообщает об истории создания книги, ее авторском коллективе и определяет цель издания: "свободное и изложенное увлекательно для читателя общее объяснение путей поиска происхождения слов", "малая этимологическая энциклопедия" (с. 5), "мы предлагаем не руководство, как делать этимологии, но ключ к тому, как с наибольшим пониманием и пользой читать этимологические труды" (с. 6). Подобные труды очень редки и обычно (как и вообще популярная литература по этимологии) предпочитают описание курьезных фактов или изложение весьма сомнительных гипотез. Ценность рецензируемой книги определяется четко, хотя и образно, выраженным методическим кредо авторов: "В большинстве случаев этимолог может высказать о происхождении слов лишь более или менее правдоподобные гипотезы, но это не означает, что он может поступать совершенно произвольно и наугад. Мы хотели бы продемонстрировать ту площадку, на которой происходит игра, именуемая этимологическим истолкованием, и ее правила, чтобы было ясно, что каждый аут и каждый фол должны быть беспощадно наказаны" (с. 5–6). Эта методологическая и методическая ориентация представляется очень актуальной на фоне современных многочисленных псевдонаучных публикаций по этимологии, внушающих неискушенному читателю и, что еще хуже, студенту-филологу представление о методической произвольности (равно как в отношении формы, так и значения) в этимологическом исследовании.

Первая глава книги – "Введение" (с. 7–15) – посвящена конкретизации цели этимологического исследования – выяснения происхождения слов. Прежде всего излагается (как первый способ) общепринятое толкование сущности этимологического анализа (реконструкция "внутренней формы", первичной мотивации образования и первичного значения составляющих морфем, а также вскрытие языковых процессов, обусловивших деэтимологизацию слова, с. 12). Следует признать методически обоснованным выделение (в качестве третьего способа) этимологизации заимствований, которая может ограничиваться определением языка-источника (с. 13). Но некоторые сомнения вызывает рядополож-

ность с упомянутыми второго способа этимологизации, которым авторы считают определение круга генетически тождественных соответствий в родственных языках, восходящих к праязыковому состоянию, при невозможности этимологизации праязыковой формы (с. 13). Представляется, что более точным было бы признание подобных результатов этимологизации одним из этапов (часто – начальным этапом) первого способа, не завершенного вследствие как объективных трудностей (недостаточность научных разработок), так и субъективных обстоятельств (ограниченность сведений или чрезмерная осторожность исследователя; кажется, именно последнее проявляется в оценке авторами возможностей морфемного членения и.-е.**bhrātēr*).

Кажется, нуждается в уточнении предмет этимологии: заглядывая вперед, следует отметить характеристику сущности этимологического анализа в главе о семантических изменениях, которая подразумевает ориентацию на анализ слов, членение или родство которых не осознается говорящими (с. 174, п. 8.2). С этим толкованием трудно согласиться: структурная прозрачность и синхронные сближения слова могут не соответствовать его этимологии, а потому предметом этимологизации могут быть не только “темные” слова, но любое слово.

Глава II “Развитие этимологической науки” (с. 16–44) содержит очень тщательное изложение истории донаучных опытов этимологизации с акцентированием постепенной выработки отдельных теоретических и методических представлений, которые оказались полезной подготовкой к формированию научных методов.

Сформулированная в предисловии методическая ориентация определяет содержание следующих глав книги: III “Развитие языка”, IV “Звуковые изменения”, V “Структура морфологических единиц”, VI “Словообразование”, VII “Морфологические изменения”, VIII “Семантические изменения”. Следует отметить, что при выходе в свет первого варианта этой книги – более тридцать лет назад – многие этимологи высказывали сомнения относительно необходимости изложения в руководстве по этимологии основных сведений по сравнительно-историческому языкознанию, считая достаточным рассмотрение комплексной методики, особенностей и трудностей отдельных аспектов анализа с отсылкой к историческим грамматикам и специальным трудам (так считал и О.Н. Трубачев, близкие соображения высказаны и в моей рецензии, см. прим. 2). В настоящее время эта позиция теоретически и методически нерациональна. Отмеченный выше низкий уровень значительной части современной популярной литературы по этимологии и попытки теоретического обоснования методического произвола в некоторых этимологических словарях делают настоятельно необходимым не только напоминание о сравнительно-историческом методе как основе научной этимологии, но и изложение основ сравнительно-исторического языкознания в методическом пособии. В рецензируемом труде и представлены концентрированно и методически последовательно основы срав-

нительно-исторической индоевропейской и праславянской грамматики (в части фонетики и словообразования), а также основы диахронической семантики. Общая стройность и тщательность теоретического изложения и подбора иллюстративного материала оставляют возможность лишь отдельных замечаний.

Основополагающей для всей книги является глава III "Развитие языка" (с. 45–93): здесь прослеживается история формирования научных представлений об истории языка (с несколько излишним, как представляется, вниманием к донаучным теориям), о языковом родстве и излагаются основы сравнительно-исторической индоевропейской и славянской фонетики, а в связи с ними – и принципы сравнительно-исторического метода. Следует отметить очень полезное напоминание об условности фонетических характеристик реконструируемых для праязыка фонем (с. 56). Глава содержит таблицы фонетических соответствий для славянских языков, ориентированные на звуки чешского языка и включающие праславянские источники (в п. 20 пропущена позиция рефлексации праслав. *chj*). Информативности таблиц способствует приложение тщательно подобранных примеров реализации каждого из типов соответствий в серии лексических соответствий. Жаль, что нет таблицы фонетических соответствий славянских и других индоевропейских языков (эта таблица была в первом издании).

В главе IV "Звуковые изменения" (с. 94–107) описание базируется на различении синтагматических, парадигматических и спорадических изменений. При общей обоснованности классификации представляются необходимыми некоторые уточнения: в таблице синтагматических праславянских изменений (с. 97) нельзя признать точным отнесение к ним случаев *pj* > *pl'*, *bj* > *bl'*, *mj* > *ml'* (без оговорки о позиции начала слова и диалектной реализации в середине слова; кстати, почему нет в таком случае *vj* > *vl'*?), а для сочетания *bt* следовало бы указать и возможность развития в *st* (*gresti*); поскольку к синтагматическим изменениям причислена утрата конечных редуцированных (с. 101), то ее следовало рассматривать не среди изменений конца слова, а в контексте всего явления изменения этих звуков (учитывая тождественность результатов в конце слова и в определенных внутренних слогах); огорчительно отсутствие славянского иллюстративного материала в пп. 4.1.22 (синкопа) и 4.1.23 (гласные протезы) (с. 102). Вызывает недоумение проявленная авторами "терпимость" в отношении некоторых типов субституции (чередований), а именно – вертикальной субституции согласных (слав. *bolěti* – лат. *dolēre*, с.106) и чередования носовых и зубных согласных (с. 106). К сожалению, создается впечатление, что к этим типам не относится высказанное несколько выше (о чеш. *krysa* – *hryzat*, с. 106) предостережение о крайней гипотетичности и ненадежности соответствующих этимологий (ср. также о "крайних" случаях аргументации со ссылкой на звукоподражательность или экспрессивность, с.107). Правда, в последующем – в разделе, посвященном трудным этимологиям, – подчеркнута

наименьшая вероятность толкований, основанных именно на субституции (с. 212).

Глава V "Структура морфологических единиц" (с. 108–121) знакомит с изменениями в морфологической структуре слов, структурой индоевропейского корня, индоевропейским аблаутом, редупликацией и аблаутом в славянских языках. Изменения в морфологической структуре рассматриваются здесь как следствие фонетических изменений (с. 109), но следовало бы, вероятно, упомянуть и процессы переразложения. Изложение проблемы фонетической структуры корня и аблаута было бы, кажется, значительно упрощено при изначальной опоре описания на трехфонемность раннеиндоевропейского корня, роли в нем ларингалов, аблаута и связи как аблаута, так и структуры основ с акцентуацией, при последующих изменениях в позднеиндоевропейском и в праславянском. При несомненной гипотетичности раннеиндоевропейских реконструкций и ларингальной теории они все-таки являются продуктивной базой для толкования соответствующих проблем, которую используют и авторы настоящего труда (но лишь постепенно подводя читателя к этим гипотезам).

Глава VI "Словообразование" (с. 122–147) посвящена образованию имен, глаголов, основосложению, обратному словообразованию и редеривации. Некоторые сомнения вызывают два последние раздела. Образование **vьdovьcь* / **vьdova* (с. 141) вряд ли можно причислить к явлениям обратного словообразования, поскольку **vьdovьcь*, при бесспорной вторичности, соответствует регулярной суффиксальной модели (ср. *lipa – lipьcь*), в отличие от случая *kmotra – kmotrъ* (там же). Учитывая методическую нацеленность книги, не следовало включать весьма спорное толкование происхождения праслав. **boriti* (<**ob-oriti*, с.144): при наличии более убедительной связи с **borti*, объяснение депрефиксацией возможно (но не обязательно) лишь для чеш. *bořiti* 'разрушать' (ЭССЯ 2,203–204; SP I, 323).

Относительно понятия редеривация считаю принципиально необходимым повторить высказанные уже по поводу первого издания (см. прим. 2) соображения о рациональности различения редеривации как именно воспроизведения словообразовательной модели на более позднем хронологическом уровне и поэтому с иной семантикой (что делает возможным сосуществование двух производных) – таков случай рус. *обязать* и *обвязать* (с. 147) и преобразования, которое заключается в структурном изменении слова в соответствии с актуальной формой тех же морфем, без изменения значения слова – случай ст.-чеш. *očerstviti* и совр. чеш. *občerstviti* (с. 146).

В главе VIII "Морфологические изменения" (с. 148–162) рассматриваются фузия, морфологическая аналогия, народная этимология и контаминация. Представляется, что разработка проблемы морфологической аналогии могла бы быть более подробной, с расчленением цепочек преобразований (например, в случаях типа **męti*, *mьnǫ* > чеш.

mnout, *mnu*, с. 152) и выделением отдельных этапов: морфологического переразложения, замещения (в данном случае), уподобления, осложнения, опрощения. В явлении "неэтимологического" префикса *ne-* (с. 152) более вероятным стимулом к преобразованию является, кажется, не морфологическая аналогия, а семантическое поле негативности[3].

Весьма спорным остается отнесение народной этимологии к явлениям морфологических изменений: народная этимология может изменять мотивацию и значение слова, не преобразуя его формы, что в последующем признается и авторами (с. 169); кроме того, действие народной этимологии провоцируется как формальной, так и семантической характеристиками слов и предполагает обязательность изменения мотивации (даже без изменения значения), так что логичнее рассмотрение народной этимологии как особого типа преобразования.

Не следовало бы включать в случаи контаминации очень спорное толкование происхождения **žeg-* (< **deg-* + **gor-*, с. 161).

Глава VIII "Семантические изменения" (с. 163–185) содержит разделы "Сужение и расширение значения. Перенос значения. Энантиосемия", "Табу. Эвфемизмы", "Экспрессивность". В первом, помимо описания типов изменений значения, авторы знакомят читателя также с основными методами семантического анализа, воздерживаясь, к сожалению, от оценки степени надежности (и подтвержденности достигнутыми результатами) каждого метода. Почему-то не упомянут анализ по этимологическим гнездам (кстати, в обширной библиографии досадным пропуском представляется отсутствие работы Я. Малкиела о роли гнездового анализа в этимологии[4]).

"Двусторонность" табу (как и эвфемизма) – не только изменение значения слова-заместителя, но и новое обозначение предмета (что существеннее для характеристики явления) – выделяет эти изменения из категории семантических.

Как и в отношении предшествующих глав, представляется методически некорректным использование в качестве иллюстративного материала спорных этимологических толкований (см. рус. *сор* – с. 177–178; **sěnь* / **těnь* – с. 179; рус. *вор* – с. 184).

Очень методически существенно и интересно как для начинающих, обучающихся этимологов, так и для специалистов содержание главы IX "Конкретные шаги в поисках происхождения слов" (с. 186–232). Собственно процедура этимологического анализа излагается как постепенное углубление во времени с ориентацией на соответствующие фонетические, морфологические и семантические соответствия и изменения в разделах "Чешское состояние", "Типы сходства слов (родственные слова, элементарное сходство, заимствования)", "Праславянское состояние", "Индоевропейское состояние", "Трудные этимологии", "Этимологическое толкование собственных имен". Повествование очень последовательно, стройно и убедительно; авторов можно упрекнуть лишь в чрезмерном увлечении параллелизмом исконных слов и заимствова-

ний, восходящих в конечном счете к одним и тем же индоевропейским корням/основам (с. 197–203), так что в последующем даже допускается включение подобных заимствований в словарные статьи об исконных лексемах (с. 253). Впрочем, этот параллелизм представляет интерес с точки зрения истории культуры и пользуется большим вниманием в популярной литературе.

В ту же главу включены разделы "Этимология и археология", "Этимология и этнолингвистика", "Этимология и ареальная лингвистика", из которых два последние – новые в сравнении с предыдущими изданиями. Их разработка – самое яркое выражение глубокой, многократно подчеркнутой в книге убежденности авторов в необходимости органической опоры этимологического исследования на самый широкий массив сведений о природе и обществе, особенно предоставляемых другими отраслями лингвистики и истории. Можно было бы остановиться и на проблеме обратного "донорства" этимологии – ее вкладе в другие лингвистические дисциплины и в историю народа и культуры.

Очень содержательна и методически стройна глава X "Этимологические словари и работа с ними": после краткого напоминания о принципах этимологического анализа, здесь приводятся перечни этимологических словарей (ностратических, неиндоевропейских, индоевропейских языков – по группам, славянских языков – с выделением общих, чешских и словацких), списки периодических изданий по славянской этимологии и наиболее существенных исследований по отдельным лексическим группам; наконец, излагаются принципы типологической классификации этимологических словарей и дается сравнительная характеристика этимологических словарей чешского языка. Для современного состояния теории славянской этимологической лексикографии весьма примечательно, что после довольно резких споров 60–70-х годов о преимуществах и недостатках типов построения словников славянских этимологических словарей – пословном или погнездовом – и при современном преобладании пословного типа, авторы рецензируемого теоретико-методического руководства по этимологии решительно склоняются к предпочтению погнездовой структуры (с. 253). Напомню, что такова была и позиция великого знатока и пропагандиста русского слова В.И. Даля (Даль^2 I, XVIII, XXIV). Нельзя не заметить, что и современные этимологические словари славянских языков, при пословной структуре словников, нередко насыщают словарные статьи упоминанием наиболее существенного родственного окружения слова.

Для этимологов всех уровней очень полезно приложение "Основная литература", представляющее действительно основную библиографию, распределенную в соответствии с тематикой глав книги.

Продуктивному пользованию книгой (даже после ее сплошного прочтения) способствуют указатели анализированных слов, упоминаемых авторов и предметный указатель. Очень радует высокий полиграфический уровень издания.

Подводя итог сказанному, следует признать, что перед нами действительно (как и задумано авторами – с. 5) "малая этимологическая энциклопедия" (с акцентом на *энциклопедия*), которая интересна не только обучающимся, но и этимологам-специалистам и может научить не только читать, понимать и оценивать этимологические словари (чего хотят авторы – с. 6), но также и заниматься этимологическими исследованиями с ориентацией на действительно научную теорию и методику.

Примечания

[1] Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky. Koncové partikule / Sest. František Kopečný. Praha, 1973; sv. 2. Spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia / Sest. František Kopečný, Vladimír Šaur a Václav Polák. Praha, 1980.

[2] *Варбот Ж.Ж.* [Рец. на:] A. Erhart, R. Večerka. Úvod do etymologie (Pro bohemisty i ostatní lingvisty). Brno, 1975 (ofsetový tisk) // Этимология. 1977. М., 1979, с.174–177.

[3] *Варбот Ж.Ж.* Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 88.

[4] *Malkiel J.* Etymology and the Structure of Word Families // Word. V. 10. № 2–3. 1954.

Ж.Ж. Варбот

Л.П. Дронова. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Изд. Томского университета, 2006. 254 с.

Рассматриваемая работа своевременна и современна. Ее своевременность определяется выбором в качестве объекта исследования лексики, выражающей в русском языке категории оценочности и модальности. Эта лексико-семантическая группа, как и соответстующие категории, неоднократно исследовалась в последние десятилетия в различном объеме, в теоретическом плане, в современном состоянии русского языка, особенно внимательно – в истории древнерусского и старорусского языка, не говоря уже о толковании этой лексики в этимологических словарях, так что определенно сложились благоприятные условия для сведения воедино и критического обобщения полученных результатов, а также выработки комплексного подхода как к теоретическим проблемам дифференциации, соотношения и потенциальных исторических связей различных видов модальности и оценочности, так и к истории формирования и изменения собственно лексической группы. На решение этих задач и ориентировано рецензируемое исследование, осуществляемое

современными методами диахронического и синхронного анализа, с особым вниманием к уяснению этно-культурных исторических условий формирования лексики.

Книга состоит из "Введения", двух разделов, "Заключения" и списка сокращений (к сожалению, они не сопровождаются библиографией и указателем рассмотренных слов, последний был бы особенно полезен читателям).

В очень кратком "Введении" (с. 4–16) рассматриваются, с учетом предшествующих исследований, специфика и проблематика изучения категорий оценочности и модальности, обосновывается правомерность толкования оценочности как вида модальности, излагаются авторские методические принципы, при этом акцентируются полезность и даже необходимость синхронного семантического анализа для реконструкции семантического развития лексем и мотивационных моделей, а также доказательность соответствующих реконструкций лишь при условии анализа слова в составе этимологического гнезда. Формирование лексики поля автор органически связывает с культурно-историческими условиями и считает необходимым его толкование в когнитивном плане. Соответственно цель работы автор определяет как исследование проблемы "становления (истоки, особенности) этноспецифичной когнитивной модели аксиологической и предметной модальности в ее лексической представленности в истории русского языка" (с. 16). Следует заметить, что "история русского языка" понимается в работе расширенно: в исследование включаются лексемы, известные русскому языку в его истории, независимо от их генетико-диахронических характеристик, соответственно и праславянские, и потенциально праиндоевропейские, и заимствования.

Два основных раздела посвящены соответственно категориям оценочности – раздел I "Аксиологическая модальность: история становления и особенности эволюции ценностной картины мира древнерусской этнокультурной общности как части славянского мира" (с. 17–169), и другим видам модальности – раздел II "Другие модальности, близкие оценочной: история становления и особенности эволюции в зеркале истории языка" (с. 171–248). Оба раздела структурированы однотипно: каждый состоит из нескольких глав, в которых рассматривается формирование лексики с семантикой определенного вида модальности; каждая глава (кроме 1 главы I раздела) состоит из этюдов, анализирующих отдельные лексемы; для каждой лексемы определяется современная и историческая семантика, гнездовое окружение в русском, славянских и индоевропейских языках (разумеется, при наличии такового), анализируются ареальные характеристики, этимологические истоки, рассматриваются существующие этимологические толкования, а затем предлагается разработка авторской версии относительно хронологической характеристики лексемы, ее семантического моделирования (и происхождения) в связи с определенными культурно-историческими обсто-

ятельствами. Каждая глава и раздел завершаются обобщением мотивационных моделей, определивших формирование лексики с семантикой соответствующего вида модальности, их исторической стабильности/изменчивости, этно-культурной и когнитивной значимости.

Работа опирается на колоссальный массив исследований по категориям оценочности и модальности, по этимологии, семантике, этнолингвистике, истории и археологии славян и индоевропейцев, по истории соответствующей лексики в древнерусский, старорусский периоды и ее семантические исследования в современном русском языке.

В связи с особой существенностью для автора определения этно-культурно-исторических условий формирования лексического выражения оценочно-модальных категорий и их когнитивного истолкования, следует отметить непосредственную теоретическую и историческую базу авторских толкований – убежденность в существенной роли заимствований и субстратно-суперстратных явлений в истории славянского лексикона, особенно в последние века до н.э. и в первое тысячелетие н.э. в условиях черняховской культуры, которую автор, вслед за В.В. Седовым, рассматривает как симбиоз славянской и иранской культур, с признанием реальности существенного вмешательства элементов кельтской культуры. При нерешенности проблем прародины славян и путей их миграций эта убежденность в надежности одной точки зрения предопределяет спорность некоторых авторских толкований.

Как уже было отмечено выше, 1 глава I раздела работы – «Модально-оценочная лексика как отражение базовой оппозиции “свой–чужой”» – отличается от прочих глав по структуре, что определяется спецификой соответствующего материала: при всей значимости данной оппозиции для древнейшей культуры индоевропейцев (и, возможно, праславян), ее лексическое отражение в формировании категории оценочности слишком скудно (**sъ-* как первый компонент нескольких сложений > префикс), так что логично заключение автора: “для нашего же исследования это возможно предыстория” (с. 26). Существенно, однако, что эта мотивационная модель не возобновляется в более поздней славянской и русской лексике, что, кажется, противоречит признанию существенности оппозиции “свой – чужой” для праславянского.

Во 2-й главе I раздела, посвященной выражению общей положительной оценки, рассмативаются следущие слова: *добрый*, *годный*, *благой*, *лѣпый*, *ладный*, *красный*, *хороший*; в 3-й главе, посвященной общей отрицательной оценке, – слова *злой*, *худой*, *лихой*, *дурной*, *плохой*, *лютый*, *лоший*. Почти все этюды об отдельных словах содержат обширный материал и интересные семантические наблюдения, соотнесенные с этно-культурно-историческим фоном, что часто дает дополнительное обоснование существующих толкований, иногда аргументирует новые решения и всегда, даже независимо от потенциальных возражений против последних, очень ценно познавательно и побуждает к дальнейшим поискам. Например, интересна гипотеза о заимствованном (кельтском)

происхождении лат. *faber* ‘ремесленник’ и арм. *darbin* ‘кузнец’ (с. 38–39, этюд о *добрый*), с подтверждением возможности исходного производственного значения производящего корня. Кстати, модель производственной мотивации (соответствия правилу, норме создания предмета) наиболее вероятна и для *лепый* (см. ниже), при вторичности эстетической семантики, которую автор считает первичной мотивацией (с. 84).

Детальный анализ материала гнезда *дур-*, с особенно доказательным сравнением сочетаемостного потенциала *дурной*, *лихой* и *худой*, в целом хорошо обосновывает предпочтение автором версии происхождения **dur-* из гнезда **duti*. Интересно предположение о социально-исторической обусловленности развития у этого прилагательного в русском языке отрицательного общеоценочного значения (с. 149: XVI век, время Ивана Грозного, борьба с боярской “вольницей). Однако весомость отмеченного автором параллелизма с отрицательной оценочностью *гордый* уменьшается вследствие вероятной первичности для последнего прилагательного семантики ритуальной изуродованности, растерзанности (в похоронном обряде)[1].

Семантический анализ материала, особенно диалектного, гнезда *плохой* совершенно убеждает в реальности версии польского заимствования (с. 154).

Интересным, заслуживающим дальнейшей разработки представляется авторский вариант решения о происхождении слова *лоший* – сближение с осет. *lœx*, имеющим в сложениях семантику *‘гадкий, дурной’ (с. 165).

В очень многосторонне-содержательном этюде о семантике продолжений праслав. **bolgъ* в **древнерусском** и **русском** не следовало опираться на сложения, являющиеся кальками в старославянском с последующим заимствованием в древнерусский (см. *благоволить*, *благодарить*, *благоразумный* и под., с. 53), а для исследования праслав. **bolgъ* большего внимания заслуживают скудные данные западнославянских языков. При наличии специфической семантики *благ* ‘сладкий’ в южнославянских языках очень существенны наблюдения о связи семантики общей положительной оценки с семантикой сладости в иранских языках. Весьма привлекательна мысль о связи семантики положительной оценки слав.**bolgъ* с сакральной сферой, но эта связь представляется, вопреки мнению автора (с. 66–67, 76) первичной по отношению к ‘сладкий’, что определило и широкое использование **bolgъ* в христианской терминологии, и развитие в народной речи негативно-оценочного значения (ср. семантическую сложность истории *юродивый*). Аргументация нереальности развития значения ‘хороший, добрый’ → ‘жирный’ → ‘сладкий’ типологией (с. 66) не представляется убедительной: ср. **žiti* → **žirъ* и другие случаи развития значения от общего к конкретному. Первичность семантики ‘хороший’ по отношению к ‘сладкий, жирный, скоромный’ предполагается и в недавнем диссертационном исследовании этой лексики[2]. Авторская гипотеза о заимствовании слав. **bolgъ* из

кельтского (с. 70–71) фонетически уязвима: для последующих продолжений в славянских языках необходима именно такая исходная форма, а предполагаемая автором исходная форма, производная от и.-е. **melg-*, могла приобрести в кельтском *b* только в структуре *mleg-* > *bleg-*; вокализм также не согласуется; предполагаемая комбинация кельтского заимствования с иранским семантическим воздействием (с. 68) более чем гипотетична.

Чрезвычайный интерес в семантическом и историко-культурном планах представляет раздел, посвященный гнезду *краса.* На весьма тщательный обзор и анализ существующих версий происхождения этого трудного гнезда автор "наращивает" очень познавательно-привлекательный материал иранских языков, подтверждающий связи значений 'вид', 'цвет' и 'красота', типологические данные о связи отдельных цветов спектра и понятия цвета, что при учете относительного формального схождения славянской и иранских лексем позволяет автору видеть в славянской лексеме "результат славяно-иранских культурно-языковых отношений" (с. 100). Гипотеза весьма привлекательна, однако допускаемое при этом семантическое развитие 'цвет (цветность, разноцветность)' → 'красота' при последующем 'красота' → 'красный' (в русском языке) (с. 105), смущает своей закольцованностью, особенно при отсутствии семантики цветообозначений в западнославянских языках. Представляется, что используемая в значительной степени как опорная для автора версия С.М. Толстой об органичности для **krasa* семантики жизненной силы (эта версия изложена в работе) могла бы быть продолжена, усилена и развита в другом направлении – как гипотеза семантики созидания → совершенства соединением с версией о происхождении **krasa* из гнезда **kresati* (с принятием для последнего первичности семантики 'бить, рубить'). Ср. вторичность цветовой семантики в гнезде и.-е.**peik'-* (с. 102) и русск. *резкий цвет*, *резать глаза*. См. также выше о производственных истоках семантики положительной оценки в *добрый* и *лѣпый.*

Для прилагательного *хороший* автор принимает авторитетное толкование этого слова как иранского заимствования в значительно семантически уточненной В.И. Абаевым версии, но все-таки не могу не обратить внимание на некоторое противоречие между предполагаемой в иранском источнике общеоценочной семантикой и явной первичностью на русской почве лишь внешней характеристики[3].

Семантический анализ, составляющий основное содержание исследования, базируется, как уже отмечалось выше, на сопоставлении анализируемых лексем со всем лексическим наполнением этимологических гнезд. Однако обнаруживается недостаток внимания к определению словообразовательных связей и направления сопутствующих семантических изменений внутри гнезд, особенно других славянских языков. Так, в этюде о *добрый* обзор значений, представленных в инославянских соответствиях, был бы более весóм и полезен для определения границ исходного синкретизма семантики при сопутствующем последователь-

ном анализе развития этих значений в каждом языке (впрочем, это касается и всех прочих сводок значений).

В разделе о **godьn-* попытки определения производящей основы всего гнезда на собственно праславянском уровне (при индоевропейских соответствиях!) привели к противоречию: ср. "все это подталкивает к мысли об изначальности производящего имени" (с. 44) и "отглагольное образование **godъ*" (с. 48).

В весьма уязвимой реконструкции семантической модели **lěpъjь* (см. выше) также отразился недостаток внимания к внутригнездовому анализу: различие в значениях **lěpiti* I 'лепить, клеить' и **lěpiti* II 'украшать' – это не "нарушение мотивационных связей" (с. 82–83), а следствие различных словообразовательных актов, поскольку **lěpiti* I – производное от **lьpěti*, а **lěpiti* II – от **lěpъ*. Далее, в семантике гнезда отчетлива ремесленная составляющая – лепки посуды[4], что дает основания предполагать в основе оценочной и эстетической семантики производного прилагательного **lěpъjь* мотив соответствия правилу, норме создания изделия, качественности изделия. Подтверждающими параллелями являются как раз упоминаемые автором др.-русск. *оутварь*, *строи*, а также предполагаемая для **dobrъ* исходная производственная основа. При мотивационной модели соответствия норме устраняется основание для авторской гипотезы о развитии в этом прилагательном модальности долженствования под греческим влиянием (с. 81): ср. аналогичное развитие в *не гоже*, *не следует*.

В этюде о *ладный* неприятная небрежность: используется неприемлемая праславянская реконструкция **ladnъjь* (с. 84 и далее).

Выводы двух глав I раздела, посвященных лексике с семантикой общей положительной и общей отрицательной оценочности, содержат убедительное обобщение относительно ареальных и хронологических характеристик лексики и, что представляет, на мой взгляд, наибольшую ценность, относительно семантического моделирования двух категорий: для категории положительной оценочности определяется преобладание мотивационной модели соответствия (мере или требованиям) и модели эстетического качества; для выражения общей отрицательной оценочности как базовый определяется мотив отклонения от нормы. Таким образом, обнаруживается мотивационная симметрия в выражении общей положительной и общей отрицательной оценочности (соотнесение с нормой), что весьма доказательно и примечательно в когнитивном плане. Есть общее и в ареальных характерстиках лексики с семантикой общей положительной и общей отрицательной оценочности: для обоих видов оценочности отмечается типологическое схождение на праязыковом уровне славянских и германских языков.

В 1-й главе II раздела, посвященной модальности необходимости/долженствования, рассматриваются следующие слова: *подобати*, *достоити*, *лѣпо*, *годитися*, *довлети*, *неволя*, *имети*, *должно*, *должен*, *нужно*, *повиненъ*, *трѣбѣ*, *потрѣбьно*, *потрѣба*, *надлежит*, *необходимо*,

следует, *обязан*. Уже из этого перечня очевидна непосредственная зависимость формирования модальности необходимости/долженствования от категории положительной оценки при участии этического фактора. В роли других источников моделирования необходимости/долженствования убедительно определяются принуждение, внутренняя потребность субъекта и возмещение долга, прослеживается развитие исходной семантики объективной и внутренней необходимости, при реальности в некоторых случаях синкретизма мотивов возможности и внутренней необходимости (ситуация др.-русск. *имѣти*, с. 310–311 и 330).

Очень основателен анализ происхождения праслав. **dьlgъ* с возвращением к отвергнутой Фасмером и Славским идее Янко о заимствовании славянского слова из кельтского (с. 304–305). Автор аргументирует эту версию изолированностью слова в славянских языках (при наличии целого производящего гнезда в кельтских языках) и реальностью славяно-кельтских контактов. Правда, изолированность далеко не обязательно является следствием заимствованного происхождения (ср. *крыло* в русском языке), но культурно-историческая аргументация, ее тщательная разработка автором заслуживает внимания. Однако в структуре предполагаемого родственного окружения для **dьlgъ* обнаруживаются генетически несовместимые рус. *делить*, *доля*, лит. *dalýti* (с. 202).

В разделе, посвященном *достоити,* следует отметить объяснение развития семантического компонента ‘цена’ (ср. мнение О.Н. Трубачева об органичности этой семантики слав.**stojiti*[5]). Но в составлении инославянского окружения следовало проявить некоторую осмотрительность, а именно – учесть преобладающую реконструкцию иного (вне связи со **stojati*, как на с. 182) происхождения болг. *доста*, словен. *dosta* – **dosъtъ*, лишь с допущением позднейшего сближения со **stojati* (см. БЕР 1, 415; Snoj 99; Rejzek 141).

Развитие новой семантики долженствования у глагола *следует* (с. 217), кажется, вписывается в старую модель соответствия норме, образцу.

Глава 2 “Модальность возможности и желательности” содержит анализ группы лексем, выражающих возможность: *мочь*, *дерзнуть*, *сметь*, *готов* (и нек. др.), и группы лексем, выражающих модальность желательности: др.-русск. *хотѣти*, *желати*, *жадати*, *волити*, *изволити*, *мыслити*, *тщатися*, *покушатися*, *искати*. Определяются модели мотивации возможности присутствием физической или духовной силы, стремления. Именно в этой главе особенно ясно обнаруживается связь различных категорий оценочности и модальности (возможности, необходимости, желательности).

Анализ лексики отдельных групп характеризуется обычной для автора тщательностью. Например, весьма реальна реконструкция семантического сближения и даже слияния *желеть* и *жалеть*, спровоцированного прежде всего паронимией (с. 241–243).

Итоги исследования представлены в “Заключении” (с. 249–251).

Как следует из сказанного выше, рецензируемая работа, ориентированная на реконструкцию истоков, условий формирования и истории лексико-семантического поля оценочно-модальной лексики русского языка, содержит анализ огромного лексического материала русского языка в славянском и индоевропейском лексическом окружении, с пристальным вниманием к этно-культурно-историческим обстоятельствам, семантическому и когнитивному анализу. Основательность исследования сообщает несомненный значительный научный интерес и ценность полученным результатам, из которых следует отметить новое обоснование существующих этимологических решений и предложение ряда новых гипотез, определение мотивационных моделей лексических средств выражения оценочности и модальности, начиная с праславянского периода и вплоть до современного русского языка, с реконструкцией их культурно-исторических и когнитивных оснований, определение значительной степени устойчивости этих моделей в истории языка, определение внутриславянских (преимущественно восточно-западнославянских) и индоевропейских (славяно-балто-германских) изоглосс, разработку гипотез о роли субстратных процессов (в ареале предполагаемого симбиоза с кельтами и иранцами) в формировании этой лексики.

Примечания

[1] См. *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. XVII // Этимология 1988–1990. М., 1992, 55–57.

[2] *Якушкина Е.И.* Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2003.

[3] *Варбот Ж.Ж.* Славянские этимологии (**opoka*; **nadovьsь* и **nadovьsьnь*; **žęželь*; ** kobica*, **zakobenь* и др.; **xorošьjь* и **xorxoriti sę*) // Этимология 1979. М., 1981, 37–42 (к сожалению, Л.П. Дроновой учтена лишь краткая версия этой статьи в популярном журнале).

[4] *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 188.

[5] *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М.,1991, 188.

Ж.Ж. Варбот

Hr̥dā́ mánasā. Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л.Г. Герценберга / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005.

Сборник статей, посвященный 70-летию со дня рождения проф. Л.Г. Герценберга, очень разнообразен и интересен как для индоевропеистов, так и для этимологов.

Сразу же отмечу удобство пользования книгой, снабженной добротными словоуказателями, похвальную работу редакторов и корректоров

даже над самыми трудными, перегруженными диакритикой и специальными знаками, статьями (к примеру, А.С. Николаева).

Сборник открывается вступительной юбилейной статьей *Н.Н. Казанского* "К юбилею профессора Леонарда Георгиевича Герценберга", сопровождаемой списком трудов Л.Г. Герценберга (составил *А.С. Николаев*).

Статьи сборника сгруппированы в три раздела. Первый раздел озаглавлен "Общие проблемы индоевропейской реконструкции".

В статье *В.Р. Шмальштига* рассматривается периодическая природа языковых изменений. Автор развивает идею Одри[1] о том, что изначально в и.-е. претерите переходных глаголов было три морфологических показателя: *-s* – одушевленных источников или исполнителей действия, *-m* – неодушевленных орудий и *-ā* – средств (позднее показатель женского рода). Когда первичная эргативная система преобразовалась в номинативно-аккузативную, эти показатели стали функционировать как падежные окончания номинатива. Дальнейшее изложение представляет собой иллюстрации к данному положению. Наблюдения и аргументы автора не вызывают особых возражений. Сомнение закрадывается относительно будущего окончания ж. р. Едва ли на столь ранней стадии развития и.-е. сообщества женщина воспринималась как средство или орудие, объект действия (это свойственно позднейшим патриархальным картинам мира). Древнейшие слои и.-е. мифологии рисуют общество, в котором женщина играла весьма активную роль основного деятеля, творца и родоначальника (ср. мать богов, хозяйка очага, родоначальница племени). Продленная ступень вокализма падежных окончаний в и.-е. ареале очень давняя: ср. имена сущ. ж. р. на *-ā, -ē/η, -ī, -ō/ω, -ū* (в средиземноморском ареале). Остается гадать, какое первичное значение имел показатель *-ā* в эргативном строе.

В статье *Ю.К. Кузьменко* рассматривается история количественных изменений в германских языках. Речь в статье идет последовательно о средне-германских изменениях количества (СГ-СГ в СГС:Г или СГ:СГ), о поздне-средне- и ранне-ново-германских изменениях количества (СГС:Г в СГСГ) и ново-германских количественных изменениях новейшего времени. Автор отмечает функциональное различие подобных изменений.

В статье *А.С. Николаева* "К действию закона Рикса в древнегреческом языке" предположено, что так называемый закон Рикса (1970) не действовал перед назальными сонантами в греч. языке. Взамен предлагается усматривать в данном случае развитие стечения ларингала, носового сонанта и последующего согласного в альфу с последующим согласным. Для иллюстрации своего положения автор внимательно присматривается к уже известным прежде примерам и предлагает несколько новых этимологий. В результате проведенного исследования он утверждает, что все эти примеры можно толковать как продолжения архетипов с полной ступенью огласовки корня на носовой, а действие закона Рикса ограничено только случаями с плавными сонантами. У читателя статьи

возникает еще более крамольная мысль о том, что никакого анляутного ларингала перед назальными сонантами в и.-е. праязыке не было вообще. Существующие рефлексы – результаты перехода просодических признаков слогообразующих носовых и плавных сонантов на уровень вокализма (припоминаем положение, высказанное некогда Л.Г. Герценбергом). По старинке – "вокализация сонантов". Статья очень полезна для индоевропеистов, в ней исследуются интересные языковые факты, вдумчиво рассматриваются некоторые "общепринятые положения" и "общие места" современной индоевропеистики.

В статье *М.Н. Боголюбова* "К сакскому спряжению" рассматриваются личные формы прошедшего времени переходного глагола, восходящие к причастию прошедшего времени страдательного залога (причастие на *-ta*), и вспомогательная функция гл. *dā* 'делать' в активном спряжении страдательного причастия переходного глагола (как в осетинском).

З. Тремблей в статье "Строение хотано-сакского агентивного претерита (Вопросы сравнительной грамматики иранских языков IX)" приходит к заключению, что осетинский и сакский языки должны были оказать друг на друга значительное влияние. И в том, и в другом наблюдается аналогичное строение агентивного претерита (инновационная изоглосса). Это положение будет принято сочувственно теми, кто занимается историко-этимологическим изучением осетинского языка и языковых реликтов сарматского и туранского происхождения в Северном Причерноморье.

В статье *У. Лемана* "Слияние: санскритские глаголы с суффиксом *-nu-*" рассматривается происхождение пятого глагольного класса в санскрите. Автор продолжает аргументировать свое положение, высказанное более полувека тому назад[2], и полагает, что этот суффикс образован путем слияния назального инфикса с последующим ларингалом. Назальный инфикс первоначально мог иметь каузативное или фактитивное значение. Весь пятый класс глаголов в санскрите был сформирован в разное время по аналогии. Автор полагает также, что по мере углубления знаний по анатолийским языкам усиливается аргументация в пользу идентификации ларингалов, добавленных к корням для образования основ глаголов двух глагольных классов санскрита. Свидетельства других и.-е. языков применимы для интерпретации пятого глагольного класса и выявляют ошибочность выделения *-w-*детерминатива.

В статье *Х.К. Мелчерта* "Лат. *īnsolēscō*, хетт. *šulle(šš)-* – индоевропейские стативы на *-ē-*" уточняется семантика и этимология хетт. гл. *šulle-*, который описывает особый порок, грех неблагодарности и неуважения по отношению к благодетелю. Однако толкование словообразования и семантики лат. гл. *īnsolēscō* в этой связи вызывает сомнения, которые, похоже, остались и у самого автора (см. с. 97).

В статье *Э. Рикен* "Сочинительные словосложения в хеттском языке" рассматриваются сложные слова этого типа, в состав которых входят термины родства и т.п.

В статье *А.В. Шацкого* "Хеттские прилагательные с суффиксом *-ant-*" обращено внимание на самую необычную функцию этого суффикса – образование имен общего рода, которые практически всегда выполняют роль подлежащего, от имен среднего рода, а также неодушевленных имен общего рода, которые не могли занимать эту позицию. Гомогенное хеттское причастие при переходных глаголах имело пассивное значение, а при непереходных – активное. Кроме того, при помощи суф. *-ant-* образовывались прилагательные и существительные общего рода. Последним уделено особое внимание в данном исследовании. Попутно отмечено, что и суф. глаголов состояния *-ešš-* мог присоединяться и к именным и к глагольным основам (с. 108). В алфавитном порядке рассматриваются следующие формы: *aḫarriyant-, alpant-, ašlant-, amiiant-, annanuzziyant-, andarant-, araḫzenant-, aršanant-, arzanant-, ašiwant-, aššuwant-, ašušant-, enant-, ḫaḫalant-, ḫappinant-, ḫūmant-, innarawant-, irmalant-, idalawant-, ganinant-, karant-*. Рассмотрение отдельных примеров не дало автору оснований говорить о таких хетт. прилагательных как о целостном по происхождению и значению классе слов. У одной части примеров угадывается отглагольная природа, у другой части – аналогическое распространение суффикса *-ant-*. Часть слов может содержать другой суффикс *-want-*. Предполагается несколько случаев словообразования под влиянием контекста. В заключении автор отметил, что не стоит говорить об особенном суф. *-ant-*, который образует прилаг. от сущ. и прилаг. На деле мы имеем дело с суф., образующим причастия от глаголов, хотя в некоторых случаях он по аналогии присоединялся и к именным основам.

В статье *Б.Б. Ходорковской* "К вопросу о ранней истории латинского перфекта на *-vi*. Античные грамматики о группе глаголов *memini, odi, novi*" делается попытка реконструкции ранней истории перфекта на *-vi* в период дописьменной латыни. Автор статьи опиралась на высказывания грамматиков Древнего Рима и ограничилась рассмотрением перфекта только корневых глаголов. В результате исследования автор пришла к такому умозаключению. Лексическое наполнение класса перфекта на *-vi* шло главным образом за счет корневых эвентивных глаголов, обозначающих действия, присущие человеку на ранней стадии истории: 'переть', 'прясть', 'пасти' и т.д. Эти глаголы характеризуются определенной структурой корня -EH и -EHR. Первую имеют большей частью стативные глаголы со знач. 'понимать', 'знать', 'слышать', 'быть полным', 'иметь привычку' и др. Соотношение форм перфекта на *-vi* и причастия на *-tus* в этой группе стативных глаголов характеризуются общностью полной ступени вокализма корня.

Статья *Д. Пти* "Причастие глагола 'быть' в древнепрусском языке" посвящена формам причастия настоящего времени *-sins, -sentismu*. Прусские графические варианты *-sin(t)-* и *-sent-* не восходят, по мнению автора, к архетипу **sent*, и сравнительные данные исключают возможность существования алломорфа **h_1s-ent-*. Автор предлагает интерпре-

тировать др.-прусс. **s-ent* как форму аналогического происхождения под влиянием **i̯-ent*, причастия глагола "идти", производного от **i̯-ant* (< и.-е. *h_1*i̯-ont-*), с сопутствующим умлаутом суффиксального гласного после сонанта [i̯]. Можно предложить и альтернативную интерпретацию этого и подобных явлений в др.-прусс. языке как результата своеобразного "сингармонического выравнивания" в пределах слова или синтагмы.

Н. Отингер в статье "Гистерокинетические N-основы как имена деятеля: по поводу греч. ἐρσήν 'самец' и др." анализирует и.-е. гистерокинетическое склонение в связи с семантической деривацией. Среди гистерокинетических имен обнаруживаются имена собирательные (собирательной множественности) и имена деятеля. Большая часть N-основ, формирующих названия животных, – имена деятеля. К примеру, греч. ἐρσήν 'самец' продолжает и.-е. *h_1*rs-én-* 'копытное животное мужского пола', первоначально 'пихающий, толкающий' (ср. вед. *ṛ́ṣáti* 'пихает, толкает').

Второй раздел сборника озаглавлен "Лексико-семантическая реконструкция и этимологические исследования" и содержит следующие статьи.

В статье *В.Н. Топорова* "Ночь и день: их противостояние и их взаимная тяга. Об и.-е. *nok^w-t- (*nek^w-t-) & *dein-/*din- (*dei̯en-) и *dein-/*din- (*dei̯en-) & *nok^w-t- (*nek^w-t-)" речь идет о двух наиболее распространенных языковых обозначениях ночи и дня в диалектах, представляющих собой филиацию индоевропейского праязыка, о денотатах этих обозначений, о порядке следования членов как в обозначающем, так и в обозначаемом. Положения автора обосновываются на внушительном и.-е. языковом материале, иллюстрируются примерами из различных и.-е. традиций.

И.А. Герасимов в статье "К вопросу о рефлексах и.-е. 'солнца' " рассматривает некоторые обозначения 'солнца' в и.-е. языках и ставит вопрос о правомерности использования так называемой ларингальной метатезы при их реконструкции. В части и.-е. диалектов представлена гетероклитика с протерокинетической парадигмой, в некоторых реконструируется лексема общего рода с голокинетической парадигмой. В результате проведенного анализа автор ставит под сомнение необходимость использования ларингальной метатезы при реконструкции лексем в различных и.-е. диалектах. Наблюдаемая морфонологическая регуляризация должна быть достаточно поздней, поскольку для нее необходимо, чтобы ларингалы уже исчезли. Большинство проблем реконструкции лексемы солнца можно решить, не используя ларингальную метатезу.

Статья *А. Либермана* "Mannus-script: происхождение германского слова Man 'муж, мужчина' " содержит как верные замечания, так и весьма сомнительные утверждения. Тем не менее, эта статья представляется полезной хотя бы из-за предоставленной читателю возможности самостоятельно уточнить этимологию, углубить реконструкцию лексемы и реконструировать ее первичную семантику, благодаря кри-

тике (чаще поверхностной, но заставляющей задуматься) расхожих историко-этимологических и лексико-семантических обобщений по поводу герм. *Mannus*. Не в ладах автор и с ранними формами религии, имеет смутное представление о культе родоначальника, культе предков (с. 189). Поэтому его попытки осмыслить “первоначальный” концепт герм. *Mannus* выглядят наивными, анахроничными и поверхностными. Не отличается глубиной и критика этимологии этого общегерманского слова у М.М. Маковского. Автор пишет следующее (с. 193): “Обычно он (М.М. Маковский) предлагает серию сопоставимых родственных форм только в рамках своей картины древнего языческого мира (без какого-бы то ни было уточнения: просто примитивного и языческого), а его закономерности реконструкции основаны на произвольных семантических переходах (предположительно имевших место в том примитивном мире), на широчайших сравнениях форм разных языков и диалектов, и на положении, что большая часть начальных согласных – потенциальные префиксы (типа *s*-mobile), и могут поэтому опускаться по желанию. Звуковые соответствия редко играют роль в его умозаключениях”. Затем (с. 193–194) зачем-то подробно цитируется текст М.М. Маковского, что совершенно излишне, раз уж автор осознал некоторые ошибочные приемы последнего. А сам этот текст М.М. Маковского окончательно сбивает читателя с намеченной автором статьи линии рассуждения. Легковесное поверхностное утверждение о том, что иран. **baga-* и слав. **bogъ* являются экспрессивными и ономатопоэтическими словами и не требуют никакой этимологии, так как звуковые соответствия в них не могут быть установлены, плохо характеризуют автора и остаются на его совести. Окончание статьи конфузно и беспомощно в сопоставлении с заявленными в начале претензиями на углубление и новое осмысление этимологии и семантики этого, безусловно, достойного внимания, германского слова. Стремление автора проследить путь от примитивного фантома до божественного предка-эпонима тевтонов и до обиходного слова “мужчина” в германских языках ничем не увенчалось: гора породила мышь.

Ж.-Ж. Пино в статье “Тохарск. А $k^{u}li$ и Б *klyiye* ‘женщина’ ” попытался предложить новое этимологическое решение. После кропотливого сопоставления разных парадигм склонения имен автор приходит к выводу, что словоизменение этого сущ. в двух тохарских языках отражает смешение двух разных парадигм, которое произошло еще в общетохарском. Формы именительного падежа ед. ч. были утрачены (с. 219). Эти рассуждения, вероятно, будут приняты сочувственно индоевропеистами. Далее автор реконструирует особый ларингал на конце корня $*g^{w}elh_{2}$- ‘dripping, flowing’ и связывает этот корень семантически с месячными очищениями женщин. Мне эта реконструкция представляется сомнительной. С одной стороны, привлекает сопоставление с и.-е. $*g^{w}elb^{h}$- ‘женская утроба’, а с другой, я бы подумал о возможности продолжения в тохарских диалектах и.-е. $*k^{w}el$-/**kul*- ‘род, семья’.

М. Петерс в статье “Госпожи, которые не хотят месить (тесто)” развивается мысль Гётлинга о том, что наименование амазонок (᾿Αμαζόνες) есть производное от гл. ἄμαζω, μάσσω. Автор использует (цитирует, приводит в сносках) обширную литературу по вопросу. Справедливы суждения автора о морфологической структуре имени (с. 219). Действительно, данный аллоэтноним входит в один ряд с македонскими собирательными именами Менад Κλώδωνες, Κλωδονες, Μιμαλλόνες, Μιμαλλῶνες, и собирательных мифологических персонажей Κηληδόνες, Γοργόνες и т.п. Отмечается широкое распространение подобного словообразования в виде топонимов и этнонимов в Иллирии и Италии. Отталкиваясь от этимологии наименования Менад Мималлон, автор разделяет предложенную некогда этимологию наименования Амазонок как “не желающих месить (тесто)”. Все же семасиологическая аргументация подобной этимологии неубедительна. Ее приходится просто принять к сведению, так как мотивы и принципы архаичной номинации тайных женских союзов родо-племенного общества сокрыты непроницаемой тьмой веков (амазонки фигурируют в мифах о периоде между 1800 и 1200 гг. до н.э.). Античные комментаторы и этимологи также не предоставили нам решающего аргумента. Разумеется, женщины, вступавшие в тайный женский союз, могли отказываться выполнять обыденные “женские” дела (прясть, ткать, месить тесто). Но это не гарантирует номинацию по невыполнению определенных функций. Сомнения все же остаются. Тем более, что всем известное толкование Геродота (амазонки – “без груди”) также имеет поддержку в практике ритуального членовредительства при посвящении в тайные союзы.

Весьма интересна статья *Н.Н. Казанского* “К этимологии древнегреческого νήπιος”. Автор предполагает, что первичным значением слова было ‘не имеющий зрелости, мощи’, что оно этимологически родственно ἀνηπελίη· ἀσθένεια ‘бессилие’, εὐηπελής ‘процветающий’ и ὀλιγηπελής ‘малосильный, слабосильный’. Предполагается также, что это слово продолжает и.-е. сложный деприватив *$\text{*}\underset{\circ}{n}\text{-}H_2pi\underset{\frown}{i}o\text{-}$*, корень которого, *$\text{*}H_2ep\text{-}$*, тот же, что и в лат. *aptus*, хетт. *ḫapparu*. Значение слова следует реконструировать как ‘сделать подходящим, годным, готовым’. Греч. νήπιος < и.-е. *$\text{*}\underset{\circ}{n}\text{-}H_2p\text{-}\underset{\frown}{i}io\text{-}$*, в таком случае значит ‘физически еще не годный, незрелый’. Реконструкция корня *$\text{*}H_2ep\text{-}$* позволяет предложить новое этимологическое решение для теонима Аполлон, представленного диалектными вариантами общегреч. ᾿Απόλλων, фессал. ῎Απλουν, киприот. *A-pe-i-lo-ni*, ᾿Απείλων, микен. *pe-ro$_2$-ne*. Все они продолжают, по мнению автора, архетип с чередованием вокализма *$\text{*}H_2p\acute{e}l\underset{\frown}{i}\bar{o}n$ / $\text{*}H_2p\acute{o}l\underset{\frown}{i}\bar{o}n$* ‘отличающийся мощью, могуществом’. Статья отличается ясностью, последовательностью и известной долей самокритичности, обыкновенно присущими автору. Правда, осталось ощущение, что сам он так и не убедился в предложенной интерпретации окончательно (во многих случаях он приводит альтернативные решения, толкования, этимологии,

оставаясь честным со своими читателями). Нет окончательной уверенности в верности предложенной этимологии и у меня.

В статье *И. Якубовича* “Карийский памятник” анализируется высокочастотное карийское слово *upe, ue* ‘памятник, стела с посвятительной надписью’ из надписей Египта. Автор рассматривает несколько возможных этимологий, предложенных для этого карийского слова, и приходит к заключению, что оно является отглагольным именем от *ub-* ‘приносить’.

Статья *А.В. Грошевой* “Индоевропейское наследие в латинских названиях деревьев”, посвященная рассмотрению трудов Ж. Андре (1956), А. Эрну (1965) и П. Фридриха (1970), оставляет впечатление очень грамотной, добросовестной, информативной, полезной и интересной. Приятна объективная манера, похвальны акрибия и осведомленность автора. Читая эту статью, лингвист неизбежно возвращается к рассмотрению проблем латинской этимологии в лексико-семантическом поле названий деревьев.

Позволю себе поделиться с читателями своими соображениями по поводу некоторых, уже устоявшихся этимологий, ни в коей мере не умаляющими заслуг автора статьи.

Так, я бы усомнился в правомерности отнесения лат. *baca* ‘ягода’, *arbor* ‘дерево’ и *silva* ‘лес’ к числу слов неизвестного происхождения (с. 252). Обращает на себя внимание сродство *baca* с кельт., иллир. или прагерм.(?) **bāka* (< **bhāga*), наименованием бука и букового леса *Bacenis*; лат. *arbor* (из **ardhor*) ‘дерево’ в самом лат. имеет родственное слово *arbustum*; *silva*, *sylva* находится в родстве с греч. ὕλη. Возможность выяснить их происхождение еще остается.

К сожалению, предположив кельтское происхождение *opulus* ‘клен’ (с. 254), автор не развила эту мысль дальше.

И.-е. основа **Hosp^h-* ‘осина или тополь’ представлена не только в ареалах герм., слав. и балт. языков, но и во Фракии: Ἄψιντια ‘осиновая или тополиная (область)’.

Лат. *pōpulus* ‘тополь’ и слав. **topolь* не столь близки, как привыкли думать (с. 255). В частности, при регулярном соответствии в праслав. ожидалась бы форма **t/papъlъ*. Для итал. *pioppo*, рум. *plop* и алб. *plep* реконструируется прототип **plop[u]lus*, еще более затемняющий происхождение лат. и слав. форм.

Несмотря на традицию, реконструкция прототипа лат. *ornus* в виде **osinos* сомнительна (строится на допущении ротацизма и синкопы *-i-*) (с. 256). Достаточно сопоставить лат. *verna* ‘черная ольха’ (с. 257) и *ornus* ‘дикий горный ясень’, чтобы допустить другую проформу **uernos*, **uerna* совершенно иной этимологии.

Столь же сомнительна привычная реконструкция прототипов других лат. названий ясеня: *farnus* из **bherg[s]nos, fraxinus* из **bhergsinos* (с. 256). На этой реконструкции основаны как сопоставительный ряд названий березы в др.-инд., слав., балт., герм. и лат. языках, так и констата-

ция семантического переноса (‘береза’ ~ ‘ясень’). Между тем, лат. *farnus* и *fraxinus* можно реконструировать в виде **dharnos*, **dhraghsinos* (аналогично лат. *faber*, *fētūra*, *fūmus* ~ праслав. **dobrъ*, **dětvora*, **dymъ*) или **gharnos*, **ghraksinos* (аналогично лат. *favēre*, *furnus* ~ праслав. **gověti*, **gъrnъ*), и поиски этимона приведут к совершенно другим и.-е. корням: **dheregh-s-no-* / *dhorgh-s-no-* / *dhrgh-s-no-* ‘ягодные кустарниковые растения, beertragender strauehiger Pflanzen, терновник, Dornstrauchern’ (Pokorny I, 258), **dhernos*, **dhornos* ‘колючка, тёрн, Dorn’ (Pokorny I, 258), **gher-*/**ghrē-*/**ghrō-*/**ghrə-* ‘веточка, сук’ (Pokorny II, 440) или **ghrōs-*/**ghrəs-* ‘трава’, ‘растение’ (Pokorny II, 445).

Предполагаю, что лат. *alnus* ‘ольха’ – производное с суф. *-n-* от и.-е. **al-* ‘красный, алый’. Одна из причин особого отношения древних к ольхе заключается в том, что древесина срубленного дерева, сначала белая, становится затем красной. Ольха как будто истекает кровью, как человек. Ольха замечательна еще и тем, что из нее можно получить три красителя: красный из коры, зеленый – из цветов и коричневый – из молодых веточек.

Подозреваю ущербность реконструкции прототипа лат. названия вяза в виде **l̥mó-* ‘пожелтевший, желтый’. В палеобалканских, герм., слав. языках бытовали формы, явно продолжавшие архетип **ŭlmós*, *u̯l̥mós*: фриг. ελυμος ‘свирель из букового дерева’, др.-в.-нем. *ulmboum*, др.-англ. *ulmtreow*, нем. *Ulme*, праслав. **vъlьmъ* толкуются как производное с суф. *-mo-* от и.-е. гл. **u̯el-* / *ŭl-* / *u̯l̥-* ‘рвать, драть (лыко)’ (вяз имеет гибкое лыко, годное для вязки) (ср. ЭССЯ 8, 222–223).

В случае реальности соответствий галл. *Bāg-acon*, раннепрагерм. *Bāc-ēnis*, общегерм. **bōk-*, лат. *fāgus* ‘бук’ и греч. φᾱγός, φηγός ‘дуб’ поддержу идею автора, вынесенную, к сожалению, в сноску 22 (с. 260). Из положения о том, что бук и дуб объединяет то, что оба дерева имеют съедобные плоды (буковые орешки и дубовые желуди соответственно), следует, во-первых вывод о вероятности изначального наименования и того и другого дерева и.-е. словом **bhāgos* (это умозаключение обесценивает так наз. “аргумент бука”), а во-вторых – вывод о весьма вероятном родстве греч. диал. φᾱγός, φηγός ‘дуб’ и глаг. φαγεῖν ‘есть’, невзирая на количественное различие корневых гласных.

Попутно замечу, что название леса в стране свебов *Silva Bācēnis* (совр. Гарц), вероятно, передает раннепрагерм. **bāk-ēn-is*, прототип позднейшего нем. *Buchen-wald* (< **bōk-*) ‘буковый лес’ (с. 260).

Возведение лат. *ebulus* ‘бузина’ к и.-е. **edhlo-* ‘ель’ (с. 261) представляется мне этимологическим тупиком, выход из которого не подскажет и.-е. омонимия. Я бы обратил внимание, прежде всего, на и.-е. **āblo-*, **ablu-*, **abalo*, **ābel-*, **ābŏl-* (ср. праслав. **abolnь*, лит. *obelìs, obelìẽs, obelų̃; óbuolas, óbulas, óbalas*, др.-исл. *eple*, ирл. *ubal*, а м. б. даже др.-инд. *abala-*) со значительными количественными и качественными колебаниями в вокализме (см. ЭССЯ 1, 41, 42–43, 44–45, 47). Дальнейшие связи, происхождение и первичное значение этого и.-е. слова не ясны.

С одной стороны, вероятен единый источник для и.-е. **āb*ŏ*los, *ăb*ŏ*los*, с другой стороны, вариативность значения 'яблоко', 'яблоня', 'платан', 'бузина', 'омела', 'орешник' делает весьма вероятной реконструкцию первичного значения '(мелко)плодное растение (с кислыми плодами?)' (ср. еще праслав. **amel- / *emela / *omela* (ЭССЯ 6, 26–27; 32, 84) и греко-лат. **mālom*).

Обстоятельства происхождения лат. *nux Abellana* 'лесной орех, фундук' от названия кампанского города *Abella*, изобиловавшего яблонями и орешником, в достаточной мере освещенные А.В. Грошевой (с. 264–265), прекрасно иллюстрируют идею о мотивации наименования мелкоплодных растений (будь то мелкое дикое яблоко, мелкоплодная бузина или мелкий орех). Все вышеизложенное позволяет допустить исконно и.-е. этимологию лат. *ebulus* 'бузина' < **eb*ŏ*los* с первичным значением '(мелко)плодное растение и его плоды'.

По моему глубокому убеждению, лат. *cornus* и греч. κράνος 'кизил' сродни праслав. **čьrvь, *čьrvjenъ, *čьrmь, *čьrmьnъ* 'красный, алый, кровавый', а может быть и **kry, krъve* "кровь, кровавое (мясо)". К этой группе слов примыкают ст.-лит. имя бога-покровителя вишен *Kirnis* и греч. κέρασος, κερασός 'вишня' (якобы, неиндоевропейского, анатолийского происхождения!). И.-е. корень **kŕ̥-, *kə́r-* лежит в основе нескольких производных слов (суф. *-m-, -n-, -s-, -u̯-*), обозначающих объекты кроваво-красного цвета. Поэтому лат. *cornus* могло иметь первичное значение 'растение с плодами ярко-красного (кровавого) цвета'. Названия кизила и вишни мотивированы самым заметным признаком их плодов – при их сборе руки окрашиваются в ярко-красный, а иногда и кроваво-красный цвет. Всякого рода гадания и сомнения по этому поводу излишни (с. 262–263).

Этимология лат. сущ. *salix* 'ива', прилаг. *salignus, saligneus* также представляется мне совершенно ясной. Однокоренным словом для *salix* является *saliva* 'слюна'. Это сопоставление покажется моим ученым коллегам невозможным, но оно неизбежно. Мотивация наименования "плакучей" ивы коренится в ее самой заметной особенности во время активного сокодвижения: на ветвях в большом количестве появляются подобные плевкам пенистые образования, из которых капает дождик ивовых слез. Аналогичную мотивацию наименования можно предположить и для слав. названия липы (производное от гл. *лить* вопреки ЭССЯ 15, 114–116, где праслав. **lipa* соотносится с **lipnǫti*), так как в период сокодвижения это дерево также изливает капель. Кроме того, лат. слова *salix*, *salignus* и *saliva*, по моему мнению, одного происхождения с праслав. **slьza, *slizь*, а м. б. и **sl'una*, а также лит. мн. ж. *slî̃kas* 'слюни'. Реконструкция начальной лабиализированной сибилянтной фонемы *s*$^{u̯}$ – лишь один из способов примирения рефлексов лат. *salix* ~ греч. ἑλίκη ~ др.-исл. *selja*, др.-англ. *sealh* (из **salhjōn*) ~ праслав. **slьza*. Причина различий в рефлексах может быть сокрыта в просодической природе слогообразующего *l̥* в *sl̃k- / sĺk-* или *sl̃g- / sĺg-* (объяснение в духе Л.Г. Герценберга и В.А. Масловой).

Латинские слова *corilus, corulus, corylus (< *kosēlos / kosŏlos)* обозначают лесной орех, ореховый кустарник, гибкие прутья которого издавна применялись для изготовления плетенок, корзин, плетней (что отчасти проиллюстрировано цитатами из латинских классиков – с. 264). Помимо внешних соответствий (др.-ирл. *coll*, др.-в.-нем. *hasal*), лат. *corilus* имеет внутреннее соответствие в *quālum, quasillus* 'корзинка' (заимствование из некоего италийского языка без ротацизма, м. б. венетского?), а следовательно, одного происхождения с праслав. **košь* (< **koši̯o-*) 'плетеная корзина, плетеный улей, плетеный короб; верша; крона дерева', **košelь, *košela* 'плетень, плетеная изгородь, большая плетеная корзина; плетеная сумка, корзинка' *(< *kosěl-)*, производными от и.-е. **kos- / *kes-* 'крутить, сучить; сгребать, чесать' (ЭССЯ 11, 187–189, 195–197). Это парадоксальное сопоставление (лат. **kosēlos* 'орешник' и раннепрасл. **kosēla* 'плетеная корзинка') позволяет по-другому взглянуть на мотивацию названия этого растения.

Праслав. **obrěxъ, *obrěšьnikъ *obrěšiti* (ЭССЯ 29, 71–74, 76–77, 77–80) невозможно вывести из **q[h]ar-*, лежащего в основе наименований ореха в др.-греч., албанском, литовском (с. 265).

В сюжете о лат. *carpinus* 'граб' вновь остались за пределами и.-е. сопоставлений праслав. слова **grabъ, *grabrъ*, также образованные от глагола со знач. 'грести, царапать, грабить'. А примеры из русск. языка приведены латиницей из цитируемого иноязычного текста!

Весьма полезным было бы в разделе, посвященном этимологии лат. *pinus* 'сосна' (с. 266–267), рассмотреть и данные славянских языков (русско-цслав. **пькълъ**, ст.-слав. **пьцьлъ** 'смола') в связи с лат. *pix, picis*. Все и.-е. примеры, обозначающие смолу и смолистую сосну, приведенные на с. 267, подсказывают все же этимологию лат. **pī-nos* 'смолистый, дающий смолу', в котором лат. *pī-* соответствует прочим и.-е. **pí-t^h-*. Долготу корневого гласного я объяснил бы компенсацией выпавшего или ассимилированного согласного (из **pitnos*).

Чтение сюжета о лат. *querquus*, *quercus, querceus, quercinus, -a* (с. 267–269) заставляет задуматься об ареалах, в которых представлены и.-е. **k^uerk^uos* и **perk^uus*. Примечательно присутствие форм, близких лат. *quercinus* 'относящийся к дубу, дубовый', на Балканах и в Северном Причерноморье: топонимы и гидронимы в Каркинитском зал. *Carcina, Carcinitis*, Καρκινῖτις, Κερκινῖτις, город в Скифии Καρκίνη, Κερκίνη, залив и река Καρκινῖτις или Κερκινῖτις, -ιδος неотделимы от названия горного массива во Фракии Κερκίνης (горный массив на границе Македонии и Фракии, ныне – Пирин-планина) – и.-е. **kwerkw-* 'корковый дуб', **kwerkwina* 'дубовая'; ср. др.-греч. Κερκινῖτίς – озеро Тахино, Κερκινέου φρούριον в Фессалии, иллир. топоним *Cercinium castellum*, венетск. *Quarqueni*, Κορκοντοί, названия о-ва Κόρκυρα, Κέρκυρα; весьма вероятна реконструкция и.-е. диал. **k^uerk^uin- / *k^uork^uin-* 'дубняк, дубовая роща'. Топонимы и гидронимы в Каркинитском зал. (татар. *Джарыл-агач* "опаленное молнией дерево", т.е. дуб!) все производны от и.-е.

*$k^{w}erk^{w}$- 'корковый дуб', *$k^{w}erk^{w}in$-*os,-a* 'дубовый, -ая'. Все они связаны с горой, поросшей дубовым лесом, с культом горного бога громовержца, перуновым дубом.

Далее, имеем, с одной стороны, лит. *Perkū́nas*, лтш. *Perkons* 'бог грозы', а с другой – фракийское божество Ηρωει Περκονει (дат. п.), город в Пропонтиде Περκώτη (ср., впрочем, др.-инд. *parkaṭi* 'фиговое дерево, смоковница'). Сюда, возможно, относятся и кельт. оронимы Ἀρκύνια ὄρη, *Hercynia silva.* А вот отнесение сюда же прагерм. **ferguni* 'горы', нем. топонимов *Fergunna* 'среднеевропейские горы', *Virgunt* 'Судеты', др.-исл. *Fjorgyn* 'мать бога грома (Тора)' (< **feryun-* < **perghun-*) сомнительно. Сопоставлять их с слав. *Перунъ, Перынь (Пирин)*, албан. *Perëndi* 'бог, небо', хет. *Perunaš* 'скала' и вовсе невозможно (все они имеют иные этимологии). Следует также устранить из сопоставительного ряда др.-инд. теоним *Parjānya-, Parjanya-* 'бог грома и дождя', который может оказаться родственным *Prajā́pati* 'властелин творений'.

При этом за рамками исследования остается проблема реконструкции этимона прагерм. **furh-* < **purk-* (др.-в.-нем. *foraha*, др.-исл. *fjorr*, *fura*, англ. *fir* 'сосна', ср.-в.-нем. *fereh-eich* 'высокий дуб').

Напрасно А.В. Грошева положилась на мнение Андре о неиндоевропейском происхождении пралат. **mōrus* 'тутовое дерево, шелковица' и греч. μόρον – тж. Достаточно вспомнить праслав. **marati*, чтобы понять мотивы номинации как греко-лат. **mŏ̄rom*, так и арм. *mor, mori, moreni* 'ежевика'. Подобные черные плоды, быстро марающие руки и одежду сборщиков, и дали название плодовым растениям. Ср. сходный мотив номинации праслав. **malina* (ЭССЯ 17, 158–160).

Относительно тиса, известного в памятниках русской письменности XI–XVII вв. в виде **тисса**, **тисик** 'кедр, сосна', следует заметить, что это слово возводят к праслав. **tisъ*, восходящему к и.-е. диал. **tīgs- : *tags-*, соотносительного с др.-инд. *takşaka-* 'порода дерева', лат. *taxus* 'тис'. Относительно нерегулярного соответствия лат. *taks-* ~ праслав. **tīks-* или **teiks-* (?) осмелюсь пока предложить лишь объяснение на основе вариативности просодического показателя при его переходе на уровень гласного.

В заключительной части статьи автор рассматривает морфологические показатели рода у латинских названий деревьев. Здесь особо выделим исключительную латинско-славянскую изоглоссу желудя (лат. *glans, glandis* < *$g^{u}landis$ – праслав. **želǫdi-* < *$g^{u}\check{e}landis$), так как все другие и.-е. однокоренные названия имеют иные расширители основы, суффиксы и флексии (с. 271). Различие в огласовках лат. *glandis* и праслав. **želǫdь* может быть вызвано различиями в отражении просодического показателя над слогообразующим сонантом (*$g^{u}l\mathring{n}dis$?).

С некоторыми выводами и заключениями автора статьи позволю себе не согласиться (с. 271–272). Сама эта добротная статья наглядно демонстрирует тот факт, что достоверных этимологий латинских назва-

ний деревьев становится все больше, “белых пятен” все меньше. Очень часто удается установить характерный признак, положенный в основу при наименовании дерева (цвет и вид плодов; цвет, вид, свойства и хозяйственное использование коры, прутьев, листвы; особенности сокодвижения и т.д.).

Статья *А.Е. Кузнецова* “Древняя этимология латинского *prodigium* (Varro Fr. 440 Funaioli)” является важным дополнением к обширной литературе о роли этого института в религии, политике и словесности Рима[3]. Уточнение семантики термина, по мнению автора, возможно в результате подправки античного комментатора: *prodigium..., quod* [*porro pro*] *longius* [*in futurum*] *dirigit significationem. Prodigium* понимается как чудо или знамение (пророческий сон), указывающее не на любое событие, но предписывающее совершение впредь, в будущем, определенных ритуальных действий (с. 276–277). Однако относительно возможной этимологии на базе варроновской науки А.Е. Кузнецов высказывается отрицательно. С устранением варроновских свидетельств утратятся основания, по которым *ago* ‘закалывать жертвенное животное’ (в ритуальном смысле *agon*?) может быть сведено к *ago* ‘вести, делать’. Восстанавливаемая на основе предлагаемого автором членения **prod-ig-ium* самостоятельная лексическая единица *-ig-* (с. 281) является продолжением и.-е. **i̯ag-* ‘совершать жертвоприношение, ритуал, очистительный обряд и т.п.’, ср. др.-греч. ἁγ-, др.-перс. *yaz-*, др.-инд. *yaj-*, праслав. **jьg-*. В этом можно согласиться с А.Е. Кузнецовым.

В статье *E.P. Hamp* “Albanian gjerb ‘gulp, slurp’” говорится о том, что трактовка этого слова в Албанском этимологическом словаре В. Орла (Orel AED 132–133) неудовлетворительна, не отвечает на вопрос о происхождении и реконструкции праалб. **serba*. Критическому разбору подвергнуты толкования и реконструкции Б. Демирая[4] и Э. Чабея[5]. “Сухим остатком” разбора является констатация нескольких ступеней огласовки этого корня в некоторых и.-е. языках (ср. алб. *gjerb*, лат. *sorbeo*, др.-греч. ῥοφέω < **srobh-*, арм. *arbi* < **srbh-*, лит. *surbiù* < **srbh-*, праслав. **sьrbati* < **srbh-*). Хэмп настаивает на первичности и.-е. корня **srobh- / *srebh-*, а формы **sorbh- / *serbh-* считает инновационными. Более того, он полагает, что албанская и латинская формы возникли независимо друг от друга (с. 284). Для истолкования звуковых изменений албанского слова, Хэмп реконструирует последовательность **srobh-éi̯e/o-* > **sórb-ii̯e/a-* с соответствующим перемещением ударения. В результате этой реконструкции автор приходит к выводу, который представляется и мне весьма убедительным: рефлексы и.-е. анлаутного **s-* зависят от и.-е. ударения в первом слоге.

Очень полезной для этимологов, семасиологов и этнолингвистов окажется статья *Н.Л. Сухачева* «Семантика слова и его этимология; рум. *Craciun* ‘Рождество’». В ней читатель обнаруживает прекрасный образчик критики общепринятых способов приведения семантической аргументации этимологии слова, находит много точных, верных наблю-

дений. К сожалению, авторский анализ сам по себе оказался слабым и нерешительным.

В связи с приводимыми латинскими этимологиями этого слова автор отмечает находчивость интерпретаторов, терпеливо подгоняющих семантику слова и его формы под искомое терминологическое значение. Семантическая история заимствованного слова опирается на его исходное значение в языке-источнике. При этом смыслообразование фактически сводится к оперированию готовыми формами и значениями, которые лишь претерпевают закономерные фонетические и смысловые сдвиги в заимствующем языке (то есть сам процесс категоризации предмета мысли обычно игнорируется). Обычно этимологический анализ претендует на вскрытие логических или психологических переходов от значения к значению, исходя из общей для них внутренней формы, под которой скрывается некое инвариантное обозначаемое. Реконструируемая внутренняя форма слова намечает лишь самую общую схему порождения смыслов, отражая не столько некие семантические закономерности, сколько исторически сложившуюся традицию, в которой функционирует то или иное означающее.

Автор полагает, что можно было бы образно назвать фонетическую реконструкцию действием арифметическим, имеющим дело с реальными звуковыми значениями, тогда как семантическая реконструкция имеет дело с алгебраическими формулами (с логикой умозаключений), в которые с легкостью могут быть подставлены любые реальные значения. Это происходит как в истории отдельных слов, так и в ходе этимологических разысканий. Аргументация в пользу того или иного этимона чаще всего опирается на культурно-исторические реалии, их наименования, весьма опосредованно отражающие особенности мышления, прагматически ориентированного, симпрактического или логико-дискурсивного типов. Подобная аргументация нередко игнорирует явление изменчивой динамики отношений между языком и мышлением в целом.

Н.А. Сухачев полагает, что понятия "Рождество", "шаг" и "обрубок дерева" все же исторически не могут быть разведены в качестве несовместимых (омонимичных) значений (– с. 293). Вост.-роман. формы вполне могут быть сопоставлены с праслав. **korčunъ* (ЭССЯ 1984, 11: 56–58). Но свойственная этим формам специфическая семантика требует дополнительных оговорок в связи с исходным значением, постулируемым в качестве глубинного этимона глагольной формы. Далее автор подробно рассматривает разнообразные рефлексы праслав. **korkъ*, **korka* (с. 293–295). Однако самостоятельное рассуждение автора о морфологии и словообразовательной модели юж.-слав. *kračun* не слишком убедительны. Едва ли правомерно реконструировать словообразовательный ряд юж.-слав. **kračьnъ* → вост.-ром. **crăciun* и констатировать в дальнейшем обратное заимствование вост.-ром. *Crăciun* 'Рождество' славянскими языками (с. 295–296).

Ближе к истине словообразовательная модель названий действующего лица или вещи по результату (признаку) действия с суф. *-ун* от соответствующего гл. (т.е. юж.-слав. *крачун* от гл. *крачити* ‘шагать’). ИС *Крачун* в таком случае означало бы не ‘ногастый’, а ‘тот, который шагает, делает шаг’, ср. *бегун, скакун, пачкун, храпун, болтун* и проч.

Однако в итоге проделанной автором работы я прихожу к противоположному выводу. Я бы обратил внимание этимологов на альтернативную словообразовательную возможность: слав. сущ. **korčunъ* [**kortjunъ*] (*крачунъ, корочунъ*) от гл. **kortěti, *kortiti* (*кратити, коротити*) ‘укорачивать, коротить, оканчивать’ (как некогда проницательно рассуждали Ф. Миклошич и Г. Вайганд). Тут оказывается кстати известное и автору высказывание А.М. Ремизова “Коротит дни Корочун, дней не видать, только вечер и ночь” (с. 296). Боюсь, что речь должна идти не только о возможности контаминации омофонных форм **korčunъ* ~ **kortjunъ*, производных от гл. **korčiti* ~ **kortiti* соответственно, но и о первичности именно второй словообразовательной модели (**kortjunъ* из **kortiti*). Косвенной иллюстрацией этой возможности могут послужить вост.-ром. формы типа мегленорум. *crăţun, cărţun* в сопоставлении и с рум., арум. *crăciun*. В таком случае и семантическая история слова будет выглядеть совершенно иначе. Слав. концепт *Крачунъ* ‘короткие дни во время зимнего солнцеворота, короткие ночи во время летнего солнцестояния’ тождествен лат. концепту *Bruma* < **breuima* = *breuissima* [*dies*] ‘период кратчайших дней в году, зимнее солнцестояние’, слав. веселая ночь перед Рождеством – лат. веселому языческому празднику *Brumalia* (*Saturnalia*).

Зимний солнцеворот (ныне 20-е числа декабря) отмечался орфиками как день рождества Зевса Загрея, сына приснодевы Коры, на Крите. Праздники и обряды Брумалий и Сатурналий, восходящие к критским, сохранялись и в Риме. Когда римской христианской общиной управлял епископ Телесфор, этому популярному языческому празднеству было противопоставлено празднование Рождества Христова, бывшее сначала календарно подвижным. Празднование Нового года было введено римской церковью в 353 г., а константинопольской – в 379 г. Как известно, в румынской фольклорной и обрядовой традициях элементы языческого и христианского происхождения тесно переплетены. Славяне также сохранили множество языческих пережитков, связанных с *Крачуном – Корочуном*. Если и можно говорить о заимствовании славянами концепта *Крачуна* у римлян, то произойти это должно было еще до победы иудеохристианской идеологии в империи. Местом подобного культурного и языкового взаимодействия, скорее всего, была провинция Дакия. Дальнейшее славяно-вост.-романское культурное взаимодействие привело к вытеснению латинского наименования *Brumalia* южно-славянским *Крачун*, в отличие, например, от произошедшего с названием праздника *Rosalia*, которое потеснило собственно славянское наименование (вост.-ром. *Русалия* дало производящую основу для сущ. *русалка*).

Статья *А.И. Фалилеева* “Галатика” посвящена изучению кельтских языковых реликтов античной Анатолии. К корпусу остатков кельтского языка в Галатии[6] автор добавил четыре имени, два из которых несомненно кельтского происхождения (Διαστολη, Βειταμα), а два других, по крайней мере, допускают кельтскую интерпретацию (Λευκίῳ, Σατων). Автор надеется, что дальнейшее изучение эпиграфики Анатолии и критическое переосмысление уже имеющихся в распоряжении исследователей данных позволят пополнить наши знания о языке анатолийских галатов.

В статье “Эя и Троя (Прагреки в Северо-Западной Анатолии и происхождение топонима Αἶα)” *В.Л. Цымбурского* сделана очередная попытка лингвистической аргументации гипотезы о Троадской промежуточной прародине прагреков. К сожалению, и этот опыт имеет вид решения уравнения со многими неизвестными, вид гипотезы, построенной на целой веренице гипотез. При сравнении этой публикации со статьей Р.В. Гордезиани[7] с сожалением отмечаю волюнтаризм и анахронизм в интерпретации мифологического и лингвистического материала, иногда свойственный В.Л. Цымбурскому.

Перечислив некоторые толкования названия мифической страны Αἶα, автор статьи отвергает их, как “вообще-то сомнительные”. И тут же предлагает не менее сомнительную этимологию на основе крито-микенских a_3*-wa-ja – Aiwaiā* (?), a_3*-wa-ta – Aiwātās* (?), слов с невыясненным значением (даже контекстуальным!), а следовательно, без убедительной реконструкции и этимологии.

Затем, вдруг обратившись к созвучию др.-греч. диал. αἶα ‘земля’ и названия острова Αἶα, автор предполагает их связь с крито-микенской кличкой быка a_3*-wa – Aiwants* (?), допуская их родство с именем героя Αἴας, -αντος. В результате он приходит к выводу о том, что в микенском греческом существовали как полные омонимы слово **aiwa-* “земля” и название далекой страны **Aiwa-* (что имеется в виду под этими *-a-*?). Далее излагаются соображения о вероятности существования параллельных основ на *-ia* (**aiwi̯a & *Aiwi̯a*).

Оставив и это сопоставление, В.Л. Цымбурский проявил исключительный интерес к догадке В. Пизани (1943) в передаче П. Шантрена[8] о возможном родстве с греч. диал. ἠϊών, αἰών ‘берег’. Эту догадку автор статьи подкрепляет гомеровскими “вполне нейтральными относительно разбираемой гипотезы” контекстами (с. 309). “Несмотря на все эти сложности” его весьма привлекает мысль о допустимости для αἶα первичного знач. ‘край земли, прибрежье’. Вероятно, В.Л. Цымбурский оставил без внимания предложенную некогда этимологию греч. αἶα в связи с прагерм. **awjo* ‘остров’, которая ему здесь весьма бы пригодилась.

Но он вновь возвращается к имени героя Аякса, поддержав аргументацию Э. Бете[9] и Л.С. Клейн[10] о его вероятном божественном происхождении, о боге “Пра-Аяксе” (!). Далее этого в деле установления этимологического родства Эи и Аякса автор не пошел.

Он “доосмыслил” этимологию этникона эолийцев, предложенную О. Каррубой[11]: др.-греч. Αἰολεῖς – др.-лидийск. прилагательное с суф. *-al-* **Ai(a)wales*, а возможно и **Aḫḫiyawales* ‘древние жители страны Аххийа(ва)’. Здесь любой филолог, хоть сколько-нибудь знакомый с др.-греч. словообразованием, недоуменно воскликнет: “Разве форма Αἰολεῖς не является мн. ч. к Αἰολεύς букв. ‘происходящий от Эола’, производного на -εύς от имени родоначальника Αἴολος?”. Разумнее реконструировать Αἰολεῖς как **ai̯oleu̯es*, что делает невозможным выше предложенную этимологию. Этимология Каррубы, столь сочувственно принятая В.Л. Цымбурским, невероятна даже с привлечением хетт. титулатуры *LUGAL a-i̯a-u̯a-la-as* ‘царь народа айавала’.

Имя родоначальника Эола Αἴολος, как справедливо утверждается в сноске 3 на с. 310–311, регулярное отглагольное прилаг. с суф. -ολ-, надо полагать, соотносительное с глаг. αἰόλλω ‘поворачивать туда и сюда, вертеть(ся)’. Определение ‘верткий, проворный, вертлявый’ подходит как теленку (ср. микенскую кличку быка a_3*-wo-ro* ‘Быстрый’), так и ребенку (αἰόλος, Αἴολος). Просодическое различие устранимо с учетом других производных от этого глагола: с одной стороны αἰολικός или αἰόλιος ‘эолический’, с другой – ἄελλα ‘быстрое движение или вращение’, и αἰέλουρος, αἴλουρος ‘кошка’, букв. ‘вертящая хвостом’. Образование этнонима Αἰολεῖς от поэтического αἶα “земля (о Фессалии)” признается невозможным и в цитируемой работе Г. Хенигсвальда[12]. Попав здесь в этимологический тупик, В.Я. Цымбурский решил подкрепить шаткое положение о тождестве Αἰολεῖς и **Ai(a)wales, *Aḫḫiyawales* общеисторическими соображениями и археологическими материалами, подбор которых остается на совести автора.

Автор полагает, что отрицать тождество Аххиявы XV–XIII вв. с Микенской Грецией невозможно (с. 310). Это тождество справедливо ставится под сомнение не только многими здравомыслящими историками, но еще большим числом языковедов. Действительно, тождество хетт. *Aḫḫiyawa, Aḫḫiuwa, Aḫḫiya* ‘этно-культурная общность и ее страна’ и др.-греч. Ἀχαι(ϝ)οί, Ἀχαΐα ‘потомки Ахая и их страна’ трудно доказуемо (сомнительно отражение греческим χ хетт. ларингала *ḫḫ*, различно суффиксальное оформление греч. -αι(ϝ)οι или -α(ϝ)ιοι (?) и хетт. *-i̯a, -i̯awa, -i[i̯]uwa*). Др.-греч. οἱ Ἀχαιοί – форма мн.ч. к Ἀχαιός, имени родоначальника, сына Ксута и брата Иона, безотносительно к реальному этимону основы (ср. др.-греч. τὸ ἄχος, -εος ‘печаль, грусть’, Ἀχαιΐη ‘печалящаяся, скорбящая богиня Деметра’).

Автор статьи “склонен видеть в хетт. Аххия, Аххиява старое (?) название малоазийского региона, ставшее в устах хеттов и лувийцев традиционным наименованием для всего эгейского пространства, заселенного и контролируемого ахейскими греками – выходцами из Аххиявы…”. Он утверждает, что на пути из степей Северного Причерноморья на Балканы часть прагреков освоила Трою и сопредельные с нею к югу земли будущей Эолиды, послужившие мигрантам промежуточной пра-

родиной на пути в Грецию, там же они, якобы, восприняли от туземцев название Аххия, Аххиява. Этими туземцами он полагает пралувийцев (отсюда суф. *-awa, -uwa*) и пралидийцев (формы с падением ларингала типа **Ai(a)wales*). Подобная аргументация этимологии едва ли найдет сочувствие у современных историков и уж наверняка не встретит поддержки у здравомыслящих языковедов и этимологов.

Вообще, вся гипотеза троадской промежуточной прародины прагреков находится в вопиющем противоречии со всей совокупностью мифологических, этногенеалогических, исторических преданий самих древних греков. Напомним, что из родословных мифов и данных исторической ономастики Эллады следует, что собственно прародители и предки современных греков изначально населяли различные области к югу от горы Олимп. Никаких языковых, ономастических или мифологических свидетельств об иной прародине греческого языка не существует.

Те историки и лингвисты, которые развивают гипотезы среднедунайской или северопричерноморской прародины прагреческого языка, не могут привести ни одного убедительного примера ономастики прагреческого облика в указанных регионах. Прекрасной иллюстрацией этому наблюдению служит и рецензируемая статья В.Л. Цымбурского, в которой не обнаруживается ни одного убедительного примера в пользу гипотезы "промежуточной прародины прагреков в Трое". Приводимые аргументы за редким исключением гипотетические, гадательные, сомнительные, опрометчивые – с. 312, 314. Не спасают эту гипотезу различные допущения и предположения о некоей раннегреческой группе, которая "мощно влилась в правящую элиту Троады, и более того, возобладала в этой элите" (с. 312, sic!), о "возобновлении почитания старой сакральной метрополии-родины героя-предка" локрами (с. 313), о тождестве строителя троянских стен Эака и эгинского Эака (с сомнением в правомочности греч. предания!), о первой Ээ-Аххияве, с которой в конце III тыс. до н.э. (!?) познакомились прагреки, которая "простиралась к югу от Геллеспонта на землях будущей Эллады (sic! Троады?)". Все это из серии lame excuses.

Далее автор вновь возвращается к отождествлению Αἶα и αἰών 'берег', но наталкивается на особенности вокализма, требующие, по его мнению, особого обсуждения (которое впрочем, не последовало). В.Л. Цымбурский утверждает, что анат. *Aḫḫiya* с его расширенными вариантами должно иметь сходное с αἶα значение в диалектах (с. 314).

Следующие два абзаца статьи предлагают головокружительно смелую попытку дать толкование анатол. *Aḫḫiya* на основе лувийского союза и наречия *aḫḫa* 'вслед за тем как', 'после того как', 'когда'. Далее следует "любопытная перекличка" и.-е. **meĝʰ-* с близким по смыслу **eĝʰ-*, касающаяся походя соотношения предлогов-приставок **m̥bʰi* ~ **(e)bʰi* (как их теперь понимают, нетождественных). Эта аналогия распространена автором на слав. **ezero, *ozero* и греч. Ἀχέρων, этимологизируемые на базе и.-е. наречия **meĝʰ-* в нулевой огласовке (сноска 7).

В заключение первого раздела статьи автор приходит к выводу о том, что *Aḫḫiyawa, Aḫḫiuwa, Aḫḫiya* к югу от Геллеспонта означала "крайнюю страну, область" Малой Азии (приводится аналогия с Украиной). Предполагается существование двух значений: "ближний край" для любых переселенцев с Балкан и "дальняя окраина" с точки зрения хеттских и лувийских уроженцев южных и внутренних малоазийских районов. Действительно, остается только пожалеть об отсутствии данных о сохранении этих смыслов в названии Аххиявы для позднейших хеттов и лувийцев. Наконец, автор сообщает о том, что именно в Сев.-Зап. Анатолии, на землях Эи "Пра-Аххиявы" прагреки получили мифологическое представление о некой еще более дальней "последней" или "мировой" Эе (!) возле Океана на востоке.

Дополнение, озаглавленное "Аргонавтический миф и промежуточная прародина греков", состоит из большой цитаты (с. 316–318) рукописи доклада 1987 г., в которой излагается предположение о том, что миф об аргонавтах – это цикл сказаний о ритуальных путешествиях греков к заморским сакральным центрам. Это толкование уже заняло достойное место в ряду аналогичных гипотез о реальной подоснове Аргонавтики: астральный миф (описано странствие солярной ладьи по знакам зодиака), мистериальный миф (о посвящении в таинства), календарный миф (об обряде священной весны), "экономический" миф (пиратские рейды микенских греков с целью вывезти золотые слитки в виде руна) и многие др. Лингвистического материала тут немного, отметим только несколько темное слово *какапретендент* "плохой претендент" (?).

Безусловно, полезными для исследователей "Аргонавтики" будут перечисленные на с. 318 некоторые верные замечания о хеттских аналогах мифическим сюжетам из публикации В.Г. Ардзинбы[13]. К этому добавлю лишь, что образ руна весьма напоминает известные этнографам чуринги[14]. Попутно замечу, что греч. βύρσα 'содранная шкура' и 'мех для вина' могло быть заимствовано как из семитского источника (ср. ст.-ассир. *gursānum*, угарит. *krsn* 'мех, кожаный сосуд'), так и из хетт. *gurša (kurša)* 'руно'. Последнее даже более вероятно.

Последняя часть статьи (с. 319–320) несколько перегружена нетерминологическими оборотами типа: "реконкиста промежуточной прародины", "реконкистадорские интенции", "праструктура", "Пра-Аххиява", "вдохновившись перекличкой имен минийцев и Миноса", "минийское плавание", "воображение праэолийцев пережило географическую революцию", "величальное имя" и далеко идущими гипотетическими и риторическими вопросами, оставляющими читателя в некотором недоумении.

Статья *Х.Л. Гарпия-Рамона* "Авест. Yuxtāspa и авест., др.-перс. Vīštāspa, греч. Ζεύξιππος и Ἱππόλυτος (Λύσιππος)" посвящена рассмотрению иранских ИС, в составе которых есть *-aspa*, и аналогичных греч. ИС с -ιππος в составе. Автор полагает, что сложные имена собственные возникли на базе словосочетаний (фразеологизмов) "впрягать лошадей"

и “распрягать лошадей”. Статья содержит много примечательных сопоставлений подобных словообразовательных моделей в др.-инд., хетто-лув., крито-микенск. языках.

Не менее интересна и статья *Р. Шмитта* “Иранские личные имена собственные с оттисков печатей из Даскилея”. Автор продолжает цикл своих работ по изданию и анализу личных ИС с оттисков печатей из раскопок центра персидской сатрапии в Даскилее близ совр. Эргили (1952–1955 гг.). К царским именам Ксеркса и Артаксеркса[15], известным уже относительно давно, добавлены имена **Māhi-baujana-*[16], **Sugdiya-, *Patiš, *Vahuš, *Atrpāta-, *Aryamanā, *Zāta-vahyah-/ *Zātu-va-hyah-*. Др.-перс. ИС толкуются автором весьма убедительно на основе сопоставления и сравнения с уже известными иранскими именами.

Последний раздел сборника озаглавлен “Язык, текст, культура”.

А. Бернабе в статье “Хеттское “великое странствие души” и орфические надписи на металлических пластинках. Новый взгляд” обнаружил серию весьма значительных элементов, сопоставимых в хеттском тексте “Странствие Души” и в орфических надписях на металлических пластинках и в прочих документах религиозного сообщества, которое принимало Орфея за первоучителя. Автор обнаружил также существование значительных различий между двумя традициями (хеттской и орфической), особенно в том, что относится к ритуальному контексту. Причину сходства (двух традиций) автор усматривает в том, что орфизм унаследовал ряд характерных черт некой древней средиземноморской религии, которые оставались отчасти оккультными в греческом обиходе при введении олимпийской религии. А различие между двумя традициями, по его мнению, обязано своим появлением идеологическому и культурному различию хеттов и греков, и, особенно, тому факту, что орфические тексты принадлежали мистериальной религии посвященных в таинства, существовавшей отдельно от официальной религиозности (хотя и не направленной против нее), между тем как “Странствие Души”, хранимый в дворцовых архивах текст, возможно, был более интегрирован в официальную религию. Мое внимание привлекла неубедительная этимология греч. τέναγος ‘неглубокая вода, лагуна, отмель’ на основе сопоставления с хетт. *tenawas* ‘некое место, местность, равнина, река или водоем забвения’ (с. 354–355).

Хуан Антонио Альварес-Педроса в своей статье “Восприятие природы в хеттских ритуалах” в конце детализированного анализа ритуала против половой немощи приходит к заключению, что хетты имели позитивное восприятие природы как чистого места, незагрязненного людьми, с многочисленными целительными способностями. Речь идет о важной констатации, что отношение людей к природе должно быть иным, не враждебным, как у противников, которые постоянно должны сражаться посредством всяких ухищрений. Напротив, отношение хеттов к миру природы оказалось “экологичным” и связанным с религиозным восприятием природы как благодатной сущности, в которой пребывает

божественное и по отношению к которой должен поддерживаться некий “природный” культ.

Очень интересна статья *Е.Р. Крючкова* «“Царь” и “Бог” у индо-греков по эпиграфическим данным». Автор констатирует факт, что в индийской части билингв представлен пракрит, который был в употреблении на территории исторической области Гандхары (долина Кабула, Афганистан), являлся литературным языком для местных буддийских школ и монастырей (гандхари). Греч. титул ἐπιφανής ‘воплощение бога’ регулярно соответствует пракрит. *pracacha-* ‘видимый, явленный зримо’, которое передает лишь “бытовую” часть значений греческого слова. Греко-индийские монетные билингвы не дают ни одного примера соположения слов θεός и *deva-* как смысловых эквивалентов при переводе. Рассмотренные эпиграфические материалы свидетельствуют о том, что греческие традиции и язык на Среднем Востоке накладывались на весьма разнородный местный материал (ср. бактр. *bago šao* ‘бог-царь’, *šao bagopouro* ‘царь-сын бога’, индоиран. *deva-*, *daiva-* ‘бог’ и ‘демон’ и греч. θεός).

Не менее занимательна статья *С. Фриц* и *Й. Гипперт* “Armeno-ossetica: об историческом фоне нартского эпоса”. Авторы отмечают смешение у Мовсеса Каланкатоваци этнонимов *alank‘* ‘аланы’ и *ałowank‘* ‘албанцы’. В обильно цитируемых армянских и грузинских текстах отмечу примечательные МН *Kawkas* – Кавказ, *Darialanis-* – Дарьял, *Kowr, Matkuar-* – река Кура; *Kambečoan-* – река *Kambyzos*; *Sakaw, Šawaršakan / Šawaršan*; ИС *Bazuķ, Abazuķ, Sumbat, Azorķ, Armazel, Sanesan* – царь массагетов; этнонимы *alank‘* – аланы; *ovs-* ‘асы’, *leķ-* ‘лакцы’, *pačaniķ-* ‘печенеги’, *ʒiķ-* ‘черкессы’, *durʒuķ-* ‘аварцы’, *dido-* ‘дидойцы’, *mazk‘t‘ac‘* – массагеты, *honk’* – гунны, *p’oxk’* – ?, *basilk’* – берсилы. Похоже, соавторы сомневаются в тождестве эпич. имени *Шатана* и арм. истор. *Sat‘enik*. Однако предлагаемое ими выведение осет. *Satana*, балкар. *Satanay* из предполагаемого *Xšaθrānā* (ср. ИС Ξαρθανος, Танаис) представляется весьма сомнительным.

В статье *Т.В. Топоровой* “О модели “локус – имя собственное” в скандинавской мифопоэтической модели мира” речь идет о существительных, обозначающих локус и его владельца одним и тем же языковым элементом. Помимо семиотических и мифопоэтических описаний в работе представлены и этимологические толкования. Относительно некоторых из них можно высказать иные соображения. В частности, прагерманская форма для локуса севера реконструируется как **norþ-* и, действительно, имеет великолепную умбр. параллель *nertru* ‘слева’ (ср. авест. концепцию севера как “задней стороны”). И.-е. архетип, в таком случае, следует реконструировать как **nert-*, **nort-*. Именно в этом направлении следует вести поиск мотивации слова. Осталось неясным, почему автор констатирует отсутствие и.-е. параллелей герм. локусу Юг и Запад, ср. др.-греч. Нот и Геспер. Полагаю, что существует и.-е. параллели и герм. локусу **daγ-* день – др.-греч. Гемар, Геме-

ра. Второй раздел статьи посвящен примерам герм. словообразования, в которых имя собственное образовано от того же корня, что и локус, но оно осложнено суффиксом. Аургелмиру лучше соответствует один из космогонических демиургов Понт, от соединения с Геей, породивший Нерея и Нереид, Радугу, вихри и смерчи, Форка и Кето, Форкид и Горгонид и т.д. Особую группу составляют синтаксические модели со структурой "имя собственное в род. пад. и локус": Мимира источник и Судьбы источник. Этимология др.-исл. *Mímir*, как ее трактуют западные этимологи (< **mi-moro-* 'память'), позволяет допустить цельнолексемное заимст-вование из лат. *memoria*. Альтернативная этимология на базе прагерм. **murn-* 'горевать', 'траур' также применима к данному локусу. Этимология локуса *Muspell* упирается в проблему выбора между прагерм. $*mund\text{-}_1$ и $*mund\text{-}_2$. Основной вывод автора заключается в опровержении принятой априори изначальной недифференцированности или синкретизме nom. loci и nom. propr., трактуемых как пассивная и активная ипостаси одного и того же объекта, и в постулировании тезиса о первичности локуса и вторичности имени собственного субъекта, его обладателя.

Статья *А.Б. Черняк* "Секст Помпей и его жаргон" посвящена текстологическому и стилистическому анализу текстов С. Помпея. В результате автор приходит к заключению, что Секст Помпей первым из римлян стал говорить на народном языке и благодаря блеску его имени и свидетельству Веллея мы можем датировать дифференциацию "латынь" – "романский" уже серединой I в. до н.э.

В статье *Г. Буддрусса* «"Постройка мельницы бога Мары" – анализ одного прасунского текста из афганского Гиндукуша» публикуется прасунский текст с построчным переводом на немецкий язык, вольным переводом, примечаниями к тексту и подробнейшим глоссарием, перечнем глагольных корней и грамматическим очерком. Работа, проделанная автором над текстом столь экзотического кафирского языка, выше всяких похвал.

Статья *З.А. Юсуповой* и *А. Гармиани* "К изучению лурских диалектов курдского языка" посвящена наименее изученной области иранской диалектологии. Соавторы рассматривают показатели определенности и неопределенности, множественного числа, показатели локатива, изафетные формы диалекта файли. В заключение приводится диалектный текст и его перевод.

В статье *И.А. Смирновой* "Строки Хафиза в газели курдского поэта Маляе Джезири" представлен перевод на русский язык газели Маляе Джезири (с. 477–478). Автор отмечает, что в исследованной газели чрезвычайно выражен антипод фахра в виде самоуничижения перед славой корифеев персидской поэзии.

Л.Э. Найдич в статье «Стихотворение "Поэт Фирдоуси" Генриха Гейне» представлен литературоведческий анализ текста. В приложении даны текст Г. Гейне и перевод В. Левика (с. 485–490).

Завершает третий раздел сборника добротный перевод *В.С. Соколовой* авестийского Тиштр-яшта, выполненный в 1950-е годы. Остается только пожалеть, что возможность ознакомиться с этим переводом представилась лишь спустя полвека.

В приложении к сборнику даны очень удобные индексы слов, включая реконструированные формы. Это значительно облегчает поиск интересующих языковых фóрм, за что следует выразить признательность редакционной коллегии сборника и корректорам издательства, благодаря кропотливому труду которых опечатки во всем сборнике и в индексах практически единичны.

Примечания

[1] *Haudry* J. L'emplois du cas à védique. Lions, 1977, 449.

[2] *Lehmann* W. Proto-Indo-European Phonology. Austin, 1952, 108.

[3] *Bloch P.* Le prodige dans l'antiquité classique. Paris, 1963; *Santini C.* Letteratura prodigiale e "Sermo Prodigialis" in Giulio Ossequente // Philologus CXXXII, 1988, 210–226; *Saccheti L.* Prodigi e cronaca religiosa: uno Studio sulla Storiografia Latina Archaia // Accademia Nationale dei Linzei. Classe di scienze morale, storiche e filologiche. Memorie. Seria 9, vol. 8, fasc. 2. Roma, 1996, 155–260.

[4] *Demiraj B.* Albanischen Etymologien. Amsterdam, 1997, 187.

[5] *Çabej E.* Studime gjuhësore. Studime etimologjikë në fushë të shqipes. Psishtinë, 1976.

[6] Regional Epigraphic Catalogues of Asia Minor. Vol. II: the Ankara District. The Inscriptions of Galatia / Ed. By S. Mitchell & others. BAR International Series 135. Oxford, 1982.

[7] *Гордезиани Р.В.* Αἶα в древнейших греческих источниках // Античность и современность. К 80-летию Ф.А. Петровского. М., 1972, 178–187.

[8] *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, 1–2. Paris, 1968, 408.

[9] *Bethe B.* Homer. Dichtung und Sage. Bd. 3. Berlin; Leipzig, 1927, 115–123.

[10] *Клейн Л.С.* Анатомия Илиады. СПб., 1998, 192–196.

[11] *Carruba O.* Lydisch und Lyder // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. Bd. 8, 1963; Idem. Ahhiyawa e altri nomi di popoli e di paesi del Anatolia Occidentale // Atheneum. T. 42. 1964.

[12] *Hoenigswald H.* The Name of the Argolid // Word. Vol. 31. 1980, 105–106.

[13] *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М., 1982, 10, 42, 45–46, 51–55, 65, 125, 129, 132, 145–146.

[14] *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1990, 26, 71, 383, 390, 459, 526, 527, 574.

[15] *Schmitt R.* Altpersische Siegelinschriften. Wien, 1981, 32.

[16] *Schmitt R.* Die iranischen und Iranier-Namen in den Schriften Xenophon's (Iranica Graeca Vetustiora II). Wien, 2002, 108.

А.К. Шапошников

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. М.; Л., 1958–1989.

Абаев ОЯФ – *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л., 1949.

Акчим. словарь – Словарь говора д. Акчим Пермской обл. (Акчимский словарь) / Гл. ред. Ф.Л. Скитова. Вып. 1–5–. Пермь, 1984–2003–.

Алтайский словарь – Словарь русских говоров Алтая / Ред.: И.А. Воробьева, А.И. Иванова. Т. 1–4. Барнаул, 1993–1998.

Аникин. Балто-слав. – *Аникин А.Е.* Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Вып. 1. Новосибирск, 1998.

Аникин ЭСРусДСиб – *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000.

Арханг. словарь – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–12– . М., 1980–2004–.

Байкоў – Некраш. – *Байкоў М., Некрашэвіч Е.* Беларуска-расійскі слоўнік. Мінск, 1925.

БАС – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 1–12–. М., 2004–2009–.

БД – Българска диалектологија. Т. I–X. София, 1962–1981.

БЕР – Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. 1–6–. София, 1962–2004–.

Берштейн[2] – *Берштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь. М., 1975.

Блр.-русск. – Белорусско-русский словарь / Под ред. К.К. Крапивы. М., 1962.

Брян. словарь – Словарь брянских говоров / Ред.: В.И. Чагишева, В.А. Козырев. Вып. 1–4–. Л., 1976–1984–.

БСЖ – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

БТР – *Андрейчин Л.* и др. Български тълковен речник. София, 1955.

Бялькевіч – *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1980.

Варшавский словарь – *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. 1–8. W-wa, 1900–1927 (= 1952–1953)

Вершинин. словарь – Вершининский словарь / Авторы-составители: В.Г. Арьянова, Т.Б. Банкова, О.И. Блинова и др., главный ред. О.И. Блинова. Т. 1–2–. Томск, 1998–1999–.

Вологодский словарь – Словарь вологодских говоров / Ред. Т.Г. Паникаровская. Вып. 1–10–. Вологда, 1983–2005–.

Воронежский словарь – Словарь воронежских говоров / Науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Вып. 1–. Воронеж, 2004–.

Гамкрелидзе–Иванов. ИЕ – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-этимологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I–II. Тбилиси, 1984.

Гарэцкі – *Гарэцкі М.* Беларуска-расійскі слоўнічак. Выд. 3. Менск, 1895.

Геров – *Геров Н.* Рѣчникъ на блъгарскый языкъ съ тлъкувание рѣчи-ты на блъгарскы и на русскы. Ч. I–V. Пловдивъ, 1895–1904 (= София, 1975–1978); ч. VI (= Панчевъ Г. Допълнение на българския рѣчникъ от Н. Геровъ). Пловдивъ, 1908 (= София, 1978).

Гордеев. Этим. сл. мар. яз. – *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 1–2–. Йошкар-Ола, 1979–1983–.

Горяев – *Горяев Н.* Этимологический словарь русского языка / Изд. 2. Тифлис, 1896.

Гринченко – *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.

ДА – Диалектен архив при Института за български език при БАН.

Даль[2] – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. Т. I–IV. СПб.; М., 1880–1882 (= 1955).

Даль[3] – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3 изд. Т. I–IV. СПб.; М., 1903–1909.

Деулинский словарь – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969.

Добровольский – *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Донск. словарь – Словарь русских донских говоров / Авторы-сост.: З.В. Валюсинская, М.П. Выгонная и др. Т. 1–3. Ростов-на-Дону, 1975–1976.

Елистратов. Арго	– *Елистратов В.С.* Словарь московского арго. М., 1994.
Егоров	– *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
ЕСУМ	– Етимологічний словник української мови / Ред. кол.: О.С. Мельничук, И.К. Білодід, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукинова, В.Г. Скляренко, О.Б. Ткаченко и др. Т. 1–5–. К., 1982–2006–.
Желеховскій–Нед.	– *Желеховский Е., Недільский С.* Малорусско-німецкий словар. I – II. Львів, 1886.
Живковић. Речник пиротског говора.	– *Живковић Н.* Речник пиротског говора. Пирот, 1987.
Жуковский	– *Жуковский В.А.* Материалы для изучения персидских наречий. Ч. I. СПб., 1888; ч. II. ПБ., 1922, ч. III. Пг., 1922.
Иркут. словарь	– Иркутский областной словарь / Ред.-сост. Н.А. Бобряков Т. I–III. Иркутск, 1973–1979.
Караџић	– Караџић Вук Стеф. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Београд, 1898.
Картотека СРНГ	– Картотека Словаря русских народных говоров / Институт лингвистических исследований РАН, СПб.
Карт. Сл. Рус. Севера	– Картотека Словаря говоров Русского Севера / г. Екатеринбург, Уральский государственный университет им. М. Горького, кафедра общего и русского языкознания.
Конески	– Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Съст. Т. Димитровски, Бл. Корубин, Тр. Стаматоски. Под ред. на Бл. Конески. Књ. I–III. Скопје, 1961–1966.
Красноярский словарь	– Словарь говоров южных районов Красноярского края / 2-е изд., перераб. и доп. Отв. ред. В.Н. Рогова. Красноярск, 1988.
Куликовский	– *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
ЛАБНГ	– Лексічны атлас беларускіх народных гаворак у пяці тамах / Пад рэд. М.В. Бірылы, Ю.Ф. Мацкевіч і інш. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.
Лисенко	– *Лисенко П.С.* Словник поліських говорів. К., 1974.

Лютикова – *Лютикова В.Д.* Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.

Лыткин-Гуляев – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Младенов – *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.

Младенов БТР – *Младенов С.* Български тълковен речник с оглед към народните говори. София, 1927-1951.

Мордов. словарь – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР / Сост.: Э.С. Большакова, Н.П. Кудряшова, П.В. Михалева и др. А–Г, Д–И, К–Л, М–Н–. Саранск, 1978–1986–.

Народная лексіка – Народная лексіка. Мінск, 1977.

Новг. словарь – *Клевцова А.В., Никитин А.В., Петрова Л.Я., Строгова В.П.* Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.

Новосиб. словарь – Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1979.

Носович – *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Ожегов – Шведова – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.

Онышкевич – *Онышкевич М.Й.* Словник бойківських говірок. Ч. 1. А-Н; ч. 2. О-Я. Київ, 1984.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Орловский словарь – Словарь орловских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / Научный редактор Т.В. Бахвалова. Вып. 1–15–. Ярославль; Орел, 1989–2008–.

Перм. словарь – Словарь пермских говоров / Сост.: Бажутина Г.В., Борисова А.Н., Подюков И.А., Прокошева К.Н., Федорова Л.В. Шляхова С.С., Мисюра Е.К., Соловьева О.Е. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.

Подвысоцкий – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Полн. сл. сибир. – Полный словарь сибирского говора. Вып. 1–4 . Томск, 1992–1995.

Преображенский – *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–II. М., 1910–1914. Окончание / Труды ИРЯ. Т. I. М., 1949.

Приамур. словарь – Словарь русских говоров Приамурья / Составители: Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятина, Н.П. Шенкевец. М., 1983.

Прибайк. словарь – Словарь русских говоров Прибайкалья / Отв. ред. Кашевская Ю.И. Вып. 1–4. Иркутск, 1986–1989.

Псков. словарь – Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. коллегия: Б.А. Ларин, А.С. Герд, С.М. Глускина и др. Вып. 1–19–. Л., 1967–2007–.

Радлов – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1893–1911 (=репринтное издание – М., 1963).

Расторгуев – *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Мінск, 1973.

Расторгуева–Эдельман – *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. I–II–. М., 2000–2005–.

РРОДД – *Илчев С.* и др. Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. София, 1974.

РБЕ – Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1–3. С., 1954–1959.

РСА – Речник српскохрватског књижевног и народног езика. Књ. I–XV. Београд, 1959–1996–.

Селигер – Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А.С. Герда. Вып. 1–3–. СПб., 2003–2007–.

СДЗб – Српски дијалектолошки зборник. Београд.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. Р.И. Аванесов (т. 1–5), И.С. Улуханов (т. 6), В.Б. Крысько (т.7–). Т. 1–8–. М., 1988–2008–.

Сл. донск. казачества – Большой толковый словарь донского казачества / Ред. колл.: В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова. М., 2003.

Сл. Низ. Печоры – Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2003–2005.

Словарь Башкирии – Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. проф. З.П. Здобновой. Вып. 1–. Уфа, 1992–.

Словарь Карелии – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.

Словарь Оби – Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби / Под ред. В.В. Палагиной. Т. I–III. Томск, 1962–1965. Дополнение / Под ред. О.И. Блиновой и В.В. Палагиной. Томск, 1975–1976.

Словарь Прииртышья – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г.А. Садретдиновой. Т. 1–3. Томск, 1992–1993; Дополнения – 1. Томск, 1998–.

Словарь Сибири – Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.Н. Федорова. Т. 1–5. Новосибирск, 1999–2006.

Словн. ст.-укр. мови XIV–XV ст. – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. / Ред.: Д.Г. Гринчишин, Л.Л. Гумецька, И.М. Керницький. Т. I–II. К., 1977–1978.

Словн. укр. мови – Словник української мови. Т. 1–11. К., 1970–1980.

Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе паграніčча / Уклад.: Ю.Ф. Мацкевіч, А.І. Грынавецкене, Я.М. Рамановіч, А.І. Чабярук, Ф.Д. Клімчук і інш. Т. 1–5. Мінск, 1978–1986.

Сл. Русского Севера – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. члена-корр. РАН А.К. Матвеева. Т. I–IV–. Екатеринбург, 2001–2009–.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред.: С.Г. Бархударов (вып. 1–6), Ф.П. Филин (вып. 7–10), Д.И. Шмелев (вып. 11–14), Г.А. Богатова (вып. 15–26), В.Б. Крысько (вып.27–28–). М., 1975–2008–.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. / Авторы-сост.: А.А. Алексеев, Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова и др. Вып. 1–17–. Л., 1984–2007–.

Сл. Сред. Урала – Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А.К. Матвеева. Т. I–VII. Свердловск, 1964–1988.

Сл. Сред. Урала.– Доп. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. чл.-корр. РАН А.К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

Сл. старообрядцев Забайкалья – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.

Сл. яиц. каз. – *Малеча Н.М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург, 2002–2003.

Смоленск. словарь – *Иванова А.И.* Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

Соликам. словарь – Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О.П. Беляева. Пермь, 1973.

СППП – Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб., 2001.

Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903 (= 1958, 1989).

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–41). Л., 1966–2008–.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1956.

Станић. Ускочки речник – *Станић М.* Ускочки речник. Књ. I–II. Београд, 1990–1991.

Стиjовић. Из лексике Васоjевића – *Стиjовић Р.* Из лексике Васоjевића // СДЗб. Расправе и грађа. Књ. XXXVI. Београд, 1990.

Ст.-слав. словарь – Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, В. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

Сцяшковіч – *Сцяшковіч Т.Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.

Сцяшковіч. Слоўн. – *Сцяшкович Т.Ф.* Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.

Ткаченко – *Ткаченко П.* Кубанский говор / Опыт авторского словаря. М., 1998.

Толстой[2] – *Толстой И.И.* Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 2. М., 1958.

Толстой[4] – *Толстой И.И.* Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 4. М., 1970.

Топоров. Прус. яз. – Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. A–L. М., 1975–1990.

Тураўскі слоўнік – Тураўскі слоўнік / Складальнікі: А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін, П.А. Міхайлаў, Г.М. Трухан. Т. 1–5. Мінск, 1982-1987.

Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973 (= М., 1986–1987; 1996).

Федотов – *Федотов.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х томах. Чебоксары, 1996.
Черных – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1994.
Чукалов[3] – *Чукалов С.К.* Болгарско-русский словарь. Изд. 3. София, 1960.
Шагиров – *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.
Шанский – *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.
Шаталава – *Шаталава Л.Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.
Элиасов – *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У. Мартынаў (Т. 1–8), Г.А. Цыхун (Т. 9–10). Т. 1–12–. Мінск, 1978–2008–.
ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка / Гл. ред.: Н.М. Шанский, А.Ф. Журавлев. Вып. 1–10–. М., 1963–2007–.
ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева (Вып. 1–31), А.Ф. Журавлева (Вып. 32–35–). Вып. 1–35–. М., 1974–2009–.
ЭСТЯ – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. I–III. М., 1974–1980. [Севортян Э.В., Левитская Л.С.]. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж̧», «Й» –. М., 1989–.
Янкова – *Янкова Т.С* Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск, 1982.
Яросл. словарь – Ярославский областной словарь / Ред. колл.: Г.Г. Мельниченко, Л.Е. Кругликова, Е.М. Секретова. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
Яшкін – Яшкін І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971.
Яшкін. Слоўн. – Яшкін І. Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрминаў. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 2005.

Bańkowski – *Bańkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. Warszawa, 2000.
Bartholomae – *Barthlomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. Straβburg, 1904.
Bartoš – *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1906.

Berneker – *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, 1908–1913.

Bezlaj – *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–4. Ljubljana, 1977–2005.

Böhtlingk – Roth – *Böhtlingk O., Roth R.* Sanskrit-Wörterbuch . SPb., 1855–1875.

Boryś – *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

Brückner – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (=1957, 1970).

Buck – *Buck C.D.* A Dictionary of Selected Synonims in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949 (=1965, 1971).

Doroszewski – Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. T. I–XI. W-wa, 1958–1969.

Ernout – Meillet[4] – *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: 4ème éd. T. I–II. Paris, 1959–1960.

ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. E. Havlova, A. Erhart. Seš. 1–14–. Praha, 1989–2008–.

EtymDictAlt – *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* The etymological dictionary of Altaic languages. Leiden, 2003.

EtymWbAhd – *Lloyd A.L., Springer O.* Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen. Bd. I–. Göttingen; Zürich, 1988–.

Falk–Torp – *Falk H.S., Torp A.* Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch. 2. Auflage. Oslo, Bergen, 1960.

Feist – *Feist S.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprachen. Leiden, 1939.

Fick[4] – *Fick A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 3. Teil: Wortschatz der Germanischen Spracheinheit / Unter Mitwirkung von H. Falk gänzlich umgearbeitet von A. Torp. 4. Aufl. Göttingen–Ruprecht, 1909.

Fraenkel – *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg; Göttingen, 1955–1965.

Friedrich – *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Lieferung I. Heidelberg, 1955.

Frisk – *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg, 1954–1972.

Gebauer – *Gebauer J.* Slovník staročeský. D. I–II. Pr., 1903–1916.

Gluhak – *Gluhak A.* Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb, 1993.

Hadžic. Rožajski rječnik – *Hadžic I.* Rožajski rječnik (građa za diferencijalni rječnik rožajskog kraja). Rožaje, 2003.

HDZb – Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb.

Hesyh. – *Hesyhius* Alexandrinus. Lexicon. Ed. Minor., hgb. M. Schmidt. Jena, 1867.

Histor. Sloven. – Historický slovník slovenského jazyka / Ved. red. M. Majtan. I–VII. Bratislava, 1991–2008.

Holub–Kopečný – *Holub J., Kopečný F.* Etymologický slovník jazyka českého. Pr., 1952.

Hraste–Šimunović – Čakavisch-deutsches Lexikon / Von M. Hraste und P. Šimunović. Unter Mitarbeit und Redaktion von R. Olesch. Teil 1–2. Köln; Wien, 1979.

Jakubaš – *Jakubaš F.* Hornjoserbsko–némski słownik. Budyšin,1954.

Jungmann – *Jungmann J.* Slovník česko-německý. D. I–V. Pr., 1835–1839.

Kálal – *Kálal M.* Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.

Karłowicz – *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. I–VI. Kraków, 1990–1911.

Kluge[20] – *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20 Aufl. Red. W. Mitzka. Berlin, 1967.

Kluge[21] – *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21 unveränderte Aufl. Berlin; New York, 1975.

Kluge[23] – *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Bearbeiten von E. Seebold. 23. erweiterte Aufl. Berlin; New York, 1995.

Kopečný – *Kopečný Fr.* Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha, 1981.

Kott – *Kott F.* Česko-německý slovník. D. I-VII. Praha, 1878–1893.

Kucała – *Kucała M.* Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

Lehmann. Goth. Etym. – *Lehmann W.P.* A Gothic Etymological Dictionary. Based on the 3rd ed. Of Vergleihendes Wörterbuch der Gotischen Sprache by S. Feist. Leiden, 1986.

Lex. Indogerm. Verb. – Lexicon der indogermanischen Verben. Die Wurzel und ihre Primärstammbildungen / Unter Leitung von H. Retz und der Mitarbeit vieler anderer bearbeitet von M. Kümmel, T. Lehnder, R. Lipp, B. Schirmer. Wiesbaden, 1998.

Linde[1] – *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. T. I–VI. W-wa, 1807–1814.

Linde[2] – *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. T. I–VI. Lwów, 1854–1860.

LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas / Red. J. Balčikonis (t. I–II), red. kol. J. ruopas, J. Kabelka, K. Ulvydas atsak red. (t. III–X). T. I–XX. Vilnius, 1941–2002.

Lokotsch – *Lokotsch K.* Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.

Lorentz. Pomor. – *Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch. B. I–V. B., 1968–1983.

Lorentz. Sl. Wb. – *Lorentz Fr.* Slovinzisches Wörterbuch. T. I–II. St. Petersburg, 1908, 1912.

Machek[1] – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Pr., 1957.

Machek[2] – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého / Druhé, opravené a doplněné vydání. Pr., 1968 (=1971).

Mallory–Adams – *Mallory J. P, Adams D. Q.* Encyclopedia of Indo-European Culture. London; Chicago, 1997.

Mayrhofer – *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindisches. B. 1–4. Heidelberg, 1956–1980.

Mayrhofer. Altindoar. – *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. B. I–II–. Heidelberg, 1986–1996–.

Mažiulis – *Mažiulis V.* Prūsu kalbos etimologijos žodynas. 1–4. Vilnius, 1988–1997.

Miklosich – *Miklosich Fr.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Muka – *Muka E.* Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. Bd. I. SPb., 1911–1915. Bd. II–III. Pr., 1926–1928.

Mühlenbach – Endzelin – *Mühlenbach K.* Lettisch-Deutches Wörterbuch, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. I–IV. Riga, 1923–1925.

Onions – The Oxford Dictionary of English Etymology. Edited by C.T. Onions with the assistance of G.W. S. Friedrichsen and R.W. Burchfield. Oxford, 1966.

Orel AED – *Orel Vladimir.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden etc., 1998.

Orel HgermEt – *Orel V.* A Handbook of Germanic Etymology. Leiden; Boston, 2003.

Pfeifer. EtymWbDeutsch – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Erarbeitet im Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, Berlin, unter der Leitung von W. Pfeifer. 2 Aufl. Berlin, 1993.

Pfuhl – *Pfuhl Dr.* Lužiski-serbski słownik. Budyšin, 1866.

Pleteršnik – *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. D. I–II. Ljubljana, 1894–1895 (=1974).

Pokorny – *PokonyJ.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, 1949–1959.

Polański – *Polański K.* Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich. Zesz. 1–6. Wrocław; W-wa; Kr. 1962–1994.

PSJČ – Přiruční slovník jazyka českého. Díl. I–VIII. Praha, 1935–1957.

Räsänen – *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Rejzek – *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Voznice, 2001.

RJA – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti in umjetnosti. Sv. I–XXIII.Zagreb, 1880–1976.

Rus. Geogr. Namenbuch – Russisches geographisches Namenbuch / Hrsg. von M. Vasmer. Bd. I–X. Wiesbaden, 1962–1980.

Sadnik – Aitzetmüller Vgl.Wb. – *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. L. 1–6. Wiesbaden, 1963–1973.

Sadnik–Aitzetmüller.Handwörterbuch – *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

Schrader–Nehring. Real. – *Schrader O.* Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. 2. Aufl., herausgearb. N. Nehring. Bd. I–II. Berlin; Leipzig, 1917–1928.

Schuster-Šewc – *Schuster-ŠewcH.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen. B. I–IV (L. 1–24). Bautzen, 1978–1989.

Schütz – *Schütz J.* Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.

Sedat Alp – *Sedat Alp.* Hethitische Briefe aus Maşat-Höyük. Türk tarih kurumu başimevi. Ankara, 1991.

SEK – *Boryś W., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. 1–5. Warszawa, 1994–2006.

SJS – Slovník jazyka staroslověnského. T. 1–49–. Praha, 1958–2005–.

Škaljić – *Škaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1979.

SKES – *Toivonen G., Itkonen E., Joki A., Peltola R.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–II. Helsinki, 1958–1978.

Skok – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Sł. polszcz. XVI w. – Słownik polszczyzny XVI wieku. I–XVII –. Wrocław, 1966–1999–.

Sł. stpol. – Słownik staropolski / Pod red. S. Urbańczyka. T. I–XI–. W-wa, 1953–2002–.

Sławski – *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków, 1952–1983.

Sławski. Zarys. – *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. 1–3. Wr. etc., 1974–1979.

Słown. stpol. nazw osobowych – Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. W. Taszyckiego. T. I–VII. Wrocław etc., 1965–1985.

Snoj[2] – *Snoj Marko.* Slovenski etimološki slovar. Druga, pregledana izdaja. Ljubljana, 2003.

SP – Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. T. I–VIII–. Wr. etc., 1974–2001–.

SSJ – Slovnik slovenského jazyka / Ved. red. dr. Št. Peciar. D. I–VI. Br., 1959–1968.

SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Knj. I–V. Ljubljana, 1970–1991.

Stang – *Stang Chr. S.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsö, 1966.

Sychta – *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. I–VII. Wrocław etc., 1967–1976.

Torp – *Torp A.* Nynorsk etymologisk ordbok. Kristiania, 1919.

Trautmann – *Trautmann R.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Vaillant. Gramm. comparée – *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I–V. Paris; Lyon, 1950–1977.

Vasmer – *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. B. I–III. Heidelberg, 1953–1958.

Vries. Altnord. – *Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Leiden, 1977.

Vries. Nederl. etym. – *Vries J. de.* Nederlands etymologisch woordenbock. Leiden, 1963.

Walde[2] – *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch: 2. Aufl. Heidelberg, 1910.

Walde–Hofmann – *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearb. Aufl. von J.B. Hofmann. Heidelberg, 1938.

Walde–Pokorny – *Walde A., Pokorny J.* Vergleichendes Wörterbuch des indogermanischen Sprachen. B. I–II. Berlin–Leipzig, 1928–1932.

Журналы

БЕ – Български език
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания
ВЯ – Вопросы языкознания
JФ – Јужнословенски филолог
ОИЯ – Основы иранского языкознания
РФВ – Русский филологический вестник
СбНУ – Сборник за народни умотворения, наука и книжнина

AfslPh – Archiv für slavische Philologie
BSL – Bulletin de la Société de linguistique de Paris
IF – Indogermanische Forschungen
KZ – Zeitschrift für vergleihende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
MSFOu – Mémoire de la Société Finno-ougrienne. Somalis-ugrilaisen Seuran Toimituksia
RO – Rocznik orientalistyczny
SOr – Slavia Orientalis
SPAV – Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
ZfS(l) – Zeitschrift für Slawistik

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

абазинск. – абазинский
абж. – абжуйский
абхаз. – абхазский
авар. – аварский
авест. – авестийский
агулульск. – агульский
адыг. – адыгский
адыгейск. – адыгейский
азерб. – азербайджанский
алан. – аланский
алб. – албанский
алт. – алтайский
амазон. – амазонский
амур. – амурский
анатол. – анатолийский
англ. – английский
англосакс. – англосаксонский
андийск. – андийский
араб. – арабский
арам. – арамейский
арийск. – арийский
арм. – армянский
арум. – арумынский
арханг. – архангельский
арчин. – арчинский
астур. – астурийский
атт. – аттический
ахвах. – ахвахский
бавар. – баварский
багв. – багвалинский
бакс. – баксанский
бактр. – бактрийский
балкар. – балкарский
балт. – балтийский
балто-слав. – балто-славянский
бартанг. – бартангский
батум. – батумский
бацб. – бацбийский
башкир. – башкирский
бзыб. – бзыбский
беслен. – бесленский
блр. – белорусский
болг. – болгарский
ботл. – ботлихский
брет. – бретонский
брян. – брянский
будух. – будухский
булг. – булгарский
бундахишн. – язык Бундахишна
в.-вычег. – верхневычегодский диалект коми
в.-луж. – верхнелужицкий
в.-нем. – верхненемецкий
в.-сысол. – верхнесысольский диалект коми
вавил. – вавилоский
валаш. – валашский
валл. – валлийский
валлон. – валлонский
вахан. – ваханский
вед. – ведийский
вейнах. – вейнахский/вейнахские
венг. – венгерский
венет. – венетский
вепс. – вепсский
влад. – владимирский
вогул. – вогульский
вод. – водский
волж.-фин. – волжско-финский
волог. – вологодский
ворон. – воронежский
вост.-герц. – восточно-герцеговинские
вост.-кавк. – восточно-кавказский
вост.-ром. – восточно-романский
вост.-слав. – восточнославянский
вост.-чеш. – восточночешский
вым. – вымский диалект коми
вят. – вятский

г.-алт. – горноалтайский
гагауз. – гагаузский
галис. – галисийский
галл. – галльский
герм. – германский
горьк. – горьковский
гот. – готский
греч. – греческий
гродн. – гродненский
груз. – грузинский
гунзиб. – гунзибский
дак. – дакийский
дарг. – даргинский
дигор. – дигорский
долг. – долганский
донск. – донской
доперм. – допермский
дор. – дорийский
др.-англ. – древнеанглийский
др.-в.-нем. – древневерхненемецкий
др.-венг. – древневенгерский
др.-греч. – древнегреческий
др.-инд. – древнеиндийский
др.-иран. – древнеиранский
др.-ирл. – древнеирландский
др.-исл. – древнеисландский
др.-лид. – древнелидийский
др.-новг. – древненовгородский
др.-норв. – древненорвежский
др.-перс. – древнеперсидский
др.-польск. – древнепольский
др.-прус. – древнепрусский
др.-рус. – древнерусский
др.-сакс. – древнесаксонский
др.-сев. – древнесеверный
др.-словен. – древнесловенский
др.-тюрк. – древнетюркский
др.-фриз. – древнефризский
др.-чув. – древнечувашский
др.-швед. – древнешведский
енис. – енисейский
забайк. – забайкальский
занск. – занский
зап.-морав. – западно-моравский
заурал. – зауральский
зильск. – зильский
зор. – зороастрийский
и.-е. – индоевропейский
иван.-вознес. – иваново-вознесенский
ижем. – ижемский диалект коми
ильмен. – ильменский
ингуш. – ингушский
индоар. – индоарийский
индо-иран. – индоиранский
ион. – ионийский
иран. – иранский
иркут. – иркутский
ирл. – ирландский
ирон. – иронский
исл. – исландский
исп. – испанский
италийск. – италийский
итал. – итальянский
ишкаш. – ишкашимский
йид. – йидига
кабард. – кабардинский
казан. – казанский
казах. – казахский
кайк. – кайкавский
калин. – калининский
калм. – калмыцкий
калуж. – калужский

камч. – камчатский
кар. – карийский
караим. – караимский
карач.-балкар. – карачаево-балкарский
карахан.-уйг. – караханидско-уйгурский
каргоп. – каргопольский
карел. – карельский
карел.-ливв. – карельско-ливвийский
картв. – картвельский
крх.-уйг. – карахан-уйгурский?
каталон. – каталонский
кафир. – кафирский
кашгар. – кашгарский
кашуб. – кашубский
кашуб.-словин. – кашубско-словинский
кельт. – кельтский
кемер. – кемеровский
кильд. – кильдинский
кимр. – кимрский
киприот. – киприотский
кирг. – киргизский
киров. – кировский
ккалп. – каракалпакский
кольск. – кольский
коми-зыр. – коми-зырянский
костр. – костромской
краснояр. – красноярский
крит.-мик. – крито-микенский
кубан. – кубанский
куйбыш. – куйбышевский
кум. – куманский
курган. – курганский
курд. – курдский
курск. – курский
кумык. – кумыкский
кушан. – кушанский
лазск. – лазский
лакск. – лакский
ламбард. – ламбардский
лат. – латинский
лезг. – лезгинский
леск. – лескский
лет. – летский говор коми
ливв. – ливвиковский
ливск. – ливский
лит. – литовский
лтш. – латышский
луз. – лузский говор коми
луз.-лет. – лузско-летский диалект коми
люд. – людиковский
ляш. – ляшский
малоаз. – малоазийский
макед. – македонский
маних. – манихейский
манс. – мансийский
мар. – марийский
мегр. – мегрельский
меот. – меотский
миз. – мизийский
микен. – микенский
мин. – минойский
млд.-авест. – младо-авестийский
монг. – монгольский
морав. – моравский
морд. – мордовский
моск. – московский
мунджан. – мунджанский
н.-вычег. – нижневычегодский диалект коми
н.-греч. – новогреческий
н.-луж. – нижнелужицкий
н.-нем. – нижненемецкий
н.-перс. – новоперсидский
нар.-лат. – народно-латинский
нем. – немецкий
ненец. – ненецкий
непальск. – непальский
нидерл. – нидерландский
нижегор. – нижегородский

нижне-макарьев. – нижнемакарьевский
нов.-в.-нем. – нововерхненемецкий
новг. – новгородский
новоисл. – ново-исландский
новоржж. – новоржевский
новорос. – новороссийский
новосиб. – новосибирский
н.-уйгур. – новоуйгурский
ног. – ногайский
норв. – норвежский
о.-иран. – общеиранский
о.-тюрк. – общетюркский
обоян. – обоянский
общеперм. – общепермский
огуз. – огузский
олон. – олонецкий
онеж. – онежский
оренб. – оренбургский
орл. – орловский
орхон. – орхонский
осет. – осетинский
османо-тур. – османо-турецкий
осташ. – осташковский
патс. – диалект Патсйоки
пенз. – пензенский
перм. – пермский
перс. – персидский
пехл. – пехлевийский
печор. – печорский диалект коми
поволжск. – поволжский
полаб. – полабский
польск. – польский
пра-и.-е. – праиндоевропейский
прагерм. – прагерманский
праиндо-иран. – праиндо-иранский
праиран. – праиранский
пракартв. – пракартвельский
праперм. – прапермский
праслав. – праславянский
пратунг.-маньчж. – пратунгусо-маньчжурский
пратюрк. – пратюркский
праудм. – праудмуртский
праурал. – прауральский
праяп. – праяпонский
прекмур. – прекмурский
приамур. – приамурский
приангар. – приангарский
прибалт. – прибалтийский
присыктыв. – присыктывкарский диалект коми
прованс. – провансальский
прус. – прусский
псков. – псковский
родоп. – родопский
роксан. – роксанский
рост. – ростовский
рум. – румынский
рус. – русский
рус.-цслав. – русско-церковнославянский
рутул. – рутульский
рушан. – рушанский
ряз. – рязанский
с.-хорв. – сербохорватский
саам. – саамский
сак. – сакский
самар. – самарский
санскр. – санскрит
сарат. – саратовский
сарм. – сарматский
сарм.-алан. – сармато-аланское языковое состояние
сарык. – сарыкольский
сахалин. – сахалинский
сван. – сванский
свердл. – свердловский
сев.-вост. – северовосточный
сев.-двинск. – северодвинский
сев.-кавк. – северокавказский
сев.-рус. – севернорусский
селькуп. – селькупский

сем.-хам. – семито-хамитский
серб. – сербский
сербохорв. – сербо-хорватский
серб.-цслав. – сербско-церковнославянский
сиб. – сибирский
силез. – силезский
симб. – симбирский
сирийск. – сирийский
скиф. – скифский
слав. – славянский
словац. – словацкий
словен. – словенский
словин. – словинский
смол. – смоленский
согд. – согдийский
сонгел. – сонгельский
ср.-англ. – среднеанглийский
ср.-болг. – среднеболгарский
ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий
ср.-ирл. – среднеирландский
ср.-н.-нем. – средненижненемецкий
ср.-нидерл. – средненидерландский
ср.-перс. – среднеперсидский
ср.-сысол. – среднесысольский диалект коми
ст.-блр. – старобелорусский
ст.-болг. – староболгарский
ст.-кыпч. – старокыпчакский
ст.-лит. – старолитовский
ст.-луж. – старолужицкий
ст.-осет. – староосетинский
ст.-перс. – староперсидский
ст.-польск. – старопольский
ст.-прованс. – старопровансальский
ст.-рус. – старорусский
ст.-рус.-цслав. – старорусско-церковнославянский
ст.-слав. – старославянский
ст.-укр. – староукраинский
ст.-франц. – старофранцузский
ст.-фриг. – старофригийский
ст.-чеш. – старочешский
сугд. – сугдайский
табас. – табасаранский
тавр.-гот. – таврический готский
тадж. – таджикский
талыш. – талышский
тамб. – тамбовский
татар. – татарский
татск. – татский
твер. – тверской
терск. – терский
тихв. – тихвинский
тобол. – тобольский
толмин. – толминский
том. – томский
тофалар. – тофаларский
тох. – тохарский
тувин. – тувинский
тул. – тульский
тунг.-маньчж. – тунгусо-маньчжурский
тур. – турецкий
туран. – туранский
туркм. – туркменский
туров. – туровский
тюмен. – тюменский
тюрк. – тюркский
убых. – убыхский
удинск. – удинский
удм. – удмуртский

удор. – удорский диалект коми
узб. – узбекский
уйгур. – уйгурский
укр. – украинский
умбр. – умбрский
урал. – уральский
урарт. – урартский
уфим. – уфимский
фар. – фарерский
фесс. – фессалийский
фин. – финский
фин.-угор. – финно-угорский
фрак. – фракийский
франц. – французский
фриг. – фригийский
фриз. – фризский
хабар. – хабаровский
хазар. – хазарский
хант. – хантыйский
хатт. – хаттский
хетт. – хеттский
хетто-лув. – хетто-лувийский
хорв. – хорватский
хорезм. – хорезмский
хотано-сак. – хотано-сакский
хуф. – хуфский
цахур. – цахурский
цез. – цезский
ц.-слав. – церковнославянский
цыган. – цыганский
чагат. – чагатайский
чакав. – чакавский
чам. – чамалинский
черепов. – череповецкий
черк. – черкесский
черниг. – черниговский
черноврш. – черноврщский
черногор. – черногорский
чечен. – чеченский
чечен.-инг. – чечено-ингушский
чеш. – чешский
чираг. – чирагский
чуваш. – чувашский
шапсуг. – шапсугский
швед. – шведский
шорск. – шорский
шотл. – шотландский
шток. – штокавский
шугн. – шугнанский
эвенк. – эвенкийский
эст. – эстонский
ю.-вост. – южновосточный
ю.-слав. – южнославянский
южн. – южный
ягноб. – ягнобский
язг. – язгулямский
язьв. – коми-язьвинский диалект коми
якут. – якутский
яросл. – ярославский
ясск. – ясский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Научное издание

ЭТИМОЛОГИЯ
2006–2008

Утверждено к печати
Ученым советом
Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

Заведующая редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *Т.М. Скрипова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,*
Т.А. Печко

Подписано к печати 14.09.2010
Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 22,6. Усл.кр.-отт. 22,9. Уч.-изд.л. 23,9
Тираж 800 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 1504

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН

Магазины “Книга-почтой”

121099 Москва, Шубинский пер., 6; (код 495) 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru E-mail: info@LitRAS.ru

197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 “Б”; (код 812) 235-40-64 ak@akbook.ru

Магазины “Академкнига” с указанием букинистических отделов и “Книга-почтой”

690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 (“Книга-почтой”); (код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”); (код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 (“Книга-почтой”); (код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru

220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43 www.akademkniga.by

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00 (Бук. отдел (код 495) 125-30-38)

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79

127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96 (Бук. отдел)

117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98

105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19 (Бук. отдел)

630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60 akademkniga@mail.ru

630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (“Книга-почтой”); (код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru

142290 Пущино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”); (код 49677) 3-38-80

191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65

199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 23-47-62, 23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 495) 241-03-09
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
Склад, телефон (код 499) 795-12-87
Факс (код 495) 241-02-77

По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru